

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ОСЕНЬ 1939 ГОДА: КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

*Материалы региональной научно-практической конференции,
посвященной 70-летию воссоединения
Западной Беларуси с БССР*

Брест 2009

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОСЕНЬ 1939 ГОДА: КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Материалы региональной научно-практической конференции,
посвящённой 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР

24-25 сентября 2009 года

Брест 2009

УДК 947(476)
ББК 63.3(4Бел)61л0

Рецензент:

Галимова Н.П., кандидат философских наук, декан исторического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа: Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР 24-25 сентября 2009 года / Ред. Ковалёва Н.Н., Мальныхина Л.Ю. – Брест: БрГТУ, 2009. – 212 с.

ISBN 978-985-493-130-2

В сборник вошли материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР (сентябрь 2009 года), организованной на базе кафедры социально-политических и исторических наук учреждения образования «Брестский государственный технический университет», с участием Брестской областной организации РОО «Белая Русь».

Опубликованные материалы могут представлять интерес для преподавателей, студентов, всех, кто изучает историю Беларуси межвоенного периода и начала Второй мировой войны в контексте международных отношений. Они могут быть использованы при разработке проблем истории Беларуси новейшего периода, при организации учебного процесса, воспитательных мероприятий и в информационно-пропагандистской работе.

УДК 947(476)
ББК 63.3(4Бел)61л0

ISBN 978-985-493-130-2

© Издательство БрГТУ, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Баюра А.Н. Парламентская форма национально-освободительной борьбы населения Западной Беларуси в 1920 – 1925 гг.	5
Баюра А.Н. Аграрная реформа во II Речи Посполитой: некоторые вопросы проведения политики осадничества	10
Билевич О.И. Концентрационный лагерь в г. Берёза-Картузская в контексте санационного режима	14
Бодак А.Ю. Первичные мероприятия советской власти в аграрной сфере Западной Беларуси в 1939–1940 гг.	18
Бодак М.С. Западная Беларусь на линии цивилизационного разлома (1921–1939)	22
Вабішчэвіч А.М. Грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць польскіх вайсковых фарміраванняў і арганізацый (1921–1939 гг.)	27
Восович С.М. Брестский Свято-Николаевский приход в 1920-х – 1930-х гг.	32
Галимова Н.П., Лавренко Л.В. Малоритское благочиние в период вхождения в состав II Речи Посполитой (1920–1939 гг.)	39
Грыбава С.У. Татарскае насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў складзе II Рэчы паспалітай (1921–1939 гг.)	48
Данилов Ю.Д. Войсковая операция РККА 15 сентября – 12 октября 1939 года на территории Беларуси	55
Ермаковіч Л.І. Сацыялістычныя пераўтварэнні ў сельскай гаспадарцы Заходняй Беларусі ў перадваенны перыяд (1939–1941 гг.)	68
Кабот Т.Ф. Развитие ремесленного производства в Полесском воеводстве в межвоенный период (1921–1939 гг.)	72
Карапузова А. Г. Документы Брестского городского магистрата как источник по истории города Бреста в 1919 – 1939 гг. (по материалам Государственного архива Брестской области)	79
Кавалёва Н.М. Уз’яднанне Заходняй Беларусі з БССР – этап на шляху рэалізацыі беларускай нацыянальнай ідэі	86
Кукса А.Н. Высшая техническая школа и проблема Западной Беларуси (1921–39 гг.)	92
Леонов Н.П. 70-летие воссоединения Западной Беларуси с БССР	97
Лисовская Т.В. Внутренняя структура и деятельность неопротестантских общин в процессе церковного строительства неопротестантизма в Западной Беларуси в 1921–1939 гг.	102
Малыхина Л.Ю. Социальные преобразования осенью 1939 г. в г. Бресте	109
Матусевич О.А. Изучение белорусского вопроса в научно-исследовательских учреждениях II Речи Посполитой	113
Мигун Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях в 1939 г.	120
Мошук А.В. Становление бундовского профсоюзного движения в Западной Беларуси в межвоенный период	124

Папко В.М. Транспартныя сродкі павятовага горада Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд (на прыкладзе г. Пружаны)	132
Пашковіч А.І. Дзейнасць рускіх грамадскіх арганізацый у Заходняй Беларусі ў 1920–1930-я гг.	135
Петровская О.В. «Не евши стрелять не буду»: о настроениях участников похода в Западную Беларусь в сентябре 1939 г.	143
Рамановіч П.С. Да пытання дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (на прыкладзе Камуністычнай арганізацыі м. Моталь Драгічынскага павета)	149
Речиц Е.В. Формирование природоресурсного законодательства в западных областях Белоруссии после их воссоединения с БССР	154
Розенблат Е.С., Никитенкова Л.П. Трансформация еврейского общества западных областей Беларуси в период советизации. 1939–1941 гг.	160
Савіч А.А. Стварэнне КПЗБ і праблема дзяржаўнай прыналежнасці Віленшчыны	165
Самосевич В.А. Геополитические аспекты воссоединения Западной Беларуси с БССР	170
Спирин В.С., Корнев П.С. Использование материалов брестских газет 20-30 гг. XX в. при изучении темы «Западная Беларусь 1921–1939 гг.»	175
Стецкевич П.Т. Деятельность еврейских политических партий и организаций на территории Новогрудского воеводства в 1921–1926 гг.	179
Стрелец М.В. Средняя Литва как проблемный комплекс в международных отношениях 1920 – 1939 гг.	186
Тахян Т.М. Умовы развіцця сельскай гаспадаркі, прамысловасці і гандлю на землях Івацэвіччыны ў 1921–1939 гг.	192
Толочко Д.М. Роль БССР в материально-техническом обеспечении объединения республики	198
Янушевич И.И. Развитие конфессиональной ситуации в Беларуси в межвоенный период (1921–1939 гг.)	219

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ФОРМА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920 – 1925 гг.

Баюра А.Н.

УО «Брестский государственный технический университет»

По решению Версальской (Парижской) мирной конференции 1919 г. установление границ в Восточной Европе предусматривалось по этническому признаку. Однако по условиям Рижского мирного договора граница между Польшей, с одной стороны, и Беларусью и Украиной, с другой, была отнесена далеко на восток от так называемой «линии Керзона». Произошло это в силу того, что Советская власть в конце 1920 – начале 1921 г. вступила в полосу серьезнейшего кризиса, и поэтому пришлось согласиться с требованиями польской стороны на переговорах.

Насильственное отторжение Западной Беларуси от БССР вызвало естественный протест коренного населения и обусловило широкое развитие национально-освободительной борьбы. Эта борьба приняла различные формы – политическая, идеологическая, социально-классовая и другие. Одной из наиболее действенных и широко распространённых в начале 1920-х гг. стала парламентская форма борьбы.

Возрожденное польское государство (II Речь Посполитая) представлялось его основателям как современное для того времени государство по образцу «западных демократий». 26 января 1919 г. в Польше (на территории бывшего Королевства Польского и Западной Галиции) состоялась выборы в Законодательный сейм, который 17 марта 1921 г. принял Конституцию государства. Согласно ей граждане Польши имели право сохранять за собой свою национальность, развивать свой язык и национальные особенности. По Конституции права граждан белорусской национальности признавались полностью и без сомнений. Но так было только на бумаге, фактически за белорусами не признавалось никаких прав, что и повлекло за собой протесты населения.

После принятия Конституции Законодательный сейм был распущен и назначены выборы в двухпалатный парламент, которые состоялись 5 ноября 1922 г.

На территории Западной Беларуси выборы во многом проходили под лозунгами так называемой программы «национальных меньшинств». Эта программа была результатом соглашения между различными белорусскими национально-демократическими силами. На время избирательной кампании был создан Белорусский национальный избирательный комитет (БНИК) во главе с Антоном Луцкевичем. Программа комитета предусматривала признание территориальной целостности польского государства, борьбу за территориальную автономию, школу на родном языке, проведение земельной реформы, равноправие всех религий, территориальную организацию армии и некоторые другие требования [5; 140].

Сложившаяся перед выборами во II Речи Посполитой общественно-политическая ситуация показывала, что, несмотря на кажущуюся демократичность властей, положение национальных меньшинств было достаточно сложным. А ведь лица непольского происхождения, согласно проведенной в 1921 г. первой после войны всеобщей переписи населения, составляли около 35 % из всего 27-миллионного населения страны [2; 238-239].

Учитывая некоторые дискриминационные меры в избирательном законодательстве в отношении «восточных окраин», БНИК стремился к объединению с подобными комитетами других национальных меньшинств. Первый шаг к такому объединению и созданию

единого избирательного блока был сделан в начале августа 1922 г., когда белорусы, украинцы и русские создали так называемый «Славянский блок». Но этого было явно недостаточно, и поэтому 14-17 августа 1922 г. в Варшаве состоялась конференция национальных меньшинств – белорусов, украинцев, евреев, русских и немцев. На конференции был создан «Избирательный блок национальных меньшинств» Польской Республики, который значился в избирательных списках под № 16. Основным итогом работы конференции стала выработка общей платформы, которая предусматривала парламентский, эволюционный путь развития, отказ от радикально-революционных путей решения национально-государственных проблем. Выдвигались требования национального равноправия, подлинного осуществления основных демократических свобод: независимой деятельности политических партий и общественных организаций, средств массовой информации, свободы вероисповедания.

Белорусская предвыборная платформа «национального единства» выдвигала следующие требования: прекращение ополчания восточных земель, ликвидация института осадничества, свободное использование белорусского языка во всех местных государственных учреждениях, организация и развитие национального начального и среднего образования.

Благодаря тому, что удалось консолидировать большинство существовавших в Западной Беларуси белорусских национальных организаций различных политических направлений на единой общедемократической платформе, белорусское национальное движение подошло к выборам организационно сплоченным. Это позволило достичь на них значительных результатов. По итогам выборов Блок национальных меньшинств достиг несомненного успеха, получив на выборах в сейм 1.397.538 голосов (15,9 % общего количества признанных действительными голосов) и получил 66 депутатских мандатов, а в сенат – 919.407 голосов (18,35 %) и 23 сенаторских мандата [3; 63].

Территория Западной Беларуси вошла в состав 9 избирательных округов: № 4 (центр в Острове), № 5 (Белосток), № 6 (Гродно), № 59 (Брест), № 60 (Пинск), № 61 (Новогрудок), № 62 (Лида), № 63 (Вильно), № 64 (Свенцяны) [3; 58-59]. В тех округах восточных воеводств Польского государства, где белорусское население составляло большинство выборщиков, избирательный список № 16 занял первые места. А партии, которые пропагандировали тесное сотрудничество с польскими властями, оказались в меньшинстве. Всего от Западной Беларуси было выбрано 11 депутатов-белорусов в сейм и 3 в сенат.

Послами в сейм стали представители разных партий и беспартийные:

- от социал-демократов (БСДП) были избраны Антон Овсяник, баллотировавшийся в Вилейке; Петр Метла, баллотировавшийся в Дисне; Бронислав Тарашкевич и Сымон Рак-Михайловский, баллотировавшиеся в Вильно; Фабиан Яремич, баллотировавшийся в Новогрудском воеводстве;
- от социалистов-революционеров (БПС-Р) Сергей Баран и Сымон Яковюк, баллотировавшиеся в Гродно, и Владимир Калиновский, баллотировавшийся в Волковыске;
- от христианских демократов (БХД) Адам Станкевич, баллотировавшийся в Вильно;
- беспартийные Михаил Коханович (баллотировался в Новогрудском воеводстве) и Василий Роголя (баллотировался в Новогрудке).

Сенаторами стали христианский демократ Вячеслав Богданович, беспартийные Александр Власов и Алексей Назаревский.

Прошедшие по списку № 16 белорусские депутаты (послы) создали в польском парламенте свою фракцию, получившую название Белорусский посольский клуб (БПК). Председателем президиума этой парламентской фракции стал Б. Тарашкевич, его заместителями А. Станкевич и С. Баран, кроме них в президиум вошли А. Овсяник и В. Богданович.

Выступая в сейме 23 января 1923 г., Б. Тарашкевич изложил основные политические и социально-экономические требования Белорусского посольского клуба. Они сводились к следующему:

- признать автономию белорусских земель с краевым сеймом в Вильно;
- ликвидировать осадничество;
- национализировать все леса и воды;
- провести в жизнь аграрную реформу, которая в первую очередь обеспечила бы интересы безземельного и малоземельного населения, наделяя его землей без выкупа;
- вернуть репатриантам конфискованные земли;
- издать законы, обеспечивающие белорусскому населению культурное и образовательное развитие;
- допустить белорусский язык в административные и судебные учреждения;
- обеспечить невмешательство административных властей в религиозную жизнь;
- создать администрацию из местных элементов;
- ввести демократические принципы судопроизводства, а именно суд присяжных и выборность мировых судей;
- обеспечить территориальную организацию армии [4, 113].

Б. Тарашкевич с помощью виленского адвоката Т. Врублевского разработал проект закона о территориальной автономии для белорусов, компактно проживающих в Польше. Но внести его в сейм на рассмотрение не удалось [6; 113].

Членами Белорусского посольского клуба проводилась самая разнообразная работа по защите прав и интересов белорусского населения. Как писал в своих воспоминаниях В. Рогуля: «нужно было доказать нашему населению, что даже минимальных и справедливых наших требований поляки не удовлетворяют. Нужно было, чтобы наши политические враги не могли убедить наших избирателей в том, что они ничего не получают потому, что выбрали диких, непримиримых и несговорчивых депутатов» [6; 112]. С этой целью депутаты требовали наделения крестьян землей без выкупа за счет церковных, монастырских, государственных и помещичьих владений; государственной поддержки Белорусского банка для кредитования белорусского населения; назначения в местную администрацию белорусов; бесплатного выделения лесоматериалов для восстановления разрушенных Первой мировой и гражданской войнами хозяйств; организации и развития образования на белорусском языке и многого другого.

О проделанной работе белорусские депутаты парламента отчитывались перед избирателями. Так, 15 и 30 апреля 1923 г. состоялись встречи членов Белорусского посольского клуба в Барановичах и Новогрудке, где они рассказали населению о своей работе, выслушали наказы избирателей. Как отмечали польские власти, на подобных встречах послы «проводили агитацию, враждебную Польше», и «после каждого такого митинга люди всё больше возбуждаются и явно неуважительно относятся к польским властям» [4].

Получая достаточно высокое денежное содержание, как депутаты парламента, члены Белорусского посольского клуба отчисляли 30 % своих доходов на общественные нужды. После проведения в апреле 1924 г. денежной реформы, которая вместо одной национальной валюты (польских марок) ввела другую – злотые, депутаты стали получать немалую по тем временам сумму: 4200 злотых. Деньги эти расходовались на поддержку политзаключенных, на издание белорусскоязычной периодики, на поддержку белорусских школ и гимназий и другие подобные мероприятия [6; 116].

Особое место в деятельности Белорусского посольского клуба занимал аграрный вопрос, который часто обсуждался в ходе парламентских дебатов. Дело в том, что принятый 15 июля 1920 г. закон об аграрных преобразованиях предусматривал изъятие и парцелляцию церковных владений, принудительное ограничение помещичьего землевладения с 50 %-ым вознаграждением за переданные для парцелляции земли. Однако Конституция 1921 г. провозгласила принцип незыблемости частной собственности, регламентировала отношения церкви и государства специальным конкордатом и, тем самым, перечеркнула аграрный закон.

С первых же заседаний сейма белорусские делегаты решительно выступали против дискриминационной политики польского правительства, направленной на колонизацию «восточных окраин» польским населением. Польские военные и гражданские колонисты – осадники – постоянно находились под огнем критики со стороны белорусских депутатов в парламенте. Как уже указывалось выше, главными пунктами аграрной программы БПК были передача земли бедняцким слоям деревни без выкупа, прекращение польской колонизации белорусских территорий и решение земельного вопроса в интересах белорусского населения. Такая позиция белорусских послов встречала сопротивление со стороны всех польских политических сил в сейме – как правых, так и левых, – которые считали, что интересы польских крестьян нужно удовлетворять за счет белорусов. В этой своей борьбе члены БПК действовали совместно с украинскими депутатами. Обе фракции (украинская и белорусская) использовали каждую возможность для защиты интересов крестьянства Западной Украины и Западной Беларуси. Так, они требовали пересмотра Закона от 17 декабря 1920 г. о военном осадничестве, остро критиковали политику правительства Витоса в отношении коренного населения «восточных земель», указывая на то, что она противоречит Конституции страны и решениям Малого Версальского трактата о правах национальных меньшинств.

Белорусский исследователь Антонина Титова отмечает, что позиция белорусских послов в сейме по аграрному вопросу была более радикальной, чем их украинских коллег, однако это не мешало их союзу [7; 272-273].

Интересы белорусских крестьян в польском парламенте представляли не только члены БПК, но и некоторые другие депутаты, избранные от Западной Беларуси. Они были выбраны по спискам польских партий и в сейме вошли в соответствующие партийные фракции, где выполняли директивы своих партий. Однако в июле 1924 г. два депутата-белоруса, избранные по списку Польской Народной Партии «Вызволненне», В. Шакурн и С. Балин вышли из этой фракции и вошли в состав новой фракции в парламенте, образованной Независимой Крестьянской Партией в ноябре 1924 г. Депутатская группа НКП в аграрном вопросе поддерживала позицию КПЗБ и БКРП.

Принятый 28 декабря 1925 г. польским сеймом аграрный закон несколько ослабил остроту земельного вопроса в стране, в том числе и в Западной Беларуси. Однако в целом данный закон игнорировал интересы беднейших слоев населения. Парцелляция и комасация были направлены на создание зажиточных фермерских хозяйств и, поддерживая осадничество, содействовали углублению польской колонизации края.

Другой важнейшей точкой приложения сил белорусских депутатов в польском парламенте стал вопрос о защите белорусской культуры, в целом, и получения образования на родном языке, в частности. При обсуждении подготовленного польским правительством Закона «О языке и организации школьного дела для национальных меньшинств» члены БПК резко критиковали его. Так, 9 июля 1924 г. председатель БПК Б. Тарашкевич, выступая в сейме, заявил, что данный закон принимается не в интересах национальных меньшинств, а для успокоения европейской общественности и не дает реальной возможности

для дальнейшего развития белорусской национальной школы. Несмотря на критику закона со стороны представителей национальных меньшинств в парламенте, 31 июля 1924 г. были приняты так называемые «крэсовыя законы», в том числе и закон, касающийся школьного дела. В отношении белорусского языка обучения закон распространялся на Новогрудское, Виленское, Полесское воеводства и Гродненский и Волковысский поветы Белостокского воеводства. Белорусские школы можно было открывать при наличии не менее 40 письменных заявлений родителей учеников. При сборе от 20 до 39 подписей могли открываться двуязычные польско-белорусские школы. Закон носил дискриминационный характер в отношении представителей других национальностей, проживающих на данной территории – заниматься созданием учреждений образования на родном языке не имели права евреи, русские и другие национальности.

Вторым из «крэсовых законов» стал Закон «О государственном и служебном языке в государственных учреждениях и органах самоуправления», принятый под давлением блока национальных меньшинств. Согласно этому закону польский язык имел статус государственного, обязательного для всех органов управления. Вместе с тем закон давал возможность подачи письменных или устных обращений к местным государственным органам на белорусском (в Виленском, Полесском, Новогрудском воеводствах, Гродненском и Волковысском поветах Белостокского воеводства), литовском (в Свенцяном и Виленско-Трокском поветах Виленского воеводства) и украинском языках (в большинстве поветов Полесского воеводства).

«Крэсовыя законы» лишь формально давали некоторые ограниченные права коренному населению, но фактически они сводили на «нет» конституционные гарантии свободного национально-культурного развития национальных меньшинств.

Созданный из представителей различных политических направлений Белорусский Посольский Клуб не представлял собой единой политической силы, и с течением времени в нем все больше проявлялись противоречия. Более радикальные депутаты, поддержанные Москвой, пошли на раскол БПК и создание своей фракции – Белорусской Крестьянско-Рабочей Громады. В неё вошли Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. Метла и П. Волошин (в парламенте занял место выехавшего в СССР эсера В. Калиновского). Позже к ним присоединился Е. Соболевский, занявший место М. Кохановича, также выехавшего в СССР.

Остальные послы и сенаторы, члены БПК, занимавшие более умеренные позиции, создали в парламенте свою фракцию – Белорусский Национальный Клуб (БНК).

По ряду вопросов белорусские фракции «Громада» и БНК придерживались единых позиций, например, в вопросе об освобождении политзаключенных. Но в более принципиальных вопросах, таких, как вопрос о белорусской государственности, они расходились. БНК оставался на позиции автономии Западной Беларуси в составе Польской державы, «Громада» выступала за объединение с БССР.

Таким образом, работа представителей белорусского народа в сейме II Речи Посполитой в 1922 – 1925 гг. носила боевой, наступательный характер в деле защиты национальных интересов. Однако можно сказать, что эта работа с самого начала была обречена на неудачу, так как парламентское большинство стояло на националистических позициях и поддерживало реакционную политику польского правительства в отношении Западной Беларуси.

Литература

1. Государственный архив Брестской области. Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 768. – Л. 5-7
2. Дыбковская, А., Жарын, М., Жарын, Я. История Польши с древнейших времен до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын / Под ред. А. Сухени-Грабовской и Э. Круля. – Варшава: изд-во ПВН, 1995. – 381 с.: ил.

3. Пашкевич, А.В. Удзел заходнебеларускіх нацыянальных арганізацый у выбарах польскага парламента (1922 г.) / А.В. Пашкевич // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.– 2006.– № 1.

4. Прамова пасла Тарашкевіча Б. у сейме 23 студзеня 1923 г. // Беларускі каляндар на 1924 г.

5. Сидоревіч, А. Антон Луцкевіч: Главы из книги / А. Сидоревіч // Нёман. –1990. – № 7.

6. Успаміны Рагулі В. // Спадчына. – 1994. – № 4.

7. Цітова, А. Беларускі дэпутатскі клуб і праблема аграрнай рэформы у польскім сейме у 1922-1925 г. / А. Цітова. // Беларусіка = Albaruthenica: Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / Рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мн., Навука і тэхніка, 1994. – 432 с.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА ВО II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ОСАДНИЧЕСТВА

Баюра А.Н.

УО «Брестский государственный технический университет»

В возрожденном на обломках трёх империй (Российской, Германской и Австро-Венгерской) Польском государстве одним из самых болезненных оставался аграрный вопрос. Особенно остро он стоял в так называемых «крэсах восточных» (Kresy Wschodni), как называли польские правящие круги западнобелорусские и западноукраинские земли, захваченные ими в результате советско-польской войны 1919 – 1920 гг.

Незавершённость столыпинской аграрной реформы привела к тому, что в Западной Беларуси господствовало помещичье землевладение. О распределении земли говорит следующая таблица, составленная по данным польской статистики в 1921 г.

Хозяйства с площадью земли	Количество хозяйств в %	Занимаемая земельная площадь в %
до 2 га	14,1	1
от 2 до 5 га	31,8	7,6
от 5 до 20 га	48,3	30,2
от 20 до 100 га	5	11,2
Свыше 100 га	0,8	50

Около 500 магнатов владели именьями площадью более 1 тысячи гектаров, а такие крупные латифундисты как Радзивиллы, Потоцкие, Сапегы, Тышкевичи и некоторые другие владели десятками тысяч гектаров земли и огромными лесными массивами. Например, владения Давид-Городского майората (неделимое имение, которое передавалось в наследство старшему сыну) князя К. Радзивилла в 1925 г. достигали 155 200 га [1; 250].

Состояние аграрного сектора экономики Западной Беларуси после Первой мировой, советско-польской и гражданской войн представляло собой печальную картину. Посевные площади сократились на одну треть, по сравнению с 1913 г. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 24,9 %, свиней – на 12,9 %, овец – на 35,7 %, лошадей – на 11,2 % [1; 249] Много земель было заброшено в связи с массовой эвакуацией населения в 1915 г.

Под влиянием идей и практики большевизма в аграрном вопросе и, опираясь на свои былые социалистические воззрения, Ю. Пилсудский пошёл на принятие прогрессивного аграрного закона. 10 июля 1919 г. Законодательный сейм рассмотрел закон об аграрной реформе, согласно которому создавался государственный земельный фонд из свободных земель.

В него вошли земли, оставшиеся без хозяев: государственные земли, а также часть помещичьих земель (их составили излишки над установленным максимальным размером имения). Из этого земельного фонда предполагалось небольшими участками (парцеллами) отдавать землю всем желающим [4; 194]. Но эта реформа не была реализована.

В разгар советского наступления на Варшаву 15 июля 1920 г. сейм принимает еще один закон об аграрных преобразованиях, который предусматривал изъятие и парцелляцию церковных и монастырских владений, принудительное ограничение помещичьего землевладения с 50 %-ым вознаграждением бывшим землевладельцам за переданные для распределения среди крестьян земли.

Однако принятая Законодательным сеймом 17 марта 1921 г. Конституция Польской Республики провозгласила неизбежность института частной собственности, регламентировала отношения церкви и государства специальным конкордатом и, тем самым, перечеркнула аграрный закон 1920 г. В тех регионах Западной Беларуси, где советскими властями был осуществлен ленинский Декрет о земле, переданные крестьянам наделы возвращались их бывшим владельцам.

Проводя колонизаторскую политику в отношении «восточных окраин» и желая усилить здесь польское влияние, правящие круги II Речи Посполитой начали осуществление так называемой политики осадничества. Белорусский термин «асада», согласно толковому словарю белорусского языка, имеет исторические корни и означает участки земли, которые феодалы захватывали у крестьянских общин и создавали на них свои поместья [5; 273].

Вскоре после заключения 12 октября 1920 г. предварительного (прелиминарного) мира между Советской Россией и Советской Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, «начальник польского государства» Ю. Пилсудский в своем обращении к армии 18 октября 1920 г. с пафосом заявил: «Отчизна вас не забудет. Земля, засеянная кровавым семенем войны, спокойно ждет сева, ждет тех, кто поменяет меч на лемех». Он призывал солдат проявить в труде такую же отвагу, как и на войне, обещал, что они получат землю в тех местах, где они воевали: «Каждый солдат должен получить завоеванную им землю» [2; 17].

Еще до заключения Рижского мира, 17 декабря 1920 г. так называемый Законодательный сейм Польской Республики принял по предложению правительства В. Витоса Закон «О наделении земель солдат польской армии» [6; 424] и Закон «О переходе в государственную собственность земли в некоторых поветах Польши» [9; 217]. Согласно второму Закону, создавался специальный земельный фонд на территории «восточных окраин» для расселения на них осадников. Фонд в основном формировался из следующих земель: бывшие казенные земли Российской империи, главным образом конфискованные царским правительством у повстанцев 1863-1864 гг.; частновладельческие земли, хозяева которых не вернулись к 1 марта 1921 г.; превышающие 30 га наделы православного духовенства. Закон также устанавливал порядок наделения землей польских военнослужащих, желавших получить эти земли. Оба Закона были приняты депутатами Законодательного сейма единогласно, и сопровождалось аплодисментами [2; 27]. При этом надо иметь в виду то, что Законодательный сейм был образован в результате выборов 26 января 1919 г. на территории бывшего Королевства Польского и Западной Галиции, так что представителей от восточных воеводств на нем не было. Основной целью данных Законов было уменьшить земельный голод в центральных районах страны и одновременно усилить польское влияние на белорусских и украинских землях. Разработчики закона, видимо, хорошо изучили опыт реформы П.А. Столыпина, когда царское правительство переселяло крестьян из европейских губерний на окраины, решая те же задачи.

По закону от 17 декабря 1920 г. осадникам для обзаведения хозяйством выделялись:

1) одна пара коней с упряжью и телегой;

2) 80 кубометров леса и другие необходимые материалы для строительства жилья и хозпостроек;

3) льготные кредиты на обзаведением хозяйством [6; 27].

Для решения аграрных проблем в польском государстве была образована Главная земельная управа. В приказе Председателя этой управы от 23 марта 1921 г. разъяснялось, какие категории военнослужащих могли стать осадниками. Это право давалось рядовым, унтер-офицерам (по польской терминологии «подофицерам»), офицерам и генералам польской армии, добровольческих военизированных формирований и приравненных к ним служащих армии и этих формирований, которые не менее четырех месяцев находились в действующей армии. Все эти категории имели право на бесплатное наделение землёй. Не могли рассчитывать на землю те военнослужащие, которые были осуждены за преступления против вооруженных сил Польской Республики, и те, кто ранее участвовал в разделе помещичьих земель, – будь это при Советской власти в белорусских или украинских губерниях в 1917-1918 гг., или при Временном революционном комитете Польши (Польревком) в 1920 г. [3, 69].

Освоение восточных земель во II Речи Посполитой осуществлялось совместно Главной земельной управой и военным министерством. С целью не допустить запустения необрабатываемых земель, а также увеличения государственных земель, военный министр генерал К. Сосновский в январе 1921 г. издал соответствующую инструкцию. Согласно ей каждый полк, расквартированный в «крэсах восточних», имел право вести хозяйственную деятельность силами своих военнослужащих в усадьбах, ранее принадлежавших Российскому государству, или банку, или помещику непольской национальности, или иных подобных землях. Основной целью подобных колоний было подготовить молодых будущих осадников к ведению самостоятельного хозяйства на западнобелорусских и западноукраинских землях.

В избранном 5 ноября 1922 г. новом сейме Польской Республики одним из важнейших вопросов, вызывавших острые парламентские дебаты, оставался аграрный вопрос. В 1922 – 1925 гг., до принятия нового земельного закона, представители Белорусского и Украинского посольских клубов постоянно решительно выступали против дискриминационной политики польских властей, направленной на колонизацию «восточных окраин» польским населением. Польские военные колонисты – осадники – постоянно находились под огнем критики со стороны белорусских и украинских депутатов в обеих палатах парламента. Обе фракции (украинская и белорусская) использовали каждую возможность для защиты интересов крестьянства Западной Украины и Западной Беларуси. Они требовали пересмотра Закона от 17 декабря 1920 г. о военном осадничестве, остро критиковали политику правительства В. Витоса в отношении коренного населения «восточных земель», указывая на то, что она противоречит Конституции страны и решениям Малого Версальского трактата о правах национальных меньшинств.

Главными пунктами аграрной программы Белорусского посольского клуба были: передача земли бедняцким слоям деревни без выкупа, прекращение польской колонизации белорусских территорий и решение земельного вопроса в интересах белорусского населения. Такая позиция белорусских послов встречала сопротивление со стороны польских политических сил в сейме – как правых, так и левых, которые считали, что интересы польских крестьян нужно решать за счет белорусов.

Борьба Белорусского и Украинского посольских клубов за интересы трудового крестьянства и против осадничества не увенчалась успехом. 26 июля 1926 г. польский сейм. по пред-

ложению правительства В. Грабского, при поддержке Польской социалистической партии (ППС) и Польской народной партии «Вызволённые», отклонил аграрный законопроект, подготовленный рядом левых партий. 28 декабря 1925 г. сейм принял новый аграрный закон «О парцелляции и осадничестве», который фактически означал начало серьёзной аграрной реформы во II Речи Посполитой. Составными частями этой реформы были: парцелляция, комазация, ликвидация сервитутов и, несомненно, широкая политика осадничества.

Эту политику всячески поддерживали представители магнатских фамилий в Западной Беларуси. Так, в Несвижском повете Новоградского воеводства князь Радзивилл передал в 1921 г. часть своих земель для организации осад, а в Гродненском повете Белостокского воеводства князь Сапега пожертвовал осадникам 800 кубометров древесины для строительных работ [7; 290].

Для популяризации политики осадничества сам Ю. Пилсудский, как «первый солдат возрожденной Польши», получил имение Святники в Виленской губернии и был объявлен «Осадником № 1».

Земельные наделы осадников составляли, как правило, участки от 15 до 45 га, предоставляемые на льготных условиях по низкой цене, а в некоторых случаях и вовсе бесплатно. При выделении земли учитывали военные заслуги и звания будущих осадников: рядовой получал до 10 га, поручик – 15 га, капитан – 20 га, полковник – 30 га.

За осадниками сохранялось право владеть огнестрельным оружием, расселялись они компактно хуторами, особенно вдоль советско-польской границы, и тесно сотрудничали с полицией и дифензивой (польской охранкой). Например, 6 мая 1924 г. осадники сорвали митинг, созданный членами Белорусского посольского клуба, в Пружанах Полесского воеводства, а 8 мая – в Давгинаве Вилейского повета Виленского воеводства [3; 75].

Именно осадники чаще всего назначались на должности старост (солтысов) в деревнях, войтов (руководителей гмин), заседателей в судах и занимали другие административные и выборные должности.

Вопрос о количестве осадников на территории Западной Беларуси остается открытым, так как информация о них относилась к компетенции военного министерства и была засекречена. Современные исследователи предполагают, что к середине 1932 года на территории Виленского, Новоградского, Полесского воеводств, а также Гродненского и Волковысского поветов Белостокского воеводства поселились 4640 военных осадников-колонистов [1; 217]. Кроме военных осадников, в 1920-е – 1930-е гг. в Западной Беларуси были наделены землей несколько тысяч гражданских осадников [9; 217]. Всего к 1939 г. насчитывалось около 10 тысяч осадников [8, 317]. Нетрудно предположить, что вместе с семьями число осадников составляло около 50-60 тысяч человек, и все они были проводниками польского влияния в крае.

Говоря об осадниках, можно, по мнению автора, выделить два аспекта их деятельности. С точки зрения политической, они, безусловно, сыграли негативную роль в жизни Западной Беларуси, являясь в большинстве своем яркими националистами. Они были проводниками шовинистической, колонизаторской политики польского правительства, помогали подавлению революционно-освободительной борьбы белорусского населения.

С другой стороны, хутора и имения осадников при экономической помощи государства являлись высокорентабельными и служили примером ведения хозяйства для местного населения.

Литература

1. Экономическая история Беларуси: учеб. пособие / В.И. Голубович, Г.И. Ермашкевич, Г.П. Бущик и [др.]; Под ред. проф. В.И. Голубовича. – Мн.: Экоперспектива, 2001. – 400 с.

2. J. Stobniak-Smogorzewska. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945. – Warszawa. RYTM, 2003. – 420 s.

3. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920 – 1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Мн.: Наука и техника, 1968. – 204 с.

4. Эканамічная гісторыя Беларусі: курс лекцый / В.І. Голубовіч, Р.І. Ермашевіч, Г.Ф. Шаповал [і інш.] / пад агул. рэд. В.І. Голубовіча. – Мн.: Экаперспектыва, 1993. – 288 с.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мн.: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1. А-В. – 608 с.

6. Зялінскі, П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1919-1939 гг.) / П.І. Зялінскі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: мат-лы міжнар. навука.-тэарэт. канф. 17-18 верасня 1999 г. Мінск, БДУ. – Мн.: БДУ, 2000. – С. 24-30.

7. Здановіч, У.В. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Валовельскай гміны ў 1821-1939 гг. / У.В. Здановіч // Берасцейскі хранограф: зборнік навуковых прац. Выпуск 4. – Брэст: Акадэмія, 2004. – С. 60-63.

8. История Беларуси: учеб. пособие / Григорьева В.В., Емельяничук В.П., Казаков Ю.Л. [и др.] / Науч. ред. А.Г. Кохановский, О.А. Яновский. – Мн.: МП «Беларыт», 1997. – 448 с.

9. Полуян, У.А. Асаднікі / У.А. Полуян // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1993. – Т. 1. А – Беліца. – 494 с., к.: іл.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ В Г. БЕРЕЗА-КАРТУЗСКАЯ В КОНТЕКСТЕ САНАЦИОННОГО РЕЖИМА

Билевич О.И.

УО «Брестский государственный технический университет»

К середине 30-х гг. XX в. малоизвестное местечко Берёза-Картузская в Полесском воеводстве Западной Беларуси стало довольно известным не только в Польше, но и за ее пределами. Однако эта известность носила негативный оттенок и связана была с созданием концентрационного лагеря по распоряжению президента Польской республики И. Мостицкого от 17 июня 1934 г. Официально он именовался «место изоляции в Берёзе-Картузской» и формально, по декрету, помещение в лагерь не являлось наказанием, а должно было служить формой временной изоляции неугодных властям элементов. Декрет президента являлся антиконституционным актом и противоречил мартовской конституции 1921 г.

Непосредственным поводом для создания лагеря изоляции явилось покушение 15 июня 1934 г. на министра внутренних дел Бронислава Перацкого, которое совершили украинские деятели, объединенные в Организацию Украинских националистов. Однако польское правительство обвинило в этом акте всех тех, кто стремился к дестабилизации общественно-политической ситуации в стране, а таких в тот период было немало. Первоначально лагерь предназначался для усмирения украинских националистов, но размещать его на территории Западной Украины было опасно.

Польские власти решили создать лагерь на восточных окраинах Польши, на белорусских землях, недалеко от украинской территории. Лагерь располагался на западной окраине Берёзы-Картузской, в бывшем военном городке царского артиллерийского полка. Два длинных трёхэтажных краснокирпичных здания – блока со вспомогательными постройками были огорожены высоким забором и обнесены колючей проволокой.

Лагерь отличался особо жёстким режимом, целью которого было превратить место временной изоляции в непрерывную физическую и моральную пытку для узников. Первый комендант лагеря Болеслав Греффнер довольно цинично высказался о порядке, царившем в лагере: «Из Березы можно выйти только на собственные похороны либо в дом умалишённых» [1].

Лагерь был создан по образцу армейского устава для искоренения враждебных настроений осужденных. Осуществление этих целей проводилось с нарушением основных конституционных прав человека и сопровождалось физическими и моральными унижениями заключенных.

Уже в ноябре 1934 г., всего через несколько месяцев после создания лагеря, группа сенаторов на заседании сойма поставила вопрос о нечеловеческих условиях содержания узников концлагеря.

Питание заключённых в концентрационном лагере было хуже, чем предусмотрено распоряжением министерства юстиции от 20 июня 1931 г., которое являлось обязательным даже в отношении лиц, осужденных за тяжкие преступления. Рацион заключенных был довольно скудным, продукты некачественные: недопеченный хлеб, червивый горох, сало с червями, больным запрещалось соблюдать диету. На прием пищи отводилось очень мало времени и поэтому заключенные не успевали съесть даже эти скудные порции. Согласно лагерному уставу запрещались разговоры, курение, получение посылок. В отличие от заключенных ГУЛАГа, которые участвовали в осуществлении социалистической индустриализации, заключенные лагеря в Берёзе-Картузской привлекались к обслуживающему изнурительному труду. Арестанты рыли землю, перетаскивали камни, трамбовали дорогу, приготавливали компост. Целью выполняемой в лагере работы являлась не помощь польскому государству в решении экономических проблем, а физическое и психическое изнурение заключенных, превращение их в покорных граждан санационного режима.

Кроме изнурительной работы, арестованные подвергались мучительным упражнениям: выполнение команды «бежать», «лежать», «ползть на четвереньках», «прыгать по лягушачьи» и т. д. Так называемые «упражнения» больше унижали человеческое достоинство заключенных, чем физическая работа.

Санитарные условия в лагере не соответствовали общечеловеческим нормам. Заключенные спали на полу, на сениках без подушек. Не разрешалось пользоваться зубными щётками, мыло отсутствовало неделями, в камере не было ни столов, ни скамеек.

Узники подвергались частым избиениям. Об этом свидетельствуют воспоминания бывших заключенных в лагере.

Степан Алексеевич Трутко, уроженец Берёзовского района, в 1938 – 1939 гг. находившийся в лагере в Берёзе-Картузской, вспоминал: «Полицейские вновь начали гонять меня по парку и бить резиновыми дубинками. Гоняли и били долго... Командуя, то лечь, то встать, то бегом, то шагом, они избивали меня, а затем загнали в большую пустую камеру и приказали, чтобы я лег на цементный пол, сложил руки на груди и не шевелился» [2]. Воспоминаний подобного содержания об издевательствах над заключёнными сохранилось достаточно много.

Кроме основных наказаний узники подвергались и дополнительным. Одним из наиболее распространенных было заключение в карцер, самое страшное место в лагере. Бетонный пол в нём поливали водой, чтобы арестованный не мог посидеть и согреться. Скамеек не было, чтобы не замерзнуть, необходимо было постоянно двигаться. После пребывания в таких жутких условиях даже у самых крепких заключённых начинались галлюцинации. Издевательствам подвергались все категории заключённых, но особенно – коммунисты. Для них во дворе лагеря была сделана «красная дорога» – дорога, насыпанная из битого кирпича – полоса длиной около пятидесяти метров. Заключённые шли на коленях с поднятыми руками и ползли на локтях по осколкам. В завершение кровавого пути объявлялось, что совершено «путешествие в Москву».

Условия существования в лагере ухудшались со сменой руководства. Сменивший прежнего коменданта Б. Греффнера второй комендант лагеря Ю. Камале-Курганский отличался особой жестокостью, так же, как и комендант арестантского блока Пытель. Охранники Марковский, Надольский, Прухневич также проявляли жестокость по отношению к заключённым.

Полицейские надзиратели относились к заключённым с искренней ненавистью, совсем не проявляли человеческого сочувствия. Причина такого отношения заключалась в том, что и узники, и охранники проживали на территории лагеря. Свободное время полицейские, которые здесь находились без семей, проводили в частом пьянстве, что сказывалось на их моральном облике.

Политический, национальный, религиозный и количественный состав заключённых изменялся на протяжении существования лагеря и зависел от политической ситуации в стране. Об этом можно узнать, проанализировав содержание таблиц, предложенных польским исследователем В. Слешиньским.

Таблица 1 – Партийная принадлежность заключённых (данные в %)

Год заключения	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Политические узники						
Коммунисты	70	66	100	73	39	50
Национал-демократы	10	17	-	-	-	-
Украинские националисты	30	17	-	-	-	-
Крестьянское движение (людовцы)	-	-	-	-	1	-
Сочувствующие немецким нацистам	-	-	-	-	1	-
Так называемые вредители общества	-	-	-	-	-	1
Закарпатская сечь	-	-	-	-	-	2
Уголовники	-	-	-	23	55	41
Спекулянты	-	-	-	4	4	6
Всего	100	100	100	100	100	100

Анализируя данные вышепредставленной таблицы 1, можно сделать вывод о том, что большинство заключённых относилось к коммунистической партии, затем шли украинские националисты и польские национал-демократы, Польские власти пытались различными средствами привлечь на свою сторону оппозицию. Поэтому лагерная администрация лояльно относилась к заключённым национал-демократам, украинским националистам. Им давали более лёгкую работу и не применяли физического насилия, чего нельзя было сказать по отношению к коммунистам. Начиная с 1937 г., в лагерь стали поступать уголовники, которые привлекались охраной к надругательствам над политзаключёнными, а также дельцы черного финансового рынка, нарушители экономического законодательства.

Таблица 2 – Национальная принадлежность заключённых (данные в %)

	Поляки	Евреи	Украинцы	Белорусы	Немцы
Политзаключённые	33	76	89	84	50
Уголовники	63	18	11	8	50
Спекулянты	4	6	-	8	-
Всего	100	100	100	100	100

Анализируя данные таблицы 2, можно сделать соответствующие выводы:

- а) среди политзаключенных большинство составляли украинцы, белорусы, евреи;
- б) среди уголовников преобладали поляки и немцы;
- в) среди спекулянтов – белорусы и евреи.

Таблица 3 – Религиозная принадлежность заключённых (данные в %)

	Католики	Иудеи	Греко-католики	Православные	Протестанты	Неверующие
Политзаключённые	32	76	80	87	67	100
Уголовники	67	17	20	13	33	-
Спекулянты	1	7	-	-	-	-
Всего	100	100	100	100	100	100

Исходя из данных таблицы 3, можно определить религиозный состав заключенных:

а) среди политзаключенных преобладали атеисты, затем следовали православные и католики;

б) среди уголовников большинство относилось к католической, греко-католической и протестантской церквям;

в) среди нарушителей финансового законодательства преобладали евреи.

Таблица 4 – Социальная принадлежность заключённых (данные в %)

Наёмные рабочие	Крестьяне	Госслужащие	Представители свободных профессий	Студенты	Разнорабочие	Всего
63	18	5	5	8	1	100

Содержание таблицы 4 свидетельствует о том, что большинство заключённых относилось к таким социальным группам, как наёмные рабочие и крестьяне.

Проанализировав вышепредставленные таблицы, можно сделать следующие выводы:

- среди политзаключенных лагеря преобладали представители национальных меньшинств: украинцы и белорусы, которые боролись против социального, национального, религиозного гнёта;

- в криминальной среде преобладали представители титульной нации, которые были привлечены к ответственности за нарушение польского законодательства;

- среди финансовых нарушителей преобладали представители еврейской национальности, которые хотели улучшить свое благосостояние за счёт государства.

Исходя из первоначального замысла польского правительства, концлагерь создавался для украинских националистов, однако узниками его становились и проходили тяжелейшие испытания недовольные польским санационным режимом представители разных национальностей (белорусы, поляки, евреи). Срок заключения в лагере составлял 3 месяца, безусловно, это не 10 или 25 лет, как в сталинских лагерях, однако многим заключённым его продлевали до года, а то и более. Методы, которыми польские власти пытались утратить морально и физически сломить узников лагеря ничем не отличались от тех, которые применялись в системе ГУЛАГа. Тех заключённых, которые отказывались от своих воззрений, подписав так называемую декларацию лояльности к существующему строю, отпускали через несколько недель. Известно, что коммунисты редко соглашались на подписание декларации.

В лагере действовало коммунистическое подполье. С увеличением числа узников-коммунистов партийный комитет организовывал массовые компании протеста. Так в июне 1936 г. узники Берёзы-Картузской объявили голодовку, которая сопровождалась невыходом

на работу. Администрация лагеря пошла на уступки: было улучшено питание, сокращено время работы. Летом 1937 г. политзаключённые объявили массовый протест против попыток администрации лагеря лишить их возможности переписки с родными. Компанию протеста поддержала общественность, и руководство лагеря пошло на уступки.

По мнению советских историков, за 5 лет существования концлагеря через его застенки прошло около 10 тысяч человек. Польский историк Войцех Слешиньски писал, что до последних дней августа 1939 г. в лагере Берёзы-Картузской находилось немногим более трех тысяч заключённых. Арестованный Тадеуш Бешчиньски, который прибыл 29 августа 1939 г., имел лагерный номер 3091, и это наибольший номер во всех сохранившихся папках личных дел, собранных в настоящее время в Государственном архиве Брестской области. Концентрационный лагерь просуществовал до 18 сентября 1939 г.

В течение пятилетнего существования лагеря умерло 13 человек, потому что тяжелобольных заключённых переводили в больницу г. Кобрина, где многие из них умерли. Безусловно, это немного, если сравнить с миллионами погибших в системе ГУЛАГа, однако сам факт существования концентрационного лагеря в государстве, которое относилось к демократическим странам, свидетельствует о том, что в нём нарушались конституционные права и свободы его граждан.

Литература

1. Ладысев, В.Ф. В борьбе за демократические права и свободы / В.Ф. Ладысев. – Мн.: Беларусь, 1988. – С. 75.
2. Память. Берёзовский район. – Мн.: Белорусская Советская энциклопедия имени П. Бровки, 1987. – С. 93-94.
3. Wojciech Sleszynski. Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej 1934–1939. – Białystok, 2003. – S. 97–100.

ПЕРВИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1939–1940 гг.

Бодак А.Ю.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Сразу же после освобождения Западной Беларуси из-под власти Польши здесь началось социально-экономическое преобразование деревни. Важнейшим фактором привлечения крестьянства на сторону Советской власти явилось разрешение вопроса о земле. Если учесть при этом, что 85 % населения области было занято в сельском хозяйстве, то становится очевидной важность решения этой проблемы.

Мероприятия новой власти в указанной сфере оказались довольно неоднозначными в своей оценке, и их результаты вышли далеко за рамки чисто экономических и социальных вопросов. Здесь мы видим две стороны медали – бесспорно положительную (земельная реформа, встреченная большинством сельского населения с энтузиазмом) и явно отрицательную (массовые репрессии в отношении определённых категорий сельского населения, по большей части неоправданные и имевшие самые неприятные для новой власти последствия).

Известно, что Народное собрание Западной Белоруссии 29 октября 1939 г. приняло Декларацию о конфискации помещичьих и национализации всех земель, провозгласив: «Отныне вся земля Западной Белоруссии с ее недрами, а также лесами и водами объявляется народным достоянием» [5, 100].

Осенью 1939 г. началось проведение земельной реформы. Основными задачами реформы явились: 1) конфискация земель помещиков, крупных чиновников и монастырей; 2) ликвидация осадничества, ограничение размеров землепользования кулацкими хозяйствами; 3) ликвидация малоземелья и безземелья, наделение землей батраков и бедняков, создание политических и экономических условий для преобразования сельского хозяйства по новому пути.

Конфискация помещичьих, церковных, осадничьих и надельных земель в основном закончилась к открытию Народного собрания, которое Декларацией о конфискации помещичьих земель узаконило действия Крестьянских комитетов по проведению крестьянской реформы. Однако ликвидация помещичьего землепользования еще не решала полностью земельной проблемы. Сразу же начинается перераспределение земель между создающимися колхозами и крестьянами-единоличниками, так как часто земли таких крестьян располагались «в самом центре земель колхозного массива, что создавало исключительную невозможность ведению севооборота колхоза и хозяйственную невыгодность. Поэтому производилась «замена из земель запасного фонда в том же количестве» [1, 5].

Кроме того, производилась отрезка земли у так называемых кулацко-зажиточных хозяйств, в отношении которых вначале осуществлялась политика ограничения (повышение денежных и натуральных налогов, запрещение аренды). Вместе с тем у них оставалось до 18 % общей земельной площади крестьянских земельных наделов, а численность кулацких хозяйств составляла около 5 % от общего количества крестьянских хозяйств [5, 101]. Поэтому были установлены предельные нормы землепользования на один крестьянский двор. По отдельным районам Брестской области они составили от 10 до 15 га [5, 101], а излишки у крестьянских дворов обращались в государственный земельный фонд [2, 34], причем отрезка их производилась и в тех случаях, если они оказывались засеянными. Земля не отрезалась у отдельных многосемейных крестьянских дворов, обрабатывавших ее своим трудом, в тех деревнях, где она не могла быть использована колхозами, безземельными и малоземельными хозяйствами [2, 34].

Необходимо учесть и то, что отрезка земель производилась не один раз, поэтому размеры землепользования кулацких хозяйств постепенно уменьшались, вызывая недовольство людей. К тому же применялся строго классовый подход при установлении обязательной нормы сдачи государству зерна и картофеля. Нормы зависели от размеров земельного надела, причем кулацкие хозяйства с одного гектара поставляли зерна и картофеля в 4–5 раз больше, чем бедняцкие.

В преобразовании сельского хозяйства по новому пути важную роль сыграло и разрешение в пользу беднейшего крестьянства вопроса о землях осадников. В бывшем Полеском воеводстве, что примерно соответствует территории нынешней Брестской области, насчитывалось около 1000 осадников, владевших 128 тыс. га лучших земель [6, 74] крестьянским комитетам как временным органам власти было предоставлено право на местах решать вопрос о конфискации земель и имущества осадников.

В феврале 1940 г. все осадники были выселены за пределы республики. Оперативная сводка о ходе выселения осадников и лесников по Пинской области (примерно Пинский район сегодня) даёт нам представление о масштабах этой операции: всего по области по оперучасткам было поднято 1702 хозяйства, погружено 1135 хозяйств, что соответственно 8765 человек и 6127 человек [3, 11] за период с декабря 1939 г. по ноябрь 1940 г.

Необходимо отметить, что выезжавшие уполномоченные УКОМов четкого представления об осадниках не имели и не усвоили, кого нужно считать осадником. По Пинской области было определено две категории: осадники военные, получившие осады от бывшего польского правительства за доблесть, проявленную в борьбе против Советской власти, и осадники, переброшенные бывшим польским правительством в порядке ополчения. Крестьянские же комитеты и уполномоченные в эти категории осадников включали и лиц, купивших себе земельные участки и арендовавших землю у осадников [3, 2]. Земля, скот, постройки, отбираемые у этих лиц, были переданы крестьянам-беднякам или создававшимся колхозам и совхозам. Однако вряд ли можно оправдать такой огульный подход к этой категории земледельцев. Среди осадников действительно были зажиточные хозяева, владевшие довольно крупными осадками (до 45 га). Вместе с тем большинство владений осадников составляли 10–15, а то и 5–6 га, они имели небольшое количество скота, это были, как правило, многодетные семьи, какой-либо серьезной социальной опасности для общества не представлявшие, и необходимость их выселения ничем не оправдана [4, 1–6]. Неудивительно поэтому, что отношение осадников к Советской власти в основной массе было враждебным. Особенно ярко это проявилось при проведении операций по выселению, когда жители отказывались открывать оперуполномоченным двери, оказывали сопротивление, бежали, прятали оружие.

Помимо арестов осенью 1939 г., осадники подверглись трем волнам депортаций – весной и осенью 1940 г. и в июне 1941 г. Последняя волна унесла за пределы региона уже членов семей, содержавшихся к тому времени в тюрьмах. Так, последний этап из Брестской тюрьмы был отправлен на Восток в ночь с 21 на 22 июня 1941 г.

Секретное постановление № 2010-558 по вопросу о выселении из западных областей Украины и Белоруссии осадников и работников лесной охраны было принято СНК СССР ещё 5 декабря 1939 г. Вероятно, это было сделано вследствие заключения органов НКВД о том, что из этой категории населения готовили кадры диверсантов, шпионов и т. д. в случае войны с СССР. Поэтому осадники и работники лесной охраны были объявлены врагами Советской власти, и их необходимо было депортировать в отдельные районы СССР, о чем была направлена 19 и 25 декабря 1939 г. Л.П. Берия соответствующая директива органам НКВД УССР и БССР.

По указанию наркома внутренних дел БССР Л. Цанавы, к 5 января 1940 г. необходимо было закончить составление точного учета всех осадников и членов их семей по областям. Для подготовки и проведения операции в каждом оперативном участке (охватывающем 250–300 семей осадников) следовало организовать оперативные тройки, возглавляемые уездным начальником НКВД или оперативным работником, специально командированным из областного НКВД [7, 90].

НКВД республики заранее разработал инструкцию о порядке проведения операции по выселению. В соответствии с ней, выселяемым отводилось всего 2–3 часа на сборы, а делаться всё должно было без шума, суеты и паники. На заседании бюро ЦК КП (б)Б 19 января 1940 г. были утверждены мероприятия НКВД БССР по выселению осадников и лесников.

В конце января 1940 г. Л. Цанава направил специальную докладную записку на имя Л.П. Берии и первого секретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко о готовности к проведению операции. В ней говорилось, что количество высылаемых людей в сравнении с первоначальными планами увеличилось с 1965 хозяйств (45410 человек) до 9603 хозяйств (51300 чел.), в том числе за счёт дополнительного выявления членов семей, которые живут отдельно, но также попадают под выселение [7, 92]. Для проведения операции было выделено 2540458 руб. [7, 93]. Началась она на рассвете 10 февраля 1940 г. Нарком внутренних дел БССР Л. Цанава в опе-

ративной сводке № 1 докладывал П. Пономаренко, что по состоянию на 11 часов 10 февраля 1940 г. по всем пяти областям (Брестской, Пинской, Барановичской, Белостокской, Вилейской) репрессировано 1945 хозяйств (8692 чел.) [8, 70]. Далее перечислялись происшествия, которые при этом случились. Подобные сводки поступали также в 15 часов, в 18 часов, в 20, 22 и 24 часа. По состоянию на 12 часов 11 февраля (последняя сводка № 7) операция по выселению была закончена. На это время было репрессировано 9447 хозяйств (48536 человек), из них погружено в вагоны 6989 хозяйств (36080 человек) [8, 71]. Хозяйственные группы, созданные по линии областных и уездных комитетов партии, производили описи и приёмку оставшегося имущества осадников и лесников [8, 70].

21 февраля Л. Цанава отправил П. Пономаренко докладную записку о результатах операции по выселению осадников и работников лесной охраны. В ней говорилось, что «операция началась на рассвете 10 февраля, к концу дня в основном была завершена...

К выселению подлежало 9810 хозяйств (52892 человека), из них осадников 6064 хозяйства (34203 человека), лесников 3746 хозяйств (18689 человек). Было погружено в эшелоны 9584 хозяйства (50224 чел.), арестовано 307 человек, умерло и убито во время операции 4 человека. Репрессировано после 13 февраля и помещено в изоляторы для последующей высылки 197 человек.

Таким образом, общее количество репрессированных составило 9584 хозяйства (50732 человека). Из оставшихся не репрессированных 226 хозяйств (2160 человек): больных – 547, в бегах – 32 человека, отсутствовали дома во время операции – 1581 человек. Все больные взяты под наблюдение и по выздоровлению должны быть собраны в специзоляторах для отправки к месту высылки их семей» [8, 71]. 32 эшелона выслаемых были отправлены на Восток (в Сибирь, Казахстан т.д.). Начальникам эшелонов переданы личные дела всех выселяемых, где были собраны агентурные и следственные материалы на каждую семью отдельно. Из Брестской области было выселено 1585 осадников и лесников [8, 72].

После выселения осадников и лесников осталось большое количество их скота, птицы, зерна, картофеля, сельхозинвентаря, домов и других строений. Землю и имущество выслаемых планировалось передать молодым колхозам, совхозам, а так же бедноте, торгово-хозяйственным организациям. Частью это было сделано, но много было раскрадено.

Новая операция по выселению началась на рассвете 13 апреля 1940 г. До 24-х часов того же дня по всем западным областям республики было репрессировано 8055 семей (26777 человек), из них погружено в вагоны 7286 семей (24253 человека) [8, 73].

29 июня 1940 г. была проведена третья операция. Всего подлежало выселению 7376 семей (23057 человек). В этот день было репрессировано и погружено в вагоны 7224 семьи (22879 человек), в том числе по областям: Барановичской – 747 семей (2495 человек), Белостокской – 4210 (13250 человек), Брестской – 1832 (5876 человек), Вилейской – 103 (313 человек), Пинской – 332 семьи (965 человек) [8, 74].

Таким образом, по самым приблизительным подсчетам с октября 1939 г. по 20 июня 1941 г. в западных областях Беларуси было репрессировано (исключая военнопленных польской армии) более 125 тыс. человек, из них депортировано в Сибирь, Казахстан и другие места более 120 тыс. человек [8, 76].

Итоги репрессивной политики новой власти оказались неожиданными для неё, уже разучившейся адекватно отражать действительные настроения масс и реагировать на них. Значительная часть крестьянства начала разочаровываться во власти, которую оно поначалу встретило с радостью. При этом энтузиазм населения сменился не страхом, как

могла бы предположить администрация, воспитанная сталинскими порядками, а тихой неприязнью или даже ненавистью. Неожиданный эффект происходил из того факта, что здешние жители исторически разминулись с массовой коллективизацией, террором 1937 – 1938 гг. и в этом смысле оказались «непоротыми» и не запуганными. Их отношение к Советской власти (по крайней мере, значительной части) красноречиво проявится в трагических событиях первых дней Великой Отечественной войны.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. р-282. – Оп. 1. – Д. 45.
2. ГАБО. – Ф. 1059. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Там же. – Ф. 7581. – Оп. 1. – Д. 25.
4. Там же. – Д. 199.
5. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я. Я. Алексейчик [и др.]; под ред. В.А. Бобкова. – Минск, 1989.
6. Сорокин, А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии / А. Сорокин. – Минск, 1968.
7. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі 1939–1941 г. / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1.
8. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі 1939–1941 г. / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2.

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ НА ЛИНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА (1921-1939)

Бодак М.С.

УО «Брестский государственный технический университет»

Западнобелорусский регион никогда не был единым и однородным в этническом и политическом отношении в силу геополитических причин. Находясь на стыке трёх этнических групп: восточнославянской, западнославянской и балтской, располагаясь в центре Европы, он постоянно был объектом притязаний различных государственных образований. Вся история этих земель – это история переделов, оккупаций, объединений. По сей день западнобелорусские земли находятся на линии цивилизационного разлома: между западной и православно-славянской цивилизациями. До сих пор вопрос об этническом составе населения Западной Беларуси, как и вопрос о формировании этнической территории Республики Беларусь, остаётся дискуссионным. Не является исключением в этом плане и рассматриваемый период.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., от разработки условий которого представители белорусского народа были отстранены, к Польше отошли Гродненская губерния, Новогрудский, Пинский, часть Слуцкого, Мозырьского и Минского уездов Минской губернии, а также Ошмянский, Лидский, Виленский, Диснянский уезды Виленской губернии. Эта этническая территория Беларуси, вместе с городом Вильня, Виленским, Свянтянским и Троцким уездами, захваченными польскими войсками (так называемая Средняя Литва), ещё в октябре 1920 г. была разделена на 4 воеводства: Полесское, Новогрудское, Белостокское и Виленское (до декабря 1925 г. официальное название Виленский административный округ). Обозначенная территория в советской историографии получила

название «Западная Беларусь», хотя в официальных польских документах употреблялось название «крэсы ўсходнія», что обозначает восточные окраины Речи Посполитой. Численность населения Полесского (без Камень-Каширского повета), Новогрудского, Виленского воеводств и 5 восточных поветов Белостокского воеводства составляла 3 171 627 человек, а белорусов, включая белорусов-католиков, насчитывалось более 2 млн. человек. Территория составляла 98 815 кв. км. [5, 166]. Это составляло 24 % территории и 11 % населения Польши [4, 283].

Следует отметить, что сама Польская республика была аграрно-индустриальной страной со средним уровнем развития капитализма и многочисленными проблемами в экономической сфере. Польше было характерно различие в уровнях развития отдельных регионов. К числу наиболее отсталых относились земли Западной Беларуси, где промышленность была представлена мелкими предприятиями (до 20 человек) и ремеслом, а сельское хозяйство, особенно белорусского и украинского Полесья, характеризовалось экстенсивностью с чертами патриархальности [2, 25].

Промышленность в Западной Беларуси развивалась, как и во всей Польше, циклично. На смену периодам подъёма приходили периоды депрессии, спада, кризиса. При том, что в целом польская экономика находилась на среднем уровне развития, к началу Второй мировой войны общий объём производства не достигал уровня 1913 г. [4, 284].

В 1923-1924 гг., после окончания войны, в связи с повышением спроса на промышленные товары и расширением международной торговли, наблюдался явный подъём производства, приведший к некоторому росту занятости населения. Однако переход к стабилизации экономики, который наблюдался в Польше в 1922-1929 гг., на западнобелорусских землях происходил гораздо медленнее. Характеризуя политику правящих кругов Польши в Западной Беларуси, директор департамента промышленности и торговли Виленского округа в 1929 г. подчёркивал, что «властными структурами государства не сделано ничего, чтобы оживить хозяйственную деятельность на «крэсах ўсходніх», а наоборот, делается всё для того, чтобы окончательно её разрушить» [5, 167]. Кроме того, индустриализация требовала поиска рынков сбыта товаров и средств для её осуществления. А на тот момент традиционные рыночные связи земель бывшего Королевства Польского с Россией, а через неё и с рынками Азии, были нарушены. На рынок СССР приходилось менее 2 % польского экспорта и не более 4,5 % импорта. Были нарушены связи и с чешскими, австрийскими и немецкими землями. Остро стояла проблема поиска инвестиций и кредитов. Кризис сбыта сопровождался гиперинфляцией и ростом численности безработных.

В начале 1924 г. новое правительство стало активно осуществлять политику финансовой стабилизации. Были повышены косвенные налоги на потребление спиртных напитков в 2 раза, сахара – в 10 раз, спичек – в 20 раз. При этом были несколько уменьшены военные расходы и проведён ряд других мероприятий. Значительную роль в этих процессах сыграла денежная реформа. После войны инфляция приобрела катастрофический характер. В апреле 1924 г. начал действовать Польский банк, который ввёл в оборот новую валюту – злотый. Однако некоторая стабилизация финансово-денежной системы в большей степени произошла за счёт снижения жизненного уровня населения. Усугублению состояния экономики способствовали неурожай 1924 г. и таможенная война с Германией в 1925 г., которая привела к отказу от импорта польского угля. Согласно официальным данным, в городах Западной Беларуси в 1926 г. насчитывалась 21 тыс. безработных, в основном молодые люди [4, 285]. Так, например, в городе Кобрине ежемесячно регистрировалось более 600 безработных при общей численности населения города в 1931 г. 10 277 жителей [8, 294].

Улучшение ситуации в экономике совпало с политическими переменами. В результате государственного переворота 12-14 мая 1926 г. к власти пришёл «отец возрождённой Польши» – Ю. Пилсудский [2, 28]. Установился авторитарный режим, и была объявлена политика «санации» (оздоровления) экономической и политической жизни. Польша, (вместе с ней и Западная Беларусь) постепенно стала выходить из кризиса. Сократилось количество безработных, переориентировалась на западные рынки внешняя торговля. Хорошие урожаи 1926-1929 гг. совпали с ростом спроса на сельскохозяйственную продукцию на зарубежных рынках, что способствовало подъёму пищевой промышленности и росту жизненного уровня населения. Более того, это обстоятельство способствовало привлечению инвесторов, которые уже могли рассчитывать на получение прибыли. В результате постепенного экономического подъёма количество работающих в Западной Беларуси предприятий и занятых на них рабочих приблизилось к уровню 1913-1914 гг. Значительное развитие получила в Западной Беларуси деревообрабатывающая промышленность, что было обусловлено богатыми запасами лесных угодий и дешёвой рабочей силой. К 1939 г. количество предприятий этой отрасли и работающих на них рабочих превзошло в 2 раза уровень 1913 г. [4, 288]. Однако, превратившись в важный источник польского экспорта, лесные богатства стали безжалостно уничтожаться, что негативно отразилось на состоянии всего хозяйства края. Так, например, во многих гминах Кобринского повета за счёт вырубок леса площадь пахотных земель охватывала около 60 % от общей площади [8, 305].

Основной причиной слабого развития промышленности западнобелорусских воеводств была техническая отсталость, примитивность как промышленного оборудования, так и сельскохозяйственной техники. Практически не использовалась механизация и электрификация. На долю Западной Беларуси приходилось менее 2 % от всей вырабатываемой в Польше электроэнергии [4, 290].

Очень узким был внутренний рынок из-за низкой покупательной способности населения, которая, в свою очередь, была обусловлена тем, что в массе своей население свою сельскохозяйственную продукцию вынуждено было продавать ниже себестоимости, всё из-за той же низкой технической оснащённости хозяйств. Это устраивало заграничных потребителей практически бесплатного продовольствия, вагонами вывозимого за пределы региона перекупщиками. В то же время цены на промышленные товары были несоизмеримо выше, что привело к тому, что многие жители Западной Беларуси вернулись к домотканой одежде, лаптям, лучине и т. п. При этом магазины были переполнены тканями, одеждой и обувью из Англии, Франции, Чехословакии, Польши и даже Японии. Вообще на западнобелорусских землях отсутствовала тяжёлая промышленность. Преобладающими были деревообрабатывающая, пищевая и лёгкая промышленности, перерабатывающие местное сырьё и продукты сельского хозяйства. В 1926 г. в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах насчитывалось 127 фабрик и заводов с численностью рабочих свыше 20 человек, и только 19 из них имели свыше 100 рабочих [1, 3].

Режим «санации» опирался на армию, жандармерию, полицию, поэтому неизбежно было повышение расходов на интересы государственной безопасности. Это привело к тому, что правительство стало тратить кредиты, предоставленные иностранными инвесторами, не на производственные нужды, вследствие чего в 1929 г. финансисты прекратили кредитование режима. Кроме прочего, на ситуацию с финансированием повлиял мировой экономический кризис того времени, взаимосвязанный с аграрным кризисом. Он привёл к переводу на неполную рабочую неделю и закрытию многих предприятий. Безработица охватила не только рабочих и ремесленников, но и интеллигенцию, и чиновников. Потеряв работу, они уходили в торговлю, мелкую промышленность ремесленного типа, обслуживающую помещиков, но многих ожидало банкротство.

Экономика Западной Беларуси носила преимущественно аграрный характер. Так, например, перепись населения 1931 г. выявила, что в Кобринском повете занимаются сельским хозяйством 85,1 % населения (в то время как в целом в Польше – 63 %), ремеслом и промыслами – 9 %, торговлей и обслуживанием – 3 %, коммуникациями – 1,2 % жителей [8, 305].

В Западной Беларуси после её включения в состав польского государства была восстановлена частная собственность на землю, вернулось крупное помещичье землевладение. Согласно официальным данным польской статистики, в 1921 г. земля распределялась следующим образом: 3402 – крупным помещикам (1% землевладельцев) принадлежало 55,21 % частнособственнической земли, середняцким хозяйствам – 12,5 %, бедняцким – 24,15 %, кулацким – 8,14 %. В среднем помещичье хозяйство имело 500 га, кулацкое – от 18 до 100 га, середняцкое – от 8 до 18 га, а крестьянское – до 7 га земли. Земельный "голод" большинства крестьян способствовал возрождению пережитков феодальных отношений. Практиковалась мелкая аренда земли за отработки или за часть урожая, отработки за право пользования пастбищем и заготовку дров, натуральная оплата труда, наличие чересполосицы, повинности по строительству и ремонту дорог и т. п. Всё это тормозило развитие производительных сил в аграрном секторе Западной Беларуси.

Для улучшения ситуации властями в декабре 1925 г. был принят «Закон об осуществлении аграрной реформы». В законе официально закреплялся механизм продажи земли. Поскольку на западнобелорусских землях хозяйство велось экстенсивно, а польские помещики считались опорой центральной власти в национальных районах, то здесь была установлена высшая норма размера земельного надела – до 400 га (в остальной Польше – 180 га). Если же помещик имел на земле предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, то размер увеличивался до 1000 га, а крестьянам продавали наделы до 26 га (в великопольских землях – до 15 га) [2, 26]. Такое стимулирование предпринимательства у помещиков помогало включать хозяйства в капиталистические отношения, а зажиточным крестьянским хозяйствам – трансформироваться в фермерские.

При этом власть предоставляла земельные участки в основном лицам польской национальности. На основании закона от 17 декабря 1920 г. «О делении земель солдат польской армии» польские военные даром или за небольшую плату получали земельные участки размером от 15 до 45 га. Уже в 1924 г. в Западной Беларуси насчитывалось до 5 тыс. осадников [5, 168]. На льготных условиях осадники получали долговременные кредиты на обустройство хозяйства, за счёт государства строили жилые помещения. Они были вооружены и должны были стать социальной опорой власти в регионе. В свою очередь местные крестьяне при проведении комасации не получали от государства никакой помощи. После перехода на хутора они вынуждены были практически сразу оплачивать ему расходы на проведение комасации. Уже через полгода они платили по 30-50 злотых в счёт погашения долга по стоимости комасации, хотя власти обещали рассрочку этих выплат на 15 лет. Оставшиеся после парцелляции помещичьих наделов земли продавались торговцам, спекулянтам, предпринимателям, чиновникам, кулакам. Распродажа шла по двум направлениям: по линии государственной парцелляции через сельскохозяйственный банк и дикой спекулятивной парцелляции, которой занимались помещики и торговцы. К тому же купить землю незажиточным сельским хозяйствам было очень трудно по причине её высокой стоимости. Средняя цена 1 га достигала 610 – 830 злотых. Государственный банк устанавливал не менее 12 % годовых за кредиты на покупку земли.

Ещё одним элементом преобразований, направленных на ликвидацию остатков феодальных и укрепление капиталистических отношений на селе, была ликвидация сервитутов: права крестьян на совместное пользование с помещиками пастбищами и лесами. В результате помещики получили до 3/4 сервитутной земли, а крестьяне в качестве компенсации –

земельные участки размером от 1/4 до 1/3 общей площади сервитутов, а в некоторых случаях – денежную компенсацию. Однако в большинстве случаев эти участки были заболоченными и песчаными, непригодными для сельскохозяйственного использования.

Вся проводимая властями политика вела к обнищанию массы населения и росту социальной напряжённости в среде беднейшего крестьянства. Вследствие этого активизировалась невозвратная эмиграция крестьян в Западную Европу, Канаду, США, Латинскую Америку, Палестину и другие страны, а также выезды на сезонные работы. По различным подсчётам, в поисках средств для более высокого уровня жизни, в 1921-1933 гг. Западную Беларусь были вынуждены покинуть от 120 до 150 тыс. человек [5, 169].

Ситуация стала меняться с присоединением земель Западной Беларуси к БССР. С 17 по 22 сентября 1939 г. произошло объединение белорусского народа в едином государственном образовании. Для подъёма хозяйства в регионе Совнарком РСФСР выделил значительные денежные средства, сырьё, промышленное оборудование, строительные материалы, особенно на военное строительство, а также решил вопрос комплектации высококвалифицированными высокообразованными кадрами, поскольку национальных кадров явно не хватало. В соответствии с необходимостью «выравнивания» развития региона с уровнем остальных территорий, темпы прироста промышленного производства за первую пятилетку в Беларуси были вдвое большими, чем в целом по СССР.

В судьбе белорусского народа осенью 1939 г., несомненно, произошёл коренной перелом. Никогда до сентября 1939 г. Беларусь реально не существовала как самостоятельное государство, даже как административная единица другого государственного образования в границах «после сентября 1939 г.». Поэтому речь идёт об объединении впервые территорий с этнически однородным автохтонным белорусским населением. Однако когда вопрос ставится о присоединении территорий Западной Беларуси, то нельзя обойти вниманием тот факт, что население данного региона было этнически неоднородным. По переписи 1931 г., здесь проживало 3,8 млн. человек, а после сентября 1939 г. – 4,6 млн. человек, из которых 65 % (по другим подсчётам от 56 % до 77 %) составляли белорусы [6, 83]. Данная статистика, увы, исключает людей, которые позиционировали себя как «ту-тэйшыя» (в терминологии дореволюционных этнографов – «пинчуки» или в терминологии польского правительства – полешуки). Таких людей, по переписи 1931 г., насчитывалось свыше 700 тыс. человек в Полесском воеводстве [3, 16]. В официальной цифре 65 % белорусов, как указывается в современных белорусских пособиях, доля полешуков составляет 1/4, а при вычитании из неё 8 % граждан, назвавших родным языком польский, доля полешуков среди отнесённых к белорусам составит около 1/3, а самих белорусов составит менее 50 % населения. Но именно положение об этнической однородности и преимущественно белорусском населении земель Западной Беларуси явилось обоснованием для включения их в состав БССР. Если учесть, что к белорусам статистика советских исследований относила и белорусскоговорящих поляков, то полешуков следовало относить по диалектическим особенностям говора к украинцам, которых насчитали в Западной Беларуси только 4 %.

Все эти факты свидетельствуют о политике советской власти, направленной на искусственное увеличение доли белорусского населения на присоединённых территориях с целью оправдания дальнейшего передела территорий и расширения границ влияния. Подтверждением данной тенденции служит проводимая советской властью в тот период депортация определённых категорий поляков, около 53 тысяч, из Западной Беларуси в глубь СССР [9, 371]. Репрессиям подверглись не только бывшие польские военнослужащие и полицейские. Вместе с ними в зшелонах на Восток были отправлены и простые люди – поляки, евреи, украинцы, русские, в которых государство усмотрело социальную опасность. Начиная с осени 1939 г., многие жители региона стали регулярно страдать от ежене-

дельных обысков, сопровождавшихся грабежами и другими насилиями [7, 60]. Но эшелоны с людьми в массовом порядке стали двигаться не только с Запада на Восток. В западные районы шла масштабная передислокация кадров из Восточной Белоруссии и других регионов СССР. Это были не только руководящие работники, члены партии, но и деятели культуры и здравоохранения, что сыграло свою положительную роль в социально-экономическом развитии региона в будущем. При этом соотношение представителей различных этнических групп в Западной Белоруси изменилось. Эти и многие другие факты говорят о сложности и неоднозначности произошедших событий. Изменения, свершившиеся в последующие десятилетия господства советской власти, были восприняты разными людьми, даже народами, по-разному. Итогом же стало смещение цивилизационного разлома на запад, объединившего белорусский народ в рамках православно-славянской цивилизации.

Літэратура

1. Амелянчук, Н. У цісках галечы і беспрацоўя / Н. Амелянчук // Камуністычная праца. – 1986. – 1 сакавіка.
2. Броўкін, Я.А. Эканоміка Польшчы у 1921 – 1929 гг. / Я.А. Броўкін // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С. 25 – 31.
3. Гацкая, О.А. Этнические меньшинства Польши / О.А. Гацкая // Этнические меньшинства современной Европы. – М., 1997. – С. 16.
4. Галубовіч, В. І. і інш. Эканамічная гісторыя Беларусі / рэд. В.І. Галубовіч. – М., 1996.
5. Ладыеў, У. Ф. Заходняя Беларусь у 1921 – 1939 гг. / У.Ф. Ладыеў // Беларусь на мяжы тысячагодзяў. – Мн., 2000. – С. 166 – 179.
6. Eberhardt, P. Przemiany narodowosciowe na Bialorusi. – Warszawa, 1995. – С. 84.
7. Gross, T.J. Revolution from abroad: the Soviet occupation of Polish Western Ukraine and Belorussia. – Princeton, 1987. – С. 60.
8. Jakubowski, Jozef. Stan społeczno – kulturalny wsi pov. Kobryńskiego. – Warszawa, 1934. – S. 355.
9. Pawlow, J.S. Represje wobec osadników polskich w zachodnich obwodach Bialorusi // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941. – Warszawa, 1995. – S. 371.

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ І КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛЬСКІХ ВАЙСКОВЫХ ФАРМІРАВАННЯЎ І АРГАНІЗАЦЫЙ (1921-1939 гг.)

Вабішчэвіч А. М.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Важнае значэнне ў грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі, правядзенні дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі займала польская армія. Палякі займалі там прывілеяванае становішча. Доля беларусаў у 1920–30-я гг. там не пераўзыходзіла 10 %, вагалася ад 4,9 % (1926 г.) да 9,5 % (1923 г.) [1, 120]. Аднак гэтыя працэнтныя адносіны прызнаюцца заніжанымі, бо беларусы-католікі атаясамлівалі сябе пераважна з палякамі [2, 71]. Большая доля беларусаў у польскай арміі адзначана ў асобных сучасных польскіх выданнях [3, 17].

Польскае армейскае камандаванне бачыла ў няпольскіх прадстаўніках ненадзейных вайскоўцаў, таму штучна абмяжоўвала іх прысутнасць у розных родах войск. Паводле

распараджэння II аддзела міністэрства вайсковых спраў Польшчы ад 15 мая 1925 г., асабовы склад сувязі, танкавых войскаў, авіяцыі, жандармерыі павінен быў фармавацца на 100 % з палякаў, часці Корпуса аховы памежжа – на 80%, супрацьпаветраная абарона – на 9%. Польская армія камплектавалася па экстрэтарыяльнай прыкмеце, таму заходнебеларускіх прызыўнікоў накіроўвалі служыць на тэрыторыю цэнтральных і заходніх ваяводстваў Польшчы. Польская армія разглядалася ўрадавымі коламі як дзейны інстытут ажыццяўлення нацыянальна-культурнай асіміляцыі заходнебеларускага насельніцтва. Аднак польскія ўлады не змаглі забяспечыць выкананне экстрэтарыяльнага прынцыпу камплектавання арміі ў поўным аб'ёме, таму частка мясцовых прызыўнікоў заставалася ў заходнебеларускіх землях. У пяхоце, кавалерыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі быў ўстаноўлены цэнз беларусаў ў 10%, у іншых родах войск – 20–25% [4, 101–102]. У 1934 г. было прынята рашэнне аб устанавленні нацыянальнага цэнзу ў вайсковых частках ва ўсходніх ваяводствах: у пяхоце і кавалерыі павінна быць ад 70 да 100% палякаў (для Корпуса аховы памежжа – 80%), артылерыі – ад 70 да 90%, жандармерыі і сувязі – 100%, сапёрных падраздзяленнях – 70% [1, 107]. Павятовым вайсковым камендатурам Палескага, Навагрудскага, Беластоцкага ваяводстваў прадпісвалася камплектаваць свой склад толькі з прадстаўнікоў рымска-каталіцкага, грэка-каталіцкага ці праваслаўнага веравызнання шляхецкага паходжання. Пераважная большасць беларусаў служыла ў пяхоце, а таксама кавалерыі і артылерыі. У 1938 г. у пяхоце, кавалерыі, артылерыі і сапёрных частках Корпуса аховы памежжа беларусы складалі 3% [4, 103, 105]. Паводле падлікаў Ю. Грыбоўскага, пасля праведзенай мабілізацыі ў польскай арміі ў канцы жніўня 1939 г. было каля 70 тыс. беларусаў [2, 160].

У адрозненне ад салдацкага саставу, у афіцэрскім корпусе абсалютную большасць складалі палякі. У 1930 г. у польскай арміі было зафіксавана толькі 6 афіцэраў беларускага паходжання, што было выклікана найперш мэтанакіраванай палітыкай на паступовае выцісканне непалакаў [2, 95]. У 1936 г. міністэрства вайсковых спраў прыняло распараджэнне, паводле якога ў афіцэрскай і падафіцэрскай школы прымаліся толькі палякі [5, 141].

Польская армія выконвала важную ролю ў пашырэнні польскай культуры і мовы на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Гэта адбывалася ў ходзе цэлага комплексу адукацыйна-выхаваўчых, прапагандысцкіх мерапрыемстваў з прызыўнікамі і ваеннаслужачымі, якія паходзілі з заходнебеларускіх зямель. Ваенныя колы актыўна ўключаліся ў распрацоўку і ажыццяўленне планаў нацыянальна-культурнай асіміляцыі няпольскага насельніцтва, асабліва ў 1930-я гг. Карпусы аховы памежжа і вайсковыя фарміраванні, якія дыслакаваліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі, праводзілі самастойна і сумесна з дзяржаўнымі структурамі, польскімі грамадскімі арганізацыямі культурна-асветніцкую работу сярод розных катэгорый цывільнага насельніцтва. Выкарыстоўваючы нізкі ўзровень нацыянальнай свядомасці, слабую пісьменнасць і адукаванасць прызыўнікоў-беларусаў, павятовыя камендатуры часта запісвалі іх палякамі [6, 13]. Гэтыя этнакультурныя адметнасці ў 1920-я гг. успрымаліся ваенным кіраўніцтвам у якасці спрыяльных фактараў для нацыянальна-культурнай і моўнай асіміляцыі прызыўнікоў-беларусаў. У ходзе ліквідацыі іх непісьменнасці і малапісьменнасці адбывалася паланізацыя, бо разам з авалодваннем польскамоўным пісьмом яны засвойвалі і элементы польскай культуры [7, 141; 8]. Паводле ваеннага кіраўніцтва, за час службы ў прызыўнікоў павінна выхоўвацца пачуццё адданасці краіне і польскія патрыятычныя пачуцці. 30 сакавіка 1927 г. сектар нацыянальнасцей міністэрства вайсковых спраў выдаў камандзірам вайсковых часцей асобнае распара-

дзэнне, паводле якога нельга было выдзяляць нацыянальную прыналежнасць салдатаў. Аднак салдаты-непалякі павінны былі вывучаць польскія песні, з імі трэба было праводзіць гутаркі па гісторыі Польшчы. У справах і рапартах 1925–1926 гг. адзначалася, што беларусы вельмі хутка паланізуюцца ў арміі, аднак гэтаму перашкаджалі водпускі салдатаў [5, 142]. У 1927 г. польскі Генеральны штаб у асобнай дырэктыве на адрас кіраўнікоў Карпусоў аховы памежжа рэкамендаваў ажыццяўляць паланізацыю ня-польскага насельніцтва.

Армейскія колы імкнуліся з дапамогай разнастайнага арсеналу культурна-асветніцкай працы выконваць значную ролю ў правядзенні нацыянальнай палітыкі сярод няпольскіх прызыўнікоў. Як адзначаў у адным з артыкулаў у 1923 г. капітан С. Чарноўскі, неабходна было прывіць прызыўніку “усведамленне дзяржаўнасці, не забіваючы яго нацыянальнага пачуцця”. Забаўляльныя мерапрыемствы, лекцыі для прызыўнікоў на іх роднай мове прызнаваліся недапушчальнымі [9]. Вайсковую службу неабходна было выкарыстоўваць для пераадолення нацыянальнай асаблівасці, рэлігійных антаганізмаў, “адзяржаўлення” салдат іншых нацыянальнасцей і веравызнанняў [1, 158].

Праца з прызыўнікамі ажыццяўлялася пераважна ў клубах (святліцах). Напрыклад, у Брэсцкім павеце ў 1938 г. там наладжваліся курсы з прызыўной моладдзю, разлічаныя на 143 гадзіны. З прызыўнікамі праводзіліся гутаркі наконт характару будучай службы, для іх уголас чыталіся артыкулы з армейскіх перыядычных выданняў (“Żołnierz Polski”) (“Польскі салдат”), “Polska Zbrojna” (“Узброеная Польшча”) і іншых. У святліцах ствараліся невялікія бібліятэкі з адпаведнай грамадска-палітычнай і пазнавальна-папулярнай літаратурай, частку якой бясплатна раздавалі ў якасці заахвочвання за ўдзел у розных конкурсах. У памяшканнях святліц вывешваліся плакаты з выказваннямі Ю. Пілсудскага, прапагандысцкія стэнды, табліцы, карты. У асобных святліцах выкарыстоўвалі тэхнічныя сродкі – радыёпрыёмнікі, патэфоны з наборам пласцінак з салдацкімі песнямі, а таксама наладжваліся выступленні школьных аркестраў і хораў [10, 13]. Прызыўнікам даводзілі, што яны грамадзяне адной краіны – Польшчы, на карысць якой трэба было самаахвярна служыць. “Кожны польскі салдат павінен быць добрым салдатам, гатовым у кожную хвіліну стаць на смяротную барацьбу з ворагам Польскай дзяржавы, а калі будзе патрэба – праліць кроў і аддаць жыццё на полі славы” [10, 15]. Павятоваыя камендатуры на тэрыторыі Заходняй Беларусі часта запісвалі прызыўнікоў беларускай нацыянальнасці палякамі [11, 13].

Нягледзячы на тое, што заходнебеларускія аб’яднанні мелі абмежаваны ўплыў на армейскія фарміраванні, аднак спрабавалі аказваць пэўнае вучэбна-метадычнае забеспячэнне для салдат-беларусаў. У 1932 г. быў надрукаваны беларускамоўны праваслаўны малітоўнік на кірыліцы і лацінцы (пераклад на беларускую мову ажыццявіў Ф. Акінчыц). Міністэрства вайсковых спраў адзначала, што кірылічны варыянт малітоўніка карыстаўся вялікай папулярнасцю сярод салдатаў-беларусаў [2, 91]. Аднак у ліпені 1934 г. кіраўніцтва праваслаўнай царквы дало згоду на выданне польскамоўных малітоўнікаў, якія павінны спрыяць далейшай паланізацыі праваслаўных салдатаў. Польскамоўны малітоўнік не атрымаў папулярнасці ў салдатаў-беларусаў. У лістападзе 1935 г. у вайсковых казармах пачаліся першыя богаслужэнні на польскай мове. Адбываўся пераклад літургічных тэкстаў на польскую мову. 1 сакавіка 1936 г. пры падтрымцы міністэрства вайсковых спраў пачалося друкаванне па-польску выдання “Gazeta Prawosławna” (“Праваслаўная газета”), якая павінна была спрыяць інтэграцыі праваслаўнай супольнасці з Польскай дзяржавай і польскай культурай.

Асветніцкай працай сярод салдат польскай арміі займаўся створаны ў 1921 г. Вайсковы навукова-выдавецкі інстытут (ВНВІ) (у 1934 г. пераўтвораны ў Вайсковы навукова-асветніцкі інстытут). Галоўнай мэтай ВНВІ быў уздым адукацыйнага і культурнага ўзроўняў, грамадзянскай свядомасці салдат. З канца 1920-х г. ВНВІ пераўтварыўся з адукацыйна-выхаваўчай структуры ў каардынуючы і арганізацыйны орган прапагандыскай работы ў польскай арміі. На створаны ў яго межах у чэрвені 1929 г. самастойны сектар прапаганды і армейскай прэсы ўскладваўся цэлы шэраг задач у напрамку правядзення палітыкі “дзяржаўнага выхавання” салдат, пашырэння культы Ю. Пілсудскага. Разам з Дзяржаўным упраўленнем фізічнага выхавання і ваеннай падрыхтоўкі ВНВІ займаўся прапагандай не толькі ў польскай арміі, але і сярод цывільнага насельніцтва. Афіцэраў-культпрасветработнікаў рыхтавалі на асобных курсах [12, 78–98].

З самага пачатку існавання рэжыма “санацыі” у выхаваўчым працэсе салдат утрымліваліся элементы культы Ю. Пілсудскага. Культ асобы Ю. Пілсудскага прысутнічаў у шэрагу агульнадзяржаўных і рэгіянальных святаў, дзе актыўна выкарыстоўвалася дзяржаўная сімволіка, яго партрэты і бюсты [13, 13–14]. Асноўнай формай насаджэння культы Ю. Пілсудскага былі гутаркі з салдатамі. Актыўна выкарыстоўваўся армейскі друк – газеты “Żołnierz Polski”, „Wiarus” (“Стары салдат”) (для падафіцэраў, друкавалася з 1930 г.). У асобных указаннях была выкладзена метадыка падрыхтоўкі і правядзення культурна-асветніцкіх мерапрыемстваў. Больш інтэнсіўна яго насаджэнне пачалося з пачатку 1930-х гг., а пасля смерці Ю. Пілсудскага гэты працэс значна паскорыўся, уступіў у актыўную стадыю (з публікацыі ВНВІ у 1935 г. працы падпалкоўніка М. Порвіта “Салдацкі дух”).

У польскай арміі шырока выкарыстоўваліся для пашырэння культы Ю. Пілсудскага і яго ідэалагічных паплекнікаў дакументальныя кінастужкі “Пахаванне Маршалка Польшчы”, “Пахаванне сэрца Маршалка”, “Успаміны аб Маршалку Польшчы”, “Няхай жыве Маршалак Рыдз-Сміглы” і іншыя. У адной з інструкцый рэкамендавалася ў 1939 г. выхоўваць і вучыць салдата ў нацыянальным (польскім) духу, дабівацца ад яго любові да Польскай дзяржавы, прышчапляць яму культ Ю. Пілсудскага, змагацца з антыдзяржаўнымі ўплывамі, асабліва камуністычным, фармаваць у салдата пачуцці адзінства і клопату пра агульны дабрабыт, асуджэння згаізму і абьякавасці [13, 17]. Аднак у 1938–1939 гг. прапаганда культы Ю. Пілсудскага не мела такога ажыятажнага характару, як ў папярэднія гады.

Акрамя дзяржаўнай адміністрацыі, органаў самакіравання, польская армія была ўцягнута ў прапаганду ідэй дзяржаўнай асіміляцыі [14, 316]. У 1930-я гг. у ходзе выкарыстання сярод салдат розных форм культурна-асветніцкай працы паказвалася культурная вышэйшасць палякаў [15, 229]. Польскія ўлады разглядалі войска як сродак асіміляцыі нацыянальных меншасцей. На ваенных капеланаў ускладалася важная роля ў справе паланізацыі беларусаў, якія прызнаваліся найбольш падатлівымі для яе ажыццяўлення. Гэтая тэндэнцыя асабліва ўзмацнілася ў войску ў другой палове 1930-х гг. Планавалася таксама прапагандаваць пазітыўны імідж польскай арміі пры дапамозе перыядычнага друку, радыё і кіно, кніг, лекцый і іншых форм працы з цывільным беларускім насельніцтвам. Культурна-асветніцкая і выхаваўчая праграма работы з салдатамі мела комплексны характар. У арміі салдатаў знаёмілі з гісторыяй, геаграфіяй Польшчы, для іх праводзілі экскурсіі, яны вучылі польскія песні. Аднак выніковасць паланізатарскіх мер не была здавальняючай. Пра гэта сведчыць данясенне агентуры іХ Корпуса аховы памежжа (Брэст), якое датуецца 23 снежня 1936 г. “Салдаты-беларусы размаўляюць адзін з другім на сваёй мове. Гэта выклікана тым, што многія з іх дрэнна валодаюць польскай мовай. Такое становішча адрознівае беларусаў ад салдатаў-палякаў, прымушае іх заўсёды трымацца асобна. У сваю чаргу палякі з заходніх ваяводстваў здэкліва адносяцца да бела-

рускай мовы. У цэлым, каля 80 % беларусаў ведаюць польскую мову, аднак размаўляюць на ёй з памылкамі" [16, 9]. Наогул, з-за недахопу фінансавых сродкаў, кваліфікаваных кадраў культпрасветработнікаў культурна-асветніцкая работа ў арміі была абмежаваная і зводзілася найперш да ліквідацыі непісьменнасці і малапісьменнасці, вывучэння польскай мовы, маральнага і дзяржаўнага выхавання. Аматырскі тэатральны рух сярод салдат адсутнічаў, уся культурна-асветніцкая праца адбывалася звычайна ў клубах (святліцах).

Польская армія далучалася да правядзення культурна-асветніцкай працы сярод мясцовага цывільнага насельніцтва Заходняй Беларусі шляхам правядзення экскурсій, спартыўных і забаўляльных мерапрыемстваў, аматарскіх тэатральных пастацовак, дэманстрацыі фільмаў, праслухоўвання радыё і інш. Напрыклад, жыхары Брэста штогод з 1926 г. збіраліся на святкаванне Купалля на набярэжнай каля Цярэспальскіх варот у Брэсцкай крэпасці, дзе маглі назіраць за арганізаванымі падраздзяленнямі 9 сапёрнага палка воднымі феэрыямі на рацэ Заходні Буг [17, 177–178]. Пры непасрэдным удзеле ВНАІ восенню 1936 г. пры Карпусах аховы памежжа былі створаны самастойныя асветніцкія сектары, якія павінны былі кіраваць культурна-асветніцкай працай мясцовай польскай адміністрацыі, грамадскіх устаноў і арганізацый, збіраць і захоўваць звесткі пра грамадскае жыццё на месцах, інфармаваць пра гэта вышэйшыя ваенныя інстанцыі, прапагандаваць ідэі мілітарызму сярод насельніцтва. Названыя сектары актыўна супрацоўнічалі з мясцовымі чыноўнікамі, разнастайнымі праўрадавымі аб'яднаннямі (найперш Стралецкім саюзам, Саюзам польскіх харцэраў і іншымі). Вайсковыя часткі, падраздзяленні Корпуса аховы памежжа займаліся апекай над згаданымі ваенізаванымі маладзёжнымі арганізацыямі.

У правядзенні прапагандысцкай і культурна-асветніцкай работы з польскай арміяй супрацоўнічалі грамадскія арганізацыі былых вайскоўцаў і рэзервістаў. Да майскага (1926 г.) дзяржаўнага перавароту з-за ідэалагічнай барацьбы не было адзінай арганізацыі былых вайскоўцаў. Толькі з усталяваннем рэжыма "санацыі" назіралася тэндэнцыя да іх кансалідацыі. У верасні 1927 г. у Вільні быў створаны Саюз арганізацый былых вайскоўцаў. Адпаведная арганізацыя ўзнікла і ў Беластоцкім ваяводстве. Менавіта гэтыя арганізацыі аб'ядналіся ў Федэрацыю польскіх саюзаў абароны Айчыны, якую кантралявалі пілсудчыкі (аб'ядноўвала 37 розных саюзаў – каля 300 тыс. чалавек, пераважна ветэранаў Першай сусветнай і савецка-польскай вайны). У яе склад ўключалі палякаў і прадстаўнікоў іншых этнасаў. З 1922 г. дзейнічаў Саюз афіцэраў рэзерву (каля 15 тыс. чалавек у 1934 г.), Саюз рэзервістаў (былых польскіх вайскоўцаў) (да 24 тыс. чалавек), які ўзначальваў міністр унутраных спраў Польшчы М. Зындрам-Касцялкоўскі, Агульны саюз малодшых афіцэраў рэзерву (у 1926 г. там было каля 40 тыс. чалавек), Саюз польскіх легіянераў (у сярэдзіне 1930-х гг. там было больш 15 тыс. чалавек), які ўзначальваў В. Славэк, адзін з кіраўнікоў лагера "санацыі", якога Ю. Пілсудскі лічыў магчымым спадкаемцам і якога незадоўга да сваёй смерці прызначыў прэм'ер-міністрам. Саюз рэзервістаў праводзіў на тэрыторыі Беластоцкага ваяводства акцыю дзяржаўнай асіміляцыі сярод нацыянальных меншасцей. Быў створаны шэраг аддзелаў арганізацыі з адчувальнай доляй беларусаў і літоўцаў. У Беластоцкім і Ваўкавыскім паветах Саюз рэзервістаў значна аслабіў уплыў ТБШ, супрацоўнічаў са Стралецкім саюзам і іншымі праўрадавымі грамадскімі арганізацыямі, актывізаваў культурна-асветніцкую работу [18, 11].

Літаратура

1. Kowalski, T.A. Mniejszości narodowe w Siłach Zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej Polskiej (1918–1939) / T.A. Kowalski. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 1997. – 183 s.
2. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 / Ю. Грыбоўскі. – СПб.: Неўскі Прасцяг, 2006. – 832 с.

3. Mniejszości narodowe i wyznaniowe w siłach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939: zbiór studiów / pod. red. Z. Karpusa i W. Rezmera. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2001. – 422 s.
4. Waszkiewicz, Z. Duszpasterstwo w siłach zbrojnych Drugiej Rzeczypospolitej (1918–1939) / Z. Waszkiewicz. – Toruń: Wydawnictwo A. Marszałek, 2000. – 357 s.
5. Gomółka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka. – Gdańsk: Wydawnictwo Politechniki Gdańskiej, 1992. – 179 s.
6. ДАБВ. – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 364. Справаздачы Палескага ваяводскага ўпраўлення аб грамадска-палітычным руху (чэрвень-верасень 1923 г.).
7. ДАБВ. – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 365. Справаздачы і данясенні Палескага ваяводскага ўпраўлення аб грамадска-палітычным руху (кастрычнік-лістапад 1923 г.).
8. ДАБВ. – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 762. Справаздачы аб правядзенні Дня нараджэння Ю. Пілсудскага на тэрыторыі ІХ КАП (30.04.1923 г.).
9. Czarnowski, S. Mniejszości narodowe w armii polskiej / S. Czarnowski // Kurier Polski. – 1923. – № 30 (1 lutego)
10. Wieczory świetlicowe. – 1938. – № 11.
11. Odziemkowski, J. Wieś i armia w II Rzeczypospolitej / J. Odziemkowski; Polska Akademia Nauk. Komitet Nauk Historycznych. – Wrocław-Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. – 151, [4] s.
12. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Zespół 9/1. – Sygnatura 173.
13. Cichoracki, P. „Z nami jest On”: kult Marszałka Józefa Piłsudskiego w Wojsku Polskim w latach 1926–1939 / P. Cichoracki. – Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2001. – 151 s.
14. Kaszuba, E. System propagandy państwowej obozu rządzącego w Polsce w latach 1926 – 1939 / E. Kaszuba. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. – 411 s.
15. Wyszczelski, L. Oświata, propaganda, kultura w Wojsku Polskim w latach 1918–1945 / L. Wyszczelski. – Warszawa: Wydawnictwo „Neriton”, 2004. – 318 s.
16. ДАБВ. – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 2214. Данясенне Брэсцкай інфармацыйнай агентуры аб выкарыстанні салдатамі рускай нацыянальнасці роднай мовы (1936 г.).
17. Вацукувна-Каменеца, Д. Брест – город незабываемый / Д. Вацукувна-Каменеца. – Брест: Изд-во С. Лаврова, 1999. – 284 с.
18. Archiwum Państwowe w Białymstoku. – Zespół 47. – Sygnatura 88.

БРЕСТСКИЙ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКИЙ ПРИХОД В 1920-х – 1930-х гг.

Восович С.М.

УО «Брестский государственный технический университет»

После советско-польской войны 1919–1920 гг. постепенно налаживалась жизнь в новообразованной Речи Посполитой. Так как в границах Польского государства проживало большое количество православного населения, то для духовного окормления их была образована Варшавская епархия.

Постепенно восстанавливалась православная жизнь и в г. Бресте. Вначале Брестский повет входил в состав Гродненской епархии, а с сентября 1922 г. – в Полесскую епархию, с центром в г. Пинске. В возрождении православия в рассматриваемый период большая заслуга принадлежала священно-и церковнослужителям, часть из которых вернулась из

Советской России. Среди них был и иерей Константин Иоаннович Зноско – один из талантливых церковных писателей своего времени. До его назначения настоятелем братской церкви руководили Брестским Свято-Николаевским приходом схи-иеромонах Феофил и священник Леонид Львович Ромеснский.

Схи-иеромонах Феофил возглавлял причт братского храма в 1920 г. Родился Федор Нестерук (мирское имя схи-иеромонаха Феофила до принятия монашества) в крестьянской семье в с. Семёнове Островского уезда Волынской губернии. Образование имел домашнее. 26 ноября 1890 г. был пострижен в монашество в Крестовой церкви Холмского архиерейского дома. 4 ноября 1890 г. был рукоположен в иеродиакона. 31 января 1892 г. перемещён в Варшавский архиерейский дом, а 29 июня 1893 г. рукоположен в иеромонаха.

С 1907 г. деятельность иеромонаха Феофила связана с Брестчиной. 3 августа того же года он назначается членом строительного комитета по постройке храма-скита, расположенного на Белом озере. За плодотворную деятельность на данном поприще 21 марта 1909 г. ему было преподано архиерейское благословение с выдачей грамоты за «самоотверженные» труды по устройству скита [1, л. 9]. Тогда же иеромонах Феофил был назначен заведующим скитом. Руководил обителью до 29 июля 1913 г. В октябре 1913 г. был перемещен в Старо-Голутвин монастырь, где 25 марта 1914 г. был пострижен в схиму и определен братским духовником. 2 июня 1915 г. схи-иеромонаха Феофила командировали в штаб 63-ой бригады государственного ополчения.

22 июня 1921 г. настоятелем Свято-Николаевской братской церкви стал священник Леонид Львович Ромеснский. Отец Леонид окончил полный курс обучения в Литовской духовной семинарии 21 июня 1877 г. 1 января 1879 г. был определен надзирателем Жировичского духовного училища, а 8 марта 1880 г. – рукоположен священником к приходской Лыщицкой церкви архиепископом Александром. Отец Леонид работал также и законоучителем ряда народных училищ: с 10 января 1881 г. Остромечевского, с 15 января 1904 г. Морозовского и с 1909 г. Лыщицкого [2; 41 об.].

19 июня 1922 г. указом епископа Гродненского Владимира (Тихоницкого) настоятелем Свято-Николаевского братского храма был назначен протоиерей Константин Зноско. Родился Константин Иоаннович 1 апреля 1865 г. в местечке Острина (в 50 км. к востоку от г. Гродно) Лидского уезда Виленской губернии в семье диакона местной церкви. После успешного окончания Литовской духовной семинарии 17 октября 1887 г. резолюцией архиепископа Литовского и Виленского Алексия был назначен псаломщиком Пречистенской церкви г. Вильно. А в следующем году (23 апреля) его рукоположили во священника и назначили настоятелем Городокской церкви Виленского уезда. Вскоре отец Константин был привлечен к преподавательской работе. 27 июня 1888 г. он был назначен законоучителем местного народного училища. С 27 января 1890 г. согласно предложению Виленской Дирекции народных училищ за № 743 отец Константин стал преподавать пение в Городокском начальном учебном заведении. В конце того же года был назначен Литовским епархиальным училищным советом законоучителем и учителем Дровогнянской церковно-приходской школы. Следует отметить, что отец Константин успешно выполнял функции наставника. Так, 12 августа 1889 г. он получил от Училищного совета Виленской Дирекции народных училищ благодарность «за плодотворную деятельность в деле народного образования» [3, л. 9]. Но работа учителем требовала много времени и постоянно отвлекала от пастырских обязанностей. Поэтому 19 ноября 1896 г. отец Константин был уволен по собственному желанию из Дровогнянской церковной школы с оставлением в должности законоучителя.

В 1901 г. отец Константин связывает свою судьбу с новой Гродненской епархией, с Брестчиной. 17 октября 1901 г. резолюцией епископа Гродненского и Брестского Иоакима он был переведён к Великоритской церкви Брестского уезда. Тогда же он определяется и законоучителем в Великоритское народное училище. Но вскоре резолюцией правящего архиерея отец Константин назначается «бесприходным» наблюдателем церковных школ Кобринского уезда с отчислением от священнического места, а 2 ноября 1904 г. журнальным постановлением Гродненского епархиального училищного совета за № 3798 – председателем Кобринского уездного отделения данной организации. Недолго работал отец Константин в новой должности. 16 марта 1907 г. епископ Гродненский и Брестский Михаил перемещает его на место священника в Брестский братский Свято-Николаевский храм. Учитывая огромный педагогический опыт отца Константина, его привлекают к преподаванию Закона Божьего в различных местных учебных заведениях: 1 октября 1907 г. его назначают законоучителем второго Брестского приходского училища, 16 февраля 1908 г. – первого Брестского приходского училища, 21 сентября 1911 г. – Брестской частной женской гимназии М.Н. Гришковой (к этому времени он был уволен по собственному желанию от соответствующей должности во втором приходском училище), 9 марта 1915 г. – Брестского высшего женского начального училища.

Первая мировая война заставила многих брестчан в 1915 г. покинуть родной город. В числе беженцев оказалась и семья священника Константина Зноско, которая переехала в г. Елец Орловской губернии. На новом месте жительства отец Константин продолжал своё пастырское служение, исполняя обязанности священника в с. Покровское Елецкого уезда (с 15 сентября 1915 г.) и законоучителя эвакуированной Пинской женской гимназии (с 30 ноября 1915 г.). Однако вскоре отец Константин ушел на фронт вслед за старшим сыном Сергием, где 18 марта 1916 г. был назначен главным священником армий юго-западного фронта военным священником в 8 Финляндский стрелковый полк. Во время боевых действий в Галиции в 1915 г. отец Константин был контужен около деревни Конюхи. За проявленное мужество в период войны командование неоднократно награждало священника Константина Зноско. В его послужном списке значились как церковные награды (28 марта 1916 г. он был награжден наперсным крестом; 19 сентября 1917 г. – саном протоиерея, 3 апреля 1918 г. – палицею), так и государственные: орден св. Анны 3-ей степени (9 января 1916 г.); орден св. Анны 2-ой степени с мечами (15 августа 1916 г.); орден св. Владимира 4-ой степени с мечами (8 марта 1917 г.); золотой наперсный крест на георгиевской ленте (23 сентября 1818 г.). Отец Константин своими душевными качествами снискал у солдат огромную любовь и уважение. Поэтому 25 марта 1917 г. его избрали депутатом и секретарем полкового комитета, а 11 января 1918 г. на общем собрании солдат назначили полковым казначеем. На новой общественной должности отец Константин пробыл недолго. 11 мая 1918 г. он вынужден был уволиться из полка и вернуться к своей семье в г. Елец. Здесь распоряжением епископа Орловского Серафима (Остроумова) он был назначен временно исполнять обязанности священника в с. Тельчино Елецкого уезда. Испытывая постоянные притеснения со стороны большевиков, опасаясь за жизнь своих родных, переехал в Польшу, где «с первых дней служения в братской церкви отец Константин стал трудиться над восстановлением разрушенного войной церковного хозяйства, ввел практику чтения по воскресным дням акафистов со всенародным пением, что послужило условием многолюдного посещения богослужений. После смерти матушки он старался часто служить Божественную Литургию» [4, с. 39]. В 1933 г. его за-

ботами была построена металлическая ограда вокруг Свято-Николаевского храма. Не оставил указанный священник и преподавательской работы, являясь учителем Закона Божьего в местной русской гимназии. В 1925 г. отец Константин был назначен законоучителем польской общеобразовательной школы № 6 г. Бреста [5, п. 151 об.]

В 1929–1933 гг. отец Константин активно занимается литературной деятельностью. В указанный период он издал целый ряд историко-богословских и агиографических трудов:

1) Житие и страдания святого преподобномученика Афанасия, игумена Брестского. – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1931.

2) Римская неправда о главе Вселенской Церкви: Разбор католического учения о папском примате в связи с книгой И.А. Забужского «Православие и Католичество». – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1932.

3) Виленская Островоротная или Остробрамская Чудотворная Икона Божией Матери. Исторический очерк ее происхождения и захват униатами и католиками. – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1932.

4) Житие и страдания святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1932.

5) Житие Преподобного Иова, Игумена и чудотворца Почаевского (1550–1651). – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1932.

6) Латинизация православного богослужения в Униатской Церкви. – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1932.

7) Исторический очерк церковной унии: её происхождение и характер. – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1933 (2-е издание. – М., 1993).

8) Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия. – Варшава: Варшавская синодальная типография, 1933 [6].

По мнению иеродиакона Василия (Костюка), отец Константин Зноско был «пожалуй, самым известным агиографом Польши в то время» [7, с. 52]. Также отцом Константином был написан «Акафист святому преподобному мученику Афанасию, игумену Брестскому» (Варшава, 1929).

В 1938 г. священника Константина Зноско на посту настоятеля Свято-Николаевской церкви сменил его сын Митрофан, будущий епископ Бостонский. Родился Митрофан Константинович 4/17 августа 1909 г. в г. Брест-Литовск. Начальное образование получил в Брестской русской гимназии. Окончив в 1930 г. гимназию, поступил на богословский факультет Варшавского университета. Вскоре перевелся на богословский факультет Белгородского университета, в качестве личного стипендиата сербского патриарха Варнавы. Окончив Белгородский университет в 1934 г., вернулся в Польшу, где, сдав соответствующие экзамены и удовлетворив все требования богословского факультета Варшавского университета, был удостоен степени магистра богословия. 1 сентября 1935 г. был рукоположен в диакона в г. Пинске, а 12/25 июня 1936 г. архиепископ Пинский и Полесский Александр рукоположил его в сан иерея. В 1835–1936 гг. отец Митрофан работал законоучителем в русской гимназии г. Бреста, а в 1936–1938 гг. служил на приходе при Успенском храме в селе Омеленец (сейчас эта деревня находится в Каменецком районе Брестской области). В 1938 г. иерей Митрофан был направлен в г. Брест настоятелем [8].

Таким образом, в 1921–1939 гг. настоятелями братского храма было 4 священника [Табл. 1].

Таблица 1 – Настоятели Свято-Николаевской братской церкви в 1920–1938 гг.

Год	Причт
1920	настоятель схи-иеромонах Феофил
1921 (с 22 июня)	настоятель Леонид Львович Ромеский
1922–1933	настоятель Константин Иоаннович Зноско
1938	Настоятель Митрофан Константинович Зноско

Помогали священникам псаломщики. В 1920–1933 гг. псаломщиком при Свято-Николаевском храме был Василий Максимович Петрович, уроженец поселка Пищаце Бельского уезда Седлецкой губернии (родился 20 апреля 1879 г.). В 1904–1905 гг. В.М. Петрович обучался в школе причетников при Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре. После окончания указанной школы 15 февраля 1906 г. был назначен архиепископом Холмским и Люблинским Евлогием временно исполнять обязанности псаломщика к Добрыньской Свято-Успенской церкви Бельского уезда Холмской епархии. А вскоре, примерно через год, 21 марта 1907 г. был утвержден в данной должности. С 1 сентября 1912 г. В.М. Петрович был привлечен к преподаванию пения в Добрыньском начальном училище.

После эвакуации в Тамбовскую губернию Борисоглебским уездным правлением помощи беженцам был назначен председателем по устройству беженцев с. Уварово и других ближайших сельских населенных пунктов. Организуя благотворительность среди местного населения, В.М. Петрович не оставлял церковной службы. 15 апреля 1916 г. он был назначен епископом Тамбовским и Шацким Зиновием псаломщиком в с. Уварово при Свято-Михайловской церкви, а 1 октября 1917 г. – учителем Закона Божьего в трёх открывшихся беженских местных начальных школах. Помимо этого, Холмская духовная консистория 1 января 1917 г. назначала В.М. Петровича «организатором холмичей-беженцев по Борисоглебскому уезду Тамбовской губернии» [2, л. 42 об.].

В годы гражданской войны В.М. Петрович вернулся на Родину. 1 августа 1919 г. он стал временно исполнять обязанности псаломщика при Кобыляно-Горбовской церкви Бельского уезда Холмской епархии. А 25 июня 1920 г. причт Свято-Николаевского храма г. Бреста пригласил его к несению обязанностей псаломщика при указанной церкви. 13 ноября 1929 г. В.М. Петрович был назначен законоучителем польской общеобразовательной школы № 9 [5, л. 152 об.].

Забываясь о правильной постановке церковного пения, В.М. Петрович регулярно прослушивал церковно-певческие курсы, которые проводились в г. Бресте (с 10 июня по 20 июня 1925 г., с 1 по 15 июня 1926 г., в 1927, 1928 и 1929 гг.) [9, л. 15 об.; 10, л. 16 об.; 11, л. 35 об.].

Церковным старостой Свято-Николаевского храма был избран 10 апреля 1919 г. Василий Доминикович Лицкевич, 1866 г. рождения. Его ближайшим преемником был с 1929 г. по 1933 г. Георгий Николаевич Александровский (имена старост с 1934 г. нам не известны).

Причт Свято-Николаевской церкви не получал до 1928 г. жалованья. Поэтому священно- и церковнослужители жили в основном на пожертвования своих прихожан. Следует отметить, что поступления от совершения церковных богослужений, продажи церковных предметов, треб, кружечных доходов были непостоянными [табл. 2].

С 1928 г. причт братской церкви стал получать казённое жалованье: протоиерей Константин Зноско – по 55 золотых в месяц, а псаломщик В.М. Петрович – по 15 золотых [14, л. 23 об., 24 об.;]. С 1930 г. настоятель получал 660 золотых в год, а псаломщик – 180 золотых [11, л. 29 об.].

Таблица 2¹ – Размер кружечных доходов Свято-Николаевской церкви в 1924–1933 гг.

Год	Размер кружечных доходов (в злотых)
1924	2034
1925	1800
1926	1275
1927	1750
1928	1547
1929	1755
1930	1860
1931	1918
1932	1500
1933	2176,97

На земле братской церкви до 1929 г. имелось 6 построек [3, л. 8 об.].

1) Каменная пятиглавая Свято-Николаевская церковь, построенная в 1906 г., главным образом на средства одноименного братства (Святейший Синод выделил на строительство только 25000 руб. из 82000 руб., необходимых для возведения храма).

2) Каменная часовня, воздвигнутая на средства братства в 1904 г.

3) Двухэтажный кирпичный дом, построенный в 1899 г., в котором помещалась русская гимназия (до недавнего времени это здание – по ул. Куйбышева, 11 – использовалось под вечернюю школу).

4) Деревянный дом, который был специально построен на братские средства в 1910 г. В нем до 1915 г. помещался детский приют. В 1922 г. в указанном здании размещались настоятель церкви, регент братского хора, 2 класса и библиотека гимназии, а также 3 частные семьи. В 1923 г. в данном доме размещались, кроме настоятеля церкви, регента братского хора и 3 частных лиц, товарищество «Просвіта», один класс и библиотека гимназии [18, л. 9]. В 1924 г. – только настоятель церкви и частные лица; некоторые классы гимназии перевели в здание бывшей церкви.

5) Деревянное здание, в котором с 1895 г. по 1906 г. помещалась бывшая братская церковь;

6) Деревянная сторожка, построенная на церковные средства в 1909 г., с сараем. В церковной сторожке с начала 20-х гг. XX в. помещался псаломщик.

Пахотной земли при церкви не имелось.

Священнослужители постоянно заботились о благоустройстве храма и зданий, принадлежавших причту. В 1927, 1930, 1931 гг. был проведен капитальный ремонт Свято-Николаевской церкви, а в 1924 г. – деревянного здания бывшей церкви [5, л. 147 об.; 11, л. 29 об.; 12, л. 2 об.; 15, л. 27 об.].

Летом 1929 г. причт Свято-Николаевской церкви бесплатно предоставил участок земли возле храма для возведения второго учебного корпуса русской гимназии. Это спасло данное учебное заведение от закрытия, так как польское правительство в лице руководства школьного округа потребовало к началу 1929/1930 учебного года построить новое здание вследствие недостатка школьных помещений и переполнения классов в гимназии. В течение летних каникул Русское благотворительное общество и православное население г. Бреста сумело на церковной земле построить новый деревянный учебный корпус. В итоге, русская гимназия не только была спасена, но и стала работать в новых, более благоприятных условиях [19, с. 64].

¹ Таблица составлена автором по данным ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 4. – Д. 1 г. – Л. 1 об.; Там же. – Д. 2. – Л. 24 об.; Там же. – Д. 2 а. – Л. 9 об.; Там же. – Д. 3. – Л. 18 об.; Там же. – Д. 4. – Л. 19 об.; Там же. – Д. 4 б. – Л. 147 об.; Там же. – Д. 4 в. – Л. 29 об.; Там же. – Д. 4 г. – Л. 27 об.; Там же. – Д. 4 д. – Л. 23 об.; Там же. – Д. 4 е. – Л. 23 об.

Помощь русской гимназии имела огромное значение, так как она являлась «маленьким бастионом русской культуры» в Польше [19, с. 64]. Существование русской гимназии сдерживало полонизацию православного населения г. Бреста. Значение указанного учебного заведения со временем значительно возросло, так как польское правительство постепенно ликвидировало почти все русские гимназии на восточных окраинах государства. Если в 1920 г. на территории четырех воеводств: Виленского, Новогрудского, Полесского, Волынского и части Белостокского существовало 19 русских гимназий, то в 1938 г. во всей Польше осталось только 4 (эмигрантская гимназия в Варшаве, гимназии в Вильно, Ровно и в Бресте).

К приходу братской церкви принадлежала Граевская слободка и привокзальная часть г. Бреста по улице 3 мая, то есть примерно 1/4 часть города. Деревень в приходе не имелось [3, л. 13]. Но в 1920 г. к братскому Свято-Николаевскому приходу временно относились прихожане Черневского (730 мужчин и 770 женщин) и Косичского (390 мужчин и 360 женщин) приходов [2, л. 42 об.]. Данные о количестве прихожан стали приводиться более точные лишь с середины 1920-х гг. [табл. 3] В 1922 г. настоятель Свято-Николаевской церкви Константин Зноско в клировой ведомости писал: «Точных сведений о количестве прихожан не имеется, но, судя по количеству лиц, посещающих церковь и выполняющих в ней духовные требы, таковых не менее 3000 душ обоего пола» [3, л. 13].

Таблица 3² – Количество прихожан Свято-Николаевской братской церкви в 1923–1933 гг.

Год	Количество прихожан	
	Мужчин	Женщин
1923	3002	
1924	1827	1790
1925	1891	1854
1926	1748	1732
1927	1554	1440
1928	1354	1240
1929	988	1341
1930	884	1001
1931	968	1002
1932	904	1063

Прихожане братской церкви помогали причту содержать храм в благолепном виде, оказывали помощь Брестской русской гимназии, находившейся при Свято-Николаевской церкви.

Таким образом, после русско-польской войны 1919–1920 гг. Свято-Николаевский приход был не только восстановлен, но и оказал огромное влияние на сохранение в г. Бресте православной веры и русской культуры. Благодаря деятельности русской гимназии, размещавшейся в зданиях Свято-Николаевской церкви, сдерживалась полонизация местного населения и тем самым создавались объективные условия для сохранения национальной культуры.

Литература

1. Государственный архив Брестской области. – Фонд 2059. – Оп. 4. – Д. 1 (Клировые ведомости церковей I округа Брестского повета за 1920 г.).
2. Там же. – Д. 1 а (Клировые ведомости церковей 1 округа Брестского повета за 1921 год).
3. Там же. – Д. 1 б. (Клировые ведомости церковей 1 округа Брестского повета за 1922 год).

² Таблица составлена автором по данным ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 4. – Д. 1 в. – Л. 13; Там же. – Д. 1 г. – Л. 8 об.; Там же. – Д. 2 – Л. 24 об.; Там же. – Д. 2 а – Л. 16 об.; Там же. – Д. 3. – Л. 18 об.; Там же. – Д. 4. – Л. 26 об.; Там же. – Д. 4 б. – Л. 154 об.; Там же. – Д. 4 в. – Л. 36 об.; Там же. – Д. 4 г. – Л. 34 об.; Там же. – Д. 4 д. – Л. 32 об.

4. Носко, М. Протопресвитер Константин Зноско / М. Носко // Брестские епархиальные ведомости. – 2006. – № 1 (15). – С. 33–35; № 2 (16). – С. 39–41; № 3 (17). – С. 39–42.
5. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 4. – Д. 4 б (Клировые ведомости церквей I округа Брестского повета за 1929 год).
6. Протоиерей Константин Зноско (1865–1943) [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/gi.z_014.htm. – Дата доступа: 22.09.2009.
7. Иеродиакон Костюк, В. История Полесской епархии (1922–1944 гг.) / В. Костюк. – Брест: Брестская областная типография, 1999. – 152 с.
8. Преосвященный Митрофан (Зноско-Боровский). Епископ Бостонский // Братский листок. – 2009. – № 6. – С. 4–5, № 7. – С. 4–5.
9. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 4. – Д. 2 а (Клировые ведомости церквей I округа Брестского повета за 1926 год).
10. Там же. – Д. 3 (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1927 год).
11. Там же. – Д. 4 в (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1930 год).
12. Там же. – Д. 1 г (Клировые ведомости церквей 1-го округа Брестского повета за 1923 год).
13. Там же. – Д. 2 (Клировые ведомости церквей 1-го Брестского округа Брестского повета за 1925 год).
14. Там же. – Д. 4 (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1928 год).
15. Там же. – Д. 4 г (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1931 год).
16. Там же. – Д. 4 д (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1932 год).
17. Там же. – Д. 4 е (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1933 год).
18. Там же. – Д. 1 в (Клировые ведомости церквей 1 округа Брестского повета за 1923 год).
19. Сарычев, В. В поисках утраченного времени / В. Сарычев. – Кн. 1: Брест средневековый, Брест-Литовск российский, Брест-над-Бугом польский, Бриск еврейский. – Брест: ОАО «Брестская типография», 2006. – 308 с.

МАЛОРИТСКОЕ БЛАГОЧИНИЕ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1920-1939 гг.)

Галимова Н.П., Лавренко Л.В.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.) часть православного населения Северо-Западного края переселилась в Россию. Храмы закрывались. На оккупированной немцами территории оставалось не более десятка священнослужителей. С 1918 г. начинается возвращение жителей данных территорий. В ноябре 1918 г. немцы начали выводить войска из Беларуси. 1 января 1919 г. большевики объявили в Смоленске об учреждении Белорусской Советской Социалистической Республики. Территория республики представляла собой 6 уездов бывшей Минской губернии (Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский, части Минского и Слуцкого).

После окончания советско-польской войны 1919-1920 гг. Беларусь была разделена на две части: Западную и Восточную. По Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. в состав Польского государства вошли Западные Украина и Беларусь и значительная часть современной Литвы. Польша обязалась предоставить лицам русской, украинской и бело-

русской национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. По данным государственной переписи 1931 г., православие исповедывали около 12% всех жителей Польши. Национальные меньшинства терпели в Польше полное политическое бесправие. А принятая в Польше Конституция признавала римско-католическое исповедание господствующим среди других. Ему предоставлялось право управления по собственным законам. Что же касается правового положения Православной Церкви во II Речи Посполитой, то оно обуславливалось принципами национальной политики, поскольку вероисповедание, как правило, совпадало с национальностью [1; 6-9].

Что же касается территории современного Малоритского района, то сюда уже в 1918-1919 гг. из эвакуации начинает возвращаться местное население. В связи с нехваткой священнослужителей, с 1918 г., по назначению епископа Гродненского Владимира (Тихонитского), большую часть приходов Малоритского благочиния обслуживал служивший в Олтушской церкви иеромонах Иосиф (Василюк) из Мелецкого Свято-Николаевского монастыря. В декабре 1921 года, во время эпидемии тифа, он проводил причастие умирающих Святыми дарами, вследствие чего сам заразился и умер. Епископ Сергей (Королев) был выслан поляками в Чехословакию за «нелояльность» к польским властям [2; 46].

В 1921-1922 гг. в приходы Малоритского благочиния были назначены священнослужители из числа вернувшихся из эвакуации. В это время поляки начали практику увольнения за штат «неугодных» священников, т.е. тех, кто до войны вел здесь «антипольскую» работу, а позже ими стали и противники автокефалии Польской Церкви. Так, за «антипольскую» работу был выведен за штат в 1924 г., по требованию Министерства исповеданий, настоятель Олтушской церкви протоирей Антоний Дубинский [3; 46].

1 октября 1922 г. приходы Малоритского благочиния вошли в состав новообразованной Полесской епархии, управлял которой епископ, а затем и архиепископ Александр (Иноземцев). Кафедра епископа находилась в городе Пинске. Епархия была разделена на деканаты (деканальные округа) или благочиния. Большинство приходов Малоритского благочиния относилось к 4-му деканату Брестского повета, носившему название Теребуньского, а позднее Малоритского [4; 263-264]. В его состав вошли: Малоритский, Збуражский, Гвозницкий, Ляховецкий, Олтушский, Великоритский, Радежский, Чернянский, Хотиславский, Пожежинский, Ореховский и Замшанский приходы. Мокранский, Луковский и Доропесевичский приходы вошли в 1-й деканат Кобринского повета [5; 3-5].

Все населённые пункты Малоритского района находились на территории Полесского воеводства и распределялись между Брестским и Кобринским поветами. В Брестском повете (куда вошла большая часть территорий Малоритского района) они делились на три гмины: Малоритскую, Великоритскую и Ореховскую. В 1921 г. Малорита получила статус местечка [6; 125-133].

Наступление со стороны польских властей на Православную Церковь продолжало нарастать: в 1924 г. по указанию польского правительства Священным Синодом Варшавской митрополии для богослужбной жизни в Церкви был введен григорианский стиль. Но это нововведение игнорировалось православным населением: в Олтушской Спасо-Преображенской церкви в день 6 августа (престольный праздник) и 25 декабря по новому стилю (Рождество Христово) в храме за богослужением находились священник, псаломщик и староста. В эти же дни по старому стилю пришедшее на богослужение население не помещалось в церкви [7; 47].

15 апреля 1925 г. Синод Православной Церкви в Польше провозгласил Польскую Церковь автокефальной. Объявление автокефалии не улучшило положение Православной Церкви в Польше. По словам современника, сенатора А. Назаревского, православным приходилось «с большим трудом, а иногда даже с опасностью отстаивать свою национальность и свою православную веру». Церковь фактически находилась под полным контролем государства. Министерством религиозных исповеданий, в начале 20-х гг., было закрыто большинство приходов под предлогом их малочисленности [8; 264]. Закрытые приходы становились приписными к приходским штатным и назывались филиальными. В Малоритском благочинии были переименованы в филиальные Великоритский, Ореховский, Хотиславский, Гвозницкий и Замшанский приходы. Из вышеперечисленных только Замшанский приход можно было назвать действительно малочисленным. Остальные четыре прихода были достаточно многочисленными. Такое положение создавало благоприятные условия для деятельности католических и униатских священнослужителей, а также способствовало увеличению числа сектантов.

Существовали приходы, филии штатные, которые также являлись приписными приходами, но епархиальный архиерей мог назначить в такие приходы священника и псаломщика (Луковский, Ляховецкий и Доролеевичский приходы) [9; 3-6].

Притеснения православного населения со стороны гражданских властей было обусловлено желанием насадить местному населению католичество, или, в крайнем случае, унию. Первым шагом для достижения поставленной цели было построение в местечке Малорита в 1924 г. римско-католического костела, строительство которого обошлось в 5000 злотых [10; 3]. В 1926 г. в Малорите православного населения насчитывалось около 1000 человек, а католического – 220. Кроме того, в Малорите проживало 20 униатов восточного обряда, не имевших своего храма [11; 1-3]. Необходимо отметить, что еще в 1910 г. о существовании в Малорите католиков не упоминалось.

Обосновавшись в Малорите, католики обратили внимание на слабость окрестных православных приходов. В это время в Польше повсеместно практиковалась ревизия православных церквей католиками.

Благодаря деятельности католиков, был закрыт Пожежинский штатный приход. В 1924 г. после уборки урожая крестьяне свозили часть его своему священнику, за которую обрабатывали церковные земли. Так как у священника в Пожежине своего дома не было и жил он в Великорите, то урожай оставляли возле церкви. На тот период в Пожежине имелось два храма: 1915 г. постройки, в котором совершались богослужения, и 1637 г. постройки – старый, бывший некогда униатским. Именно в этот второй храм крестьяне на время и перенесли все ими собранное. Местный полицейский, узнав об этом, приказал очистить церковь. Через два месяца по приказанию Брестского поветового старосты церковь была опечатана. Епископ Александр объявил выговор священнику Иоанну (Житинцу) за «легкомысленное отношение к святыне» и наложил на него штраф 40 злотых. В 1925 г. Пожежинский приход был переименован в филиальный, а осенью того же года храмом заинтересовался строительный комитет римско-католического костела в Малорите. Строительный комитет подал прошение Брестскому воеводе с просьбой о передаче опечатанной церкви католикам и о перенесении ее в Малориту для расширения здания Малоритского костела. Прошение содержало ряд доказательств, которые свидетельствовали об униатском прошлом церкви. Воевода относительно этого прошения не возражал, а епископ Александр на его запрос отказать не мог, так как фактически эта церковь находилась в ведении католиков. Воеводой и епи-

скопом Александром было дано согласие, единственным условием было то, чтобы католики хоть в какой-либо мере возместили передаваемое им имущество. С течением времени католики подали судебный иск против православных с претензиями на земельное и иное имущество Пожежинской церкви. Судебное разбирательство по данному иску длилось более пяти лет и не принесло желаемого результата католикам. А пока шло судебное разбирательство православные с. Пожежин предприняли попытку вернуть своему приходу священника: в 1931 г. они обратились с просьбой к митрополиту Варшавскому Дионисию. Но эта просьба не была удовлетворена [12; 1-14].

Католиками была сделана попытка подвергнуть ревиндикации и Гвозницкую церковь, приход которой на тот период насчитывал более 1500 прихожан. В 1924 г. он был объявлен нештатным филиальным. В 1926 г. представители католического населения д. Гвозница обратились к Полесскому воеводе с просьбой передать им Гвозницкую церковь, построенную в 1816 г. униатами. Свою просьбу они аргументировали тем, что для удовлетворения своих нужд им необходимо обращаться в ближайший костел, который находился в Малорите (16 км от деревни). По данной просьбе началась переписка Полесского воеводы и епископа Александра, а дело рассматривалось в Полесской духовной консистории. Последняя, при принятии своего решения учла следующее обстоятельство: если церковь будет передана католикам, то ближайшей церковью для православных станет Збуражская церковь, которая находилась на расстоянии 10 – 12 верст от деревень Гвозницкого прихода: Бродяти, Орлянка, Язвин, в которых проживало более 1000 православных. В сложившейся ситуации они попали бы под влияние католической церкви и многие перешли бы в католичество или унию. Поэтому в передаче католикам Гвозницкой церкви было отказано. Духовная консистория свой отказ аргументировала тем, что все униаты в свое время вместе с церковью перешли в православие. Православные несколько раз делали ремонтные работы в церкви и построили колокольню при ней, в то время как католики не вложили в нее никаких средств. Вскоре после принятия данного решения православные многократно обращались к Полесскому воеводе и епископу Александру с просьбой открыть у них штатную филию и направить в Гвозницкий приход священнослужителя, так как Гвозницкий приход был приписным к вдвое меньшему Збуражскому приходу и не обслуживался должным образом збуражским священником. На решение этого вопроса повлияли события, начавшиеся в Збуражском приходе [13; 1-11].

События, происходившие в Збуражском приходе в 1929 – 1931 гг., отражают картину жизни Православной церкви Польского государства в исследуемый период и связаны с именем Петра Вачинского. По словам С.К. Виторского, секретаря Полесской духовной консистории, «П. Вачинский не был выдающейся, или идейной личностью и, по степени развития и образу жизни особым уважением у прихожан не пользовался», настоятелем Збуражской церкви служил с 1927 г. За ряд правонарушений дисциплинарного характера и неповиновение епархиальной власти был перемещен в 1929 г. на должность заведующего Здитовским филиальным приходом. Вскоре, ввиду его дальнейших проступков, определением духовной консистории, утвержденным епископом Александром 10 января 1930 г., священник был назначен «на место псаломщика Телятичской церкви с запрещением в священнослужении и низведением в причетники впредь до раскаяния и исправления» [14; 1-2, 24, 46]. В Телятичскую церковь священник не прибыл: он остался в д. Збураж и решил организовать здесь независимый от официальной Православной церкви приход. В январе – марте П. Вачинский вел агитацию среди прихожан, направленную на

поднятие протеста ими против назначенного в Збуражский приход священника Федора (Левицкого). В связи со сложившимися обстоятельствами, священник Федор вынужден был служить в Гвозницкой приписной церкви. Одновременно П. Вачинский предпринимал все возможные меры для отделения Збуражского прихода от Русской Православной Церкви. Для осуществления задуманного ему необходимо было оформить выход из одной юрисдикции (т.е. Русской Православной Церкви) и подчиниться какой-либо другой. Поэтому Вачинский вел переписку с сенатором Вячеславом Васильевичем Богдановичем, благодаря которому он получил свидетельство, где говорилось о том, что Священник П. Вачинский вместе со Збуражским приходом принимается под юрисдикцию архиепископа Владимира (Тихонитского) и Патриаршей Православной церкви в Польском государстве. Будучи высланным поляками, архиепископ Владимир в это время проживал во Франции, а Патриаршая Православная Церковь в Польше существовала нелегально и имела в своем составе только один приход в г. Вильно (организован сенатором В. Богдановичем и протоиреем Лукой Голодом). 23 марта 1930 г. Вачинский при помощи крестьян захватил Збуражскую церковь и совершил в ней литургию, в ходе которой упоминал митрополитов Петра (Полянского), Сергия (Страгородского) и архиепископа Владимира. После богослужения было объявлено о выходе прихода из-под юрисдикции митрополита Дионисия и архиепископа Александра и присоединении его к церковной группе сенатора В. Богдановича. 31 марта 1930 г. решением Полесской Духовной Консистории священник Петр Вачинский был лишен священного сана. Но священника поддерживало почти все крестьянство и интеллигенция с. Збураж, поэтому справиться с этим расколом архиепископу Александру было достаточно сложно. Отправленного им для решения данного вопроса Брестского районного миссионера священника Ф. Дмитриюка крестьяне не допустили к церкви и чуть не избили. Они объявили миссионеру о том, что не пустят в церковь никого кроме П. Вачинского (в это время сторонников священника насчитывалось около 80% среди збуражских прихожан). Судьбой Збуражского прихода заинтересовался Священный Синод Польской Православной церкви, благодаря которому и была поставлена точка в этой истории, и дело решено в пользу Русской Православной Церкви. В начале мая настоятелем Збуражского прихода был назначен священник Алексей (Ушаков), который при помощи поветового старосты и полиции 11 мая занял церковь. Судебным решением от 16 апреля было решено выселить Вачинского из священнического дома, а в ночь на 12 мая священник был арестован. После ареста П. Вачинского волнения в приходе стали стихать, на стороне священника осталась только местная интеллигенция.

В июне 1930 г., после освобождения, П. Вачинский попытался возобновить патриарший приход в Збураже. 24 июня в газете «Наша жизнь» была напечатана заметка и письмо сенатора В. Богдановича о переходе Збуражского прихода под юрисдикцию Патриаршей Всероссийской Церкви. Но эти сведения были уже устаревшими и неверными. П. Вачинский поняв безрезультатность своих действий в качестве православного священника, начинает свою деятельность в роле униатского священника. В июне 1931 г. Вачинский требовал выслать его документы римско-католической курии епископа Пинского С. Лазинского. Свой переход в католическую веру он объяснял так: «В прошлом году, находя устройство Православной Церкви несогласным с духом православных канонов, а некоторые факты несоответствующими духу христианской морали, я добровольно порвал связь с православием в Польше... события истекшего года наглядно подтвердили мои сомнения, что Православная Церковь независимо от ее внутреннего устройства далеко расходится с истинной христианской Церковью, как в учении, так и в практике...» [15; 3-51].

В марте 1932 г. Збуражский и соседние с ним приходы П. Вачинский посетил уже в роле ксендза и провел агитацию среди крестьян с целью перехода последних в унию. Он скомпрометировал себя тем, что уклонился от предложенного им же самим публичного диспута с православным священником. В октябре того же года П. Вачинский приехал в с. Збураж и поселился там с целью пропаганды римско-католической религии. В это время римско-католический ксёндз из Малориты делал все возможное для построения в Збураже часовни для местных католиков и нескольких униатов, из которых семьи Павла Босака и Ивана Буцюка в 1936 г. вернулись в православие. Для противодействия унии церковные власти предложили причту Збуражской церкви прекратить взимать плату за требы. Причту выдавалось ежемесячное пособие в 80 злотых из суммы Брестского районного миссионерского комитета. В связи с этими событиями на престольный праздник Збуражской церкви Покрова Божией Матери в Збураж приехал председатель Брестского районного миссионерского комитета протоиерей Стефан Жуковский. В день праздника был совершен крестный ход из села Оптуш. В храме совершалось торжественное богослужение. И на этот раз действия П. Вачинского, даже в качестве униатского священника, не принесли ему желаемого результата [16; 410-411].

Ревиндикации подверглась и Замшанская церковь. С 1924 г. этот приход существовал как филия нештатная. С 1925 г. в Замшанском приходе проживало около 750 человек. В плане просвещения, религиозного и нравственного воспитания народа Замшанский приход был самым отсталым. Вскоре здесь появляется организация КПЗБ (Коммунистическая партия Западнoй Беларуси, действовала с 1924 г.). С того же года в Замшанах базировался и Малоритский райком КПЗБ [17; 134].

К началу 1926 г. религиозная обстановка была представлена следующим образом: католиков насчитывалось 20 человек, 250—300 человек, которые «якобы» желали перейти в унию и 350-400 человек православного населения. В течение февраля 1926 г. католиками активно велся сбор подписей к прошению, составленному на имя бискупa С. Лазинского о принятии Замшанского прихода в унию. Сбор подписей велся псаломщиком Малоритской церкви И. Иванчиком, который был недоволен переводом в другой приход. Прихожанам было сказано, что обращение, в котором якобы содержится просьба о возвращении священника в Замшанский приход, будет направлено епископу Александру. Епископ Александр, несмотря на невозможность назначения по существующему в Польше законодательству в Замшанский приход священника, в марте назначил в качестве миссионера в помощь Малоритскому священнику иеромонаха Иринарха (Барыча). Вскоре последовал протест польских властей на данное назначение. 9 июня по назначению бискупa С. Лазинского для проведения агитации перехода в униатство в Замшаны прибыл ксёндз Зенон Шымкевич. Под давлением населения, недовольного его деятельностью, ксёндз вынужден был покинуть приход [18; 18-27]. В августе 1926 г. епископ Александр посетил Великоритский, Малоритский и Замшанский приходы [19; 1-62]. После визита епископа волнения в Замшанах немного утихли, а прошение о переходе в унию прихожанами было отозвано.

К 1928 г. ситуация в Замшанах усложнилась: во-первых, иеромонаху Иринарху в силу его возраста (73 года) трудно было исполнять пастырские обязанности, во-вторых, весной 1928 г. Малоритский священник В. Пилинкевич сдал в аренду на несколько лет земли Замшанской церкви (до этого они обрабатывались крестьянами почти бесплатно) и, в-третьих, верующие выражали возмущение по поводу повышения платы за церковные требы. Вновь было направлено прошение бискупу С. Лазинскому, которое подписали 450 человек. 6 июля в Замшаны прибыл ксёндз Константин Сонгайло, который занимался исследованием ме-

стных условий и подготовкой принятия прихода в униатство. 8 июля в Замшаны прибыл священник В. Пилинкевич для проведения литургии, но местное население не пустило священника в церковь. После этого церковный попечитель открыл церковь, где по просьбе народа, ксёндз Сонгайло совершил богослужение. Подозревая ксёндза Сонгайло в обмане, польские власти вскоре опечатали церковь. Бискуп С. Лозинский обращался с ходатайством о передаче церкви униатам. В нем он использовал уже привычные аргументы: церковь строилась униатами, а теперь ближайший к униатам костел находится далеко (за 5 километров). К этому же времени относится ходатайство архиепископа Александра о назначении в Замшаны нового священника и открытии церкви для православных. Им обоим было отказано, вопрос оставался открытым до проведения следствия и выяснения всех обстоятельств дела.

В ходе следствия, в декабре 1928 г., в Замшанах польскими властями был проведен опрос, который показал, что больше половины населения придерживалось православия, четверть – не исповедала ни одну из религий, и еще четверть – выступала в поддержку уни. Весной 1929 г. в Замшаны приехал приверженец секты марьявитов, ксёндз Чистовский. Однако его агитация не дала желаемых результатов. В течение всего 1929 г. православное население д. Замшаны и архиепископ Александр неоднократно обращались к польским властям с просьбой о передаче им церкви. Но такую передачу полесский воевода считал преждевременной. Не помогло и личное ходатайство митрополита Дионисия перед Министерством исповеданий. Весной 1930 г. в д. Замшаны вновь приехал униатский священник, на этот раз – редемпторист из Ковеля. Но его агитация оказалась также безрезультатной, и ему пришлось покинуть деревню.

К лету 1930 г. было завершено следствие по делу униатского движения в с. Замшаны. Следствие установило, что приезд в Замшаны ксёндза К. Сонгайло и пропаганда им уни входили в рамки униатского движения, подготовленного и организованного католическим духовенством. По их плану исходным пунктом движения должно было стать с. Замшаны. Движение должно было охватить следующие населенные пункты: Пожежин, Роматово, Орехово, Олтуш, Великориту, Хотислав и Гвозницу. Временным центром движения являлся католический приход в Малорите, который постоянно посещал ксёндз К. Сонгайло. С ним тесно сотрудничал ксёндз малоритского костела Ян Эйсмонт, который писал заявления и листовки православным. Село Замшаны было выбрано ими не случайно. Здесь было использовано недовольство части жителей православным духовенством. Большинство наиболее активных сторонников уни являлись активными членами КПЗБ. Последнее, по-видимому, стало причиной того, что польские власти не поддержали униатское движение, вследствие чего оно пошло на спад [20; 1-18, 27-55].

Несмотря на постоянные притеснения со стороны польских властей и католиков, православное духовенство имело некоторые средства для своего существования. Приходской штат состоял из 2 лиц: священника и псаломщика. Основным источником их содержания продолжала оставаться земля. Как и до 1917 г. церкви продолжали владеть крупными земельными наделами размером от 50 до 200 десятин. После 1920 г. земельные наделы были уменьшены: при малоритской церкви – на 90 десятин, при ляховецкой – на 68 десятин, Замшанской – 16 десятин. В большинстве приходов Малоритского благочиния причт обрабатывал меньшую часть земли, а большую часть сдавал в аренду крестьянам за 1/3 урожая. Кроме прибыли с земли, доход священника составляли жалование и плата за требы [21; 2-97].

В Полесской епархии существовало епархиальное попечительство. Оно оказывало помощь причтам слабых приходов, а также заштатным священнослужителям и семьям умерших клириков. Примером может служить то, что в 1927 г. епархиальное попечительство оказало помощь уволенному из-за тяжелой болезни за штат священнику Стефану Гордовскому [22; 1-13]. Епархиальное попечительство могло выделять вдовам и сиротам священников земельные участки из церковной приходской земли размером в 3 десятины. Были выделены сиротские участки при Ляховецкой, Луковской, Малоритской, Олтушской, Хатиславской, Мокранской, Чернянской церквях.

Что касается школ, то все они в Польше были переданы в ведение Министерства народного просвещения. В результате все школьные церковные здания были отобраны у приходов польскими властями. В школах преподавали назначенные Министерством народного просвещения учителя. Священнослужители получили разрешение у правящего архиерея преподавать только Закон Божий. По имеющимся сведениям, в 1930 г. на территории Малоритского района насчитывалась около 18 школ, причем в некоторых районах их было по 2 и даже по 3, но не во всех занятия проходили регулярно. В Малоритской, Замшанской, Олтушской, Ланской, Пожежинской школах преподавание осуществлялось на польском языке.

В 1927 г. в Малорите произошел конфликт между прихожанами и польскими властями из-за школьного здания, построенного прихожанами на свои средства еще в 1903 г. Несмотря на все попытки прихожан, здание им не вернули [23; 1-7].

Православная церковь в Польше в 1920-1939 гг. вела активную миссионерскую деятельность. В ней принимала непосредственное участие и Полесская епархия. Для более успешной миссионерской деятельности на территории Полесской епархии были образованы миссионерские районы (приходы Малоритского благочиния входили в Брестский миссионерский район).

В 1925 г. уже почти во всех приходах благочиния, хотя и в небольших количествах, проживали сектанты. В основном это были штундо-баптисты, а с середины 1920-х гг. – пятидесятники и зеленосветковцы [24; 68-69]. Координационный центр пятидесятников Малориты находился в с. Страдичи (теперь Брестский район). В 1929 г. Министерством исповеданий были разрешены молитвенные собрания пятидесятников в одиннадцати населенных пунктах Полесского воеводства, в том числе в Орехово и Пожежине [25; 23-25]. В 20-30-е гг. в среде сельской полубразованной интеллигенции распространенным явлением становилось безбожие, что в определенной степени также подрывало положение Православной церкви на данной территории. В 1931 г. произошел конфликт между священником Хотиславской церкви Михаилом Войтовичем и группой безбожников из д. Мельники. Они подали в староство письменное заявление об отречении от церкви и иерархии, назвав себя безбожниками [26; 20-21].

В целях улучшения пастырско-миссионерской деятельности приходских священнослужителей их поочередно вызывали в г. Пинск для участия в архиерейских богослужениях и произнесения поучений. Псаломщики также должны были присутствовать на архиерейских богослужениях [27]. Для помощи священникам в организации миссионерской деятельности в приходах благочиния 2 раза в год устраивались пастырско-миссионерские конференции. 12-14 ноября 1934 г. такая конференция проходила в Малорите [28; 20-25]. Все эти мероприятия помогали более-менее успешно справляться с антиправославной пропагандой.

Постановлением Священного Синода Православной Церкви от 7 ноября 1938 г. в Польшу все приходы Бельского, Брестского, Ковельского и Любомльского уездов с 1 января 1939 г. перешли в состав Варшавской епархии [29; 27]. 18 ноября 1938 г. был издан Декрет президента «Об отношении Государства к Польской Православной Церкви». Этот декрет поставил Церковь в полную зависимость от государственной власти. Без ее санкции не осуществлялись назначения на иерархические и церковные должности, занимать которые могли лица с польским гражданством. В случае обнаружения вредной для государства деятельности духовного лица, воевода мог потребовать от правящего архиерея удалить такое лицо от занимаемой должности. Официальным языком церковных властей и учреждений являлся польский язык [30; 10-11].

В результате раздела Польши между Германией и Советским Союзом, с 17 по 25 сентября 1939 г. в Западные Украину и Беларусь вошли советские войска. Большинство населения Полесья первоначально положительно отнеслось к присоединению Западной Беларуси к СССР. В сентябре 1939 г. православные священнослужители нередко организовывали праздничные встречи частей Красной Армии.

Политика польских властей, проводившаяся в 1920-е – 1930-е гг. XX столетия, ставила Православную Церковь в определенные «рамки». Повсеместно проводилась ревиндикация церквей, политика колонизации. Православная Церковь попала в полную зависимость от государства. Религиозная жизнь населения Западной Беларуси проходила в условиях приоритетного развития польского костела, хотя власти II Речи Посполитой делали видимость равноправия всех конфессий. Поэтому перед советским руководством стал неотложный вопрос определения своей религиозной политики на новых территориях. От обычной политики – открытой антицерковной компании, массового закрытия храмов и ареста священнослужителей – власти отказались. Они стремились действовать более сдержано, хотя и это не всегда удавалось.

Литература

1. Костюк, В. История Полесской епархии (1922-1944 гг.) / В. Костюк. – Брест: Брестская областная типография, 1999.
2. Церковно-приходская летопись Олтушской Спасо-Преображенской церкви с 1880 по 1925 гг. Рукопись.
3. Там же.
4. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрэс, 1966.
5. Список церквей и церковнослужителей Полесской епархии за 1926 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 2059. – Оп. 2. – Д. 509.
6. Память: ист.-докум. хроника Малоритского р-на / ред.-сост. В.Р. Ференц. – Минск: Урожай, 1998.
7. Список церквей и церковнослужителей Полесской епархии за 1937 г. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 2. – Д. 517.
8. Статистические сведения о вероисповеданиях населения Полесского воеводства за 11 сентября 1925 – 29 октября 1927 гг. // ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2022.
9. Списки католических священников Полесского воеводства и церковных приходов со сведениями о землевладении и количестве церквей в них // ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2047.
10. Дело о передаче Пожежинской церкви Брестского повета и имущества католическому духовенству 1925-1931 гг. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 3137.

11. Дело о передаче Гвозницкой церкви Брестского повета и имущества католическому духовенству 1925-1931 гг. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 3142
12. Дело о снятии с работы и исключении из духовного ведомства священника Бачинского Петра 1930-1932 гг. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. – 2. – Д. 448.
13. Там же. – Д. 448.
14. Переписка с церковнослужителями о приеме на работу и увольнении, состоянии благочиннических округов, покупке церковного инвентаря, переводе священников в другие приходы и отчеты о состоянии церквей и борьбе с униатской пропагандой 1930-1932 гг. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. – 2. – Д. 547. – Л. 410-411.
15. Дело об униатском движении и ремонте церкви в Замшанах Брестского повета 1928-1930 гг. // ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2342.
16. Клировые ведомости церквей 4 округа Брестского повета за 1927 г. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. – 4. – Д. 19.
17. Дело об униатском движении и ремонте церкви в Замшанах Брестского повета 1928-1930 гг. // ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 2342.
18. Клировые ведомости церквей 4 округа Брестского повета за 1924 г. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. – 4. – Д. 17.
19. Личное дело Городовского Стефана 1923-1927 гг. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. – 2. – Д. 60.
20. Дело о расследовании прошения прихожан Малоритской церкви Брестского повета о захвате гминным управлением здания бывшей церковно-приходской школы в местечке Малорита 1926 г. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 3151.
21. Отчеты поветовых старост и сведения о настроениях православного населения в связи с закрытием католическим духовенством православных церквей, занятии их земель и о деятельности религиозных сект 16 января 1929 -23 ноября 1929 г. // ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 2307.
22. Списки священников за 1933 г. // ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 2. – Д. 516.
23. Мельничук, В. Миссионерская деятельность Православной Церкви в Польше в межвоенный период (по материалам Полеской и Волынской епархий): дипломная работа / В. Мельничук. – Жировичи, 1999.
24. Воскресное чтение. – 1939. – № 2.

ТАТАРСКАЕ НАСЕЛЬНІЦТВА НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў СКЛАДЗЕ ІІ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ (1921-1939 гг.)

Грыбава С.У.

ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта»

Татарская супольнасць Беларусі ў выніку гістарычных працэсаў (на падставе Рыжскага мірнага дагавору ад 18 сакавіка 1921 г. і Акту ўз'яднання Віленскага края з Рэспублікай Польшча, які прыняў Устаноўчы сход у Варшаве 22 сакавіка 1922 г.) размяшчалася ў складзе розных дзяржаў, а менавіта: ІІ Рэчы Паспалітай і БССР. Дадзены артыкул прысвечаны нацыянальна-культурнаму развіццю татарскіх абшчын, якія апынуліся на тэрыторыі Польскай дзяржавы. Іх становішча ў значнай ступені вызначалася дзяржаўнай палітыкай ІІ Рэчы Паспалітай у дачыненні да татарскай меншасці.

Гістарычна склалася такім чынам, што на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая да 17 верасня 1939 г. знаходзілася ў складзе Польшчы, размяшчалася большая частка татарскіх абшчын раз'яднаных беларускіх зямель. Палітыка польскіх улад у дачыненні да нацыянальных меншасцяў краіны была вельмі неадназначнай. Аднак, трэба з'яўваць, што татарскае насельніцтва ў значна меншай ступені адчула ее несбалансаванасць. Дарэчы, у свой час у якасці бліжэйшых супрацоўнікаў Ю.Пілсудскага па яго сацыялістычнай дзейнасці былі два татарыны: Аляксандр Сулькевіч (1867-1916 г.) і Стэфан Беляк (1868-1907 г.). Былі яны ўдзельнікамі I з'езда Польскай партыі сацыялістычнай (ППС), калі былі пакладзены асновы яе дзейнасці. А падчас III з'езда партыі, у склад трохасабовага цэнтральнага рабочага камітэту, які кіраваў працай партыі, разам з Пілсудскім і Вайцэхоўскім, уваходзіў Сулькевіч [1, с.43].

Палітыка польскіх улад у дачыненні да нацыянальных меншасцяў грунтавалася на шэрагу заканадаўчых актаў і міжнародных пагадненняў. У першую чаргу гэта быў трактат аб нацыянальных і рэлігійных меншасцях, так званая малая Версальская дамова, падпісаная 28 чэрвеня 1919 г., якая лічылася адным цэлым з мірнай дамовай і была абавязковай для ўсіх падпісаваных яе дзяржаў. Трактат гарантаваў усім грамадзянам II Рэчы Паспалітай, незалежна ад расы, мовы, веравызнання, роўнасць перад законам і магчымасць карыстацца грамадзянскімі і палітычнымі правамі. Трактатам прадуглежалася, што з боку дзяржавы не будзе чыніцца ніякіх абмежаванняў у арганізацыі рэлігійнай практыкі любога вызнання, ва ўжыванні няпольскай мовы ў прыватных, гандлевых і рэлігійных зносінах, у прэсе, судах і грамадскіх акцыях, у рабоце асветных, дабрачынных і рэлігійных арганізацый. Польскі ўрад павінен быў забяспечыць грамадзянам з няпольскай роднай мовай, якія складалі значную групу насельніцтва дадзенага горада ці раёна, пачатковае навучанне іх дзяцей на роднай мове. Таксама у такіх рэіонах урад павінен быў забяспечыць меншасцям выдзяленне фінансавых сродкаў з дзяржаўнага і мясцовага бюджэту на выхаваўчыя, рэлігійныя і дабрачынныя мэты. Гарантам выканання прынцыповых пастаноў трактата была Ліга Нацый. У артыкуле 1 малага версальскага трактата Польшча давала гарантыю, што ніводзін закон, ніводнае распараджэнне або дзеянне дзяржаўнай адміністрацыі не будзе пярчыць палажэнням трактата. Гэтыя палажэнні ў асноўным былі адлюстраваны у Канстытуцыі Польшчы ад 17 сакавіка 1921 г. і прадубляваны ў Канстытуцыі 1935 г. [2, с.27-28].

Безумоўна, дэмакратычнай палітыку Польшчы ў дачыненні да нацыянальных супольнасцяў на яе тэрыторыі назваць нельга, аднак, што датычыцца татарскага насельніцтва краіны, то можна вызначыць адпаведныя станоўчыя яе накірункі.

У пачатку 20-х гадоў XX ст. паўстала пытанне аб аднаўленні спрадвечнай традыцыі татар – вайскавай службы ў межах татарскага ваеннага фарміравання. З дадзенай прапановай звярнуліся да Пілсудскага татарскія дзеячы на чале з Аляксандрам Ахматовічам, на што атрымалі станоўчы адказ. Спачатку была створана татарская конніца (кавалерыя), якая 3 лютага 1920 г. была пераўтворана ў Татарскі полк уланаў імя Мустафы Ахматовіча, які ўзначаліў татарын – генерал Аляксандр Рамановіч [1, с. 43]. Праз некаторы час, як лічаць даследчыкі памылкова, полк быў расфарміраваны. Таму хутка было прынята рашэнне аб далучэнні ў Запасны эскадрон 13 палка віленскіх уланаў 180 салдат былой татарскай кавалерыі. Пазней татары дзейнічалі ў складзе 1 эскадрону 13 палка віленскіх уланаў. Але ідэя стварэння асобнага татарскага ваеннага фарміравання ў межах Польскіх узброеных сіл не пакідала актыўных татарскіх дзеячаў. Намаганні былых ваенных, а таксама членаў Культурна-асветніцкага саюза татар далі станоўчыя вынікі. Міністэрства ваенных спраў Рэчы Паспалітай вясной 1936 г. прыняло рашэнне аб

перайменаванні 1 эскадрона 13 палка віленскіх уланаў на 1 татарскі эскадрон. З гэтага часу ў дадзеным эскадроне неслі вайсковую службу ўсе прызвання ў армію мусульмане. Аднак там былі і праваслаўныя, і католікі, таму што мусульмане не маглі запоўніць цэлы эскадрон з-за сваёй нешматлікасці, бо кожны год прызывалася ў армію толькі 20 татар [3, с. 436-438]. Напярэдадні і падчас II Сусветнай вайны эскадрон узначальваў ротмістр Алі Ельязшвіч. У верасні 1939 г. у эскадроне налічвалася 50 мусульман [4, с. 125].

Калі ва ўсходняй частцы Беларусі вялася барацьба з усімі рэлігіямі, то ў заходніх рэгіёнах ішоў працэс адраджэння іслама. У межах Польскай дзяржавы налічвалася каля 6 тысяч татар-мусульман (па дадзеных мусульманскага календара, на 1 студзеня 1938 г. у Польшчы пражывала 6006 мусульман, з іх 2967 мужчын, 3039 жанчын) [5, с. 21]. З іх 197 чалавек жылі ў Варшаве, а для астатніх месцам жыхарства былі этнічныя беларускія землі [3, с. 405]. На тэрыторыі РП у снежні 1936 г. дзейнічала 19 рэлігійных абшчын, а менавіта ў Вільні, Немежы, Сорак-Татарах, Даўбуцішках, Іўі, Відзах, Докшыцах, Мядзелі, Навагрудку, Лоўчыцах, Слоніме, Некрашунцах, Клецку, Ляхавічах, Асмолаве, Міры, Багоніках, Крушынянах і Варшаве. Найбольш буйнымі былі абшчыны: у г. Навагрудку, дзе ў канцы 30-х гадоў XX ст. жыло 766 татар, у Відзах – 760 татар, у Іўі (Мураўшчызна) – 478 татар, у Докшыцах – 460, у Слоніме 413 прадстаўнікоў татарскай меншасці (што дарэчы, складала 2 % ад насельніцтва горада) [6, с. 234; 7, с. 214; 8, с. 250].

На падставе дзяржаўнага заканадаўства, а менавіта артыкулаў 110-113 і 120 сакавіцкай Канстытуцыі 1921 г., якія датычылі ўсіх веравызнанняў, у краіне абвешчвалася свабода сумлення, свабода арганізацый публічных набажэнстваў і сходаў, магчымасць уласнасці і свабоднага распарджэння цэрквамі маемасцю, дазвалялася навучанне рэлігіі ў школах і інш. [2, с. 69]. Так, дзякуючы сродкам, якія былі выдзелены Міністэрствам па справах веравызнання і грамадскай асветы, а таксама некаторым замежным крыніцам фінансавання, былі адбудаваны разбураныя ці спаленыя ў ваенных віхурах пачатку XX ст. мячэці ў Клецку, Некрашунцах, Мядзелі. У 1928 г. пачала дзейнічаць мячэць у Ляхавічах, у 1934 – у Відзах. Значна была перабудавана і адрамантавана мячэць у Іўі. У 1920-х г. тут быў дабудаваны мінарэт і агароджаны мізар (могілкі). У 1928 г. мячэць XVIII ст. у Даўбуцішках была прызнана гістарычнай каштоўнасцю і ўзята пад апеку. Увогуле, на тэрыторыі Польскай дзяржавы дзейнічала 17 мячэцяў і 3 малітоўных дамы (здзяйснялі набажэнства 19 мулаў, 23 муздыны (намеснікі мулаў) [3, с. 418-419; 8, с. 248]. Штогод на падтрымку татар-мусульман (аплата працы мулаў, рамонт і будаўніцтва мячэцей) польская дзяржава выдаткоўвала адпаведныя сродкі. У 1927 г. гэта сума складала 63 тыс. злотых, у 1929 г. – 65 тыс. злотых, з 1931 – 57 тысяч злотых [9, с. 150]. Есць звесткі аб тым, што мулы ў розных месцах, у залежнасці ад велічыні абшчыны, атрымлівалі ад дзяржавы ад 40 да 100 злотых у месяц, а муздыны – ад 20 да 30 злотых [10, с. 153].

Выхаванню вагаі да сваіх продкаў, каранёў служыла традыцыя штогод вясной і ў пачатку лета наведваць татарскія мізары (могілкі) – так званы абрад «зірэць». У 1938 г. толькі на тэрыторыі трох ваяводстваў – Віленскага, Навагрудскага і Беластоцкага – знаходзілася 68 мізароў [7, с. 215]. «Мусульманскі каляндар» за 1939 г. падае лічбу 71 мізар. Найбольшая іх колькасць, 47 мізароў, знаходзілася на тэрыторыі Навагрудскага ваяводства [11, с. 39].

Палепшыліся ўмовы традыцыйнай адукацыі татар-мусульман. Школы чытання Кур'ана – мектэбэ, знаходзіліся ў кожным татарскім паселішчы. У вялікіх абшчынах школы размяшчаліся ў спецыяльных будынках, дзе годжый (настаўнік) праводзіў заняткі па спецыяльна распрацаванай праграме. Напрыклад, у Навагрудку драўляны будынак школы знаходзіўся побач з мячэццю. У Іўі будынак школы быў узведзены за грошы, якія даслаі

ў 1922 г. іх супляменнікі з Амерыкі (граф Томаш Замойскі, з роду былых уладальнікаў Іўя) [3, с. 418]. Для атрымання мусульманскай адукацыі на больш высокім узроўні дзяцей накіроўвалі ў Югаславію, Боснію, дзе яны навучаліся ў медрэсэ – сярэдняй навучальнай установе, якая давала не толькі рэлігійную, але і агульную сярэднюю адукацыю. А найбольш здольныя вучні пасля гэтага мелі магчымасць навучацца нават у мусульманскіх вышэйшых навучальных установах у арабскіх краінах [12, с. 11-12].

На падставе дзяржаўнага заканадаўства, 28-29 снежня 1925 г. у Вільні адбыўся Усяпольскі з'езд дэлегатаў мусульманскіх абшчын, які заснаваў муфціят Рэчы Паспалітай. Выбар месца правядзення падкрэсліваў значэнне горада як цэнтра татарскага асадніцтва XIV-XV стст. Адкрываючы з'езд, віленскі ваявода А. Маліноўскі ад імя польскага ўрада сказаў дэлегатам: «Звяртаючыся да вас як нашчадкаў старадаўніх татар, якія збераглі веру сваіх продкаў, а праз гэта і сваю расавую самабытнасць, – маю ўсе падставы сцвярджаць, што адносіны Рэчы Паспалітай да грамадзян мусульманскай веры будучь напоўнены такой жа добразычліваасцю і добрай воляй, якой вызначаліся ў гістарычным мінулым у ходзе нашай агульнай гісторыі» [7, с. 214].

На з'ездзе было зацверджана ўзнікшае некалькі раней грамадска-культурнае аб'яднанне, якому была нададзена назва "Культурна-асветніцкі Саюз татар Рэчы Паспалітай" (КАСТРП). Цэнтральную Раду Саюза ўзначаліў Альгерд Найман-Мірза Крычынскі. У склад Рады ўваходзілі таксама Я. Багдановіч, Я. Якубоўскі, Д. Яновіч-Чайнскі, С. Мурза-Мурзіч (сакратар), Ш. Шайкевіч, А. Шчуцкі [8, с. 253].

Выбраны на з'ездзе муфціі – Якуб Шынкевіч, пачаў выконваць сваі функцыі ў наступным годзе. Яго намеснікам стаў Якуб Рамановіч. Іх дзейнасць была падтрымана ўладамі дзяржавы, хаця юрыдычнае абаснаванне яна атрымала толькі 21 красавіка 1936 г., калі быў прыняты закон «аб стаўленні дзяржавы да Мусульманскага рэлігійнага Саюза ў Польшчы». У распрацоўцы закона, а таксама Статута Мусульманскага рэлігійнага Саюза муфціят супрацоўнічаў з міністэрствам веравызнанняў і грамадскай асветы. Статут быў зацверджаны польскім урадам 26 жніўня 1936 г. [13, с. 4] На падставе Статута, муфцію даручаліся выключна рэлігійныя справы, у тым ліку, тыя, якія датычыліся інтэрпрэтацыі Курана і Шарыята, рэлігійнай практыкі. Муфціі здзяйсняў агульнае кіраўніцтва рэлігійнымі Саюзам і прадстаўляў яго перад дзяржаўнай уладай, уладамі іншых цэркваў і рэлігійных саюзаў, а таксама перад мусульманскімі рэлігійнымі саюзамі за мяжой. Ён таксама назіраў за дзейнасцю імамаў, кіраваў уладаннямі рэлігійнага Саюза, а таксама ўзначальваў Мусульманскую Калегію Усяпольскага Мусульманскага Кангрэса. Свае паўнамоцтвы муфціі здзяйсняў пажыццёва. Вырашэнне важнейшых рэлігійных спраў Статут даручаў Мусульманскай Вярхоўнай калегіі, якая стваралася пры муфціяце.

Дзеля аблягчэння кантактаў муфція з мусульманскім светам Міністэрства замежных спраў стварыла яму ўмовы для трох паездак на Блізкі Усход і адной у Індыю [3, с. 414-415].

Аднак трэба адзначыць, што выпрацоўка Статута не была лёгкай справай. Да яго прыняцця сярод татарскай інтэлігенцыі адбыўся канфлікт наконт паўнамоцтваў муфція і прававога статусу муфціята, які, з пункту гледжання часткі членаў Культурна-асветніцкага Саюза татар, імкнуўся быць адзіным прадстаўніком татарскай меншасці ў Польшчы [14, с. 13]. Канфлікт быў заўважаны ўладамі Польскай Рэспублікі. Па даручэнню міністра веравызнанняў і грамадскай асветы ў Вільні былі праведзены сустрэчы з прадстаўнікамі татарскай грамадскасці, якія садзейнічалі дасягненню кампрамісу паміж муфціям і часткай татарскай інтэлігенцыі. Канфлікт канчаткова быў зкончаны на I Усяпольскім Мусульманскім Кангрэсе 31 студзеня 1938 г. у Вільні, калі была выбрана Вярхоўная Мусульманская Калегія, якая, згодна са Статутам, стала дапаможным органам пры муфціяце [3, с. 417].

Станоўчая палітыка ўладаў у дачыненні да татарскага насельніцтва Польшчы дазволіла татарскай інтэлігенцыі арганізаваць грамадска-культурную працу. Культурна-асветніцкі саюз татар Рэчы Паспалітай пачаў выдаваць друкаваныя органы: з 1934 г. штомесячнік «Татарскае жыццё», «Ісламскі агляд», «Татарскі штогоднік» (1932 г., 1935 г., 1938 г.). Рэдактарам апошняга быў адзін з актыўных дзеячаў КАСТРП Леон Найман Мірза Крычынскі. Артыкулы ў згаданых выданнях былі прысвечаны гісторыі татарскага этнасу, стану ісламскай рэлігіі ў РП і мусульманскіх краінах, друкаваліся навіны грамадска-рэлігійнага жыцця татарскай дыяспары. Дадзеныя часопісы выходзілі на польскай мове, трэба адзначыць, што татарскай мясцовыя мусульмане не валодалі з XVI ст. Часопіс «Татарскі штогоднік» уяўляў сабой выданне навуковага характару, дзе друкаваліся аўтары з ліку як татарскай інтэлігенцыі, так і прадстаўнікоў польскай гістарычнай навукі. Сярод іх: Альгерд Крычынскі, Станіслаў Крычынскі, Алі Варановіч, Ананіаш Заянчкоўскі і інш. Дарэчы, міністэрства веравызнання і грамадскай асветы Польшчы, а таксама польскі Фонд народнай культуры аказвалі фінансавую падтрымку КАСТРП для выдання «Татарскага штогодніка». Усяго ў міжваеннай Польшчы было надрукавана каля 500 прац (найперш артыкулаў), прысвечаных гісторыі і культуры татараў [8, с. 256]. Дзейнічалі ў Вільні татарскія музеі і архіў, асноўным арганізатарам якіх быў Леон Крычынскі. У 1932 г. у музеі захоўвалася больш 50 каштоўных помнікаў: рукапісныя карані, кітабы, хамаілы, збор дакументаў з татарскімі пячаткамі, куфічныя манеты, старадрукі, дакументы з подпісам караля Рэчы Паспалітай С. Панятоўскага, малюнкi і фотаздымкі мячэцаў і інш. Пасля пераезду захавальніка Л. Крычынскага ў Замосце музейныя і архіўныя матэрыялы размяшчаліся ў сховішчах муфціята [8, с. 255].

Акрамя ўжо адзначаных актывістаў нацыянальна-культурнага развіцця татарскай дыяспары можна таксама назваць наступныя прозвішчы студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў: Александровіч Адам (Клецк), брат і сястра Якубоўскія – Амурат і Ева (Клецк), Рамуальд Сабалеўскі (Іванава), Алі Шэгідзевіч (Баранавічы) і многія іншыя [15, с.4-5]. Дзеля распаўсюджання асветы КАСТРП імкнуўся ствараць свае аддзелы нават у зусім нявялікіх і аддаленых татарскіх паселішчах. Да 1930 г. іх налічвалася 21, у тым ліку ў Навагрудку, Мураўшчызна (Іўі), Асмолаве, Клецку, Ляхавічах, Крушынях, Мядзелі, Відзах і інш. [16, с. 12] Добра служыла наладжванню справы адукацыі мусульман рэлігійная абшчына Слоніма. Тут якасна была пастаўлена работа сярод дзяцей. А ў 1927 г. па ініцыятыве членаў створанага аддзела Культурна-асветніцкага саюза татараў, стала дзейнічаць бібліятэка, якая вяла сваю працу да верасня 1939 г. [17, с. 31].

Па ініцыятыве татарскіх дзеячаў у 1933 г. у Навагрудку і Слоніме, а ў 1937 г. у Клецку, былі створаны з ліку татарскай моладзі асобныя аддзелы Стралецкага Саюза – польскай ваенізаванай грамадскай арганізацыі. Пры татарскіх аддзелах працавалі драматычныя секцыі, ставіліся тэатральныя пастаноўкі, спевы на татарскай і польскай мовах, выконваліся танцы ў нацыянальных касцюмах. Спектаклі выклікалі цікавасць у татарскага насельніцтва, асабліва моладзі. Прыбытак ад тэатральных забаў у Слоніме выкарыстоўваўся для культурна-асветніцкіх патрэб, папаўнення бібліятэкі. 27-29 жніўня 1936 г. татарскі аддзел Стралецкага саюза ў Навагрудку арганізаваў велізарнае спатканне (фэст) для татарскай моладзі з розных мясцовасцей. Дзеячы КАСТРП у 1937 г. арганізавалі правядзенне рамесніцкіх курсаў для гарбароў, у пачатку 1939 г. – Клецку [8, с. 257-258].

Аднак не трэба ідэалізаваць узровень нацыянальнай самасвядомасці татарскага насельніцтва Польшчы. Жывучы ў хрысціянскім асяродку, працэсаў апаліячвання (у дадзеным выпадку) было пазбегнуць вельмі складана. Трэба таксама адзначыць, што ў

гістарыяграфіі існуе праблемнае пытанне, звязанае з вызначэннем татарскай дыяспары як нацыянальнай меншасці ці этнічнай (этнаграфічнай) групы [3, 8]. З нашага пункту гледжання, прадстаўнікі татарскага насельніцтва, пад уздзеяннем палітыкі дзяржаўнай асіміляцыі, былі ляяльнымі грамадзянамі Польскай дзяржавы, аднак захоўвалі свае нацыянальныя адметнасці.

Неабходна звярнуць увагу на тое, што палітыка «праметэізму», якую праводзіла польская дзяржава асабліва актыўна з 1926 г., і мела на мэце нейтралізаваць СССР як моцнага суседа, шляхам расчлянэння яго на асобныя дзяржаўныя ўтварэнні з нярускіх народаў, у тым ліку, безумоўна, і татарска-мусульманскіх, пад пратэктаратам Польшчы. адбівалася і на польскіх татарах [18, s. 15; 19, с. 453-457]. Дадзеную мэту польская дзяржава здзяйсняла, супрацоўнічаючы з прадстаўнікамі палітычнай эміграцыі з Савецкай Расіі на Захадзе. А менавіта у 1926 г. у Парыжы была створана арганізацыя "Праметэўш", а ў 1926 г. у Варшаве, у якасці філіялу, клуб "Праметэўш", куды ўваходзілі прадстаўнікі ўкраінскай, грузінскай, азербайджанскай, туркменскай, паўночна-каўказскай эміграцыі, а таксама татары Крыма і Ідэль-Урала. Арганізацыя мела антысавецкі характар і ставіла сваёй мэтай абарону правоў народаў Каўказа і Украіны, а пазней памкненню да незалежнасці і астатніх нярускіх народаў СССР. У ІІ РП у накірунку рэалізацыі палітыкі "праметэізму" дзейнічалі дзяржаўныя інстытуты, сярод іх: Экспазітура № 2 ІІ Аддзелу Генеральнага Штабу польскага войска, якая падзялялася на шэраг аддзелаў, у тым ліку Аддзел Б ці самастойны сектар «Усход» [20, s. 44, 50-51]. У яго кампетэнцыі была і тайная апека над дзейнасцю Культурна-асветніцкага Саюзу татар РП, некаторыя ініцыятывы і дзеянні якога тайна ім фінансаваліся. Створаны ў Варшаве Інстытут Усходні, як навуковы і палітычны орган «праметэізму», прадстаўляў сваё памяшканні дзеля здзяйснення рэлігійных культур мусульманскай гміне ў Варшаве, дзе на набажэнствах маглі прысутнічаць, акрамя польскіх, крымскія, казанскія мусульмане і іншыя прадстаўнікі ісламскага свету. Наладжванню кантактаў польскіх татар з «праметэйскай» эміграцыяй у Польшчы спрыялі і арганізаваныя Інстытутам лекцыі, таварысцкія спадканны, вечарыны. Такого кшталту тэндэнцыі мелі месца і ў Вільні, дзе навуковым цэнтрам «праметэізму» быў Інстытут даследаванняў Еўропы Усходняй. Некаторыя даследчыкі лічаць, што дадзеныя акалічнасці спрыялі развіццю ў асяродку польскай татарскай эліты ідэалогіі панісламізму, пантуркізму і татарскага нацыяналізму (пад кантролем польскай дзяржавы) [19, с. 461]. Да рэчы, у якасці друкаваных органаў «праметэізму» адзначаюцца з 1936 г., а асабліва ў 1937-1939 гг., галоўным цэнтрам прапаганды дадзенай ідэалогіі было Кола татарскай моладзі (КТМ) у Вільні (з 1937 г. – Цэнтральная Рада гурткоў татарскай моладзі РП, у склад якой уваходзіла 7 чалавек). [21, s. 19]. Гэтую арганізацыю ўзначальваў Эдыгей Шынкевіч. Функцыі яго намесніка выконваў Алі Смайкевіч. У адозвах КТМ, аўтарамі якіх былі яго вызначаныя лідэры, ідзе размова аб Крыме і Ідэль-Урале як аб «краях, блізкіх нашаму сэрцу» [19, с.453]. Дарэчы, згаданая ідэалогія прапагандавалася на старонках часопісаў "Жыцце татарскае" і "Ісламскі агляд", якія выдаваліся КАСТРП і фінансаваліся дзяржаўнымі органамі [19, с. 461; 20, s. 140-141].

Можна меркаваць, што станоўчая палітыка польскіх улад у адносінах да татар (у параўнанні з іншымі нацыянальнымі меншасцямі Рэчы Паспалітай: беларусамі, украінцамі, літоўцамі, якія прагнулі да сваіх дзяржаў) была абумоўлена тым, што татары не прытрымліваліся сепарацыйных памкненняў і не ўяўлялі ніякай самастойнай палітычнай сілы, што магло б выклікаць адмоўную рэакцыю польскіх улад. За ўвесь час не было заснавана ні

адзінай татарскай нацыянальнай палітычнай партыі, а створаны татарскі выбарчы камітэт ухляўся ад уласнага ўдзелу ў выбарах у польскі сейм, сенат і падтрымліваў Беспартыйны блок супрацоўніцтва з урадам [8, с. 256]. Прадстаўнікі польскіх татар не мелі ніякіх праблем з нацыянальнымі палітычнымі інстытутамі // РП, а «Варшаўская газета» – галоўны орган Нацыянальнай Дэмакратыі друкаваў артыкулы аб польскіх татарах у пазітыўным ракурсе, падкрэсліваючы іх станоўчую службу на карысць польскай дзяржавы і ролю ў кантактах з ісламскім Усходам [19, с. 462].

Такім чынам, нават на падставе дадзенага невялікага агляду становішча татарскага насельніцтва ў складзе Польшчы (на тэрыторыі Заходняй Беларусі) напярэдадні ваенных падзей становіцца відавочным, што дзяржава стварала пэўныя ўмовы для ажыццяўлення нацыянальна-культурнага развіцця татарскай дыяспары. Гэта было карысна, па-першае, польскім уладам, чым яны дэманстравалі выкананне патрабаванняў Лігі Нацый, і з другога боку, самой татарскай інтэлігенцыі, якая такім чынам мела магчымасць ажыццяўляць грамадска-культурную і рэлігійную дзейнасць. Трэба таксама мець на ўвазе, што некаторыя прадстаўнікі польскай татарскай эліты актыўна падтрымлівалі захады Пілсудскага ў рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі, што таксама спрыяла станоўчаму стаўленню ўлад да іх.

Літаратура

1. Kolodziejczyk, A. Jozef Pilsudski a polscy tatarzy / A. Kolodziejczyk // *Zycie muzulmanskie*. – 1989. – № 1-2. – S. 39-46.
2. Загідулін, А.М. Нацыянальная і канфесійная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. М. Загідулін. – Гродна, 2005. – 130 л.
3. Миськевич, А. Татарское меньшинство в Польше в 1918-1939 гг. Общая характеристика, поселения, общественно-профессиональное состояние / А. Миськевич // *Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы Першай міжнар. навук.-практ. канф., прысв. да 600-годдзя татарскага асадніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26-27 сак. 1993 г. / БДПУ, Беларускае згуртаванне татараў-мусульман "Аль-Кітаб"; рэдкал.: І. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – Ч. 3. – С. 403-449.*
4. Александрович, X. Татары Клецкого джамията в годы Второй мировой войны / X. Александрович // *Участие тюркских народов и народов Кавказа в ВОВ 1941-1945 гг.: материалы X междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2-3 сентября 2004 г. / БГПУ, редкол.: Канапацкий И.Б. [и др.]. – Минск, 2004. – С. 124-149.*
5. Криницкий, А. Некрашунская мечеть и ее парадия / А. Криницкий // *Мечети и мизары татар Беларуси, Литвы и Польши. К 100-летию второй Минской мечети : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Новогрудок 5 июля 2002 г. / Белорусское татарское общество "Зик Уль Китаб"; редкол.: И.Б. Канапацкий (отв. ред.) [и др.]. – Новогрудок, 2003. – С. 19-21.*
6. Miskiewicz, A. O tatarach polskich w Slonimie / A. Miskiewicz // *Rocznik tatarow Polskich – 1994. – № 2. – С. 231-236.*
7. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВГ "Экаперспектыва", 1998. – 215 с.
8. Вабішчэвіч, А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.) А. Вабішчэвіч. – Брэст: БрДУ, 2008. – 319 с.
9. *Maly rocznik statystyczny: wrzesien 1939 - czerwiec 1941 – Warszawa: zakla wydawnictw statystycznych, 1990. – 160 s.*

10. Крывашэй, Д.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 –ліпень 1944 г.) / Д.А. Крывашэй. –Мінск: Беларуская навука – 2009. – 198 с.

11. Канапацкі, І. Складаныя пытанні захавання татарскай меншасці ў Рэспубліцы Беларусь / І. Канапацкі // Нацыянальныя меншасці Беларусі. Кн. 3 – Брэст – Мінск, 1996. – С. 36-40.

12. Канапацкі, І. З гісторыі мусульманскай адукацыі татарскай дыяспары на Беларусі / І. Канапацкі, А.-Б. Шабановіч // Нацыянальная адукацыя: тэматычны зборнік навуковых прац. Кніга IX. Адукацыя дыяспар. Навук. рэдактар С.А. Яцкевіч. – Брэст, 1998. – С. 10-14.

13. Uregulowanie stanu prawnego wyznania muzulmanskiego w Polsce // Przegląd islamski. – 1936. – № 1-3. – S. 4.

14. O uregulowanie polozenia prawnego muzulmanskiego zwiazku religijnego w Polsce // Przegląd islamski. – 1934. – № 1. – S.13.

15. Александрович, Х. Вторая мировая война и ассимиляция белорусско-польских татар (к 60-летию окончания войны) / Х. Александрович // Жизнь. – 2005. – март. – С. 4-5.

16. Adresy oddzialow zwiazku kulturalno-oswiatowego tatar RP// Przegląd islamski. – 1930. – № 1. – s. 12.

17. Канапацкі, І. Адукацыя татар на Беларусі ў 1920-1930 гг. / І. Канапацкі. // Нацыянальная адукацыя. Кн. 7 – Брэст – Мінск, 1996. – С. 30-32.

18. Zbior dokumentow pplk. Edmunda Charazskiewicza / Komitet Badan Naukowych; opracowanie A. Grywacz, M. Kwiecien, G. Mazur. – Krakow : Centrum dokumentacji czynu niepodleglosciowego, ksiegarnia Akademicka, 2000. – 185 s.

19. Chazbijewicz, S. Ewolucja ideologii polskich muzulmanow w latach 1934-1939 / Chazbijewicz S. // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы: матэрыялы Першай міжнар. навуц.-практ. канф., прысв. да 600-годдзя татарскага асадніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, раслачатага пры Вітаўце Вялікім, Мінск, 26-27 сак. 1993 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т, Беларускае згуртаванне татараў-мусульман "Аль-Кітаб"; рэдкал.: і. Александровіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – ч. 3. – С. 449-467.

20. Maj, I. Dzialalnosc Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926-1939 / I.P. Maj. – Warszawa: Instytut studiow politycznych PAN – 2007. – 291 s.

21. Chazbijewicz, S. Ideologie muzulmanow polskich w latach 1918-1939 / Chazbijewicz S. // Rocznik tatarow polskich. – 1993. – T. I. – S. 15-43.

ВОЙСКОВАЯ ОПЕРАЦИЯ РККА 15 СЕНТЯБРЯ – 12 ОКТЯБРЯ 1939 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Данилов Ю.Д.

УО «Брестский государственный технический университет»

70 лет назад в Москве между СССР и Германией был подписан договор о ненападении, больше известный как пакт Молотова-Риббентропа. Впрочем, решающее значение имел не столько сам договор, сколько секретное приложение к нему, которое, по сути, перекроило карту Европы. О последствиях истории спорят до сих пор: стал ли он отправной точкой к началу Второй мировой войны, и сохранился бы мир, если бы не растоптали Польшу? Документ этот, по мнению одних историков, во многом способствовал началу Второй мировой войны, по мнению других – позволил отсрочить её начало. Кроме того,

Как известно, 17 сентября 1939 г. советские войска вошли на территорию восточных регионов Польши, отнесенных секретным протоколом к сфере интересов СССР. в то время как западная ее часть находилась в оккупации войск Рейха, а остатки неуправляемой, практически разгромленной армии продолжали оказывать сопротивление на локализованных участках некогда сплошного фронта. Не вдаваясь в подробности начала Второй мировой войны, следует отметить, что еще в середине марта 1939 г. США, СССР, Англия и Франция располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Польши, однако будучи озабоченными прежде всего своей собственной безопасностью, эффективных мер по сдерживанию агрессии не предприняли. Да и само польское правительство также не собиралось ухудшать отношений с Германией. В августе 1939 г. вопрос о выяснении позиции Англии и СССР в случае войны с Польшей вступил для Германии в решающую фазу. 2-3 августа Германия активно зондировала Москву и Лондон. Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве – Риббентропа для подписания пакта о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием. 22 августа Гитлер выступил перед военными и, обрисовав общее политическое положение, сделал вывод, что политическая обстановка благоприятствует Германии, вмешательство Англии и Франции в германо-польский конфликт маловероятно, а с СССР будет заключен договор, что также снизит угрозу экономической блокады Германии. И уже 23 августа в Москву прибыл Риббентроп. В ходе его переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от р.р. Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия.

Во второй половине дня 28 августа Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. 29 августа польское руководство сообщило своим западным союзникам о готовности начать мобилизацию, но Англия и Франция, в который раз потворствуя Гитлеру, потребовали отложить этот шаг. Таким образом, поведение Англии и Франции в отношении Польши мало чем отличалось от циничной сдачи Чехословакии в 1938 году.

Рано утром 31 августа Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно начаться в 4.45 утра 1 сентября 1939 г. Эта дата и стала датой начала Второй мировой войны.

Некоторые аналитики, и особенно журналисты, часто связывают начало войны именно с подписанием Пакта, забывая, что еще 3 апреля 1939 г. начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта генерал В. Кейтель известил главнокомандующих сухопутными войсками, ВВС и ВМФ о том, что подготовлен проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». Одновременно главнокомандующие видами вооруженных сил получили предварительный вариант плана войны с Польшей (план «Вайс»). В директиве предусматривалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву. Кроме того, в приложении к директиве было сказано: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. **С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные (приграничные) государства и включить эти территории в состав империи**» [1]. Т. е., по существу, этот план не ограничивался разгромом Польши, а имел далеко идущие перспективы военно-политического развития, что нашло подтверждение в ходе дальнейших шагов военного командования

Германии уже после разгрома польской армии. 11 апреля А. Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.», в которой, в частности, был изложен общий замысел операции против Польши. Полностью подготовку к войне следовало завершить к 1 сентября 1939 г.

Имея общее превосходство в силах над противником, германское командование создало компактные группировки на избранных направлениях будущего наступления. Польское же – наоборот, практически равномерно развернуло войска вдоль всего почти 1900-километрового будущего фронта. В результате на отдельных направлениях германское превосходство было еще более значительным. На направлениях главных ударов вермахта это превосходство было близко к подавляющему, и не случайно, т.к. план «Вайс» главной задачей вторжения в Польшу определял именно «полное уничтожение» польской армии [2]. С другой стороны, растягивание польского фронта вдоль границы, на местности, пригодной для использования больших масс войск и военной техники, фактически изначально обрекало польскую армию на поражение. Подобное размещение польских войск определялось надеждой на быструю военную поддержку Англии и Франции, действия которых должны были отвлечь германские войска на запад, позволить полякам удержать фронт и перейти в контрнаступление.

Таблица 1 [3] – Соотношение сил на германо-польском фронте на 1 сентября 1939 г.

	Германия	Польша	Соотношение
Дивизии	53,1	29,3	1,8:1
Личный состав (тыс.)	1516	840	1,8: 1
Орудия и минометы	9824	2840	3,5:1
Танки	2379	475	5: 1
Самолеты	2231	463	4,9: 1

Эта стратегическая конфигурация во многом и предопределила исход сражений в период с 1 по 17 сентября 1939 г. Война застала Главный штаб польской армии неотмобилизованным. Много проблем возникло со связью, уже на второй день войны отмечалась потеря связи с соединениями, а в следующие дни длительные перерывы связи со всеми армиями стали обычным явлением. События в «польском коридоре» завершились для поляков трагически – армия «Поможе», рассеченная пополам, сражалась в двух группах: южной и северной, в штабе армии царил паника, резервы отсутствовали. Уже 4-6 сентября польские войска отступили за Вислу и Нарев, теперь возникала задача создать новый оборонительный рубеж за Наревом, Бугом, Вислой и попытаться на нем задержать немцев. В стране нарастала дезорганизация. 1 сентября столицу покинул президент И. Мосцицкий. 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября из Варшавы выехало правительство, а в ночь на 7 сентября – и главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы. Ставка была перенесена в Брест, с 10 сентября – во Владимир-Вольнский, с 13 сентября – в Млынов (близ Дубно), а 15 сентября – в Коломыю. Днем раньше там же оказался и Мосцицкий. 9-11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища для правительства. Последним общим распоряжением польского главнокомандования был приказ маршала Э. Рыдз-Смиглы от 10 сентября, вслед за тем оно покинуло Брест и двинулось в направлении румынской территории, потеряв всякое управление войсками. 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию, и 17 сентября правительство покинуло страну. Всё это усугубило хаос и подрывало боеспособность польских войск. С отъездом из Варшавы главнокомандующего деятельность

высшего командования была фактически дезорганизована. Таким образом, к 17 сентября *Войско Польское, как военная организация государства, практически перестала существовать*. К 12 сентября германские войска вышли к среднему течению Вислы, они перешагнули линию Буг – Нарев, охватив Варшаву с востока, и 13 сентября полностью окружили ее, предоставив уничтожение города авиации. Лишь в глубоком тылу польские войска продолжали оборонять Гдыню и Хель.

В то время как 3-я армия вермахта приближалась с северо-востока к Варшаве, 19-й моторизованный корпус генерала Гудериана перешел в наступление на Брест и во второй половине дня 14 сентября занял город. В Брестской крепости остался отряд генерала К. Плисовского. В ходе неравных боёв большая часть защитников крепости была ранена или погибла, поэтому в ночь на 17 сентября остатки гарнизона покинули цитадель. Но еще 15 сентября генерал фон Бок приказал командующему 4-й армией организовать наступление к востоку с ближайшей задачей выйти на линию Волковыск — Гродно, достичь через Кобрин, Пружаны линии Барановичи – Слоним» (50 км от советской границы), что было *прямым нарушением военным руководством Германии условий секретного протокола*. Очевидно, что германское командование не собиралось останавливать продвижение войск, тем более что перед ними не существовало организованного польского фронта. Так как темп продвижения немецких танковых и моторизованных группировок достигал в это время 25-30 км в сутки, то занять всю Восточную Польшу (Западную Украину и Западную Белорусию) они могли в течение 4-8 суток, то есть к 21–25 сентября. Однако в 2.00 17 сентября германское командование было информировано о вступлении на территорию Польши Красной армии и в 7.00 приказало своим войскам остановиться на линии Сколе – Львов – Владимир-Волынский – Брест – Белосток. Это было последнее продвижение вермахта на восток, а 19 сентября войска были остановлены на достигнутых рубежах.

В Москве внимательно следили за развитием событий в Европе. Охарактеризовав Польшу как фашистское государство, угнетающее другие народности, Сталин заявил, что «уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше» [4]. Естественно также, что советское руководство не собиралось безучастно взирать на развитие ситуации в Польше и приказы немецких генералов о наступлении на Восток, и без всяких просьб Берлина начало собственные военные приготовления. Важно отметить, что проведение операции в Западной Беларуси и Западной Украине не было локальной операцией, необходимость которой диктовалась только текущими политическими коллизиями. *Это была составляющая общего плана стратегического развертывания Советского правительства на политическом и военном направлениях.*

Ещё 15 августа 1939 г. нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов отдал директивы, согласно которым следовало с 25 августа по 1 декабря 1939 г. сформировать 18 управлений стрелковых корпусов, перевести кадровые дивизии на новый штат в 8 900 человек и развернуть 36 дивизий тройного развертывания в 92 дивизии по 6000 человек [5]. 1 сентября 1939 г. Политбюро утвердило предложение Наркомата обороны, согласно которому предлагалось увеличить ударную силу пехотного ядра в стрелковых дивизиях, увеличить количество корпусной артиллерии и артиллерии РГК, переведя ее с тройного на двойное развертывание. Следовало сократить численность обслуживающих и тыловых частей и учреждений. Штатная численность Красной армии была установлена в 2 265 000 человек [6].

Таблица 2 [7] – Штатная численность РККА в западных округах на 15 августа и 5 сентября 1939 г.

Военные округа	Стрелковые корпуса	Стрелковые дивизии				Итого
		штаты				
		8750	6500	5850	5220	
БОВО	5(6)	— (10)	10 (—)	—(9)	3(—)	13 (19)
КОВО	5(7)	— (12)	12 (—)	— (13)	4 (—)	16 (25)

В связи с началом германо-польской войны с 20 часов 2 сентября на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны, а 6 сентября в семи военных округах была получена директива наркома обороны о проведении «Больших учебных сборов». Одновременно, согласно постановлению СНК № 1348-268сс от 2 сентября 1939 г., с 5 сентября следовало начать очередной призыв на действительную военную службу, о чём было сообщено в газетах [8]. В результате этих мероприятий в Красную армию до 31 декабря 1939 г. было призвано 1 076 тыс. человек [9], а списочная численность Красной армии возросла с 1 910 477 человек (на 21 февраля) до 5 289 400 человек (на 20 сентября 1939 г.) [10].

11 сентября на базе БОВО и КОВО были сформированы и развернуты управления Белорусского (командующий – командарм 2 ранга М.П. Ковалев) и Украинского (командующий – командарм 1 ранга С. К. Тимошенко) фронтов. Витебская, Минская и Бобруйская армейские группы БОВО были 15 сентября 1939 г. развернуты соответственно в 3-ю, 11-ю и 4-ю армии. Кроме того, из управления МВО согласно приказу Генштаба выделялось управление 10-й армии, передававшееся в состав Белорусского фронта, и была создана Конно-механизованная группа (КМГ). В целом войска Белорусского и Украинского фронтов 7-15 сентября в основном завершили от мобилизацию и сосредоточились в исходных районах у границ с Польшей.

9 сентября нарком обороны и начальник Генштаба Б.М. Шапошников подписали приказы № 16633 Военному совету БОВО и № 16634 Военному совету КОВО, согласно которым следовало «к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника» [11]. Однако эти приказы не были переданы в округа, поскольку выяснилось, что Варшава не занята немцами, на франко-германской границе началось продвижение французских войск к линии Зигфрида, а советские военные приготовления потребовали больше времени, чем ожидалось. В этой ситуации 10 сентября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и заявил, что Красная армия застигнута врасплох быстрыми успехами вермахта в Польше и еще не готова к действиям. В итоге советские войска получили приказ о наступлении только 14 сентября с соответствующими изменениями срока выполнения задач.

В 4.20 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось, что «...армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей – содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией» [12].

В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и сообщил, что Красная армия в 6 часов утра перейдет границу с Польшей, а в 3.15 утра 17 сентября польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой утверждалось, что «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. ...Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному

командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [13]. Польский посол отказался принять ноту, ибо, как он выразился, это было бы несовместимо с достоинством польского правительства.

К вечеру 16 сентября войска Белорусского и Украинского фронтов были развернуты в исходных районах для наступления. Советская группировка объединяла 8 стрелковых, 5 кавалерийских и 2 танковых корпусов. 21 стрелковую и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых, 2 моторизованные бригады и Днепровскую военную флотилию (ДВФ), 3 298 самолетов. Кроме того, на границе несли службу около 16,5 тыс. пограничников Белорусского и Киевского пограничных округов [14]. На восточной границе Польши кроме 25 батальонов и 7 эскадронов пограничной охраны (около 12 тыс. человек, или 8 солдат на 1 км границы) других войск практически не имелось, что было хорошо известно советской разведке. [15].

Таблица 3 [16] – Численность советских войск на 17 сентября 1939 г.

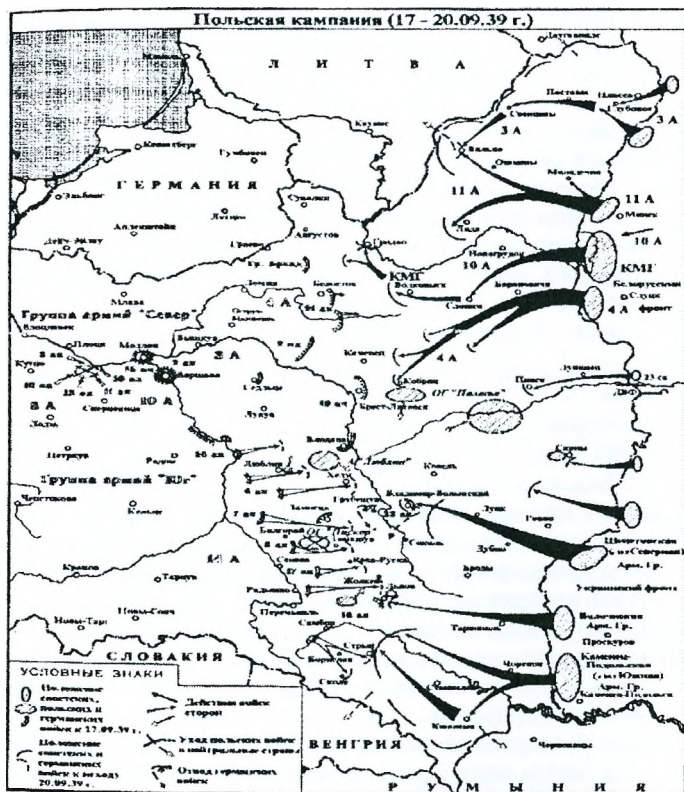
Фронт	Личный состав	Орудия и минометы	Танки
Белорусский фронт	378 610	3 167	2406
Украинский фронт	238 978	1792	2330
Итого	617 588	4 959	4736

Таким образом, оценивая численное соотношение войск, их боеготовность, можно однозначно утверждать, что со стороны Советского Союза **это не было войной на уничтожение польского государства или армии, т.к. они, как таковые, к этому времени перестали существовать де-факто**. Это подтверждается и большим количеством **добровольно** сдавшихся в плен в ходе этой операции польских солдат и офицеров, для которых плен, в данном случае, являлся спасением жизни, особенно если учесть, что еще 12 сентября германским войскам был отдан приказ перекрыть все возможные пути отхода польской армии за границу.

Для польского руководства вмешательство СССР оказалось совершенно неожиданным. Маршал Э. Рыдз-Смиглы, после беседы с министром иностранных дел Беком, приказал выслать в распоряжение советских войск парламентаров с вопросом, в каком качестве Красная армия перешла границу Польши, т.к. поведение советских войск казалось странным – они, как правило, не стреляли первыми, к польским войскам относились с демонстративной доброжелательностью. Поначалу Рыдз-Смиглы был склонен отдать приказ отразить советское вторжение. Однако более внимательное изучение ситуации показало, что никаких сил, кроме батальонов КОП и некоторого числа тыловых и запасных частей армии, в Восточной Польше не имеется. В итоге около 23.40 17 сентября по радио был передан приказ Рыдз-Смиглы: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями». [17]. Конечно, у польского командования имелся план развёртывания войск на восточной границе – «Всхуд», который разрабатывался с 1935–1936 гг. Согласно ему севернее Полесья предполагалось развернуть три армии и несколько резервных пехотных дивизий. Но к 17 сентября в реальной ситуации весь этот план остался на бумаге.

Операция РККА отличалась высоким динамизмом, в соответствии с боевыми задачами войск и самим ходом боевых действий её условно можно разделить на 2 этапа: I – с 17 по 22 сентября, II-ой – с 23 сентября по 4 октября 1939 г.

На правом фланге Белорусского фронта Красной армии главный удар наносился 3-й армией через Плиссу на Глубокое. 18 сентября штаб 3-й армии получил приказ Белорусского фронта в течение дня занять Вильню.

Южнее 3-й армии на фронте от Бегомля до Иванец развертывались войска 11-й армии. Перейдя в 5 часов 17 сентября границу, они к 19 часам достигли Молодечно, Бензевец. 18 сентября двинулись дальше в сторону Лиды. 19 сентября кавалерия двинулась Ошмянам, которые были без боя заняты. К 18 часам 18 сентября было сломлено сопротивление гарнизона Вильно и к вечеру 19 сентября обстановка в городе нормализована. В Гродно находились незначительные силы польских войск и оказать серьёзного сопротивления не могли. К тому же командующий округом «Гродно» полковник Б. Адамовиц был настроен на эвакуацию частей в Литву. В ночь на 22 сентября польские войска покинули Гродно, и утром он был занят советскими частями.

Во втором эшелоне за КМГ наступали войска 10-й армии, которые только 19 сентября решили границу с задачей: выйти на линию Новогрудок, Городище и двигаться далее на Двурец. К исходу первого дня наступления войска 10-й армии достигли линии р.р. Неман и Уша.

На фронте 4-й армии в 5 часов утра 17 сентября 29-я танковая бригада (командир – комбриг Кривошеин С.М.) заняла Барановичи и расположенный здесь же укрепленный район, который не был занят польскими войсками. Первым в город вошел танковый батальон под командованием И.Д. Черняховского. К исходу дня бригада вошла в Пружаны, где оставалась до 22 сентября и занималась техническим осмотром танков и вела разведку в сторону Бреста. У Видомли впервые был установлен контакт с германскими частями.

В Полесье были развернуты войска 23-го стрелкового корпуса, которым было запрещено до особого распоряжения переходить границу. Корпус перешел границу только в 16.25 18 сентября. 19 сентября его передовой отряд занял Лахву, а около 19 часов вступил в Пинск. Ночью в центре города раздавались выстрелы, лишь подход основных сил позволил утром 21 сентября прочесать город и очистить его, взяв в плен 205 польских солдат.

Войска Украинского фронта тоже 17 сентября перешли польскую границу и стали продвигаться в глубь Польши.

Во время наступления Красной Армии неоднократно завязывались бои между советскими и немецкими войсками, вызванными сближением войск и просчетами войсковой разведки, несогласованием политического руководства военной операцией. В ходе этих столкновений обе стороны несли потери. В течение 19 и 20 сентября велись неоднократные переговоры между советским командованием и представителями немецкого командования о прекращении боевых действий и ликвидации возникших конфликтов. В ходе переговоров стороны требовали друг от друга отвести войска и согласовывать в дальнейшем их продвижение.

Сразу же после вступления Красной армии в Польшу в Москве начался и новый тур дипломатических переговоров с Германией. Уже вечером 18 сентября в беседе с Шуленбургом Сталин заявил, что у советской стороны есть определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московского соглашения и в соответствующее время вернется на линию, которая была определена в Москве. Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая граница рейха. Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, якобы, видимо, была показана лишь временная демаркационная линия. В тот же день Молотов заявил Шуленбургу, что обоим правительствам пора окончательно определить структуру польских территорий.

Здесь уместно высказать следующее. Раньше советское *правительство предполагало сохранить существование остатков Польши*, но уже 19-20 сентября оно было готово разделить Польшу по линии четырех рек. Возможным ответом на такое решение вполне может служить военная ситуация на фронте, не только в аспекте противостояния советских и польских или польско-германских войск. Дело в том, что еще до 15 сентября гитлеровское командование сняло с польского фронта 10 дивизий и перебросило на Запад, где ожидало нападения Франции и Англии, объявивших о вступлении в войну. Таким образом, группировка вермахта на востоке уменьшалась примерно на 150 – 200 тысяч человек, в то время как советская группировка во время операции все время продолжала увеличиваться. К началу октября 1939 г. состав Белорусского и Украинского фронтов достиг общей численности 2 421 300 человек, на вооружении которых было 5 467 средних и тяжелых орудий, 6 096 танков и 3 727 самолетов» [18]. Безусловно, такое наращивание военного присутствия Советского Союза на востоке не могло оставаться без внимания гитлеровского руководства, особенно перед лицом вторжения с запада. После оценки положения дел, 19 сентября лично Гитлер распорядился отвести войска и отдать «занятые города русским». С другой стороны, и у советского руководства не было серьезных оснований для затягивания военных действий. Поэтому 20 сентября начались переговоры Ворошилова и Шапошникова с представителями германского военного командования о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию с последующим политическим урегулированием пограничных вопросов. Начался второй этап войсковой операции.

Первоначально предполагалось, что движение Красной армии на запад начнется с утра 23 сентября, войска должны будут двигаться с 25-км интервалом, и к вечеру 3 октября германские войска отойдут за окончательную демаркационную линию [19]. В ходе следующего раунда переговоров ночью 21 сентября уточнялись сроки выхода на демаркационную линию, и был подписан советско-германский протокол:

«§ 1. Части Красной армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 г., и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

§ 2. Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно, в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров» [20]. Днём 21 сентября Отдел внешних сношений НКО посетили генерал Кестринг и подполковник Кребс и сообщили, что ввиду еще продолжающихся боев под Варшавой и западнее Львова, генерал Браухич просит все названные сроки для отвода войск в совместном протоколе от 21 сентября оттянуть на 24 часа. Соответствующие изменения были внесены в протокол.

23 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по р. Писса, до ее впадения в р. Нарев, далее по р. Нарев, до ее впадения в р. Буг, далее по р. Буг, до ее впадения в р. Висла, далее по р. Висла, до впадения в нее реки Сан, и дальше по р. Сан, до её истоков» [21]. 21–23 сентября на местах проводились встречи представителей советского и германского военного командования по согласованию процедур отвода войск. В штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны № 16693, требовавшее остановить войска на линии, достигнутой передовыми частями к 20.00 20 сентября, а затем организовать движение на запад по согласованным с германским командованием планам [22].

На южном участке Белорусского фронта на запад двинулись войска 4-й армии. В 15 часов 22 сентября в Брест занятый войсками 19-го моторизованного корпуса вермахта, вступила 29-я танковая бригада. В городе произошли события, преподносимые сегодня как факт свидетельства чуть ли не «братства по оружию» между РККА и вермахтом, проявившегося в ходе кампании сентября 1939 г. Однако детальный анализ этого события показывает иное. Как вспоминал позднее С.М. Кривошеин, на переговорах с генералом Г. Гудерианом он предложил следующую процедуру передачи города: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши. В конце концов, Гудериан, настаивавший на проведении полноценного парада с предварительным построением, согласился на предложенный вариант, оговорив, однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части» [23]. Таким образом, широко тиражируемое утверждение о совместном советско-германском параде в Бресте не выдерживает проверку на достоверность. Анализ различных источников, в том числе и свидетельств самих непосредственных участников, фото- и видеоматериалов этого события, позволяет сделать вывод о проведении в городе *определенной, возможно – торжественной, но только процедуры передачи города от одной стороны другой*, не более того. В ходе этой процедуры также не были соблюдены элементарные регламенты проведения такого мероприятия, как «парад», четко оговариваемые воинскими уставами и приказами.

23 сентября начался согласованный отвод войск на оговоренные рубежи, хотя и продолжали происходить вооруженные столкновения Красной Армии и вермахта, как это было у Видомли, Высоко-Мазовецка и в других местах [24]. Начавшийся отвод германских войск на запад часто использовался отдельными отрядами польских войск для прорыва в Венгрию в 20-километровой полосе, разделявшей вермахт и Красную армию. Если такие прорывы не удавались, польские солдаты, как правило, предпочитали сдаваться в плен Красной Армии.

К 29 сентября войска Белорусского фронта продвинулись до линии Щучин – Ставишки – Ломжа – Замбрув – Цехановец – Косув-Ляцки – Соколув-Подляски – Седльце – Лукув – Вошьнь. А войска Украинского фронта к исходу 29 сентября находились на линии Пугачув – Пяски – Пиотркув – Кржемень – Билгорай – Перемышль — верховья р. Сан.

Тем временем 23 сентября Риббентроп сообщил в Москву о готовности прибыть на переговоры и запросил удобное для этого время. Советское правительство предложило 27-28 сентября. 27 сентября в Москву прибыл Риббентроп. Первая беседа со Сталиным и Молотовым проходила в присутствии Шуленбурга и Шварцера. В ходе переговоров Риббентроп подтвердил, что Германия, как и прежде, готова «осуществить точное разграничение» территории Польши. Со своей стороны Сталин, сославшись на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обеим государствам, предложил оставить территорию этнографической Польши в руках Германии.

В итоге территориальный вопрос свелся к двум вариантам. Согласно первому, все осталось, как было решено 23 августа. Согласно второму, Германия уступала Литву и получила за это области восточное Вислы до Буга и Сувалки без Августова. На следующий же день был подготовлен и подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией на основании второго варианта. 28 сентября оба правительства сделали совместное заявление, в котором подчеркивалось, что договором окончательно урегулированы вопросы, возникшие в результате распада Польского государства. Новая советско-германская договоренность была тут же доведена до войск, действовавших в Польше. В 8.00 29 сентября штабы Белорусского и Украинского фронтов получили распоряжение № 625 об остановке войск на достигнутых рубежах не позднее 18.00. В приказе войскам Белорусского фронта № 15/оп от 30 сентября 1939 г. давалось примерное описание границы, установленной договором от 28 сентября, и указывалось, что примерно с 5 октября намечается начать отвод войск, находящихся «к западу от установленной и указанной линии границы» [25].

2 октября командующий Белорусским фронтом Ковалев отправил в Москву следующую просьбу: «Установленная граница по р. Буг у г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части — западный обвод фортов достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд в г. Бресте; железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулемётного огня; переправы на р. Буг не будут прикрыты необходимой территорией. Замечательный аэродром у Малашевичи достанется немцам. Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска», оставив за СССР часть территории на западном берегу реки [26]. На следующий день из Москвы пришел ответ, что «граница у Бреста установлена соглашением, и менять ее невозможно» [27]. Но, чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, советские войска заградили Буг и взорвали перемычки крепостного рва. В итоге вода пошла по обводному каналу перед Тереспольским укреплением, и этот канал советский представитель выдал немцам за русло р. Буг, по которому и была проведена граница [28].

С 5 по 12 октября советские войска были отведены за линию новой границы. Таким образом, завершилась кампания сентября 1939 г., которая явилась частью общего плана мероприятий Советского Союза по укреплению западных границ и подготовки страны к возможной войне с куда более серьезным противником — фашистской Германией. В целом за 12 дней боевых действий на территории Польши Красная Армия продвинулась на 250-350 км на запад, заняла территорию общей площадью в 190 тыс. кв. км с населением более 12 млн. человек. В плен были взяты 454 700 польских военнослужащих (в это число вошли не только солдаты и офицеры Войска Польского, но и полицейские, жандармы и все лица, захваченные с оружием в руках), из них войска Белорусского фронта взяли в плен 60 202, а Украинского — 394 498 человек [29].

Во время польской кампании погибли с польской стороны 3 500 военных и гражданских лиц, около 20 000 были ранены или пропали без вести. Советская сторона официально объявила о 737 убитых и 1 862 раненых, однако, по некоторым данным, эти цифры занижены [30].

Литература

1. Ольшанский, П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921-1924 гг. – М., 1974. – С. 152.
2. Там же. – С. 162.
3. <http://militera.lib.ru/Таблицы> составлены по: Jurga T. Obrona Polski. 1939. S. 189, 207; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.5/1. S. 718-719; Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1, С. 86; Дашичев В.И. Указ. соч. С. 345; Swbemski R. Początek pancernego szlaku. Warszawa. 1982. S. 27.
4. Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18—19; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. – М., 1994. С. 11.{287}Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 5. – М., 1933. – С. 138-139.
5. <http://militera.lib.ru/РГВА>. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 125. Л. 299-417.
6. <http://militera.lib.ru/РГВА>. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 126—147; Ф. 40442. Оп. 2. Д. 128. Л. 162—190; ЦХСД. Ф. 89. Оп. 74. Д. 24. Л. 1.
7. <http://militera.lib.ru/РГВА>. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 180. Л. 92; Д. 126. Л. 1-2.
8. Великая Отечественная. Сборник документов. Т. 2. – М., 1994. – С. 116-117.
9. <http://militera.lib.ru/РГВА>. Ф. 9. Оп. 29. Д. 547. Л. 365-366.
10. <http://militera.lib.ru/Там же>. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 14. Л. 63, 148; Д. 10. Л. 392-396; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 1-2.
11. <http://militera.lib.ru/Там же>.
12. Великая Отечественная. Сборник документов. Т. 2. – М., 1994. – С. 119.
13. Правда. 18 сентября 1939 г.
14. Хорьков А.Г. Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальный период Великой Отечественной войны. – М., 1991. – С. 166.
15. Grzelak C.K. Kresy w czerwieńi. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa. 1998. S. 201-202.
16. Мельтюхов М.И. СССР, Польша и политический кризис 1939 г. – М., 2000. – С. 184.
17. <http://militera.lib.ru/ДМИСПО>. Т. 6. – С. 103.
18. <http://militera.lib.ru/РГВА>. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 1-3.
19. Гальдер Ф. Записки солдата. С. 126; РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 65.
20. Документы и материалы кануна второй мировой войны. – М., 1981. Т. 1. – С. 35-50.
21. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. – М., 1999. – С. 96.
22. Внешняя политика СССР. Т. 4. – С. 449; ДВП. Т. 22. Кн. 2. – С. 121.
23. Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. – М., 1995. – С. 109.
24. <http://militera.lib.ru/Прасолов С. И. Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г. Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918-1939>. – М., 1968. – С. 187.
25. <http://militera.lib.ru/РГВА>. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 2. Л. 21-23.
26. <http://militera.lib.ru/Там же>. Л. 30-31.
27. <http://militera.lib.ru/Там же>.
28. Новые документы по истории Мюнхена. С. 15-18; Документы по истории мюнхенского сговора. – С. 28.
29. <http://militera.lib.ru/Гриф секретности снят>. С. 86; РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 24. Л. 105-106; Д. 25. Л. 44-45; Д. 188. Л. 307-308.
30. Мельтюхов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918-1939. – М.: Вече. Серия: Военные тайны XX века, 2009. – С. 624.

САЦЫЯПІСТЫЧНЫЯ ПЕРАЎТВАРЭННІ Ў СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРЦЫ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРАДВАЕННЫ ПЕРЫЯД (1939–1941 гг.)

Ермаковіч Л.І.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Да 25 верасня 1939 г. Чырвоная Армія цалкам заняла тэрыторыю Заходняй Беларусі. Услед за ёю сюды для ўсталявання савецкай улады былі накіраваны на партыйную работу 1500, на камсамольскую, савецкую і гаспадарчую – 1200 камуністаў і камсамольцаў, сотні супрацоўнікаў Народнага камісарыята ўнутраных спраў.

Асноўная частка насельніцтва (85 %) Заходняй Беларусі пражывала ў вёсцы і займалася сельскагаспадарчай працай. У вёсках і мястэчках органамі новай улады з'яўляліся сялянскія камітэты. У іх склад выбіраліся прадстаўнікі беднякоў, сяраднякоў і парабкаў. Не чакаючы заканадаўчых актаў, гэтыя камітэты дзялілі памешчыцкую і царкоўную зямлю сярод беззямельных і малазямельных сялян, якія за кароткі час атрымалі 431 тыс. гектараў зямлі і сенакосу. Ім таксама было перададзена 14 тыс. коней і 33,4 тыс. кароў, выдавалася зерне на пасеў [1, с. 255–256]. У выніку ўжо восенню 1939 года было істотна падарвана польскае памешчыцкае землеўладанне.

Важнае значэнне для працэса аграрных пераўтварэнняў мела прынятая Народным сходам Заходняй Беларусі Дэкларацыя аб канфіскацыі памешчыцкіх зямель. У ёй абвешчвалася канфіскацыя без ўсягага выкупу зямель памешчыкаў, манастыроў, буйных дзяржаўных чыноўнікаў з усім інвентаром, жывёлай і сядзібнымі пабудовамі. Уся зямля з яе нетрамі, лясамі і рэкамі абвешчвалася ўсенародным здабыткам, або дзяржаўнай уласнасцю.

Ліквідавалася таксама асадніцкае землеўладанне. Рашэнне аб гэтым звычайна прымалася сялянскімі камітэтамі і пастановамі агульных сходаў сялян па месцы іх жыхарства. Як гэта адбывалася, нагляднае ўяўленне дае пастанова агульнага сходу сялян вёскі Явар Слонімскага ўезда Баранавіцкай вобласці. На сваім сходзе 11 лістапада 1939 г. сяляне пастанавілі: выдаліць польскіх асаднікаў з дзялянак, атрыманых ва ўзнагароду за заслугі ў барацьбе супраць Чырвонай Арміі ў 1918–1920 гг. Зямельныя надзелы разам з пабудовамі, а таксама рагатую жывёлу, коней са збруяй, сельскагаспадарчы інвентар, хлеб і корм канфіскаваць [2, с. 260]. Падчас падзелу памешчыцкіх і асадніцкіх маёнткаў зімой–вясной 1940 г. сяляне атрымалі 1 млн. гектараў ворыўнай зямлі, 33,4 тыс. кароў, 15,7 тыс. свіней, 14 тыс. коней [3, с. 38]. Гэта садзейнічала стварэнню значнай сацыяльнай апоры для савецкай улады з ліку батрацка-бядняцкай часткі сялянства, а таксама прывяло да павелічэння праслойкі сялян-сяраднякоў. Разам з тым неабходна адзначыць, што заходнебеларуская вёска па-ранейшаму заставалася малазямельнай. Больш за 40 % сялянскіх двароў мелі да 5 гектараў зямлі, што не стварала ўмоў для росту прадукцыйнасці, сельгасвытворчасці і забеспячэння годнага ўзроўню дабрабыту сялян. Да таго ж культура гаспадарання была ў большасці выпадкаў прымітыўнай. На тое існавалі розныя прычыны: адсутнасць сучасных аграэхнічных ведаў, інвентару, востры недахоп цяглавай сілы, гатунковага насення, пародзістай жывёлы, фінансавых сродкаў.

Разам з тым, надзяленне сялян зямлёй сведчыла пра задавальненне іх галоўнага эканамічнага інтарэсу. Тым самым была створана галоўная ўмова для наступальнага (эвалюцыйнага) уздыму сельскагаспадарчай вытворчасці, росту яе прадукцыйнасці і адпаведна – росту дабрабыту самога сялянства і ўсяго грамадства. Натуральна, што патрэбны былі многія іншыя крокі новай улады па ўмацаванню гаспадарчай самастойнасці,

асабістай матэрыяльнай зацікаўленасці селяніна-гаспадара ў плённай працы на зямлі. У прыватнасці, гэтыя крокі вымагалі прававага забеспячэння гаспадарчай самастойнасці селяніна, увадзення ашчаднай падатковай сістэмы, развіцця розных форм кааперацыі ў вёсцы, стварэння спрыяльнай крэдытнай сістэмы і многага іншага.

Зразумела, што такі шлях развіцця сельскай гаспадаркі азначаў захаванне і развіццё індывідуальнай сялянскай гаспадаркі, якая грунтавалася на гаспадарчай самастойнасці селяніна, яго эканамічнай свабодзе, развіцці рыначных адносін. Усё гэта супярэчыла ідэалогіі кіруючай большавіцкай партыі з яе прынцыпамі татальнага абагульнення ўласнасці і безумоўнага падпарадкавання асобы і грамадства дзяржаве. Гэтыя прынцыпы былі поўнасцю ўвасоблены ў СССР і БССР падчас будаўніцтва сацыялізму ў 1920–1930-я гг., састаўной часткай якога стала калектывізацыя сельскай гаспадаркі, якая прывяла да ліквідацыі класа сялянства. Партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва не жадала ў гэтай сувязі рабіць нейкага выключэння для народа Заходняй Беларусі, ствараць нейкі новы вопытны ўзор сацыяльна-эканамічнага развіцця, які б складаў альтэрнатыву ўжо апрабаванаму і рэалізаванаму на практыцы сацыялістычнаму ўзору развіцця грамадства.

З пачатку 1940 года большавікі актыўна распачынаюць вытворчае кааперываванне ў заходнебеларускай вёсцы, гэта значыць, стварэнне калектывных гаспадарак на аснове абагульнення галоўных сродкаў вытворчасці сялянства – зямлі, рабочай жывёлы, прылад працы. Пры гэтым яны абапіраліся на бяднейшую частку вёскі, якая падтрымлівала ліквідацыю памешчыцкага і асадніцкага землеўладання, дэпартацыю часткі польскага насельніцтва і складала аснову сялянскіх камітэтаў, а затым – мясцовых Саветаў дэпутатаў працоўных.

Менавіта батрацка-бядняцкія слаі сялянства былі галоўнай сацыяльнай апорай большавікоў у калгасным будаўніцтве, бо ім не было чаго губляць, акрамя свайго беспрасветнага жабрацтва і часта непаважлівых адносін больш заможных суседзяў, лічэйшых галоўнай прычынай іх беднасці безгаспадарлівасць і гультайства. Што датычыцца сярэднякоў і замужняй часткі сялян, то яны да палітыкі калектывізацыі ставіліся непрыхільна.

З самага пачатку калектывізацыі мясцовымі партыйнымі і савецкімі органамі была шырока разгорнута агітацыйная і прапагандысцкая праца. Увесь час падкрэслівалася, што калгасы – гэта адзіны сродак дасягнуць заможнага жыцця, і тыя, хто супраць калгасаў, з'яўляюцца ворагамі савецкай ўлады і самога сялянства. Увогуле агітацыйна-прапагандысцкая дзейнасць мела яркую ідэалагічную афарбоўку. Выкарыстоўваўся адпаведны набор ідэалагічных штампаў тыпу: “усё вакол калгаснае – усё вакол маё”, “калгасны двор – заможны двор”, “кулак – вораг селяніну”, “савецкая ўлада – як любая маці” і іншыя. Пры гэтым прыхарошвалася жыццё калгаснікаў ва ўсходняй частцы Беларусі.

Частка сялян успрымала большавіцкую прапаганду і, падштурхоўваемая цяжкімі жыццёвымі абставінамі, сама звярталася да партыйных і савецкіх уладаў з просьбай аказаць дапамогу ў арганізацыі калгасаў. Вось што пісалі сяляне вёскі Казённыя Лычыцы Любчанскага раёна Баранавіцкай вобласці 27 сакавіка 1940 г. у сваім звароце ў выканкам раённага савета: “Ведаючы, як хораша і культурна жывуць калгаснікі ў Савецкім Саюзе і параўноўваючы чаша жыццё з іх жыццём, мы ... пастанаўляем: прасіць савецкую ўладу дапамагчы нам арганізаваць у сваёй вёсцы калгас. Абрывда нам, беззямельным і малазямельным, доўгія ады працаваць паўгалоднымі і раздзетымі на сваіх вузенькіх палосках... Часта з усходу раз-м з цёплым вясеннім ветрам да нас даляталі дзівосныя матывы вольных, радасных пезень, якія калгаснікі спяваюць падчас працы на сваіх шырокіх палях. А мы ў гэты час ст-ым плугам аралі свае палоскі і плакалі. Не хоча цягнуць плуг галодны конь. Няма чым збсемяніць зямельку. Голадна і холадна ў хаце, плач дзяцей і горкія слёзы жанок раздзіралі душу. Не, хопіць ужо. Мы не жадаем далей так жыць [2, с. 260].

Аднак многія сяляне недаверліва ставіліся да прапаганды, бо баяліся адважыцца на глыбокія зрухі ў сваім жыцці з непрадказальнымі наступствамі. Акрамя таго, пэўная частка сялян была знаёма з негатывнымі наступствамі калектывізацыі ва ўсходніх абласцях Беларусі ў 1920–1930-я гг. Усё гэта разам істотна зніжала эфектыўнасць працы па прапагандзе калектывных формаў гаспадарання ў вёсцы.

Паколькі агітацыйна-прапагандысцкая праца не прыносіла патрэбных вынікаў (большасць сялян не ішла ў калгасы), то пры правядзенні калектывізацыі, як і ў свой час ва ўсходняй Беларусі, шырока парушаўся прынцып добраахвотнасці ўступлення ў калгасы. Шырока практыкаваліся прымусовае абагульненне жывёлы, насення і інвентару, пагрозы і запалоўванне, навешванне палітычных ярлыкоў, пазбаўленне выбарчых правоў, ігнараванне палажэнняў існуючых законаў і Прыкладнага статута сельскагаспадарчай арцелі.

Важным сродкам прымусавой калектывізацыі з'яўлялася падатковая палітыка дзяржавы. Усе аднаасобныя гаспадаркі павінны былі выплачваць адзіны сельгаспадаток і выконваць натуральныя дзяржаўныя пастаўкі. Велічыня падатку залежала ад нормы прыбытковасці зямлі, якая адвольна вызначалася і пастаянна карэктавалася ў бок павелічэння. На памер падатка таксама ўплывала колькасці зямлі і жывёлы ў сялянскай гаспадарцы.

Абавязковыя дзяржаўныя пастаўкі пазбаўлялі сялян значнай часткі вырабленай імі прадукцыі, якая прадавалася па мізэрных цэнах. Яны былі значна больш нізкімі, чым рыначныя, і нават не пакрывалі сабекошту пастаўляемых дзяржаве мяса, малака, воўны, яек і іншай сельскагаспадарчай прадукцыі.

Такая палітыка падштурхоўвала сялян да ўтойвання часткі сваіх пасяўных плошчаў, скарачэння хатняй жывёлы, яе забой, перацзелу і пераразмяркаванню гаспадарак паміж блізкімі сваякамі і суседзям, каб зменшыць падатковы ціск.

Пад уздзеяннем эканамічнага і пазазаканамічнага прымусу колькасць калгасаў паступова павялічвалася. Аднак яны у сваёй большасці былі маламоцнымі і нізкарэнтабельнымі, паколькі пераважна складаліся з сялянскіх гаспадарак, у якіх не мелася цяглавай сілы і буйной рагатай жывёлы. Таму вялікую ўдзельную вагу складала ручная праца. Акрамя таго, членамі калгасаў з'яўляліся многія сяляне, якія ніколі не былі добрымі гаспадарамі на зямлі.

Не садейнічала эканамічнай устойлівасці калгасаў свядомая палітыка выпампоўвання з іх сельскагаспадарчай прадукцыі і фінансавых сродкаў на справу індустрыялізацыі. Не стымулявала плённую працу калгаснікаў і такая форма ўліку іх працы, як працадзень, у якой раствараліся такія важныя складавыя працы, як яе колькасць і якасць. На працадні калгаснікі амаль нічога не атрымлівалі і пражыць на іх не маглі. У распачы яны жартавалі: “Што з гэтымі працадзямі рабіць: у печы варыць ці сырымі есці?”. У гэтых умовах галоўнай крыніцай самазабеспячэння калгаснікаў прадуктамі харчавання была асабістая падсобная гаспадарка, на якой калгаснікі карпелі пасля працы на калгасных палетках.

Разам з тым партыйная прапаганда актыўна і настойліва імкнулася распаліць працоўны энтузіязм калгаснікаў, уцягваючы іх у розныя формы сацыялістычнага спаборніцтва па нарошчванню аб'ёмаў вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі. У прыватнасці, быў разгорнуты стаханавскі рух у гонар гадавіны ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Так, газета “Зара” у сваім нумары ад 21 жніўня 1940 г. з вялікім імпэтам паведамляла аб стаханавскай працы калгаснікаў вёскі Казловічы Брэсцкага раёна ў гонар уз'яднання Беларусі. Паведамлялася, што калгаснікі працуюць з утроенай сілай, паказваюць узоры стаханавскай працы, і што ўсенароднае свята 17 верасня калгаснікі вырашылі сустрэць поўным выкананнем усіх абавязаванстваў перад сацыялістычнай дзяржавай [2, с. 262]. Праўда, газета забыла паведаміць, што атрымалі на свае працадні калгаснікі-стаханавцы і на які страўнік яны будуць святкаваць – поўны ці пусты?

Не палепшылі стан калгасаў і створаныя ў 1940 годзе машынна-трактарныя станцыі (МТС). Меркавалася, што яны стануць інструментам тэхнічнай рэканструкцыі сельскай гаспадаркі і сродкам дапамогі сялянству. Аднак гэтага не адбылося. Па-першае, МТС было вельмі мала. У 1940 годзе яны мелі ўсяго 951 трактар, 193 машыны, 843 трактарныя плугі. 438 культыватары, 300 сеялак [3, с. 121]. Па-другое, іх паслугі калгасам і асабліва сялянам-аднаасобнікам былі вельмі дарагімі. Таму калгасы і сяляне нярэдка адмаўляліся ад іх паслуг. Аднак калгасам зрабіць гэта было амаль немагчыма, што яшчэ больш спусташала калгасную касу.

Аграрная палітыка таксама прадугледжвала ліквідацыю хутароў. Тым самым у спалучэнні з вышэйакрэсленымі антысялянскімі мерамі наносіўся моцны ўдар па заможнаму сялянству. Аднак масавае раскулачванне вёскі ў прадваенныя гады не праводзілася. У гэтым не было неабходнасці, бо заможная праслойка сялян-беларусаў была нязначнай па прычыне аграрнай палітыкі польскіх уладаў, якая была арыентавана на насаджэнне ў Заходняй Беларусі польскага памешчыцкага і асадніцкага землеўладання.

Пераход да калектывізацыі выклікаў супраціўленне часткі сялян. Яно ў асноўным вялося на ўзроўні антыкалгаснай агітацыі. Сяляне пастаянна падкрэслівалі, што яны чакалі савецкую ўладу, якая павінна была вызваліць іх ад польскага прыгнёту, а атрымалі іншае: не вызваліла і "пачала піць апошнюю кроў з сялян". Яны ў роспачы гаварылі, што "прыйшлі бальшавікі, ды мусіць не тыя, якіх чакалі".

Сяляне-калгаснікі выказвалі сваю незадаволенасць калгасным кіраўніцтвам, якое ў многіх выпадках складалася з людзей, не карыстаўшыхся іх павагай. Яны падкрэслівалі, што нельга давярць кіраўніцтва людзям, якія пры польскай уладзе "валяліся пад плотам", былі лайдакамі і злодзеямі. На калгасных сходках сяляне абураліся тым, што яны шмат працуюць, а за працэдні нічога не атрымліваюць, бо калгасы павінны выконваць вялікія дзяржпастаўкі збожжа. На сходзе сяляне калгаса "17 верасня" Жабінкоўскага раёна заявілі, што "мы ўступілі ў калгас у ботах, а цяпер засталіся без ботаў". Рэзкай крытыцы было падвергнута праўленне калгаса, якое "складаецца з адных дурняў", не абараняе іх інтарэсаў і "танцуе пад дудку" раённага начальства. Члены калгаса гаварылі, што яны працуюць дзень і ноч і не бачаць хлеба, а аднаасобнікі працуюць менш і кожны дзень ядуць хлеб [5, с. 201–281].

Ва ўсіх сялян выклікала рэзкае незадавальненне іх прыцягненне да бясплатнай працы ў дарожна-маставым, абарончым будаўніцтве, лесанарыхтоўках, меліярацыі зямель. Былі выпадкі незадаволенасці жыхароў вёсак безальтэрнатыўнымі выбарамі дэпутатаў у мясцовыя і Вярхоўны саветы, навязваннем зверху кіраўніцтва калгасаў, дэфіцытам тавараў шырокага ўжытку.

У асобных выпадках незадавальненне сялян палітыкай бальшавікоў у вёсцы ўвасаблялася ў бескампрамісныя палітычныя заявы тыпу: "Адзін фашызм (польскі. – Л.Е.) скінулі, а другі на змену прышоў", "На выпадак вайны Савецкага Саюза з якой-небудзь дзяржавай, атрымаўшы ў рукі зброю, мы будзем ведаць у каго страляць" і г.д.

Часам сяляне падпальвалі калгасныя будынкi, здзяйснялі тэрарыстычныя акты. Антыкалгасныя настроі імкнуліся выкарыстоўваць у сваіх мэтах польскія падпольныя арганізацыі, што існавалі ў Заходняй Беларусі, у тым ліку на Брэстчыне. Аднак абсалютная большасць сялян да іх інтарэсаў адносілася непрыхільна.

Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў Заходняй Беларусі было створана 1115 калгасаў, якія аб'ядноўвалі 49 тыс., або каля 7% сялянскіх гаспадарак [6, с. 209]. Надзеі большасці сялянства на лепшае жыццё з усталяваннем савецкай улады ў перадваенны перыяд не спраўдзіліся. Неўзабаве яго напаткалі яшчэ больш суровыя выпрабаванні – пачалася вайна.

Літаратура

1. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2-х ч. Ч. 2 / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш. Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.
2. Хрестоматія па історыі БССР (1917–1983) / Сост. А.П. Ігнатенко, В.Н. Сідорцов, П.З. Савочкін, А.І. Сідоренка. – 2-е изд. пераб. і доп. – Мінск, Изд-во «Універсітэцкае», 1984. – 453 с.
3. Белазаровіч, В. Асаблівасці калектывізацыі ў заходніх абласцях Беларусі ў 1939–1941 гг. / Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 1. – С. 36–45.
4. Белазаровіч, В. Правядзенне калектывізацыі ў прадваенны час / В. Белазаровіч / Назаяўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск: БелЭН, 1999. – С. 116–124.
5. Ермаковіч, Л.І. Калектывізацыя сельскай гаспадаркі на Брэстчыне (1939–1941 гг.) / Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыял рэспубліканскай навуковай канферэнцыі: У 4-х ч. Ч. 4. – Гродна, 2003. – С. 279–282.
6. Социально-экономические преобразования Белорусской ССР за годы Советской власти. – Минск, 1970. – С. 396.

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПОЛЕСКОМ ВОЕВОДСТВЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921-1939 гг.)

Кабот Т.Ф.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Границы Полесского воеводства были обозначены в соответствии с Законом от 4 февраля 1921 г., определившим административное деление т.н. восточных земель. В состав Полесского воеводства была включены поветы: Брестский, Дрогичинский, Кобринский, Коссовский, Камень-Каширский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Сарненский. Впоследствии очередными распоряжениями Совета Министров РП в административное деление воеводства были внесены изменения, важнейшими из которых были: исключение из состава Полесского воеводства Сарненского повета, образование Столинского повета, преобразование Коссовского повета в Ивацевичский.

На экономической карте Польши вновь созданное воеводство ввиду его аграрного характера заняло одно из последних мест (т.н. Польша «Б»). Как следует из анкеты Министерства промышленности и торговли РП, в 1926 г. в воеводстве насчитывалось 58 крупных и средних предприятий с общим числом работающих 2981 человек. Представлены были деревообрабатывающая, пищевая, химическая, бумажная и др. отрасли. Доминировала деревообрабатывающая промышленность, 50 % продукции которой поставлялось в Голландию и Англию. Крупными предприятиями отрасли были фанерные фабрики. Например, в Микашевичах на фабрике работало более 600 человек [1, 8; 2, 53-54]. В прочих отраслях преобладали технически слабо оснащённые промышленные предприятия ремесленного типа. Промышленные предприятия в Польше межвоенного периода подразделялись на VIII категорий. К I-III категории относились предприятия, имеющие более 500 работников, к мелкой промышленности относились предприятия VI-VII категории. В Полесском воеводстве преобладали предприятия VIII категории, на которых было занято 72

и менее 5 работающих. Польские исследователи относят к ремесленникам мелкотоварных производителей, осуществляющих хозяйственную деятельность на основе карты ремесленника, а также всех независимых индивидуальных предпринимателей, имеющих менее 5 наёмных работников [3, 8; 4, 286-287].

В исследуемый период правовые акты, определяющие принадлежность работающих в сфере ремесленного производства, неоднократно изменялись. Правовые основы для выделения ремесла из промышленности создавало распоряжение президента Речи Посполитой от 7 июня 1927 г. Данный документ не содержал дефиниции ремесла, но статья 142 содержала наименования 63 видов промышленной деятельности, которые были квалифицированы как ремесла в том случае, если они не осуществлялись фабричным способом. В статье 145 оговаривалось, что условием осуществления индивидуальной ремесленной деятельности является ремесленная карта, выдаваемая административным органом первой инстанции при наличии доказательства профессиональной квалификации. Желающий получить карту должен был представить документ, подтверждающий звание мастера, либо свидетельство о звании подмастерья. Подобные карты выдавались также выпускникам специальных технических школ. Правовая ситуация ремесленников уточнялась также в дополнениях к закону о промышленном праве от 1934 и 1938 гг.

Таблица 1 – Ремесленные мастерские в Польше в 1930 г.

Воеводства	Число ремесленных мастерских	%	Численность населения (перепись 1931 г.)	Численность ремесленных мастерских на 1 тыс. населения
Белостокское	14 459	5,5	1 645 500	8,8
Келецкое	29 778	11,5	2 937 000	10,1
Краковское	11 226	4,3	2 296 600	4,9
Люблинское	25 832	9,9	2 466 900	10,5
Львовское	19 246	7,4	3 127 400	6,1
Лодзское	27 268	10,5	2 633 000	10,4
Новогрудское	5 717	2,2	1 056 800	5,4
Полесское	8 954	3,8	1 131 800	7,9
Поморское	17 968	6,8	1 086 300	16,5
Познаньское	13 553	5,2	2 114 200	6,4
Станиславовское	6 982	2,7	1 476 500	4,7
Силезское	5 419	2,1	1 298 400	4,2
Тарнопольское	5 758	2,2	1 604 000	3,6
Варшава	15 492	5,9	1 178 900	13,1
Варшавское	27 877	10,7	2 530 700	11,0
Виленское	15 730	6,0	1 275 200	12,3
Вольнское	9 711	3,7	2 084 800	4,7
Всего	263 993	100,0	32 133 500	8,2

[4, 104].

Усиление профессиональной активности и некоторый численный рост ремесленников в Полесском воеводстве и во всей Польше в 1921-1931 гг., а также 1937-1938 гг. были связаны с благоприятной хозяйственной конъюнктурой. Ремесленные мастерские нередко заменяли промышленные предприятия, поскольку создавались при наличии небольших средств, необходимых для приобретения простейших машин и инвентаря, использовали местное сырьё. В условиях инфляции ограниченный оборотный капитал способствовал тому, что ремесленные мастерские несли незначительные потери.

Промышленные рабочие составляли 1/3 полесского рабочего класса, большая их часть была занята на небольших предприятиях либо в ремесленных мастерских. В реестровую кни-

гу ремесленников, которая велась Брестским магистратом в 20-30-е гг. было внесено 1787 ремесленников, объединённых в 7 групп по специальностям: деревообработка, текстильная, металлообработка, продовольственная, кожевенная и сфера услуг. В группе металлообработки преобладали слесарные, кровельные и жестяные мастерские. В данную группу входили также часовщики. В продовольственной группе преобладали мясники, пекари, кондитеры. Кожевенная группа объединяла, главным образом, сапожников и шорников. Сферу услуг представляли парикмахеры и фотографы. В численном отношении преобладали кожевенная и текстильная (портные) группы.

В Польше в профессиональной структуре ремёсел, на основе данных переписей 1921-1931 гг., сапожники и портные составляли около 50 % всех ремесленных специальностей. Высоким был также процент занятых в пекарном, столярном, кузнечном деле. В 30-е гг. ремесленные мастерские, имеющие ремесленную карту (т.е. запатентованные в ремесленной палате) составляли около 60-70 % общего числа действующих в этот период на территории Полесского воеводства. Значительная часть индивидуальных ремесленников осуществляла нелегальную деятельность, которая была явлением постоянным, но особенно усилилась в период экономического кризиса, когда в условиях растущей безработицы ремесленной деятельностью стали заниматься лица, не имеющие требуемой квалификации: уволенные подмастерья, рабочие, выходцы из села. В Польше в 30-е гг. на 100 мастерских 77 было легальных и 23 нелегальных.

Таблица 2 [7, 7] – Ремесленные мастерские в Полесском воеводстве в 1936 г.

№	Группа	Легальные мастерские	Нелегальные мастерские	Всего мастерских
1.	Строительная	700	284	944
2.	Деревообрабатывающая	1317	548	1865
3.	Текстильная	2158	519	2677
4.	Металлообрабатывающая	1631	644	2275
5.	Пищевая (продовольственная)	1543	516	2059
6.	Кожевенная	2118	582	2700
7.	Сфера услуг	368	56	424
Всего		9795	3149	12944

На протяжении всего исследуемого периода профессиональная структура ремесла в целом не менялась. На территории Полесского воеводства постоянно наблюдалось преобладание текстильной (портные) и кожевенной (сапожники) групп. В 30-е гг. отмечалось повышение численности мастерских строительной группы. В 1936 г. (3-4 кварталы) выросла потребность в плотниках и каменщиках, главным образом в городах (Брест, Пинск). Широкую строительную программу осуществляли на территории воеводства воинские подразделения. Сооружение военных объектов способствовало использованию местных ремесленников строительной группы. Кроме местных работников, была приглашена группа ремесленников высокой квалификации из западных воеводств [7, л. 16-17].

Уменьшение в 30-е гг. в процентном отношении количества предприятий пищевой группы (копильни, кондитерские, пекарни), было связано со снижением покупательной способности населения, а также с конкуренцией нелегальных объектов. Так, в Бресте в 1936 г. было 50 нелегальных пекарен. В III-IV кварталах 1936 г. возросли цены на муку, что привело к повышению цен выпечки и резкое снижение спроса. В исследуемый период почти половину ремесленников составляли сельские жители. Типично сельский характер

носил ряд ремесленных специальностей: бондарное, гончарное, кузнечное дело. В селе постоянно требовались каменщики и плотники. В свою очередь часовщики, ювелиры, переплётчики, портные, белошвейки, парикмахеры, скорняки, фотографы находили работу главным образом в городах. В Полесском воеводстве имелись населенные пункты, специализировавшиеся в отдельных видах ремесленной продукции. Так, в Ивацевичах был организован столярный кооператив, а в Давид-Городке ремесленники кожевенной группы производили обувь для верховой езды, а также офицерские сапоги и ремни, которые поставляли в армейские подразделения, а также на экспорт. Согласно данным переписи 1931 г., еврейское население составляло 10,1 % от числа проживающих в Полесском воеводстве. В городах этот процент был гораздо выше – 42,2 %. В 1929 г. среди владельцев зарегистрированных легальных мастерских в воеводстве евреи составляли 81,1 %. В 1936 г. из 12 944 мастерских 9 511 принадлежало евреям. Данная ситуация была обусловлена как исторически, так и экономически. Определённую роль играли также религиозные причины, образ жизни (например, обычай празднования субботнего дня) [2, 140-141]. Изделия еврейских ремесленников предназначались главным образом для городского населения. Преобладали ювелирные, переплётные, часовые, шляпные, швейные мастерские. В Бресте в 30-е гг. абсолютное большинство ремесленных мастерских, в том числе все фотографии и парикмахерские, принадлежало евреям. В 1936 г. в Бресте проживало 21 134 католиков, 8 284 православных и 21 518 евреев. Ритуальные правила обуславливали тот факт, что копильни принадлежали христианам. В профессиях, продукция и услуги которых были адресованы сельскому населению, чаще всего преобладали владельцы-христиане (поляки, русские, украинцы, белорусы).

Ремесленная деятельность развивалась в рамках различных организаций. Наряду с традиционно действующими цехами в исследуемый период возникали разнообразные союзы и объединения ремесленников, носящие главным образом культурно-просветительский характер. Цеха действовали как корпорации, объединяющие своих членов на основе профессиональных интересов. Ремесло на территории Полесского воеводства охраняло характерное для Польши деление цехов на христианские и еврейские. Существовали также смешанные цеха. Следует отметить, что в межвоенный период цеха реализовали лишь часть своих первоначальных функций. Польское промышленное право (закон 1927 г.) оговаривало полную добровольность цеховой принадлежности и ограничивало компетенцию цехов, лишив их права принятия решений в вопросах профессиональной квалификации членов. Поправкой к промышленному закону 1934 г. запрещалась хозяйственная деятельность цехов, круг их интересов был ограничен вопросами культурно-просветительного и социального характера. Большая часть компетенций цехов была передана ремесленным палатам. Ремесленные палаты, являющиеся органами территориального хозяйственного самоуправления, создавались на основании распоряжения президента РП от 27.10.1933 г. Ремесленная палата в Бресте над Бугом была образована в соответствии с распоряжением Министра промышленности и торговли от 7 декабря 1933 г. Уставом Брестской ремесленной палаты оговаривалось, что её деятельность распространяется на территорию Полесского воеводства, целью же является представительство хозяйственных и профессиональных интересов ремесленных объединений региона. Ремесленная палата должна была сотрудничать с государственными органами по вопросам, связанным с развитием ремесленного производства, представлять необходимую статистическую информацию, оценочные рекомендации, оформлять требование ремесленных объединений, оказывать поддержку научно-исследовательским организациям, музеям, ремесленным выставкам и ярмаркам,

информбюро. Важной сферой деятельности палаты являлась профессиональная подготовка ремесленников. Устав предусматривал, что Ремесленная палата должна оказывать помощь в развитии ремесленных школ и курсов повышения квалификации на территории воеводства, создавать в соответствии с существующими правовыми нормами комиссии для принятия экзаменов на подмастерье и мастера ремесленного цеха.

В Полесском воеводстве в 1934 г. было создано 36 экзаменационных комиссий для желающих получить чин подмастерья и 41 – мастера. Помимо Бреста, с учётом потребности воеводства, были организованы выездные комиссии для приёма квалификационных экзаменов в Пинске и в Камень-Каширском. Во второй половине 30-х гг. резко возрастает количество ремесленников, сдающих квалификационные экзамены для получения свидетельства подмастерье. Если в 1935 г. к экзаменам был допущен 71 человек, то в 1936 – 344, причём положительную оценку получило 238 человек. Как правило, кандидаты не получали свидетельств ввиду низких оценок по польскому языку и счетоводству (основы бухгалтерии). Низшие результаты продемонстрировали кандидаты строительной группы. Экзамены на следующую квалификационную ступень (мастера) в 1936 г. сдавал 121 человек (108 – получили свидетельства): 26 – в группе сапожников, 12 – в группе портняжного дела, 10 – слесарного дела, 9 – изготовления копчёностей, 8 – пекарей, 7 – работников бойни. Подмастерья, имевшие возможность организовать мастерскую, вскоре получили карту ремесленника [7, л. 19-21].

Независимо от цехов и ремесленных палат существовали союзы и товарищества, объединявшие ремесленников разных профессий. Они действовали не на основе норм промышленного права, а закона об объединениях (*ustawa o stowarzyszeniach*), позволяющего реализовывать им задачи профессионального, социального и культурного характера.

В середине 30-х гг. в Полесском воеводстве насчитывалось 30 отделений Еврейского ремесленного союза, а также 5 отделений, объединяющих ремесленников-христиан. Ремесленное производство развивалось в условиях острой конкуренции христианских и иудейских ремесленников.

При союзах ремесленников действовали кассы взаимопомощи, которые в целях увеличения численности ремесленных мастерских выделяли дотации для покупки сырья и обновления оборудования. Касса, функционировавшая при Брестском союзе, объединяла 77 членов. В 1937 г., располагая общим капиталом в 3600 злотых, касса выделила кредиты 68 Брестским ремесленным мастерским. Кассы предпринимали определённые шаги в целях решения как экономических, так и социальных проблем ремесленников.

В Пинске Союз христианских ремесленников действовал с 1936 г. В 1937 г. он объединял 150 человек. В феврале 1937 г. усилиями членов союза была образована касса взаимопомощи, получавшая дотации от Брестской ремесленной палаты и беспроцентные кредиты от одного из центральных польских банков в сумме 1500 злотых в год. Отдельным ремесленникам выделялись беспроцентные кредиты в сумме 200 злотых на 10 месяцев. Во второй половине 1937 г. путём подобного финансирования была оживлена деятельность 20 швейных и столярных мастерских. При поддержке Брестской ремесленной палаты в Пинске было образовано Общество попечения над ремесленной молодёжью, совет которого использовал 5000 злотых дотации в целях открытия общежития для прибывавших из села учеников: портных, сапожников, слесарей и часовщиков. Молодёжь из Пинского повета получала в общежитии полное обеспечение [8, 15-16].

В Кобрине с 1939 г. функционировал ремесленный цех плотников и каменщиков, при котором в марте 1937 г. был образован Союз христианских ремесленников, сконцентри-

ровавший внимание на деятельности, связанной с повышением профессионального, культурного и образовательного уровня своих членов. Были открыты постоянно действующие курсы повышения квалификации, на субсидии Брестской ремесленной палаты созданы ремесленнический клуб, библиотека, читальный зал. Кобринский союз стремился оказать ремесленникам техническую, медицинскую и правовую поддержку. В ноябре 1937 г. съезд ремесленников Кобринского совета обратил внимание администрации на необходимость оказания материальной поддержки ремесленной молодежи. Брестская ремесленная палата выделила дотации для выплаты стипендии особо нуждающимся учащимся.

В Коссове в 1928 г. возникло Ремесленное общество, преобразованное в 1936 г. в Ремесленный союз во главе с А. Кшеменьским. Коссовский союз активно действовал в сфере защиты социальных интересов своих членов, организовывал бесплатную юридическую консультацию, способствовал созданию постоянно действующих ремесленных курсов. Больше трудностей, ввиду конкуренции еврейских ремесленников, испытывал ремесленный союз в Пружанах. В 1937 г. Поветовый съезд христиан-ремесленников констатировал, что из 2000 легальных ремесленных мастерских лишь 350 принадлежали христианам, из 124 сдававших экзамен и получивших звание мастера было 69 христиан. Касса взаимопомощи выделяла беспроцентные кредиты для поддержки ремесленных мастерских, однако еврейские ремесленники нередко получали от кагала безвозмездную материальную помощь. Пинские органы ремесленного самоуправления активно обсуждали вопрос о необходимости налаживания контакта с ремесленными палатами в воеводствах на западе Польши с целью приглашения группы опытных мастеров и подмастеров востребованных специальностей [8, 21-24].

6 июля 1937 г. был организован Полесский воеводский совет союзов христианских ремесленников, задачей которого стала координация деятельности имеющихся объединений, консолидация ремесленников-христиан, повышение экономического уровня ремесленного производства. 12 июня 1938 г. состоялся воеводский съезд христианского ремесла на Полесье, проанализировавший положение дел в ремесленном производстве региона, уделивший большое внимание вопросам материальной поддержки ремесленных мастерских и пропаганде ремесленной продукции.

В 1936-1938 гг. большую роль в пропаганде ремесла на Полесье сыграли ярмарки в Пинске. Первая полесская ярмарка проходила 15-31 августа 1936 г. Шесть отделов представляли ремесло, кустарные промыслы, промышленность, торговлю, сельское хозяйство и искусство региона. В ремесленном отделе демонстрировало свои товары 55 производителей. Были представлены столярные, гончарные, кожевенные, мебельные, швейные изделия. Высоким качеством отличались часы, мебель, музыкальные инструменты, витражи. Конкурсные награды получили многие ремесленники. Кустарные промыслы были представлены разнообразными тканями регионального характера. Ремесленные изделия заняли значительное место в выставочных павильонах второй полесской ярмарки (22.08.–05.09.1937). На Полесье действовало в этот период около 13000 ремесленных мастерских. Они представили текстильные товары, льняные ткани, одежду, лодки, бочки, гонт. Популярностью среди посетителей выставки пользовались изделия сапожной ремесленной мастерской из Давид-Городка, производящей охотничьи сапоги и спортивную обувь. Если первые две ярмарки в большей степени были демонстрацией полесского ремесла и промышленности, то третья ярмарка, состоявшаяся в 1938 г. способствовала заключению новых торговых контрактов предпринимателей и ремесленников. Высоким

уровнем отличалась мебельная и ткацкая продукция, производимая полесскими ремесленниками. Вместе с тем на протяжении всего исследуемого периода ремесленное производство переживало значительные трудности. В сравнении с западными и центральными воеводствами ремесленное производство на Полесье находилось на более низком уровне, как с точки зрения качества производимых товаров и услуг, так и с точки зрения численности ремесленных мастерских и работников. В 1928 г. лишь 22,4 % владельцев ремесленных мастерских платило налог с оборота. С точки зрения стоимости производимой продукции (16 088 270 злотых), воеводство занимало одно из последних мест в Польше. Средний уровень дохода ремесленников воеводства был ниже среднего по стране. Государственным инвестиционным планом 1936-1940 гг., рассчитанным на масштабное переустройство экономики Польши, выравнивание уровней развития западных и восточных регионов страны (Польша «А» и «Б»), планировалось направить в Восточное воеводство значительные средства. В Полесском воеводстве инвестиционным планом предусматривалось выделение кредитов на механизацию мастерских (1 500 000), обеспечение мелких мастерских инструментами (200 000), выделение специального кредита на развитие кожевенных мастерских – 1 000 000. В сфере культурно-просветительской деятельности для обеспечения повышения уровня развития ремесленного производства намечалось строительство 7 ремесленно-промышленных школ низшей ступени, организация специальных профессиональных и кооперативных курсов, в том числе долговременных, а также постоянно действующих выставок продукции. До 360000 злотых планировалось вложить в строительство выставочного павильона в Пинске, организацию ремесленных базаров в Бресте и Пинске, а также реализацию плана по переселению группы высококвалифицированных ремесленников из западных воеводств на Полесье. Намечалось, что общая сумма инвестиций для развития полесского ремесла составит 5 150 000 злотых [6, л. 31-32]. «Однако в административной практике одержали победу соображения общегосударственного порядка, нацеленные на нужды полного объединения страны и создания единого законодательства. Это означало, что те же законы должны были действовать как в Силезии, где преобладало крупное промышленное производство, так и на Полесье, где преобладало натуральное хозяйство. Нормы, не приспособленные к локальным полесским условиям, нередко приводили к ухудшению положения местных предпринимателей» [2, 170].

Литература

1. Oryñżyna, J. Przemysł ludowy w województwach: wileńskim, nowogródzkim, poleskim i wołyńskim, Warszawa, 1927.
2. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia 1921-1939 Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. – Warszawa, 1963.
3. Renz, R. Rzemiosło województwa Kieleckiego w okresie międzywojennym. – Warszawa-Kraków, 1984, S. 8-10;
4. Landau, Z., Tomaszewski, J. Zarys historii gospodarczej Polski. 1918-1939. – Warszawa 1986.
5. Sprawozdanie Rady Izb Rzemieślniczych RP 1931/1932. – Warszawa 1933, tab. 1, MRS 1936.
6. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 1, оп. 1, д. 385.
7. ГАБО. Ф. 1, оп. 1, д. 386.
8. Rzemieślnik Poleski, Brześć nad Bugiem 12.IV.1938.

ДОКУМЕНТЫ БРЕСТСКОГО ГОРОДСКОГО МАГИСТРАТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДА БРЕСТА В 1919 – 1939 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Карапузова А. Г.

Научно-методическое учреждение «ГАБО»

Документы Брестской городской рады и магистрата (с 1933 г. – управления) поступили на хранение в госархив Брестской области в 1940 г. (сразу после его создания) и образовали отдельный архивный фонд. На сегодняшний день материалы фонда составляют 11 049 единиц хранения и отражают деятельность городской рады и магистрата за 1919-1939 гг. Также в состав фонда входят документы технического отдела магистрата, представляющие собой техническую документацию (проекты, планы, сметы и др.) по застройке г. Бреста в межвоенный период, и личные дела работников магистрата и подведомственных ему городских служб.

Брестский магистрат был создан сразу после вступления в город польских войск в феврале 1919 г. Точная дата образования магистрата отсутствует. В одном из документов магистрата, который датируется 18 февраля 1919 г. (самый ранний документ магистрата, хранящийся в архиве), есть ссылка на его распоряжение от 17 февраля о назначении санитарных инспекторов [10; 103]. Таким образом, очевидно, что по состоянию на 17 февраля 1919 г. магистрат уже функционировал.

Первый состав городской рады был избран в сентябре 1919 г.

Во главе города стоял президент (первое время – бургомистр).

Городское самоуправление регламентировалось распоряжением Генерального комиссара Восточных земель от 14 августа 1919 г. о городском уставе [2; 124-131]. В соответствии с ним, распорядительным и контролирующим органом являлась городская рада. В ее состав входили радные и члены магистрата. Количество радных зависело от числа проживающего в городе населения. Радные избирались на 3 года и исполняли свои функции без вознаграждения. Заседания рады проводились по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц. На заседаниях председательствовал президент города, решения принимались голосованием, все заседания протоколировались.

В компетенцию городской рады входило решение следующих вопросов: установление принципов правления и способов пользования имуществом городской гмины, а также всех принадлежащих ей предприятий и учреждений; приобретение и продажа недвижимости, получение займов и кредитов, вложение капитала; утверждение бюджета города, налогов и оплат в пользу города; утверждение плана застройки города и т. д.

Исполнительным органом городской рады являлся магистрат. Членами магистрата выступали президент, вице-президент и заседатели (*lawnicy*). Число заседателей составляло 10 % от числа радных. Члены магистрата получали постоянную заработную плату из городской казны, размер которой определяла рада. Членов магистрата выбирали радные из числа лиц, имеющих польское гражданство, на три года (т.е. на срок действия полномочий рады). Президент и его заместитель выбирались большинством голосов. На заседаниях магистрата председательствовал президент или его заместитель. Заседания магистрата были правомочны, если на них присутствовало более половины членов магистрата. Решения магистрата принимались большинством голосов и предоставлялись к сведению городской раде.

К компетенции магистрата относилось: исполнение решений городской рады; управление городским имуществом и проведение его инвентаризации; управление собственными учреждениями и предприятиями; составление проектов городского бюджета; управление доходами и расходами городской гмины, распределение налогов и повинностей, установленных радой; предоставление раде отчетов о деятельности магистрата и подчиненных ему учреждений, отчетов об исполнении бюджета; назначение и увольнение городских работников и т. д.

На основании закона Польши от 23 марта 1933 г. произошло частичное изменение устройства местного самоуправления, в результате которого магистрат был преобразован в городское управление. Радные стали избираться сроком на 5 лет, а члены магистрата, которые теперь работали профессионально, – на 10 лет. Повышались требования к образовательному уровню и профессиональной подготовке кандидатов в президенты и вице-президенты города [3; 693-722].

Всего за период с февраля 1919 года по сентябрь 1939 г. в Бресте действовало 5 составов городской рады и магистрата, сменилось семь президентов города. Деятельность органов городского самоуправления прерывалась в августе 1920 г. в связи с наступлением Красной Армии и установлением в Бресте власти большевистского революционного комитета. После отступления войск Красной Армии работа рады и магистрата возобновилась.

По организационной структуре магистрат состоял из отделов и комиссий, которые занимались определенным направлением деятельности. В соответствии с регламентом магистрата от 1 августа 1921 г. он состоял из 12 отделов, а именно:

1. Президиальный отдел (или отдел президиума), в функции которого входило: решение общих административных вопросов, обеспечение связей магистрата с властями всех уровней, решение вопросов по получению кредитов, представительская деятельность и др.

2. Административный отдел, который занимался ведением делопроизводства, учетом входящей и исходящей корреспонденции, а также вел все внутренние дела магистрата.

3. Финансовый отдел, в компетенцию которого входило ведение бухгалтерии, составление финансовых отчетов, формирование бюджета магистрата и др.

4. Хозяйственно-строительный отдел выделял в аренду городские земельные участки и т. п., контролировал деятельность городских коммунальных служб: городской бойни, ассенизационного обоза, пожарной охраны и др.; осуществлял надзор над городским хозяйством в целом; занимался мощением улиц, ремонтом и осуществлял технический надзор над всеми строительными работами; вел учет имущества, недвижимости.

5. Налоговый отдел занимался установлением размеров налогов, их взиманием и др.

6. Жилищный отдел, к компетенции которого относилось ведение учета домов, оставленных владельцами, осуществление опеки над этими домами, установление стоимости жилья и др.

7. Регистрационно-статистический отдел вел учет населения города, занимался пропиской, имел адресное бюро.

8. Продовольственный отдел, в функции которого входило определение количества необходимого для населения продовольствия, закупка и выдача продуктов по продовольственным карточкам и др.

9. Врачебный (медицинский) отдел занимался вопросами здравоохранения, санитарного состояния города, участвовал в санитарных комиссиях и др.

10. Ветеринарный отдел, в компетенцию которого входили следующие вопросы: надзор за городской бойней, осмотр скота на рынках, контроль над привозным мясом, лечение инфекционных болезней у домашних животных.

11. Отдел гражданского состояния вел книги гражданского состояния населения, составлял акты рождений, браков, смертей.

12. Жилищная (квартирная) комиссия [8; 147-150].

В процессе деятельности структура магистрата (управления) неоднократно изменялась: отделы ликвидировались, объединялись, создавались новые. Так, по состоянию на 1931 год в состав магистрата входило уже 5 отделов [13; 1-8]. Как видно, количество отделов значительно уменьшилось, но внутри отделов были созданы рефераты (сектора): 1. Общий отдел (общий реферат, реферат образования, юридический реферат, секретариат, общая канцелярия); 2. Финансовый отдел (бюджетный, налоговый, исполнительный рефераты, городская касса); 3. Административный отдел (военный, уголовно-административный рефераты, реферат учета движения населения); 4. Социальный отдел (рефераты общественного здоровья и социального обеспечения); 5. Хозяйственно-технический отдел (технический, инспекционно-строительный, дорожный, хозяйственный рефераты) [13; 1-5].

В 1936 г. в состав магистрата входило уже 4 отдела: 1) Общий, состоящий из 5 рефератов (кадровый, учета движения населения, военный, общеадминистративный, уголовно-административный); 2) Финансово-хозяйственный, состоящий из 4 рефератов (счетный, налоговый, хозяйственный, стоимости лечения); 3) Технический, в состав которого входил дорожный реферат; 4) Отдел здоровья, состоящий из ветеринарного реферата и самостоятельного реферата социального обеспечения [4; 11-12].

О функциях перечисленных отделов и рефератов можно судить исходя из их названий.

В ведении органов городского самоуправления находились также учреждения общественного пользования и городские коммунальные службы (электростанция, бойня, водопровод и канализация, бетонный завод, лаборатория анализа качества продуктов питания, библиотека, больница, ночлежный дом, медпункт, станция опеки матери и ребенка, пожарная охрана и др.).

Исходя из круга вопросов, входивших в компетенцию городской рады и магистрата (управления), его отделов, рефератов и комиссий, описанных выше, в архивном фонде отложились документы, отражающие весь спектр деятельности органов городского самоуправления, который в свою очередь дает нам представление о жизни города Бреста в 1919-1939 гг.

Комплекс документов фонда представлен разнообразными материалами: циркуляры и распоряжения МВД Польши, Полесского воеводского управления, указания Брестского поветового старосты, протоколы заседаний и решения городской рады и магистрата, регламенты их деятельности и уставы, отчеты и информации магистрата, переписка магистрата с вышестоящими инстанциями, подведомственными организациями и частными лицами по вопросам, входившим в его компетенцию, бюджеты и финансовые отчеты магистрата, штатные расписания и ведомости на выплату заработной платы работникам магистрата и городских служб, дела о правах владения горожан недвижимым имуществом, дела о налогообложении жителей города, списки и журналы учета жителей города, списки избирателей в Брестскую городскую раду, домовые книги, протоколы подтверждения факта постоянного проживания в Бресте лиц, возвратившихся из беженства, и др.

Для облегчения работы с источником в целом, необходимо все это множество и многообразие документальных материалов подвергнуть систематизации и попытаться условно разделить их на группы. В зависимости от критериев, положенных в основу систематизации, можно выделить несколько условных групп документов, отложившихся в деятельности Брестской городской рады и магистрата (управления).

Исходя из содержания материала, можно провести тематическую классификацию и сгруппировать документы в несколько крупных тематических блоков:

1. Документы, раскрывающие организационную структуру органов городского самоуправления, их компетенцию, сведения о деятельности.
2. Документы, характеризующие социально-экономическое развитие города.
3. Документы, отражающие состояние городского хозяйства и строительства.
4. Документы, касающиеся вопросов здравоохранения.
5. Документы, отражающие ситуацию в области образования.
6. Документы, содержащие сведения о населении г. Бреста (списки, журналы регистрации жителей города, статистические сведения о движении населения, статистические данные о количественном составе населения с указанием национальности, вероисповедания, пола, домовые книги жителей города и др.).

Следует отметить, что предложенная тематическая группировка документов условна, т. к. отдельные виды документов дают представление о нескольких сторонах жизни города. Так, например, в протоколах заседаний городской рады и магистрата (управления), в отчетах об их деятельности можно найти информацию о структуре, функциях органов городского самоуправления, о состоянии городского хозяйства, о развитии здравоохранения, образования и многим другим вопросам.

Исходя из функционального предназначения документов, также можно выделить несколько групп:

- распорядительные документы (циркуляры, распоряжения, решения и др.);
- организационные документы (регламенты, инструкции, положения, уставы и др.);
- отчетная документация (отчеты, итоговые информации, статистические данные и др.);
- справочно-информационная документация (протоколы, акты, справки, свидетельства; переписка магистрата (управления) с вышестоящими организациями, с различными учреждениями и частными лицами);
- финансовые документы (бюджеты, отчеты об их исполнении и др.);
- документы по личному составу (личные дела работников магистрата (управления) и подведомственных ему служб, заявления о приеме на работу, списки служащих и рабочих, анкеты и характеристики работников и др.);
- личные документы (удостоверения личности, паспорта, военные билеты, акты гражданского состояния, свидетельства о гражданстве и др.);
- техническая документация и картографические материалы (карты, планы, проекты и др.).

Обзор и источниковедческая характеристика документальных материалов архивного фонда Брестского городского управления дает представление об информационных возможностях этого фонда. В нём можно найти сведения обо всех сторонах жизни города: состоянии городского хозяйства, его восстановление после Первой мировой войны, статистику населения в разные годы, создание и деятельность промышленных предприятий, мастерских, торговых заведений, деятельность городских коммунальных учреждений, санитарное состояние города, ведение строительства, состояние образования и здравоохранения, экономическое положение населения и др.

Как отмечалось выше, Брестский магистрат был образован в феврале 1919 г. А первые выборы в городскую раду состоялись в сентябре 1919 г., в результате чего в состав рады Бреста вошло 24 радных. Также были избраны 12 заместителей радных [6; 1-1об.]. Интерес вызывает профессиональный, образовательный, возрастной состав первой рады. Так, из 24 чело

век, вошедших в Брестскую городскую раду, только 4 были с высшим образованием, 2 – окончили семинарию, большинство имели среднее образование, а несколько человек – начальное и домашнее образование. Профессиональный состав членов рады был очень разнороден. Среди них были владельцы недвижимости, торговцы, бывшие военные, железнодорожники, землевладелец, фотограф, адвокат, следователь, инженер, протоиерей, слесарь, учитель [6; 1-1об.].

Перед новыми властями стояла трудная задача. Город значительно пострадал вследствие военных действий в ходе Первой мировой войны, санитарное состояние было критическим. Именно поэтому первоочередной задачей городских властей стало наведение порядка в городе, предотвращение распространения инфекционных заболеваний, а также снабжение города продовольствием и топливом.

Насущные проблемы, встававшие перед городскими властями в этот период, рассматривались на заседаниях магистрата. Так, в повестках дня заседаний магистрата в первые годы его деятельности обозначены следующие вопросы: электроснабжение и освещение города, проблема строительства в черте города мельницы, маслобойни, кожевенного завода и других объектов, открытие промышленных предприятий, изменение названий улиц, взимание налогов в пользу города от ввоза и вывоза товаров, установление цен на продукты, снабжение продовольствием жителей города, доставка товаров первой необходимости, стройматериалов, топлива, наведение порядка в городе, улучшение его санитарного состояния, установление видов и размеров налогов и пошлин, взимаемых в пользу магистрата и др. [5, 6].

Следует отметить, что городскими властями в этот период уделялось большое внимание санитарному состоянию города. Одним из первых решений магистрата было решение от 18 февраля 1919 г. о назначении санитарных инспекторов (*dozorów*), в обязанности которых входил надзор над санитарным состоянием города. Всего на эту должность было назначено 50 человек. Город был разделен на участки, за каждым из которых закреплялся инспектор [10; 103]. В этом же месяце была организована санитарная полиция, призванная следить за порядком в городе [10; 60]. С целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, которые свирепствовали в городе, в марте 1919 г. магистрат издал постановление об обязательном посещении жителями города бани [5; 78].

Также одним из первых мероприятий польской администрации стало переименование улиц города: так, Бульварный проспект был переименован в ул. Люблинской унии (ныне ул. Ленина), ул. Вознесенская – в ул. Стецкевича (ныне ул. Комсомольская), ул. Пушкинская стала ул. 3-го Мая (ныне ул. Пушкинская), ул. Шоссейная – Ягеллонской (ныне пр-т им. П.М.Машерова) и т. д. [5; 186].

На заседаниях рады и магистрата в 1920-30-е гг. поднимались вопросы об изменении границ города, изменении названий отдельных улиц, о строительстве электростанции, о продаже и предоставлении в аренду гражданам городских земельных участков, об установлении видов и размеров налогов и оплат, о реорганизации структуры магистрата (создание, ликвидация, преобразование отделов и комиссий), о выдаче разрешений на открытие промышленных и торговых предприятий, о строительстве коммунальных объектов, о получении ссуд и кредитов на строительные нужды, отчетно-выборные вопросы и т. д.

В январе 1922 г. рада повторно рассматривала вопрос об изменении названия города «Брест-Литовский» на «Брест-над-Бугом». Первоначально такое решение рады приняла

13 ноября 1919 г., однако изменение названия города не было закреплено законодательно [7; 3]. Решением Министра внутренних дел Польши от 12 февраля 1923 г. название города «Брест-Литовский» было изменено на «Брест-над-Бугом» [1, 2].

В 1919 – начале 1920-х гг. начался процесс возвращения из беженства жителей Бреста, покинувших город накануне немецкой оккупации в 1915 году, который достаточно полно отражен в документах магистрата за этот период. На основании показаний двух свидетелей магистрат выдавал вернувшимся гражданам Бреста свидетельства, подтверждающие постоянное место жительства, право владения недвижимым имуществом, гражданское состояние и т.п. Документы о возвращении жителей Бреста – беженцев (протоколы опроса беженцев и свидетелей по установлению их личности, свидетельства, выданные магистратом, подтверждающие факт рождения и проживания граждан в Бресте до Первой мировой войны, заявления граждан в магистрат о выдаче этих свидетельств и др.) дают представление о национальном, профессиональном, возрастном составе населения города до Первой мировой войны, их вероисповедании, семейном и имущественном положении.

В начале 1920-х гг. началось восстановление города, разрушенного вследствие военных действий 1914-1920 гг. Однако оно шло достаточно медленными темпами, что было вызвано постоянным недостатком финансовых средств. Всего до войны насчитывалось 3 670 жилых домов. В результате военных действий было уничтожено 2500 зданий, из них к 1925 г. было восстановлено только 540 (21%) [12; 50-51]. По состоянию на декабрь 1927 г. число восстановленных и вновь построенных домов достигло 730 [14; 5]. Руководство города неоднократно обращалось к полесскому воеводе, правительству Польши с просьбой о предоставлении кредитов для восстановления жилищного фонда, строительства необходимых для городского хозяйства объектов. Восстановление города продолжалось весь межвоенный период.

По документам магистрата (управления) можно проследить рост численности населения города, узнать статистические данные о количественном составе населения по национальной принадлежности, вероисповеданию, полу. Так, по состоянию на апрель 1920 г. по данным продовольственного отдела магистрата население Бреста составляло 26 430 жителей, из них 8 259 христианской национальности, 18 171 – еврейской [6; 78]. По данным всеобщей переписи населения, по состоянию на 9 декабря 1931 г. в городе проживало уже 48 385 человек, в том числе 22 969 мужчин и 25 416 женщин. По вероисповеданию 44,3 % от общего числа жителей составляли иудеи (21 440), 36,8 % – католики (17 797), 18,1 % – православные (8 769) и 0,8 % (368) – относились к другим конфессиям [18; 84]. На 31 марта 1938 г. по данным Брестского городского управления общее число жителей Бреста достигло 56 923 [17; 244].

В Бресте постепенно развивалась сеть торгово-промышленных предприятий. В основном это были небольшие заводы, предприятия ремесленно-кустарного типа, мелкие торговые объекты.

По состоянию на апрель 1925 года, по статистическим данным Брестского магистрата, в городе работало 889 ремесленников – представители 44 профессий. Среди них были сапожники (176), портные (129), пекари (67), парикмахеры (44), маляры (42), кузнецы (24), часовщики (21), а также печники, перелётчики, стекольщики, шофёры, ювелиры и др. [11; 61].

По данным магистрата, в 1931 г. в Бресте действовали 17 гостиниц и меблированных номеров, 3 ресторана, 8 кондитерских и кафе [15; 20].

О состоянии образования можно судить по данным отчетов школьного сектора общего отдела Брестского городского управления. Так, например, за период с 01.04.1937 по 31.03.1938 в публичных начальных школах обучалось 6 957 детей в первом полугодии и 6 873 – во втором. Частные начальные школы посещало 1 437 детей. В этом отчетном периоде отмечался недостаток учительского состава и нехватка школьных помещений для обучения детей. По данным школьной инспекции, на 1 учителя приходилось 62 ученика, а нагрузка на одну классную комнату составляла 95 детей [17; 255].

17 сентября 1923 г. в Бресте была открыта городская публичная библиотека, располагавшаяся на углу ул. Домбровского и ул. Мицкевича [9; 11]. Библиотека находилась в ведении магистрата. Во второй половине 1930-х гг. ежемесячное количество читателей колебалось от 720 до 853 человек, прочитанных книг – от 1507 до 2670. Всего на 01.01.1938 библиотечный фонд насчитывал 5 020 книг [17; 259].

О строительно-ремонтных работах, которые велись в городе, можно судить по данным финансовых отчетов городского управления. Так, в финансовом отчете городского управления за 1937/1938 год обозначены следующие статьи расходов: строительство новой паротурбинной электростанции, расширение водопроводной и канализационной сети, капитальный ремонт школ, дорожные работы, ремонт городской больницы, городской бойни, ограждение парка 3-го Мая и др. [17; 227-228].

Особый интерес в материалах Брестского городского управления вызывают документы, отражающие ситуацию в городе накануне и в первые дни Второй мировой войны (конец августа – начало сентября 1939 г.). Здесь отложились такие документы, как распоряжение Брестского поветового старосты от 30 августа 1939 г. всем бургомистрам и войтам пмин о всеобщей мобилизации, обращение Брестского поветового старосты к населению города о начале войны и диверсиях немцев, телефонограмма президента г. Бреста в городскую больницу от 3 сентября 1939 г. об изображении на крышах больничных зданий красного креста на белом фоне, обращение президента г. Бреста от 8 сентября 1939 г. к населению об охране колодцев от немецких диверсантов и др. [16; 5-6, 31, 100, 134].

Таким образом, документы Брестской городской рады и магистрата (с 1933 г. – управления), находящиеся на хранении в Государственном архиве Брестской области, представляют собой значительный по объему и информационно насыщенный по содержанию комплекс материалов по истории города Бреста в период его нахождения в составе Польши (1919-1939 гг.).

В заключении необходимо отметить, что это краткая характеристика некоторых аспектов истории города Бреста периода между двумя мировыми войнами. Более подробно осветить жизнь города в этот период не позволяют рамки статьи.

Литература

1. Dziennik Urzędowy Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. – Warszawa, 1923. – № 2. – Poz. 1. – S. 2.
 2. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – Warszawa, 1919. – № 12. – Poz. 99. – S. 125–136.
 3. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1933. – № 35. – Poz. 294. – 864 s.
 4. Informator miasta Brześćcia. – Brześć nad Bugiem, 1936. – 133 s.
- Государственный архив Брестской области (ГАБО).

5. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 2. Циркуляры, декреты и распоряжения комиссара Брест-Литовского повета (подлинники и копии) и переписка с ними об открытии торгово-промышленных предприятий, взимании налогов с населения и др. хозяйственным вопросам; сведения о посевах сельскохозяйственных культур в окрестности г. Бреста в 1918-1919 гг., списки коммунальных предприятий и улиц г. Бреста. Анкета от ноября 1919 г. о причинении городу ущерба немецкими оккупантами в 1915-1918 гг.

6. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 6. Протоколы заседаний и списки радных Брестской городской рады.

7. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 7. Протоколы заседаний Брестской городской рады за 1922 г.

8. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 14. Регламент Брестского городского магистрата, заявления жителей г. Бреста о приеме их на службу и списки служащих магистрата.

9. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 119. Выписки из протоколов заседаний Брестской городской рады и регламент городской библиотеки.

10. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 120. Протокол заседания врачей по борьбе с холерой; списки санитаров и переписка с санитарными инспекторами о санитарном состоянии г. Бреста.

11. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 360. Списки представителей органов власти Полесского воеводства и владельцев промышленных и ремесленных предприятий.

12. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 418. Дело о состоянии строительных работ по г. Бресту.

13. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 671. Регламент Брестского городского магистрата.

14. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 1372. Статистические сведения о строительстве в г. Бресте и отчеты о работе строительного-технического отдела.

15. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 1612. Списки промышленных и торговых предприятий.

16. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 6412. Объявления Брестского городского управления о мобилизации и списки военнообязанных.

17. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 6789. Финансовый отчет Брестского городского управления за 1937-1938 гг.

18. Фонд 5. – Оп. 1. – Д. 6915. Статистические сведения о ценах на продукты по г. Бресту.

УЗ'ЯДНАННЕ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ З БССР – ЭТАП НА ШЛЯХУ РЭАЛІЗАЦЫІ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭІ

Кавалёва Н.М.

УА «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны універсітэт»

У грамадстве не сціхаюць спрэчкі наконт сутнасці беларускай нацыянальнай ідэі. У вызначэнні гэтага феномена бяруць удзел не толькі гісторыкі, філосафы, палітолагі, але і палітыкі. І гэта нездарма. Таму што канцэпцыя дзяржаўнасці грунтуецца на нацыянальнай ідэе. А ідэалогія дзяржаўнасці вызначае сутнасць нашай дзяржаўнасці і перспектывы яе развіцця. Ёсць спробы адмаўляць сам факт існавання беларускай нацыянальнай ідэі, альбо, пры прызнанні наяўнасці гэтай ідэі, дэклараваць яе “штучны” характар, акцэнтаваць ўвагу на быццам-бы незавершанасці працэсу фармавання беларускай нацыянальнай ідэі. Ёсць спробы падмяняць беларускую нацыянальную ідэю агульнай славянскай ідэяй, альбо ідэяй саюзнай дзяржаўнасці.

Але сам факт існавання незалежнай Рэспублікі Беларусь сведчыць на карысць таго, што беларуская ідэя існуе.

У большасці краін у той ці іншай ступені прысутнічае нацыянальная ідэя. Яе змест, сэнс, які ўкладваецца ў паняцце “нацыянальная ідэя”, залежыць ад умоў фармавання нацыі, і па-рознаму трактуецца прадстаўнікамі розных навуковых школ. У рамках этнакультурнай школы нацыя вызначаецца праз аб’ектыўныя характэрныя, якія выказваюць этнакультурную ідэнтычнасць, такія як этнічная тэрыторыя, агульныя міфы і гістарычная памяць, масавая, публічная культура. Мадэрнісцкая канцэпцыя нацыі падкрэслівае свядомае канструаванне нацыі палітычнымі сіламі. Асобная роля ў гэтым працэсе адводзіцца дзяржаве. Дзяржава – гэта аснова нацыі, інструмент яе прасоўвання і, ў рэшце-рэшт, стварэння [1]. Прыклад пабудовы нацыі на грамадска-палітычным адзінстве даюць ЗША. Усім вядома сфармуляваная у 30-я гады ХХ стагоддзя так званая “амерыканская мара”. Яна ўтрымоувала ў сабе ўяўленне аб роўнасці магчымасцей і неабходнасці дасягнення вызначанага жыццёвага стандарту. Трэба сказаць, што ў спалучэнні з асабістай свабодай гэтая “мара” дасягнула пэўнага выніку. Цяперашняя магутнасць ЗША шмат у чым з’яўляецца наступствам рэалізацыі гэтай амерыканскай мары. Нямецкая нацыя, як вядома, будзеца на культурна-этнічным адзінстве. Такі падыход да фармулёўкі і рэалізацыі нацыянальнай ідэі таксама можа быць канструктыўным.

Існуе і “руская ідэя” – гэта месіянская ідэя аб асобным прызначэнні рускага народу для лёсу свету. Нікуды не знікла ў расійскім самавызначэнні ўсведамленне сябе як вялікага народа, тытульнай нацыі і гаспадара агромістай імперыі. У нашых суседзяў палякаў стрыжнем нацыянальнай ідэі з’яўляецца ўсведамленне свайго народа, як народа, што меў славетную гісторыю, меў некалі дзяржаву “ад мора да мора”. Польшча і сёння схільна лічыць сябе усходне-еўрапейскім лідэрам і разглядаць Беларусь як сферу свайго ўплыву.

Для разумення сутнасці беларускай нацыянальнай ідэі не трэба нічога вынаходзіць. Нельга забываць аб гістарычнасці феномена “нацыянальная ідэя” і правільна вызначыць, правільна зразумець, лінію гістарычнага развіцця нашага народа, для таго, каб яе карэктна працягваць [2].

Дык калі ж у свядомасці нашага народа аформілася нацыянальная ідэя? Для адказу на гэтае пытанне трэба звярнуцца да гісторыі фармавання беларускай нацыі.

Працэс этнагенезу беларусаў быў вельмі складаным і супярэчлівым. З аднаго боку, беларускі этнас з’яўляецца вельмі старажытным, бо ён складзены з такіх “кубікаў”, як субстратнае насельніцтва жалезнага стагоддзя і некалькі хваль славянскай каланізацыі. У эпоху Полацкага княства і ў эпоху Вялікага Княства Літоўскага склалася ўжо большасць рыс, якія аб’ектыўна сведчылі пра існаванне адмысловага этнасу. З іншага боку, ніводная з ідэй, якія валодалі масавай свядомасцю ў тыя часы, не супадала з арзамал рассялення этнасу [3].

Этнічная самасвядомасць фармавалася складана, яе змест не заставаўся нязменным. Этнічная самасвядомасць – гэта сістэма ўяўленняў этнасу пра свае асаблівасці, якія вылучаюць яго з іншых аналагічных утварэнняў, адна з асноўных прыкмет этнасу. Яна ўключае этнічную самаідэнтыфікацыю (усведамленне сваёй прыналежнасці да пэўнай этнічнай супольнасці), уяўленне аб агульнасці паходжання членаў этнасу, адзіным гістарычным мінулым, уяўленне аб тыповых рысах сваёй супольнасці..., усведамленне этнічных інтарэсаў [4]. Этнічная тэрыторыя, на якой фармаваўся беларускі этнас, амаль заўсёды была цэльнай: і ў часы Полацкага княства, і ў часы ВКЛ, і ў часы Рэчы Паспалітай, і нават пасля яе падзелу. На гэтай тэрыторыі ў часы ВКЛ сфармаваўся выключна поліэтнічны соцыум (полікультурны, полімоўны, поліканфесійны). У гэтых умовах самасвядомасць нашых продкаў набыла дзяржаўнае адценне: асноўную ролю ў ёй ады-

рывала прыналежнасць да Вялікага Княства Літоўскага. Адсюль ужыванне этноніма "ліцвіны", які вызначаў прыналежнасць беларусаў да дзяржаўнага цэлага, а з XVI стагоддзя этноніма-удакладнення "ліцвіны-беларусы", які будаваўся на прыналежнасці не толькі да дзяржавы, але і да зямлі [5].

У наступны перыяд беларускі этнас выпрабавваў пагрозу асіміляцыі адразу з двух бакоў. Звычайна цяжка паддаюцца асіміляцыі народы з непадобнымі, супроцьлеглымі антрапалагічнымі рысамі, да прыкладу, славяне і цюркі. Беларусы ж з спрадвечу жылі і жывуць на сумежжы з чатырма вельмі блізкімі да іх паводле антрапалагічных прыкметаў і культуры народамі. І таму пры неспрыяльных акалічнасцях яны даволі часта адмаўляліся ад сваёй этнічнай прыналежнасці. Узніклі такія акалічнасці не самі па сабе, а ў выніку свядомай дзейнасці дзяржаўных улад па паланізацыі і русіфікацыі. Але, не гледзячы на магутныя асіміляцыйныя плыні, беларускі этнас, тым не менш, захоўваў сваю адметнасць. Важнымі фактарамі, якія гэтакім спрыялі, былі адзінства этнічнай тэрыторыі, дастатковая шматлікасць этнасу, захаванне культурных традыцый і мовы (паланізацыя і русіфікацыя захалілі ў асноўным афіцыйную культуру). Гэта былі тыя фактары, якія дазволілі палітычнай і культурнай эліце свядома фармаваць нацыю на базе беларускага этнасу.

Такая ключавая прыкмета этнасу, як суб'ектыўна ўсвядомленая нацыянальная ідэя, з'явілася ў другой палове XIX ст. Праўда, працэс выспявання гэтай ідэішоў з канца XVIII стагоддзя, ад прыняцця Канстытуцыі 1791 г., якая паўплывала на ўсё тагачаснае грамадства. Творчасць Юліана Нямцэвіча, Юстына і Тэадора Нарбутаў дапамагала нацыянальна вызначыць Беларусь праз прызму гісторыі беларускай дзяржаўнасці, садзейнічала фармаванню разумення адметнасці беларускага этнасу. Гэта было няпроста, таму што адукаваная частка беларускага грамадства доўгі час знаходзілася пад уплывам польскай нацыянальнай ідэі і жыла надзеяй на аднаўленне Рэчы Паспалітай.

З'яўленне новай беларускай літаратуры, таксама як і фармаванне навуковага беларусазнаўства, садзейнічала росту нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, што праяўлялася ва ўсведамленні насельніцтвам беларускіх зямель сваёй адметнасці, успрыняцця факта існавання беларускай народнасці і права гэтай народнасці на свабоднае развіццё ў межах сваёй краіны. Такім чынам, паўставала і афармлялася беларуская нацыянальная ідэя, і гэта была ідэя не проста стварэння незалежнай беларускай дзяржавы, а ідэя стварэння дэмакратычнай народнай дзяржавы, у аснову якой пакладзены і парламенцкі вопыт ВКЛ, і канстытуцыйны і парламенцкі вопыт Англіі, ЗША, Францыі. Менавіта так трактаваў галоўную задачу, якая стаяла перад беларускімі народам. К. Каліноўскі. Рэвалюцыянер-дэмакрат К. Каліноўскі вылучыў задачу стварэння незалежнай беларускай дзяржавы, прыняўшы мадэль кіравання краінай у форме нацыянальна-дзяржаўнага ўладкавання, выкарыстоўваючы вопыт Вялікага Княства Літоўскага.

Галоўным прыгнятацелем беларусаў Каліноўскі бачыў царызм і таму лічыў, што беларускім рэвалюцыйным сілам трэба арыентавацца на Польшчу і польскі рэвалюцыйны рух: гэта можа гарантаваць самакіраванне братэрскім народам [6].

Беларускія народнікі, і ў тым ліку вядомая група "Гоман", сталі на пазіцыі падтрымання і прапагандавання абласной самастойнасці беларускіх зямель у складзе расійскай дэмакратычнай рэспублікі. Іх надзеі былі звязаны з крушэннем самадзяржаўнага ладу і працэсам дэмакратызацыі Расіі. Створаная ў 1902-1903 гадах Беларуска-Саяцыялістычная Грамада (БСГ), якая адзіная з усіх палітычных партый выступала як нацыянальна-беларуская партыя, вылучала і адстойвала ідэю стварэння беларускай дзяржаўнасці

(першапачаткова ў форме нацыянальнай аўтаноміі). Гэтая ідэя апанавала думкамі не толькі этнічных беларусаў, але і ўкраінцаў, яўрэяў, літоўцаў, прадстаўнікоў іншых этнічных груп, продкі якіх доўгі час жылі на беларускай этнічнай тэрыторыі. Вядомая талерантнасць беларусаў, якая сфармавалася ў поліэтнічным соцыуме, давала надзею, што ў дэмакратычнай беларускай дзяржаве яны будуць рэальна карыстацца роўнымі правамі і атрымаюць магчымасці для развіцця сваёй культуры. Таму сярод барацьбітоў за беларускую дзяржаўнасць было многа не толькі этнічных беларусаў, але і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

На працягу 1918-1920 гадоў прадстаўнікі розных плыняў беларускіх нацыянальна-патрыятычных сіл спрабавалі рэалізаваць два напрамкі стварэння беларускай дзяржаўнасці: ліберальна-дэмакратычны і савецкі (сацыялістычны). Першая – арыентавалася на краіны Заходняй Еўропы з іх канстытуцыйна-заканадаўчымі традыцыямі, парламенцкім дэмакратычным ладам і дэмакратычнымі элементамі дзяржаўнага кіравання. Другая – лічыла прыймальным для Беларусі савецкую форму дзяржаўнай улады, дыктатуру пралетарыята.

Для рэалізацыі сваіх планаў першая плынь шукала падтрымку ў еўрапейскіх краін, арыентуючыся спачатку на Германію, потым – на Францыю. Аднак германскае ваеннае кіраўніцтва імкнулася да бескантрольнага грабжу захопленых беларускіх тэрыторый, а палітыкі Францыі не мелі ніякага ўяўлення аб беларускім этнасе і яго гісторыі [6]. Палітыкі суседняй Польшчы, якая ўтварылася ў лістападзе 1918 года, марылі пра аднаўленне Рэчы Паспалітай у межах 1772 года і, натуральна, не хацелі бачыць на беларускай тэрыторыі ніякай іншай дзяржавы.

Больш рэалістычнай аказалася пазіцыя, занятая дзеячамі беларускага нацыянальнага руху, якія арыентаваліся на падтрымку Савецкай Расіі і яе лідэраў. Утварэнне Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь (студзень 1919 года) стала пачаткам рэальнага станаўлення ўласна беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Менавіта ў яе ўлонні былі закладзены дзяржаўныя, эканамічныя і культурныя інстытуты, спадкаёмніцай якіх стала Рэспубліка Беларусь.

Бяда была ў тым, што і Савецкая Расія, і Польшча, маючы амбіцёзныя мэты, не схільны былі разглядаць ССРБ як раўнапраўную ўдзельніцу міжнародных адносін, як суб'ект міжнароднай палітыкі. Сітуацыя ў Беларусі была вельмі складанай. Падчас савецка-польскай вайны наша дзяржава мела, але не выкарыстала шанец на захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці. Прапанова краін Антанты аб усталяванні мяжы паміж польскімі і беларускімі землямі па "лініі Керзана" была адкінута савецкім урадам. Чырвоная Армія працягвала наступленне на тэрыторыю Польшчы. 31 ліпеня адбылося другое абвясчэнне БССР. "Дэкларацыя аб абвясчэнні незалежнасці Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь" закранала тэрытарыяльнае пытанне толькі ў самых агульных рысах. Усходняя мяжа павінна была прайсці па мяжы Мінскай губерні, а заходняя – вызначыцца ў ходзе савецка-польскай вайны.

12 кастрычніка быў заключаны дагавор аб пераміры і папярэдніх умовах міру. Гranіца БССР з Польшчай праходзіла з поўначы на поўдзень каля наступных населеных пунктаў: Ушачы – Пасвілле – Докшыцы – Радашковічы – Нясвіж – Чырвоная Слабада – Старобін – Мікашэвічы – Тураў. Расійскі ўрад прапанаваў, каб зыходнай асновай дагавора было пацвярджэнне Польшчай і Расіяй незалежнасці Украіны, Літвы і Беларусі. Але польскі бок выступіў рашуча супраць удзелу ў перагаворах прадстаўнікоў Беларусі і Украіны і хацеў мець справу толькі з РСФСР. У гэтым выпадку тэрытарыяльныя і іншыя правы Беларусі і Украіны страцілі б актуальнасць. Польскі бок імкнуўся да таго, каб гэты дагавор увасобіў ідэю заканчэння векавой барацьбы Польшчы і Расіі за спрэчныя землі [7].

18 сакавіка 1921 года паміж Савецкай Расіяй і Польшчай быў падпісаны Рыжскі мірны дагавор. У дачыненні да Беларусі ён быў цяжкім і несправядлівым. Да Польшчы адыходзіла тэрыторыя Заходняй Беларусі 112 тыс. кв. км (амаль палова беларускай этнічнай тэрыторыі) з 4,6 млн чалавек насельніцтва (паводле даных 1931 года) [7]. З 208 тысяч кв. км. [8] беларускай этнічнай тэрыторыі толькі 52 тысячы апынуліся ў складзе Савецкай Беларусі і толькі 1,5 млн чалавек насельніцтва з 8 млн. [9].

Такім чынам, колішнія надзеі Каліноўскага не спраўдзіліся. Польшкія палітычныя колы не бачылі і не хацелі бачыць у беларусаў ні іх нацыянальнай самасвядомасці, ні права сфармаваць незалежную нацыянальную дзяржаву. Савецкая ж Расія, наадварот, апынулася на баку захавання і развіцця незалежнай беларускай дзяржавы.

Для беларускага этнасу, для якога на працягу стагоддзяў моцным этнавызначальным фактарам была цэласнасць і адзінства тэрыторыі, раздзел гэтай тэрыторыі на дзве часткі паміж двюма дзяржавамі стаў сапраўднай трагедыяй. Беларусам ўсё цяжэй было стрымліваць асіміляцыйныя плыні. У складзе Польшчы беларускі этнас стаў ахвярай палітыкі паланізацыі. А ў Савецкай Беларусі беларусізацыя 20-х гадоў змянілася палітыкай контрбеларусізацыі. На гэты раз асіміляцыя закранула і вёску, руйнаваліся яе векавыя культурныя традыцыі. Калі здавалася, што ўжо нішто не прыпыніць, не ўратае дэградацыю нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, у іх жыцці адбылася велізарная значнасці гістарычная падзея: аб'яднанне заходнебеларускіх зямель з Савецкай Беларуссю.

Працэс, у выніку якога Заходняя Беларусь апынулася ў складзе СССР быў шматпланавым. Дагавор аб ненападзе паміж СССР і Германіяй, пачатак Другой сусветнай вайны, уступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі, Дагавор паміж СССР і Германіяй "Аб дружбе і граніцах" ад 28 верасня 1939 года, паводле якога Заходняя Беларусь заставалася пад кантролем СССР, – усе гэтыя падзеі і дагаворы патрабуюць асобнай размовы. Польшкі ўрад у эміграцыі У. Сікорскага кваліфікаваў дагавор ад 28 верасня, як чацвёрты падзел Рэчы Паспалітай. Але для беларускага народа прымусовае ўключэнне ў склад Польшчы ў 1921 гаду не адпавядала нацыянальным памкненням і не было справядлівым з пункту гледжання задавальнення яго нацыянальных інтарэсаў. У складзе II Рэчы Паспалітай беларусы не атрымалі сваёй дзяржаўнасці, таму яны не ўспрымалі паражэнне Польшчы як спыненне існавання сваёй дзяржавы.

А вось ўз'яднанне беларускіх зямель восенню 1939 года насельніцтва ўспрымала як аднаўленне гістарычнай справядлівасці. Дзякуючы папярэдняму вяртанню беларускіх тэрыторый, якія знаходзіліся ў складзе Расіі (у 1924 і ў 1926 гадах), і ўз'яднанню Заходняй Беларусі з БССР этнічная беларуская тэрыторыя зноў апынулася ў складзе адзінай дзяржавы. Такім чынам, беларускі народ атрымаў галоўнае: сваю дзяржаўнасць на сваёй этнічнай тэрыторыі.

Праўда, па палітычных меркаваннях, сталінскі ўрад перадаў Літве Віленскі край з горадамі Вільня. Сталінскае кіраўніцтва працягвала падзел беларускай этнічнай тэрыторыі і ў 1940 годзе, калі Літве былі перададзены 3 раёны Беларусі [10, 99], і ў пасляваенны час, калі да Польшчы адышлі 17 раёнаў Беластоцкай вобласці і 3 раёны Брэсцкай вобласці [8]. Гэтыя факты – сведчанне грубага парушэння сталінскім кіраўніцтвам суверэнітэту адной з саюзных рэспублік.

Тым не менш, не гледзячы на ўсе негатыўныя моманты, была адноўлена цэласнасць беларускай этнічнай тэрыторыі. Спрыяльныя перспектывы развіцця этнасу складаліся дзякуючы і колькаснаму фактару. Тэрыторыя БССР павялічылася на 100 тыс. кв. км, а насельніцтва – на 4,7 млн чалавек, памеры рэспублікі (БССР) склалі 223 тыс. кв. км з насельніцтвам 10,2 млн чалавек [11, 259].

З узяднаным народам трэба было крыху больш лічыцца цэнтральным уладам краіны. Нельга было, як раней, грэбаваць культурна-нацыянальнымі інтарэсамі беларусаў. Бо ва ўяўленні іх заходняй часткі маглі б узнікнуць паралелі паміж тым, што рабілася “за Польшчай” і цяпер чыніцца савецкай уладай. На тэрыторыі Заходняй Беларусі пачалася беларусізацыя, прычым да гэтага фронтальна прыступілі ўжо на першым годзе пасля ўз’яднання. Там, дзе да верасня 1939 года не функцыянавала ніводная беларуская школы, праз год ужо мелася 4278. Нанава былі створаны і 173 рускамоўныя школы. На польскай мове навучанне вялося ў 932 школах, яўрэйскай – у 150, літоўскай – у 61, украінскай – у 49 [12, 462]. Такім чынам, аднаўляліся традыцыі супольнага існавання і развіцця на нашай тэрыторыі разнастайных этнічных груп.

Кіраўнік нашай дзяржавы неаднаразова падкрэсліваў, што беларусы – гэта адзіны народ. Русія, палякі, яўрэі, прадстаўнікі іншых нацыянальных меншасцей зберагаюць свае этнакультурныя асаблівасці, але ўсе нацыянальныя меншасці з’яўляюцца часткаю беларускага народа [2]. Беларуская нацыя таксама сёння будзецца на грамадска-палітычным адзінстве. У нашым выпадку, дзяржава – таксама аснова нацыі і інструмент яе захавання. Кароткі аналіз гісторыі станаўлення нацыянальнай ідэі сведчыць, што ўяўленне аб тым, што беларуская нацыя – гэта і ёсць беларуская дзяржава, прысутнічала ў беларусаў заўсёды.

Стварэнне незалежнай беларускай дзяржавы дазволіла рэалізаваць нацыянальную ідэю. Але факт пабудовы нацыянальнай дзяржавы не азначае вычэрпанасці нацыянальнай ідэі. Напрыклад, пасля аб’яднання Германіі вылучаная ў XIX стагоддзі ідэя адзінства германскай нацыі не была рэалізавана ў адзін момант. Яна працягвае працаваць, да таго ж узнікаюць новыя ідэі. Пабудова суверэннай дзяржавы – гэта не толькі задача сёнешняга дня. Многія даследчыкі звяртаюць увагу на тое, што барацьба за суверэннітэт не завяршаецца яго абвясчэннем. Суверэннітэт трэба абараняць палітычнымі, ідэалагічнымі, эканамічнымі і, у крайнім выпадку, ваеннымі сродкамі. Ёсць яшчэ шэраг задач, якія трэба вырашыць: завяршэнне фармавання дэмакратычнай прававой дзяржаўнасці, вышэйшай мэтай якой з’яўляецца забеспячэнне правоў і свабод сваіх грамадзян, забеспячэнне годнага ўзроўню жыцця і іншыя.

Літаратура

1. Бекус, Нелли. Белорусская нация в свете различных стратегий национального строительства / Нелли Бекус // “Змена пакаленняў, або беларускія адрознасці ў мэтах, каштоўнасцях і стратэгіі”: материалы конференции, Варшава, 4-5 июня 2008 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nmpbu.eu/pub/0808/20m.html>. – Дата доступа: 23.09. 2009
2. Бехтерев, Ю. Идеи из прошлого, открывающие будущее (материалы интервью главного редактора журнал «Беларуская думка» Вадима Гигина) / Ю. Бехтерев // Журнал «Директор», февраль 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.director.by/cgi-bin/print.cgi?date=2008/02/28&name> – Дата доступа: 8.09.2009
3. Носевич, В.А. Беларусь: становление этноса и «национальная идея» / В.А. Носевич // Белоруссия и Россия: общества и государства. – Москва: Права человека, 1998. – С. 11 – 30.
4. Наваградскі, Т. Этнічная самасвядомасць / Т. Навагародскі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 6, кн. II. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2003. – С. 271.
5. Чернявская, Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов / Ю. Чернявская. [Электронный ресурс] – Режим доступа. <http://www.index.org.ru/journal/15/15-chern.html> – Дата доступа: 5.07. 2009

6. Толкачев, В.И. Эволюция белорусской государственности и национальная идея / В.И. Толкачев // "Архив", 2005, №2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://id.atiso.ru/node/71>– Дата доступа: 3.09.2009

7. Траццяк, С. Рыжскі мір і падзел Беларусі / С. Траццяк // Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 5: Беларусь у 1917- 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

8. Цітоў, В. Этнічная тэрыторыя / В. Цітоў // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 6, кн. II. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2003. – С. 272.

9. Касцюк, М., Хоміч, С. Па шляху нацыянальнага аб'яднання / М. Касцюк // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 2005. – Т. 5: Беларусь у 1917- 1945гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

10. Марцуль, Г.С., Сташкевіч, М.С. Гісторыя Беларусі: насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў / Г.С. Марцуль, М.С. Сташкевіч. Беларуская замежка: вуч. дапаможнік – Мн.: РІВШ пры БДУ, 1997.–132 с.

11. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х частках. Ч. 2 / М.П. Касцюк [і інш.]; пад рэд. М.П. Касцюк (галоўны рэдактар). – Мн.: Беларусь. 1995. – 559 с.

12. Хоміч, С. Палітычныя, эканамічныя, сацыяльна-культурныя пераўтварэнні на савецкай аснове / С. Хоміч // Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва. 2000-2005. – Т. 5: Беларусь у 1917-1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 613 с.

ВЫСШАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921-39 гг.)

Кукса А.Н.

УО «Белорусский национальный технический университет»

Отставание Беларуси в начале XX-го века в промышленном развитии во многом объяснялось отсутствием как соответствующих капиталовложений, национальной буржуазии, природных ресурсов, так и квалифицированных инженерных кадров. Ремесленный, кустарный характер промышленности не способствовал, в свою очередь, и созданию высшего технического вуза в Беларуси. Ещё более осложнилось социально-экономическое положение рабочих и крестьян Западной Беларуси после вхождения этой территории в состав Польши по Рижскому миру 1921 г. Положение белорусского населения в составе Польши осложнялось ещё и тем, что рабочие и крестьяне не имели возможности получать высшее образование. В связи с этим, те перспективы, которые открывались в Восточной Беларуси, притягивали к себе значительное количество студентов из Западной Беларуси которые с риском для жизни переходили нелегально через границу, чтобы получить высшее образование. Этот фактор советская пропаганда активно использовала в процессе подготовки почвы для воссоединения Западной и Восточной Беларуси в 1921–39 гг.

Первая мировая война, а вслед за ней события 1917 г. и гражданская война нанесли серьёзный урон системе подготовки и аттестации научных кадров, оформившейся в дореволюционной России. Декретом Совнаркома РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений» были упразднены учёные степени и учёные звания. Вместо существовавших ранее учё-

ных званий установлено единое звание профессора для ведущих преподавателей высших учебных заведений и звание преподавателя для остальных преподавателей вузов. Появившиеся изменения в структуре высшей школы РСФСР привели к попыткам создания системы высших учебных заведений и в Беларуси.

В 1918 г., во время немецкой оккупации, в Минске создается Политехникум по «западноевропейскому образцу». В августе 1920 г., после освобождения Минска войсками Красной Армии от польской оккупации, Педагогический совет выступает с инициативой присуждения ему статуса вуза. Благодаря усилиям первого ректора учёного-агронома Н.К. Ярошевича, который лично ездил в Москву, а также вёл переговоры с А.Г. Червяковым, Политехникум 10 декабря 1920 г. получает статус высшего технического учебного заведения. В институте создается 20 профессорских кафедр, увеличивается набор студентов.

Необходимость создания вуза проявилась с первых же дней после вступления в Минск частей Красной Армии. Большому количеству техники требовался ремонт и соответствующий уход. Все преподаватели Политехникума были задействованы в различных государственных учреждениях в качестве инженеров. Осознавая всю остроту проблемы, Педагогический совет Политехникума 11 ноября 1920 г. принял решение преобразовать училище в высшее техническое учебное заведение. В газете «Савецкая Беларусь» за 17 декабря в заметке «Беларускі дзяржаўны палітэхнікум» говорилось о том, что «за апошніе дні прыкмячаецца наплыв жадаючых паступіць у Палітэхнікум з-за рубяжу (з ваколіц Беларусі, якіе знаходзяцца пад палякамі). Палітэхнікум, які з'яўляецца цяпер навуковым цэнтрам Беларусі, пастанавіў прыняць памятных слухачоў». Таким образом, после подписания Рижского мирного договора актуализируется вопрос о поступлении белорусов, оставшихся под поляками, в высшие учебные заведения, открытые и работающие в Минске. Для материальной поддержки и оказания помощи прибывающим студентам из Западной Беларуси в сентябре 1921 г. при институте была открыта студенческая организация – «Западно-Белорусское землячество». Однако в дальнейшем это стало одним из поводов к закрытию Политехникума. Ректор был обвинён в попытке создания на его базе эсеровской организации.

Учитывая фактор административно-территориального уменьшения Беларуси, Н.К. Ярошевич первым обратил внимание на возможность привлечения студентов из Западной Беларуси для их обучения в Политехникуме. Уже после принятия решения о закрытии Политехникума Н. К. Ярошевич в докладной записке о деятельности за 1921 г. в Академический центр Народного комиссариата просвещения сообщал, что «открытие в Белоруссии высшего технического учебного заведения имеет громадное политическое значение». С того момента как Ревком ССРБ вынес постановление преобразовать Минское политехническое училище типа «техникума» в высшее техническое учебное заведение, готовящее инженеров с высшим образованием, очень усилился приток в Политехнический институт учащейся молодёжи из Западной Беларуси, отошедшей по мирному договору к Польше. В настоящий момент Политехнический институт насчитывает таких студентов 70 человек, число их с каждым днем растёт. Почти ежедневно в институт прибывают для продолжения образования с большим риском проходящие пограничную линию. Для Западной Беларуси Минск с институтом становится сильным притягательным центром, манящим к себе лучших, ищущих света сынов Западной Беларуси» [1, л. 18].

Само по себе решение выглядит достаточно логичным. Территориальное уменьшение ССРБ в 1919 г. до пределов шести уездов Минской губернии, а также открытие в Минске Белорусского государственного университета предполагало возникновение проблем с комплектованием этих двух вузов студентами. В связи с этим СНК ССРБ 25 августа 1922 г. принял решение «о привлечении соседних губерний к строительству БГУ» [2, л. 70 об.] и потребовал войти в деловые сношения с Витебской, Гомельской и Смоленской губерниями.

Но профессорско-преподавательский состав Политехникума допускает ошибку. Вслед за указанием о том, что Политехникум был создан по «западноевропейскому образцу», Совет деканов поднимает вопрос об установлении связи с границей: предлагает покупать технику, пособия и учебники, приглашать специалистов из Западной Европы. При Политехникуме было создано научное «Вольно-экономическое общество» для изучения природных богатств Беларуси. Эти действия были расценены как проявление антисоветской позиции. Начался процесс централизации управления высшими учебными заведениями. 1 марта 1922 г. Народному комиссару просвещения ставится в упрек проявление фактов сепаратного выступления вузов. Перед Наркомпросом была поставлена задача «совместно с Университетом, Политехникумом и Совпрофбелом обсудить и разработать вопрос о дальнейших взаимоотношениях между Наркомпросом и высшими школами Белоруссии» [2, л. 24 об.].

В марте 1921 г. партия взяла курс на проведение новой экономической политики, которая внесла значимые изменения в систему подготовки инженерных кадров. В связи с реформой высшей школы в РСФСР, заключавшейся в сокращении количества вузов, их объединении и укрупнении, а также под предлогом отсутствия потребности в специалистах инженерного профиля, для разорённой и слабо развитой в промышленном отношении БССР Политехникум 1 июля 1922 г. был реорганизован в Белорусский государственный сельскохозяйственный институт. Первоначально предполагалось, что Политехникум войдёт в состав БГУ как агрономический факультет. Однако в БГУ попала только часть преподавателей и студентов, основной же контингент вошёл в состав Белорусского государственного сельскохозяйственного института.

Суть этой реформы в Беларуси заключалась в следующем. Народный комиссар просвещения А. В. Балицкий, выступая 20 марта 1922 г. на заседании СНК ССРБ заявил, что «проведение новой экономической политики и переход всей федерации к твёрдому государственному бюджету, не позволяет обслуживать культурно-просветительские нужды всего населения, ввиду чего совместное заседание Совнаркома с Председателями Уисполкомов и Секретарями Укомов считает необходимым: продолжать сокращение культурно-просветительских учреждений и штата, обслуживающего их на местах, за счёт учреждений мало работоспособных, не имеющих достаточного оборудования и соответствующего квалифицированного персонала» [2, л. 28 об.].

7 ноября 1922 г., в день 5-й годовщины Октябрьской революции, при официальном открытии Белорусского государственного сельскохозяйственного института А. Т. Кирсанов указал как на энергичную работу Народного комиссариата земледелия, так и на ту материально-техническую базу, которую институт получил от Политехникума. «Чрезвычайно ценно в институте и то, что он получил имущество Политехнического института в виде болотного геодезического кабинета, – кабинет, который теперь нельзя создать в короткий срок ни за какие миллиарды. Но не только один геодезический кабинет, часть химического оборудования, часть для работ по микроскопии и по сельскохозяйственным машинам и т. д. Всё это вместе взятое создает такие благоприятные условия, каких не имеет ни одна из высших школ, открывшихся в наше время. В настоящее время в Белорусском Государственном Институте Сельского Хозяйства насчитывается 323 студента. Из них командированных партийными и профсоюзными организациями 28,2 %, прочие же все являются бывшими студентами Белорусского Государственного Политехнического Института. По своему происхождению до 80 % – жители города Минска и Белоруссии, прочие же из соседних губерний» [3, с. 3].

Ректор Белорусского государственного сельскохозяйственного института профессор А. Т. Кирсанов также указывал на то, что открытие вуза необходимо и для поднятия политического имиджа БССР в глазах населения Западной Беларуси. По мнению ректора, непосредственным организатором и помощником которого при создании вуза являлся Н. К. Ярошевич, сельскохозяйственный вуз мог стать образцом для населения Западной Беларуси, культурным центром, который позволил бы привлечь белорусов-эмигрантов в Минск. При открытии 15 мая 1924 г. древесно-газового завода А. Т. Кирсанов в своем докладе отмечал, что «построенный завод является первым после войны и революции солидным зданием в Минске. Эта творческая работа будет замечена не только у нас, но и в закордонной Белоруссии, которая живет сейчас в условиях разрухи и гнёта и пристально присматривается к тому социальному строительству, которое совершается в Советской Белоруссии». Выступивший с приветственным словом, назначенный в этот день ответственным секретарем ЦК КП (б) Б А. Н. Асаткин-Владимирский (в мае 1923 г. он возглавил партийно-правительственную комиссию по укрупнению БССР) указывал на то, что «новое строительство должно было возникнуть в результате революции, так как весь смысл последней заключается в том, чтобы поднять человечество на высшую ступень культуры» [4, л. 17].

Ректору Белорусского государственного сельскохозяйственного института А. Т. Кирсанову также пришлось обращать взоры на территорию Западной Беларуси, которая находилась в составе Польши. Борьба же представителей советской власти с оппозиционными течениями, которые активно развивались и поддерживались Польшей, привела к таким негативным последствиям, как аресту заместителя А. Т. Кирсанова, бывшего ректора Политехникума Н. К. Ярошевича, а также к ряду реорганизационных действий относительно Политехникума и Белорусского государственного сельскохозяйственного института. В результате этих действий основной контингент преподавателей и студентов оказался в составе Горецкой сельскохозяйственной академии.

В мае 1924 г. появился приказ А. В. Балицкого о проведении «чисток» в высших учебных заведениях Беларуси. Работа местных и центральной комиссий выявила ряд недостатков в академической успеваемости, политической грамотности и социальном составе студентов. В то время как ещё в 1922 г. было объявлено о создании СССР, некоторые студенты факультета общественных наук (ФОН) БГУ на вопрос о форме государственного устройства Украины отвечали, что там «королевская монархия». Проведение «чисток» вызвало протест студентов и пассивное непринятие проводимых мер со стороны профессорско-преподавательского состава. Эти процессы были общими для СССР, что отметили и студенты в записках, которые поступали к комиссии: «Правда ли, что Америка предоставляет свои вузы выпуску т. Ходоровского и как относится к этому Советская власть?». Речь в записке шла о заведующем Главпрофобром Ходоровском, который и являлся инициатором «чисток» среди студентов по социальному признаку. Подавались записки и такого содержания: «Берёте ли вы на себя ответственность за самоубийства?». В связи с этим Ходоровский вынужден был заявить, что проведение «чисток» закончилось, и состав вузов и студентов после этого никаким изменениям не будут подвергаться.

После проверки в 1924 г. морального облика студентов Белорусского государственного сельскохозяйственного института 96 % из «прочих» сословий были исключены, а вуз 1 октября 1925 г. был переведён в Горки, где создавалась Белорусская государственная академия сельского хозяйства имени Октябрьской революции. Это решение официально мотивировалось необходимостью концентрации научных сил и постановки дела сельскохо-

зайственного просвещения в ССРБ на необходимую высоту, а также экономией средств. По мнению ректора А. Т. Кирсанова это был не лучший вариант. Обращаясь в СНК ССРБ 11 августа 1925 г., профессор А. Т. Кирсанов указывал, что «постановлением Совнаркома о закрытии Белорусского Государственного Института Сельского и Лесного хозяйства нанесён непоправимый удар высшему сельскохозяйственному и лесному образованию Республики, а в связи с этим и экономической базе страны – её сельскому и лесному хозяйству. Из бесед с отдельными представителями власти, я смог выяснить, что, по видимому, решающим моментом для выбора одного из двух вузов для будущей Академии были два обстоятельства: 1) БГУ нужны помещения, закрыть Минский институт – значит поправить положение Университета; 2) Вуз нужно держать дальше от границы» [5, л. 132]. Единственное чего он добился – это создания Института болотоведения, что сохранило базу по изучению торфа в Минске, и 2-летней командировки в целях изучения теории и техники сельского хозяйства в Германию, Швецию, Голландию, Англию, США и Канаду. Подтверждающие документы он получил 23 сентября 1925 г. уже в качестве директора Белорусского Института Болотоведения.

Таким образом, на целое десятилетие Беларусь осталась без высшего технического вуза. О том, насколько серьёзно в конце 20-х годов стоял вопрос о подготовке инженеров, свидетельствует то, что, по подсчетам ВСНХ Союза, к концу пятилетки нехватка нужного количества инженеров и техников должна была составить 35 %, даже при условии открытия 70 новых вузов и 150 техникумов. Ещё острее этот вопрос стоял в Беларуси.

Новый виток в истории технического образования намечается после перехода к коллективизации и индустриализации в СССР, что требовало и массового выпуска технических кадров. Особо важное место в открытии новых вузов в Беларуси имело «Шахтинское дело» (Москва, 18.5-6.7.1928 г.), направленное на выявление контрреволюционной деятельности (вредительства) среди инженерно-технических кадров угольной промышленности Донбасса. Одним из последствий стало требование увеличить процент выходцев из семей рабочих во вузах (составлял на ноябрь 1929 г. 40 %, предполагалось довести до 70 %). Усиливается прессинг и с появлением в ноябре 1929 г. статьи И. Сталина «Год великого перелома». В статье указывалось на то, что рост капиталовложений в тяжёлую промышленность в три раза вскрыл «проблему выработки новых красных техников из людей рабочего класса».

Столкнувшись с этой проблемой, в 1929 г. правительство БССР попыталось путём широкого обсуждения принять решение об открытии технического вуза в стране. Причём особое место отводилось Западной Беларуси и Западной Украине. В газетах массово сообщалось о притеснении белорусских и украинских крестьян, закрытии национальных школ и деятельности подпольных вузов. В связи с этим перед советским образованием ставилась задача в первую очередь изменить социальный состав обучающихся. В этих условиях началась реформа высшей школы. 1 октября 1929 г. в газетах появились сообщения об открытии нового вуза в БССР. Инициатор придания вузу политехнического характера, инспектор высшего образования Наркомпроса С. Ю. Лысов был назначен директором института. По мнению С. Ю. Лысова, высшая школа в Беларуси должна была идти по пути, намеченному постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1929 г., с целью объединения однотипных учебных заведений. «На этот путь стала РСФСР, на этот путь стала и БССР. Существующие в Минске институты сейчас ликвидируются, и на их базе организуется один политехнический институт» [6, с. 3]. Однако процесс организации вуза растянулся до 1933 г.

Таким образом, высшая техническая школа активно использовалась в пропагандистских целях органами советской власти. Как один из приоритетов БССР, выставлялось наличие высшей школы, в которой получали образование представители беднейших классов. Переход к НЭПу привел к ликвидации втуза в Беларуси, но уже в ходе коллективизации и индустриализации эта ошибка была исправлена. Однако непросто было создать втуз с нуля, в связи с чем процесс открытия политехнического института растянулся во времени на четыре года.

Литература

1. Выписки из протоколов заседаний Президиума ЦИК БССР // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 209. – Оп. 1. – Д. 6.
2. Протоколы и выписки из протоколов заседаний Совета Народных Комиссаров ССРБ, постановления // НАРБ. – Фонд 4 п. – Д. 491.
3. Белорусский сельскохозяйственный институт // Звезда. – 5 октября 1922. – № 236 (1237).
4. Протоколы заседаний совета и академического совещания института // НАРБ. – Фонд 209. – Оп. 1. – Д. 73.
5. Переписка с Наркомземом, Наркомпроектом БССР и учебными заведениями о формировании Белорусского государственного института сельского и лесного хозяйства // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 231.
6. Лысоў, С. Ю. Замест карлікавых інстытутаў – адзіны палітэхнічны інстытут / С. Ю. Лысоў // Звязда. – 20 чэрвеня 1933. – № 134 (4678).

70-ЛЕТИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БССР

Леонов Н.П.

Начальник идеологического отдела Администрации Московского района г. Бреста

Операция Красной Армии по установлению контроля над территорией Западной Белоруссии и Западной Украины даже сейчас, через 70 лет, вызывает споры.

Существует несколько точек зрения:

- 1) большинство белорусов, независимо от убеждений и отношений к историческим политическим персоналиям, воспринимают этот поход как освободительный, как восстановление исторической справедливости, позволившей соединить в одну семью разделенный искусственно проведенной границей народ;
- 2) отдельные представители оппозиции и ряд историков считают, что данная операция преследовала целью сломать сложившуюся в Европе Версальскую систему отношений между государствами, взять реванш за неудавшийся поход на Варшаву в 1920 году и попытаться создать плацдарм для мировой революции (эта политика и идеология задумана большевистской партией, изначально являющейся партией мировой революции);
- 3) ряд историков, особенно российских, склонны к такой точке зрения: произошла замена польского угнетения угнетением советским;
- 4) польские историки, часть интеллигенции придерживаются другого мнения. Они считают это событие оккупацией Польши в 1939 году. К сожалению, сторонники такой точки зрения есть и среди оппозиционных сил Беларуси.

Основная аргументация польской стороны – раздел, оккупация Польши произошли в соответствии с секретным протоколом к пакту о ненападении между СССР и Германией. Особенную остроту такие высказывания и оценки, в том числе и в устах польских руководителей, приобрели в связи с 70-летием начала Второй мировой войны 1939-1945 годов.

Конечно, и поляки, и белорусы имеют право на собственную оценку событий 1939 года. Однако неоспоримым является тот факт, что поход Красной Армии привёл, в конечном счёте, и к последующему возрождению и самой Польши, которой к 17 сентября уже не существовало.

О значении событий. Может быть, это событие, действительно, является лишь крохотной песчинкой в исторической круговерти и не оказало существенного влияния на судьбы Беларуси и белорусов? Однозначно – нет. В результате воссоединения территория БССР увеличилась со 125 тысяч кв. км до 225, население – с 5 миллионов – до 10. Миру явилась новая Беларусь, с совсем иными перспективами и потенциалом, с сентября 1939 года начался новый этап в нашей национальной жизни. Несколько миллионов белорусов обрели свою Отчизну. По словам Якуба Коласа, белорусский народ «как бы вновь родился на свет».

Мы живём в реальном мире, и в нём национальные интересы главенствуют. С позиций национальных интересов и следует приветствовать воссоединение белорусов в одну семью, а не бросать камень в сторону тех, кто приближал день 17 сентября 1939 года. Не будем забывать, что проблема Западной Белоруссии появилась в 1921 году, когда по воле государств Антанты она была передана Польше

Что касается оценки роли СССР в воссоединении белорусов, то картина становится более понятной, если, кроме общего характера эпохи, мы примем во внимание и некоторые детали. Уже 14 сентября 1939 года Брест был окружен фашистами. 15 сентября пал Белосток. Из Берлина проинформировали Москву о том, что, если СССР не начнет военные действия против Польши, немцы прекратят наступление и образуют на восточных землях три буферных государства: польское, западнобелорусское и западноукраинское. Осуществление этих планов привело бы к тому, что белорусский народ, скорее всего, уничтожался бы по частям.

Однако некоторыми историками всерьёз утверждается, что в сентябре 1939-го лишь произошла замена польского угнетения советским, здесь явно просматривается патологическое отрицание всего, что связано с социализмом.

О чём же свидетельствует фактическая сторона дела? Вспомним, территория Западной Белоруссии составляла 24 процента довоенной Польши, на ней проживало 13 процентов населения, но доля промышленного производства едва достигала трёх процентов. На Полесье три тысячи помещиков, в основном этнических поляков, владели двумя третями всей земельной площади. Около трети крестьянских семей вообще не имели земли и вынуждены были батрачить.

Белорусская часть населения «усходніх крэсаў» за два десятка лет пребывания в составе Польши практически полностью лишилась национальной интеллигенции. В 30-е годы двадцатого века в Полесском воеводстве (примерно нынешняя Брестская область среди интеллигенции насчитывалось не более трёх процентов белорусов, и доля их неумолимо приближалась к нулю. В 1937 году в гимназиях Полесья обучалось 1.925 человек, из них белорусов – 16.

Что касается «советского национального гнёта»: белорусская государственность в основном завершила свое формирование и получила первую международную легитимность в составе Советского Союза. Это исторический факт. С такой же фактической достоверностью

можно утверждать, что никто в СССР не ущемлял права белорусов ни в политическом, ни в экономическом, ни в социально-культурном отношении. На этот счёт есть красноречивая статистика, свидетельства и живые свидетели. Неискренни и рассчитаны на простачков попытки подменить национальное угнетение вопросом политических репрессий и проблемой языка. От репрессий страдали все народы СССР, русские – не меньше, чем белорусы. Но не стоит забывать и такие факты жизни в Советском Союзе, как гарантия работы, доступность образования, медицинской помощи, культурных благ и т. д. *

Военно-политическая обстановка. К тому времени была полностью разрушена система международных отношений, сложившаяся после Первой мировой войны. Позади были уже и захват итальянскими фашистами Эфиопии (1935-1936 годы.), аншлюс (присоединение) Австрии к нацистской Германии (весна 1938 года), фашистский мятеж в Испании (1936 год), Мюнхенский стовор (осень 1938 год), оккупация Германией Чехословакии с участием Польши (осень 1938 год – весна 1939 года), полный паралич деятельности Лиги Наций.

Германия потребовала от Польши передачи Гданьска (Данцига) и польский «коридор», получив отказ, она начала подготовку войны с Польшей.

1 сентября 1939-го Германия инсценировала нападение польского подразделения на немецкую радиостанцию, в местечке Глейвиц. На самом деле это сделали немцы, переодетые в польскую военную форму. Используя «инцидент», Германия бросила против Польши пять армий, в которые входили 65 дивизий и бригад, в том числе 41 пехотная, 11 танковых и моторизованных. В нападении на Польшу участвовало 2.800 танков, около 2.000 самолетов и более 100 военных кораблей. Этим силам Польша противопоставила 36 пехотных дивизий, две моторизованные бригады, 11 кавалерийских бригад. Польские войска насчитывали 860 лёгких танков, 420 самолетов и 12 военных кораблей. Жители Западной Белоруссии, находившиеся в частях польской армии, плечом к плечу с поляками, украинцами, литовцами приняли на себя огненный шквал внезапного удара вермахта. Они героически оборонялись, десятки тысяч из них погибли, были ранены или попали в немецкий плен.

3 сентября 1939 года, то есть через день после нападения Гитлера на Польшу, в 11.00 Англия первой объявила войну Германии. Через пять часов Франция послушно последовала её примеру. Таким образом, три великие европейские державы вступили в вооруженный конфликт, что означало открытие второго тура мировой войны. Двадцатилетняя передышка закончилась. Польские «союзники» Англия и Франция имели на западной границе с немцами, кроме мобилизованных кадровых дивизий, свыше 3.000 танков (в то время как у нацистов там не было ни одного), но ни на сантиметр не двинули свои войска, чтобы спасти от полного разгрома Польшу.

Война, объявленная ими Германии 3 сентября 1939 года, тотчас приняла характер «странной войны». Над французскими укреплениями висело полотнище: «Пожалуйста, не стреляйте, мы не стреляем!» Вскоре и над немецкими окопами появилось полотнище со словами: «Если вы не будете стрелять, мы тоже стрелять не будем!» И не стреляли! Но немцы стреляли много. На востоке. По польским городам, войскам, мостам... А вот Англия счёт своим потерям на франко-германском фронте откроет лишь 9 декабря, когда погибнет английский капрал, – три месяца спустя после начала войны.

Вот что говорил на Нюрнбергском процессе немецкий фельдмаршал Кейтель: «Мы, военные, всё время ожидали наступления французов во время польской кампании и были очень удивлены, что ничего не произошло... При наступлении французы натолкнулись бы лишь на слабую завесу, а не на реальную немецкую оборону». «Если мы не потерпели крах в 1939-м, – вторил Кейтелю генерал Йодль, – то только благодаря тому, что во время польской кампании приблизительно 110 французских и английских дивизий, дислоцированных на западе, не предпринимали ничего против 23 немецких дивизий».

У. Черчилль писал в мемуарах, что через две недели боевых действий польская армия как организованная сила прекратила свое существование. Передовые, моторизованные части вермахта если и встречали какое-то организованное сопротивление, то лишь в первые два-три дня войны. Но к середине сентября 1939-го вермахт разгромил основные силы польской армии, остатки которой беспорядочно отступали на восток. Правительство Польши и военное командование убыли в Румынию. Германские войска, преследуя остатки польских подразделений, приблизились к землям Западной Белоруссии и Западной Украины. Они захватили Брест и Львов, западнобелорусское и западноукраинское население оказалось под угрозой фашистского нападения, а их территория могла бы стать для Германии выгодным военным плацдармом для похода на восток.

«Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, которые могут создать угрозу для СССР... Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, которые населяют Польшу. Поэтому Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии: дать приказ своим войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии», – прозвучало на весь мир официальное заявление

Утром 17 сентября войска Красной Армии в составе двух фронтов – Белорусского (под командованием М.П. Ковалёва) и Украинского (под командованием С.К. Тимошенко) перешли советско-польскую границу.

По мере наращивания группировка войск Красной Армии составляла более 1 млн. 270 тыс. человек личного состава, 8 тыс. танков и 12 тыс. орудий и минометов. В полосе фронтов действовало 3 воздушных армии.

Частям Красной Армии категорически запрещалось бомбардировать города и населённые пункты, вести по ним артиллерийский огонь, нарушать границы Литвы, Латвии и Румынии. В директивах советов фронтов говорилось о необходимости защиты местного населения от жандармов и осадников, о лояльных отношениях к польским военнослужащим и государственным чиновникам, которые не оказывают вооруженного сопротивления. Большое внимание уделялось разъяснительной работе среди населения о причинах краха польского государства и целях освободительной миссии Красной Армии. 17 сентября командующий Белорусским фронтом М.П. Ковалёв обратился к польским солдатам со специальной листовкой, в которой говорилось: «В эти трудные для вас дни могучий Советский Союз подает вам руку братской помощи. Не сопротивляйтесь Рабоче-Крестьянской Красной Армии... Мы идём к вам не как завоеватели, а как ваши братья, как ваши освободители от гнёта помещиков и капиталистов». Значительная работа проводилась по разъяснению военнослужащим целей и задач освободительного похода.

Все западные исследователи констатируют, что инциденты во время вступления частей Красной Армии имели локальный характер и широких размеров не принимали. Главнокомандующий Польских войск маршал Э. Рыдз-Смиглы 17 сентября отдал приказ: «С Советами не воевать, только в случае натиска с их стороны или попыток разоружения наших частей». Отмечается также и тот факт, что советские войска продвигались нарочито медленно, что давало возможность польским частям отходить к румынской границе. Особенно медленно шло продвижение на юг от Львова. Гитлеровцы, как признавал впоследствии германский посол в Бухаресте Фабрициус, «были в ярости от того, что русские не постарались как можно быстрее закрыть румынский коридор для польских властей и армии...».

22 сентября 1939 года английским и французским генштабами был подготовлен рапорт, квалифицировавший действия СССР по отношению к Германии как упреждающие. Отмечалось, что они были предприняты лишь тогда, когда стало очевидным окончательное поражение Польши, с которой история сыграла злую шутку. Как подметил американский историк Б. Будурович, в июне 1936 года Польша препятствовала принятию международных санкций против фашистской Италии, захватившей территорию Абиссинии (Эфиопии), именно ввиду того, что последняя, по словам Ю. Бека, якобы «перестала существовать как государство». Через три года с карты мира исчезла она сама.

Таким образом, все геополитические конструкции польского маршала Пилсудского оказались хрупкими и недолговечными. И Речь Посполитую «добил» политик, с которым Пилсудский первым в Европе в 1934 году заключил пакт о ненападении, — Гитлер, начавший мировую войну с войны против Польши, открывшей дипломатическое признание «третьего рейха». Пилсудский своими руками готовил гибель страны, не разглядев в фюрере геополитического соперника.

Весть о переходе Красной Армией советско-польской границы молнией разнеслась по городам и сёлам Западной Белоруссии. Люди взволнованно передавали из уст в уста: «Наши идут!» и «Наши идут с Востока!» Даже среди отступавших польских солдат появилась некоторая надежда на спасение Польши. Отдельные польские командиры заявляли, что совместно с Красной Армией они «учинят тевтонам второй Грюнвальд». В Молодечно на встречу с частями РККА собрались тысячи рабочих и крестьян окрестных деревень. На митинге крестьянин Пётр Ярошко говорил: «Дорогие товарищи! Мы долго ждали вас, и вы пришли. Спасибо за помощь. Будем строить свободную, радостную жизнь без панов и капиталистов». Из Новогрудка советский командир сообщал: «Население встретило нас как освободителей. Мы проходили мимо деревень, украшенных красными флагами... Девчата дарят красноармейцам букеты цветов. Эти дни стали для народа радостным праздником».

К 25 сентября Красная Армия полностью освободила Западную Белоруссию. Около четырёх миллионов человек были спасены от угрозы фашистской оккупации. В ходе военной операции погибло 996 человек и 2002 были ранены.

17 сентября 1939 года, когда Красная Армия начала освободительный поход в Западную Белоруссию и Западную Украину, — воистину день исторической справедливости. Осенью 1939-го не кто иной, как Ллойд Джордж, писал польскому послу в Лондоне, что СССР занял «территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны...». В вышедшей в 1956 году в США книге «Белоруссия. Становление нации» Н. Закар отмечал: «Для белорусов это означало восстановление их территориального единства, на долгое время нарушенного войнами и революциями». Так считали и сами жители Западной Белоруссии и Западной Украины, народы БССР и УССР. Профессиональные историки и публицисты аргументированно, на основе богатого фактического материала, показали, что сентябрьские события 1939 года ликвидировали историческую несправедливость Рижского договора 1921-го, что это было подготовлено героической борьбой трудящихся за свободу и независимость на протяжении почти 20 лет.

Местное население с энтузиазмом включалось в созидательную работу по налаживанию новой жизни. В западных областях была проведена большая работа по организации социально-экономической и культурной жизни. За короткое время была создана бесплатная система медицинского обслуживания. Если в 1938 году в Западной Белоруссии было только около 60 больниц, то в конце 1940 года — 243 больницы и родильных дома. Значительные перемены произошли в культурной жизни. В особенности положительные резуль-

таты имелись в национальном просвещении. Например, если в 1937/1938 учебном году в регионе действовала 4221 школа, где на польском языке обучалось более 546 тысяч детей, то в 1939/1940 учебном году – 5643 школы, причем, в 4278 обучение осуществлялось на белорусском языке, а в остальных 1365 – на русском, польском, еврейском и литовском языках. В западных областях БССР были открыты 4 высших и 25 средних специальных учебных заведений. На белорусском языке стали издаваться газеты, открылись 5 драмтеатров и 100 кинотеатров, 220 библиотек с фондом 446 тысяч книг.

Воссоединение Западной Белоруссии с БССР имеет большую историческую значимость для белорусского народа. Абсолютное большинство населения западных белорусских земель испытывало искреннюю радость по поводу объединения с БССР. Людей не покидала вера и надежда, что с этого момента их родной край станет на путь возрождения и развития. И они не ошиблись в своих ожиданиях.

Сегодня суверенная и миролюбивая Беларусь бережно относится к своей истории, территориальной целостности и независимости. Она стала добрым домом для представителей разных национальностей, которые пользуются равными правами и возможностями, формируя единый народ.

Судьбоносность же минувших событий для нас, белорусов, состоит в факте воссоединения расчленённого белорусского народа в одном государстве. Поэтому у нас в связи с освободительным походом РККА не может быть никакого комплекса вины перед кем бы то ни было, ни чувства несправедливости относительно произошедшего. Наш народ реализовал свое естественное право на существование и самоопределение, а в последующем и отстоял его ценой жизни каждого третьего жителя Белоруссии. Более того, белорусы вместе со всем советским народом внесли свой вклад в спасение польского народа от полного физического уничтожения, как и в возрождение польской государственности.

Достоинное место под солнцем единой Родины занимает и наша Брестчина, успехи которой за 70 лет развития подтверждают исторический выбор народа.

ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕОПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН В ПРОЦЕССЕ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НЕОПРОТЕСТАНТИЗМА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921–1939 гг.

Лисовская Т.В.

УО «Брестский государственный технический университет»

Формирование неопротестантизма как религиозного меньшинства на западнобелорусских землях относится к 20–30 гг. XX века. Данный период характеризуется, прежде всего, появлением и распространением новых вероучений (баптизма, пятидесятничества, методизма, адвентизма и т.д.) и быстрым ростом числа их приверженцев. На 1922 г. численность адептов составляла 822 человека, в 1924 – уже 2 328, в 1925 – 3 071, в 1926 – 4 187 человек. На 1929 год число приверженцев неопротестантизма (по разным данным) составило от 7 210 до 7 807 человек. Темпы роста в 1921–1926 гг. составляли от 36 % до 74 % в год. К 1939 г. численность членов неопротестантских общин составила более десяти тысяч человек. В течение межвоенного периода происходит становление структуры неопротестантизма, организационное оформление движения (были созданы «Союз славянских общин евангелистов» и «Союз белорусских общин евангелистов»).

гельских христиан и баптистов», «Союз общин славянских баптистов», «Союз христиан веры евангельской», «Союз адвентистов седьмого дня в Польше», «Объединение церковей христовых евангельского вероисповедания в Польше»), активизация внутриобщинной и внецерковной деятельности общин и организаций – всё это отражало процесс церковного строительства, который был направлен на становление неопротестантизма как религиозного движения и на закрепление его на белорусских землях [18].

Создание поместных общин, основных единиц неопротестантского движения, и формирование их четкой внутренней структуры являлось одной из задач церковного строительства.

Руководящее звено общины составляли назначенные головной общиной либо избранные общим собранием общины пресвитеры, дьяконы, проповедники, миссионеры, учителя – наиболее духовно образованные верующие, которые занимались координацией деятельности общины и проведением религиозных практик. Нередко пресвитеры и миссионеры назначались либо направлялись центральными организациями. К примеру, с 1935 г. пресвитером общины ЕХБ в д. Лысково был К. Наймаловский, выпускник Теологической семинарии в Лодзи; миссионером общины был Моргуң, выпускник Библейской школы М. Гитлина (M. Gittlin). В 1926 г. община евангельских христиан-баптистов в Лиде запросила руководство Теологической семинарии о направлении на пресвитерство выпускника семинарии М. Попко, в 1930–1933 гг. общиной руководил выпускник семинарии Я. Панцевич, в 1933 г. в Лиду был направлен очередной выпускник семинарии Э. Голонко [26, 283–284].

Концепция внутреннего устройства общин была направлена на привлечение к активной деятельности всех членов общин. С этой целью при общинах действовала система кружков: молодежные, женские, для детей действовали воскресные школы, активно работало музыкальное служение (создавались хоры, музыкальные ансамбли).

Прежде всего, большое внимание неопротестантские организации уделяли работе среди молодежи. Активное развитие молодежного движения в неопротестантской среде было обусловлено возрастным составом общин, так как 30% членов общин составляли верующие в возрасте 16–30 лет. При общинах создавались молодежные кружки. Так, в январе 1926 г. при посещении общины евангельских христиан в Кобрине Л. Шендеровский-младший (член руководства Союза славянских общин евангельских христиан в Польше) принял участие в создании молодежного кружка. Целью кружка провозглашалось распространение вероучения среди молодежи и создание собственной библиотеки. Было принято решение собирать членские взносы (по 1 зл. в месяц) для собственных нужд [22, 325]. На съезде адвентистов седьмого дня в 1935 г. в Белостоке было принято решение об организации молодежных кружков при общинах и незарегистрированных группах [21, 389]. При общинах методистов работало молодежное товарищество «Liga Erworth» [23, 535]. Молодежные кружки были созданы при баптистских общинах в Белостоке (руководитель А. Кищун), в Волковыске (на конец 30-х гг. – 28 членов), Лиде (21 член), Новоельне, Наревке (26 членов), Гайновке, Слониме (рук. П. Суходол), Острыне, Лысково (25 членов), Таргошицах и т. д. (рис. 1). В 1930 г. молодежные товарищества общин союза славянских баптистов объединяли 459 человек [58, л. 7]. Регулярно проводились конференции и съезды молодежи: 15 мая 1927 г. в Бресте прошёл региональный съезд молодежи, в ноябре 1930 г. в д. Рогозно прошла конференция молодежи евангельских христиан-баптистов, в которой выступали Г. Болтнев (Белосток), Т. Родомский (Львов), Кужава (Лодзь) и др. Проводились собрания для молодежи под открытым небом, летом организовывались молодежные лагеря [24, 383].

Создаваемые при общинах женские кружки занимались в основном благотворительной деятельностью: в баптистских общинах действовали «Товарищества сестёр», при общинах евангельских христиан в 1930 году были созданы «Женские кружки» [28, 14].

Широко было развито музыкальное и певческое движение, поскольку музыкальное служение занимало важную часть религиозной практики протестантских общин. При них активно создавались хоры, организовывались ансамбли, духовые оркестры. В межвоенный период были созданы хоры при общинах евангельских христиан-баптистов в Пружанах, Бресте, Пинске, Тарговицах (см. рис. 1), Слониме, Молодечно. Духовый оркестр общины в Колядниках был известен по всей Западной Беларуси [15, 390–395]. Пресвитер общины в Пинске, член руководства Объединения церквей христовых евангельской веры Б. Байко организовал миссионерский хор, который в 1936 г. выступал с концертами перед общинами в США, Англии, Польше [16, 4].

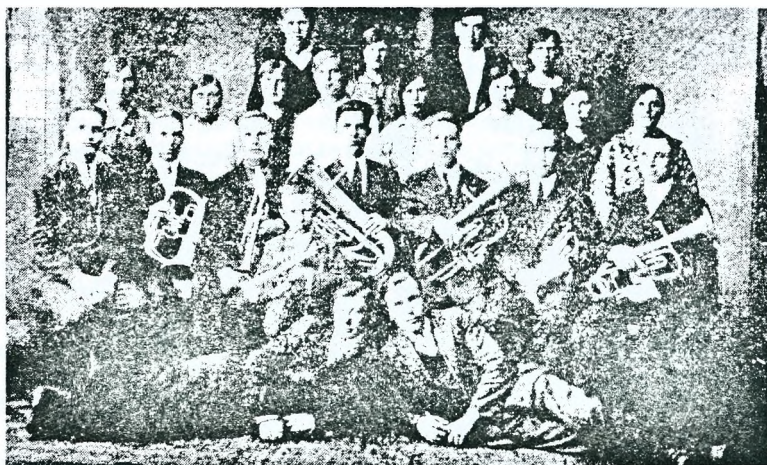

Рис. 1. Молодёжный кружок общины ЦХ в Тарговицах.
Середина 1930-х гг. [16, 8]

Как правило, для осуществления своей деятельности протестантские общины строили молитвенные дома или арендовали помещения. Так, брестская община евангельских христиан-баптистов периодически арендовала здание театра «Sarıwera» [15, 389]. В 1927 г. был построен молитвенный дом по ул. Широкой, 36, при котором работали детский приют и кухня для приезжих. Богослужения проводились два раза в неделю, крещения – в тёплое время года в открытых водоёмах. В местностях, где проживало недостаточное для регистрации количество адептов, либо в деревнях, удалённых от центральной общины, создавались так называемые «миссионерские пункты». Такие «миссионерские пункты» курировались пресвитерами центральных общин, которые периодически посещали их и проводили богослужения [27, 533].

Основными направлениями деятельности неопротестантских общин Западной Беларуси в 1921–1939 г. была непосредственно религиозная деятельность, направленная на удовлетворение религиозных потребностей верующих, духовно-образовательная работа, миссионерство и благотворительность.

Духовно-образовательная деятельность, направленная на повышение духовного уровня членов общин, являлась одним из важных аспектов жизнедеятельности протестантских общин и организаций. Религиозное обучение верующих осуществлялось на двух уровнях – местном (в пределах одной или нескольких общин) и на уровне центральных организаций. На местном уровне обучение проходило в форме чтения проповедей и учений, организации краткосрочных библейских курсов или школ силами местных пресвитеров, проповедников и учителей [15, 337]. Неоднократно на такие курсы приезжали и проповедники из других общин, присылаемые руководством организации, в которую входила данная община.

Религиозное обучение детей проводилось в воскресных школах, которые создавались при каждой общине или в наиболее крупной церкви, которую посещали родители из окрестных сёл. К примеру, воскресную школу общины ЕХБ в д. Бородичи посещали 40 детей, учителями были назначены члены общины Л. Панасюк и И. Дубовый [10, 174]. В воскресной школе общины ЕХБ д. Лысково Волковысского повета в 1939 г. в четырёх классах обучалось 65 детей разного возраста. В воскресной школе общины ЕХБ в Слониме в конце 30-х гг. работали шесть классов, обучалось 90 детей [26, 283, 289]. В воскресных школах Союза славянских баптистов в 1930 г. религиозное обучение проходили 413 детей [3, 7]. Данная локальная система обучения была рассчитана на всех членов общины.

Рис. 2. Участники регентских курсов в Пинске под руководством В. Байко. Середина 1930-х гг. [16, 10]

Подготовка пресвитеров, проповедников, учителей осуществлялась центральными организациями и носила международный и межрегиональный характер. Для этой цели организовывались специальные школы для руководителей общин: в 1924 г. были проведены библейские курсы в Новоставках, в 1926 г. – в Кобрине [1, 44–54], в 1929 г. – в Пинске. Организовывались курсы для учителей воскресных школ, регентские курсы. Так, в сентябре 1927 г. Союз славянских общин евангельских христиан-баптистов проводил четырёхнедельные курсы музыки и пения для полесских общин в колонии Чолнца под руководством Шендеровского-младшего, студента Варшавской консерватории [[1, 54]. В Бресте на базе общины «Союза

ЕХБ в Польше» ежегодно проводились крупнейшие региональные библейские и регентские курсы для баптистских служителей: 15 января – 1 марта 1927 г. под руководством Л. Дзекуц-Малея были организованы шестинедельные курсы (две недели – для проповедников, четыре недели – для 30 регентов баптистских общин) [19, 7], 26 января – 25 марта прошли регентские курсы в Беловеже [26, 283]. В 1929 г. в Пинске и в 1930 году в Кобрине были проведены региональные библейские и регентские курсы Союза славянских общин евангельских христиан, которыми руководил Л. Шендеровский, проводились регулярные регентские курсы в Пинске (рис. 2) [7, 75; 16, 10].

Наиболее активных и перспективных членов общин протестантские организации направляли на обучение в польские и зарубежные религиозные институты: в Библейскую теологическую семинарию в Лодзи (среди выпускников семинарии в Лодзи были пресвитеры белорусских общин К. Елинек, М. Попко и др.), в Библейский институт в Гданьске (институт окончил 271 полесский служитель), в Библейские школы в Варшаве, Бельске Тешиньском, Берлине, Риге и др. [17].

Внецерковная деятельность неопротестантских общин, направленная на взаимодействие с обществом, проявлялась в проведении благотворительных акций, участии общин в решении социальных проблем, но прежде всего в активной миссионерской деятельности.

Миссионерство было основной формой взаимодействия протестантских общин с обществом, а также, наравне с удовлетворением религиозных потребностей верующих, являлось основным направлением деятельности общин, что было обусловлено концепцией активного прозелитизма, целью которого было распространение вероучения и увеличение количества сторонников.

Для организации миссионерской деятельности в структуре крупных общин были созданы миссионерские отделы, территория деятельности общины делилась на миссионерские районы [13, 4]. В 1924 г. при общине евангельских христиан-баптистов в Бресте были созданы четыре миссионерских района, охватывающих пять гмин Брестского повета, деятельность центрального отдела распространялась на ближайшие территории Белостокского воеводства [12, 47]. Для координации деятельности отделов каждые три месяца организовывались конференции районных миссионерских отделов [250, с.217], на которых миссионеры отчитывались о проведённой работе, обсуждались «миссионерские пути», создавались «миссионерские двойки» [14, 33].

Миссионерская деятельность протестантских общин имела разнообразные формы: распространение религиозной литературы пропагандистского характера (брошюры, листовки), чтение евангелизационных проповедей [15, 388–390], беседы с местными жителями. Нередко члены протестантских общин вступали в диспуты с православными священниками. Так, 20 января 1929 г. в д. Лахва Лунинецкого повета была организована встреча православных верующих с членами общины евангельских христиан-баптистов, на которой присутствовало 250 местных жителей. Присутствующий православный миссионер о. В. Колаков выступил с критикой баптистского вероучения, после чего началась активная дискуссия с баптистскими миссионерами В. Сельцем (Лунинец) и П. Полько (Маньковичи) [11, 31]. В ноябре 1931 г. был организован диспут православных священников с протестантами в д. Серники Пинского повета, на котором присутствовало шесть православных священников, 30 протестантов и 300 православных прихожан. В отчёте представителя полиции указывалось, что православные жители с интересом слушали протестантов, соглашались с ними, и диспут принёс пользу только протестантам [8, 160].

Основным методом распространения вероучения было непосредственное общение с местными жителями. Для этого организовывались миссионерские поездки и рейды, в ходе которых члены общин ездили по деревням, общались с местными жителями. Так, в марте 1929 г. миссионеры-баптисты Я. Винницкий (д. Буково Слонимского повета) и М. Попко (д. Бородичи Волковысского повета) в миссионерской поездке посетили Новогрудок, проводили молитвы на белорусском языке, раздавали брошюры на польском, русском и белорусском языках [4, 6].

Одним из направлений миссионерской деятельности протестантов было распространение христианства среди еврейского населения – мессианство [6, 84]. С этой целью протестантские общины проводили богослужения на иврите [3, 23], читали проповеди для евреев [5, 95], раздавали литературу. Так, в 1929 г. в Брестском и Пружанском поветах проводил евангелизационную работу доктор Энгельштерн (dr. Engelsztern), миссионер общины евангельских христиан в Вильно: он выступал в молитвенных домах местных баптистов, раздавал брошюры и книги «В чём моя вера», изданные в типографии Тенненбаума в Бресте [2, 6–4]. Основную работу в этом направлении осуществляла Барбиканская миссия (The Barbican Mission for the Jews) [20, 56].

Протестантские общины активно сотрудничали также с евангельскими христианами-дарбистами. В марте 1931 г. в Пружанах, Шерешове и Сельце И. Пуховский (пресвитер общины ЕХБ в Пружанах) и М. Гитлин (руководитель Миссии Евангельских христиан-дарбистов в Варшаве) организовали специальные богослужения для евреев в молитвенных домах ЕХБ [9, 84]. Миссионеры дарбисты посещали белорусские общины евангельских христиан и евангельских христиан-баптистов. Так, в 1931 г. в молитвенном доме евангельских христиан в Кобрине читали лекции на идише «Иисус как образ Божий» дарбисты из Варшавы А. Колаков и А. Жегал, присутствовало 180 представителей еврейской молодёжи. Миссионеры посетили также баптистские общины в д. Алексиевичи, Корсуники, Цыбики, Воловно [3, 23–25].

Ещё одним аспектом деятельности неопротестантских общин и организаций Западной Беларуси являлась благотворительность. Неопротестантские организации осуществляли активную благотворительную работу, которая охватывала практически все стороны жизни: помощь бедным и безработным, помощь беженцам и реэмигрантам, медицинская помощь и содержание благотворительных учреждений, образовательные программы и стипендии.

На уровне поместных общин благотворительность носила внутренний характер и осуществлялась в основном силами местных женских кружков. Женские организации занимались раздачей еды, одежды и другой материальной помощи нуждающимся, патронажем и медицинской помощью больным и инвалидам (первоначально только за членами общин), опекой над приютами, сбором средств для проведения благотворительных акций.

Как мы видим, деятельность неопротестантских общин Западной Беларуси в 1921–1939 гг. была направлена, прежде всего, на организацию внутрицерковной жизни, обеспечение религиозного обучения, социальную поддержку членов общин и удовлетворение религиозных потребностей. Внутриобщинная деятельность поместных общин характеризовалась созданием широкой внутренней структуры общин, развитием активного молодёжного, женского, музыкального движений.

Формирование чёткой и разветвлённой внутренней структуры поместных общин позволило охватить деятельностью практически всех членов общин, что, с учётом молодого возрастного состава общин, концепцией прозелитизма и поддержкой деятельности общин центральными организациями содействовало распространению и закреплению неопротестантизма на землях Западной Беларуси и стало важным этапом в процессе церковного строительства в 1921–1939 гг.

Літэратура

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 2274
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 2282.
3. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 2314.
4. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1247.
5. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1252.
6. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1808.
7. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1822.
8. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 1824.
9. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 365.
10. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 952.
11. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 966.
12. ГАБО. – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 454.
13. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 541. – Оп. 1. – Д. 140.
14. Глагоўская, Х. Дзейнасць Лукаша Дзекуц-Малея сярод баптыстаў на Палессі / Х. Глагоўская // Загароддзе-2: Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе – скрыжаванне культур і часу», Пінск – Мінск. 25–27 верасня 1999 г. – Пінск, 2000. – С. 32–35.
15. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989. – 623 с.
16. Краткая история Церкви Христовой в Тарговицах. Без выходных данных.
17. Лисовская, Т.В. Религиозно-просветительская деятельность протестантских организаций на территории Полесья в 1921–1939 гг. / Т.В. Лисовская // Трансфармацыя культуры і грамадства беларускага Палесся: мінулае, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы Міжнароднаўск. канф. студэнтаў і аспірантаў, Брэст, 15–16 сак. 2002 г. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т; рэдакц. рада: А.Ю. Бодак [і інш.]. – Брэст, 2003. – С. 86–92.
18. Лисовская, Т.В. Структура и деятельность протестантских объединений на территории Полесского воеводства в 20–30-х годах XX века / Т.В. Лисовская // Моладзь Берасцейшчыны: зб. студ. навуц. прац / Брэсц. дзярж. ун-т; навуц. рэд. і.І. Акінчыц. – Брэст, 1998. – С.114–125.
19. Пекун, С. Лука Николаевич Дзекуц-Малей: жизнь и служение / С. Пекун // Крыніца жыцця. – 2000. – № 1. – С. 6–9.
20. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1396.
21. AAN. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1437.
22. AAN. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1447.
23. AAN. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1453.
24. AAN. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1455.
25. AAN. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1442.
26. Bednarczyk, K. Historia zborów baptystów w Polsce do 1939 r. / K. Bednarczyk. – Warszawa: Słowo Prawdy, 1997. – 368 s.
27. Grelewski, S. Wyznanie protestanckie / S. Grelewski. – Warszawa, 1939. – 886 s.
28. Tomaszewski, H.R. Baptyści w Polsce w latach 1856–1919 / H.R. Tomaszewski. – Warszawa: Słowo i Życie, 1993. – 148 s.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОСЕНЬЮ 1939 г. В БРЕСТЕ

Малыхина Л.Ю.

УО «Брестский государственный технический университет»

17 сентября 1939 года Главному командованию Красной Армии было отдано распоряжение перейти польско-советскую «границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». С передачей советскому командованию от германского 22 сентября Бреста освободительный поход почти полностью завершился. Социалистические преобразования в населённых пунктах Западной Беларуси, начавшиеся ещё задолго до официального вхождения в БССР, проходили по общей модели. Обратимся к изучению и оценке эффективности, проведённых органами советской власти изменений в социальной сфере города Бреста осенью 1939 года.

Социальная политика является одной из важнейших частей внутренней политики и воплощается в её социальных программах и практике, регулирует социально-экономические отношения в обществе через интересы основных социальных групп населения. Социальная политика КП(б)Б и структур местной и центральной власти на присоединённых в 1939 году к БССР белорусских территориях представляла собой деятельность по развитию социальной сферы, в том числе образования, здравоохранения, жилья, улучшения условий труда и жизни с помощью профсоюзных организаций с целью повышения трудовой и общественно-политической активности населения, обеспечения их интересов и потребностей, утверждения социалистического образа жизни.

Большая часть домов в городах и местечках довоенного Полесья была деревянной, в большинстве городов были также деревянными тротуары на боковых улицах. Водопровод функционировал частично только в Бресте над Бугом. Осуществление гарнизоном Брестской крепости своей первой героической обороны против наступления немецко-фашистских войск 14-18 сентября 1939 года не самым лучшим образом сказалось на состоянии города. Как стало известно из отчётной документации горисполкома г. Бреста за 1939 год за подписью его первого председателя тов. Соловья, за время сентябрьских военных действий в городе пострадало множество построек и мостовых – были полностью разрушены 31 жилой дом и 28 хозяйственных строений, повреждены 60 жилых домов и 50 жилищно-хозяйственных построек. На благоустройство города городской исполнительный комитет выделил четыре с половиной миллиона рублей. Налаживание сети транспортных коммуникаций в октябре – декабре позволило уже 7 января 1940 года организовать автобусное движение. Также произошла национализация 1 873 домов с жилплощадью 411 тыс. 500 кв. метров, большинство из которых было повреждено и требовало ремонта. К восстановительным работам в жилом секторе города горисполком приступил уже в октябре 1939 года, а с 1-го января следующего года у жителей начали взимать квартплату.

Одним из серьёзных первоочередных вопросов, который встал перед работниками горисполкома накануне наступления холодов, был вопрос об обеспечении города топливом. В связи с этим в срочном порядке были организованы службы по заготовке дров. Особое внимание в Бресте, как пограничном городе, уделялось очистке и озеленению, на что местными властями было отпущено 500 тысяч рублей [2, л. 14].

Согласно общепринятому положению, установление советской власти в Западной Беларуси привело к открытию новых школ, демократизации школьной системы, переходу к

белорусскоязычному обучению. Отчасти данная тенденция была свойственна и политике советской власти в сфере образования Брестчины. До прихода Красной Армии в Бресте действовало всего 16 госбюджетных начальных и средних школ, в этих школах насчитывалось 7 626 учащихся. Кроме этого, в городе существовало 10 религиозных, ремесленных и общеобразовательных школ, которые находились на содержании частных лиц и «благотворительных обществ» [2, л. 76]. Если обратиться к другому архивному источнику, можно выяснить, что в самом городе белорусскоязычных школ не существовало – в списке начальных и средних школ города Бреста значились на 1 сентября 1939 год 18 начальных школ (3 польские, 7 еврейских, 3 русских) и 11 средних школ (6 польских, 2 еврейских и 3 русских), что на 3 школы больше чем в списке Брестского обкома КП(б) [3, л. 1]. Средние школы из-за высокой платы были практически недоступны для трудящихся: за обучение в государственных необходимо было платить от 200 до 300 злотых в год за ученика, а в частных гимназиях – от 500 до 900 злотых. После включения в БССР, с ноября 1939 года, абсолютно все учебные заведения были реорганизованы по советской системе, вводились единые учебные планы, на всю страну устанавливалась единая система общеобразовательной школы: начальная (1-4 классы), неполная средняя (1-7 классы), средняя (1-10 классы). Семилетнее образование становилось бесплатным. Сразу после введения территориально-административной реформы в декабре 1939 года, когда среди пяти прочих была учреждена Брестская область, при исполкоме был открыт Отдел народного образования. В итоге этому Отделу были подчинены уже 25 государственных школ, где на тот момент обучалось 12 845 человек. Кроме этого, были открыты железнодорожный техникум на 420 человек, педучилище на 280 человек. Если до сентября 1939 года в городе насчитывалось 120 безработных учителей, то потом все они получили работу в школах города. Кроме этого, было создано 7 вечерних школ для взрослых и школы для малограмотных и неграмотных с охватом 320 человек. В итоге получилось, что хотя общее количество среднеобразовательных школ в Бресте не увеличилось, отмена в начальной и неполной средней и снижение платы за обучение в средней школе увеличило доступность образования. Начавшаяся впервые ликвидация неграмотности среди взрослых, несомненно, послужила идее социального равенства, хотя и не могла пока существенно изменить ситуации. По данным переписи 1931 года, в Полесском воеводстве, центром которого был Брест, неграмотными были 71 % населения, и в основном это были сельские жители. К тому же, как показало исследование Лукьянцевой А.В., «несмотря на «ликвидацию пренебрежительного отношения к белорусскому языку» в Западной Беларуси, неграмотность ликвидировалась по незнанию русского, а не белорусского языка, не хватало учителей национального языка и учебников.

Довольно активные действия в образовательной сфере были укреплены созданием культурно-просветительских учреждений. В частности, для всех желающих начали действовать городская, а также детская библиотеки, клубы железнодорожников, работников связи и работников торговли. Не обошли вниманием детей, оставшихся без попечения родителей – под контролем партийной организации и горисполкома находились 2 детских школьных дома на 206 человек и один дошкольный детдом на 65 человек. Значительно облегчило жизнь работающим родителям открытие 3-х детских садов с охватом 158 детей [2, лл. 76-77]. Нельзя умолчать о том, что становление городской системы образования сопровождалось репрессиями в отношении некоторой части педагогов. Однако в целом усилия местных властей в образовательной сфере создали дополнительные возможности для получения среднего и специального образования и рассматривались как несомненные достижения советской власти.

В Западной Беларуси, как и во всём СССР, стала утверждаться новая система здравоохранения, имеющая в своей основе такие принципы, как государственность, ведущее профилактическое направление, широкое участие населения в оздоровительной системе, соединение медицинской науки с врачебной практикой. Осенью 1939 года местные органы власти в основном приступили к решению вопроса доступности населению медицинской помощи и бесплатности её оказания. Если до сентября 1939 года в г. Бресте насчитывалось всего две больницы на 220 коек, 2 амбулатории, которые обслуживались 10-16 врачами, и один контрольно-венерологический пункт; то уже к концу года в прежних больницах количество коек увеличилось до 360, и там работало 29 врачей, а в амбулаториях 39 врачей. В городе были организованы скорая помощь, инфекционная больница на 70 коек, зубоветеринарная амбулатория и зубопротезная мастерская. Также впервые начали работу 8 лечебных учреждений в городе и пригородах – на Волынке, в Киевке, в Тришине, на лесозаводах № 2 и 3. На 1940 год в г. Бресте были запланированы постройка и открытие ещё четырёх лечебных учреждений.

До воссоединения лечение в Западной Беларуси в основном производилось платно. Сам за себя говорит тот факт, что за 10 досоветских месяцев 1939 года в городе Бресте бесплатную медицинскую помощь получили всего 211 человек, а за 5 последних месяцев при Советской власти – 28 075 человек. Всего по городу в конце 1939 года работало 346 человек: врачей – 113, медсестер – 136, зубных врачей – 42, акушеров – 36, фельдшеров – 19 [2, лл. 78-79]. Таким образом, в ходе целенаправленной работы местным органам власти удалось добиться значительного развития материальной базы и кадрового состава медучреждений города – как видим, главным критерием деятельности в области здравоохранения стал количественный. Однако создание громоздкой вертикальной системы органов здравоохранения, замыкающейся на Народном комиссариате СССР, в дальнейшем обусловило её затратный и экстенсивный характер. Такая система могла функционировать только в условиях экономического роста, когда её неэффективность покрывалась за счёт других областей народного хозяйства.

С установлением Советской власти в западно-белорусских областях стали создаваться новые профсоюзы, построенные по производственному принципу. Для наведения точного учёта членов профсоюзов, очищения их от так называемых «классово чуждых элементов», непосредственно на предприятиях и в учреждениях Западной Беларуси была объявлена перерегистрация. В то же время многие тысячи рабочих и служащих впервые были приняты в члены профсоюзов. К концу декабря 1939 года во всех областях были проведены районные городские областные и межсоюзные конференции и избраны профорганы. Повсеместно были избраны новые фабрично-заводские и местные комитеты (ФЗМК), а также районные и городские комитеты. Данные Брестского обкома КП(б)Б 1939-1940 годов подтверждают эти положения: «...В декабре и январе месяце в г. Бресте были созданы по советской системе профсоюзы. Была проведена большая работа по учёту и оформлению членов. Были проведены выборы профорганов. В городе было создано 5 горкомов и 137 ФЗМ. Общее количество членов профсоюзов составляло 5 212 человек. Профсоюзы начинают налаживать культработу – организовано 15 красных уголков на предприятиях и учреждениях, выпускается 18 стенгазет...» [2, л. 87].

Социально-экономические преобразования в 1939-1940 гг. в Брестской области коренным образом изменили характер экономики региона путём создания развитой промышленности и крупного коллективного сельского хозяйства и подготовили почву для развёр-

тывания массового профсоюзного движения. Профсоюзы включались здесь в проведение революционных преобразований, организовывали социалистическое соревнование, добивались повышения производительности труда, улучшения культурного обслуживания. Однако защита насущных социально-экономических интересов при этом уходила на второй план.

На наш взгляд, ещё одной характерной чертой социальной политики в Советском Союзе довоенного времени являлась массовость военно-оборонительных и физкультурных мероприятий. Из материалов горисполкома г. Бреста за 1939 год следовало, что уже к концу года имелись «все организации, которые призваны проводить массовую оборонную работу среди трудящихся». Большую работу по созданию первичных организаций на основных предприятиях и учреждениях города провело «Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству» (Осоавиахим) – к концу 1939 года была зарегистрирована 61 «первичка» с общим количеством 1 086 членов.

Созданием 15 первичных организаций из 200 членов начал развёртывать свою работу Красный Крест. Но как Осоавиахим, так и Красный Крест ещё не приступили к полноценной реализации своих практических мероприятий – функционированию учебных пунктов и кружков по подготовке инструкторов различных специальностей, сдаче норм на оборонные значки. Это объясняли, с одной стороны, отсутствием соответствующей материальной базы для этих целей, с другой – неизученностью местного контингента людей, перед тем как предоставить им оружие. Правительство, несомненно, придавало огромное значение работе по вовлечению трудящихся западных областей в управление государством. В то же время царила атмосфера подозрительности и недоверия к западным белорусам, особенно при подборе кадров, их тщательная проверка на «политическую зрелость». Прежде чем непосредственно приступить к военной подготовке людей, преданных социалистическим идеалам, с ними проводилась военно-воспитательная массовая работа (беседы и доклады о Красной Армии, о задачах укрепления оборонной мощи СССР), а также подготовка по противовоздушной обороне (ПВО). В условиях города, который был расположен на линии государственной границы, организация объектов ПВО имела исключительное значение. Штаб МПВО города среди первоочередных задач видел упорядочение сигналов противовоздушной обороны, которые не отличались от производственных гудков, ознакомление с этими сигналами всего населения, организацию на некоторых объектах групп самозащиты, разработку мероприятий по светомаскировке [2, 88-90].

Свидетельством тому, что Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение развитию физкультурного движения, является то, что осенью 1939 г. в Бресте более полумиллиона рублей было израсходовано на строительство и оборудование спортивных сооружений. Были созданы четыре спортивных общества на 1110 человек: «Спартак», «Строитель», «Буревестник» и «Пищевик». В городе работали спортивные секции бокса, фехтования, футбола, баскетбола, лыжная, коньки «вело», волейбольная и гимнастики. Все члены этих секций были охвачены сдачей норм на значок ГТО. Была организована детская спортивная школа, в которой занималось 170 детей. Подготовительная работа в этом направлении позволила провести в течение зимнего периода спортивные соревнования и товарищеские встречи, как внутри города, так и в масштабе республики. Брестские спортсмены заняли первые места по конькам, лыжам и по боксу.

Таким образом, воссоединение белорусского народа в 1939 году положило конец территориальному разделу Беларуси, что оказало положительное влияние на дальнейшее историческое развитие. Социальная политика в области образования, здравоохранения, защиты

социально-экономических и культурных интересов трудящихся через профсоюзы, военно-оборонительной и физкультурной работы, благоустройства города свидетельствовала о реальной защите «жизни и имущества» присоединенного населения. Следует признать, что социально-экономическая политика имела ярко выраженный классовый характер и сопровождалась репрессиями среди идеологически чуждых советской власти категорий населения – зажиточных крестьян, части интеллигенции, буржуазии, землевладельцев и польского населения. В то время как социальная политика может реально содействовать установлению заявленных советской властью социального равенства и справедливости лишь тогда, когда она умело, вбирает в себя интересы всех классов и социальных групп, гармонизирует их и тем самым обеспечивает стабильность общества, уверенность людей в их завтрашнем дне.

Литература

1. Заходняя Беларусь // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6-ці тамах. Т. 3. – Мн.: БелЭн, 1996.
2. Государственный архив Брестской области. Фонд 2-П. – Оп. 1 – Д. 1. Постановления заседаний Брестского обкома КП(б)Б за 1939 г.
3. Государственный архив Брестской области. Фонд 1041. – Оп. 1 – Д. 1а.
4. Государственный архив Брестской области. Фонд 5. – Оп. 15 – Д. 7. ссылка в работе Лукьянцева, А.В. Некоторые проблемы народного образования в Брестском районе в 1939-1941 гг. // Моладзь Берасцейшчыны. – Брэст. 1996.
5. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.В. Вышынскі [і інш.] – Мн.: Беларусь, 1995.

ИЗУЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ВОПРОСА В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Матусевич О.А.

УО «Белорусский государственный технологический университет»

Подписанный в 1919 г. Версальский мирный договор, определивший новые границы в Европе, стал своего рода компромиссом, породившим многонациональные государства. Во вновь созданной Польше этнические меньшинства составляли около трети населения, что обусловило напряженную внутриполитическую обстановку. В межвоенный период произошли значительные перемены в организации исторической науки в Польше, была сформирована инфраструктура этнополитических исследований, которая должна была обеспечить научное подспорье текущей внутренней и внешней политики польских властей.

После воссоздания польского государства и установления восточных границ перед историками была поставлена задача обоснования польскости присоединенных территорий. Решение данной проблемы было представлено двумя течениями в польской исторической науке: западным и восточным. В основе первого лежала идея Польши периода Пястов (ориентировалось на немецкую проблематику и концепцию народных демократов), а второго – традиция польского государства времен династии Ягеллонов (ориентировалось на восточную проблематику и федералистическую концепцию Ю. Пилсудского). Ягеллонская идея позднее трансформировалась в концепцию «Междуморья» – создания под эгидой Польши федерации государств, которая бы располагалась на территории от Балтики до Черного моря.

В отношении присоединенных восточных территорий основополагающей была ягелонская идея, которая понималась как «политическая система, которая состояла в привлечении к польскому государству путем добровольных присоединений-уний соседних территорий, занимающих географическое пространство между Карпатами и Балтикой» [1; 24]. Характерным для этого подхода было акцентирование внимания на цивилизаторской миссии поляков на восточных землях и культурной отсталости местного населения. При этом приводились все те же аргументы и оценки, которыми оперировали немецкие историки по отношению к полякам как к низко развитому и «неисторическому» народу, что вызывало возмущение и негативную реакцию в польском обществе.

Для 20-х гг. XX в. характерными были два ярко выраженных подхода в области национальной политики в целом и в отношении белорусов в частности: прометеизм и государственная ассимиляция. Именно идеи прометеизма, которые переключались с концепцией «Междуморья», стали импульсом к созданию ряда научных учреждений, которые специализировались на изучении восточной проблематики и этнических исследованиях. В рамках финансирования движения прометеизма выделялись средства некоторым научным учреждениям, специализирующимся на изучении этнической проблематики, таким как: Научный украинский институт в Варшаве, Восточный институт в Варшаве, Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно, а также Институт исследования национальных проблем (ИИНП) [2; 84].

Политическое и интеллектуальное движение прометеизма стало продолжением восточной политики Ю. Пилсудского и было направлено на создание ряда буферных государств на границе с Россией. Свое начало это движение берет в идее расчленения Российской империи путем поддержки национальных движений у нерусских народов. После революционных событий эта идея приобрела антисоветский характер, направленный на ослабление СССР. Она была популярна в среде «белой» эмиграции, которая надеялась на продолжение контрреволюции политическими методами и на смену политического строя в отдельных республиках [3; 11]. Представителями этого движения были известные в польских научных кругах личности: Ст. Папроцкий, Л. Василевский, М. Хандельсман, Ст. Тугутт, Ст. Стемповский, Л. Кшивицкий, В. Вакар и многие другие.

Пропагандируя идею независимой Беларуси, сторонники прометеизма считали необходимым проведение такой национальной политики, которая бы переориентировала население восточного региона с антипольских на антироссийские и обеспечила сплочение «крессов» с польским государством. Что в свою очередь стало бы гарантией отсутствия стремления пересматривать восточную польскую границу даже в случае возникновения независимой Беларуси.

Для изучения национальной и политической ситуации в межвоенной Польше были созданы учреждения, которые проводили постоянную диагностику этнических и политических процессов как внутри страны, так и за ее пределами. Такими учреждениями были ИИНП, Научный украинский институт в Варшаве, Восточный институт в Варшаве, Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно, Еврейский научный институт в Вильно, Балтийский институт в Торуне, Институт научного исследования коммунизма (ИНИК) и др. Некоторые из названных научных институтов работали в направлении реализации прометейской политики. Их сотрудниками, а нередко и руководителями, были вышеназванные деятели прометеизма.

Одним из учреждений, которое создавалось на прометейской платформе, был Институт исследования национальных проблем (*Instytut Badań Spraw Narodowościowych*), основанный в декабре 1921 г. С инициативой его создания выступил ряд известных ученых и политиков: профессора Ш. Аскеназий, М. Хандельсман, Л. Кшивицкий, Я. Кухажевский, В. Вакар, политик и публицист Т. Холувко, сенатор Ст. Поснер, адвокат Я. Дрешер, депутат Ст. Тугутт, дипломат А. Тарновский, а также министр Л. Василевский и др.

Первоначальными целями деятельности ИИНП были не только научное исследование положения и развития этнических меньшинств в Польше, но и разработка рекомендаций для решения внутренних межнациональных проблем в государстве. Перед Институтом была поставлена задача «предоставления необходимых материалов государственным и общественным учреждениям в стране и за границей, создания условий мироплюбивого сожительства национальностей, входящих в состав Речи Посполитой» [4; 419]. Однако Институту не удалось организовать систематическую исследовательскую работу. Он ограничился лишь проведением дискуссионных вечеров и публичных лекций, а в 1924-1925 гг. вообще прекратил свою деятельность [5; 182]. Причиной этому послужили, с одной стороны, приход к власти правительства В. Витоса, настроенного на националистическое решение этнических проблем Польши; с другой, проведение политики белорусизации и коренизации в СССР и создание союзных республик, что отрицательно сказались на развитии прометейского движения и организаций, сопутствующих ему [6; 30].

В 1926 г. несколько членов ИИНП и Управление польского объединения Лиги Народов в Варшаве решили возобновить работу этого учреждения, но его функционирование уже сводилось только к проведению научных исследований, связанных с положением национальных меньшинств в Польше и за ее пределами.

Создатели ИИНП исходили из убеждения, что «решение национальных проблем в государстве необходимо начать от подробного и всестороннего познания народов, населяющих территорию Речи Посполитой Польской» [7; 87]. Деятельность воссозданного Института включала в себя создание архива материалов (с последующим их опубликованием), касающихся культурной, экономической, религиозной и политической жизни, а также условий существования и правового положения этнических меньшинств в других государствах.

Предполагалась организация библиотеки и издание на польском языке двухмесячника «*Sprawy Narodowościowe*» и квартальника на французском языке, а также неперIODических изданий, посвященных проблематике меньшинств. Было решено проводить мероприятия, способствующие популяризации данной тематики, такие как организация публичных лекций, конференций, выставок и др. Директором Института был избран Т. Холувко, генеральным секретарем – Ст. Папроцкий.

Работа Института проходила в трех секциях, которые делились на комиссии. Комиссии, в свою очередь, состояли из подкомиссий, которые работали над культурными, политическими, экономическими, демографическими и др. аспектами развития меньшинств. Первая секция занималась изучением этнических меньшинств в Польше. Целью деятельности секции провозглашалось объективное исследование важнейших сторон жизни национальных меньшинств и популяризация полученных данных, исключая выдвижение политических предложений решения национальных проблем, дабы не сводить работу секции к участию в политических спорах [7; 88].

Исследования белорусского национального меньшинства проводились в литовско-белорусской комиссии, которая находилась в Вильно. Организационное собрание комиссии состоялось 10 мая 1927 г., на котором было решено создать пять подкомиссий: литовскую,

белорусскую (во главе с С. Выслоухом), экономическую, демографическую и историческую Руководство комиссией принял депутат Л. Хоминьский. Секции работали на основе сети членов-корреспондентов, из числа проживающих на территории определенного национального меньшинства. Белорусские представители изначально выразили сомнение в целесообразности их участия в деятельности Института, как польского научно-исследовательского учреждения, однако согласились на неофициальное сотрудничество [8; 328].

Вторая секция занималась изучением национальных проблем на международной арене. Работа третьей секции была посвящена исследованию положения колонии и национальных проблем в соседних странах.

Институт активно сотрудничал с правительственными учреждениями, общественными и научными организациями, занимавшимися национальными вопросами в регионах и за границей, о чем свидетельствуют годовые отчеты, которые публиковались на страницах журнала «Sprawy Narodowościowe».

С 1930 г. в ИИНП была предусмотрена годовая стипендия для студентов, финансируемая МИД. В 1931 г. были организованы годовые курсы для студентов, посвященные национальным вопросам, целью которых было: «углубленное изучение слушателями высших учебных заведений национальных проблем с точки зрения социологического, исторического, статистическо-экономического аспектов, права народов и национальных законодательств» [9; 37]. Курсы организовывались каждый год вплоть до начала Второй мировой войны.

Сотрудники Института часто представляли интересы польского государства на международной арене, в том числе в Лиге Наций. Генеральный секретарь Ст. Папроцкий принимал участие в работе Конгресса национальных меньшинств, который каждый год проходил в Женеве. При участии ИИНП были организованы съезды поляков из-за границы.

На протяжении всего периода своей деятельности Институт формально сохранял статус независимой общественно-научной организации. Однако его деятельность финансировалась различными правительственными структурами (МИД, МВД, Министерством аграрной реформы, Министерством военных дел, Министерством вероисповеданий и публичного просвещения), его руководство отчитывалось перед Отделом международных организаций МИД и Отделом национальностей МВД, а генеральный секретарь института и редактор «Spraw Narodowościowych» Ст. Папроцкий был одновременно сотрудником Президиума Совета министров Польши [10; 1, 36, 71] [11; 3-49].

Л. Василевский, возглавлявший Институт с 1932 г., был активным политическим деятелем, соратником Ю. Пилсудского, с 1931 г. вице-председателем ППС. С 1920-х гг. он был сторонником создания федерации с Украиной и Беларусью, принимал участие в мирных переговорах в Риге, выступал против колонизации белорусов и украинцев, отстаивал целесообразность политики государственной ассимиляции и поддерживал движение прометеизма. Еще одним представителем этого политического и интеллектуального движения был первый руководитель Института и его постоянный действительный член Т. Холувко. Отметим, что МИД неоднократно использовал это научное учреждение в своей работе в пропагандистских целях для предоставления информации заинтересованным иностранным лицам в тех случаях, когда польские власти не хотели высказываться непосредственно [10; 71].

Приведенный перечень источников финансирования, идеологическая ориентация и политическая деятельность руководителей ИИНП свидетельствуют о политической составляющей исследований, проводимых в этом учреждении, которые носили стратегический характер.

Независимость работы этой организации вызывала сомнения в обществе, поэтому руководству ИИНП неоднократно приходилось посредством периодической печати обращать внимание на то, что Институт является сугубо научно-исследовательским учреждением, работа которого направлена лишь на получение объективных данных. «Заданием Института является исключительно сбор материалов и их научная, абсолютно объективная обработка. Выдвижение же предложений является прерогативой политических кругов (как отдельных партий, так и правительственных структур), которым Институт хочет предоставлять соответствующий, основанный на научных исследованиях, материал» [12; 311]. Разъяснять этот вопрос приходилось не только общественности, но и членам и сотрудникам Института. Так, на общем собрании председатель собрания Ст. Тугутт особо подчеркнул, что «Институт не занимается политическим разрешением национальных проблем, а проводит исследования отдельных национальных вопросов» [12; 621]. Однако сохранить беспристрастность в освещении политических событий руководству Института не удалось, о чем свидетельствует анализ опубликованных материалов в двухмесячнике «Sprawy Narodowościowe». Журнал «Questions Minoritaires» был предназначен для заграничной и издавался с целью: «методично и планомерно обосновывать польскую политическую линию в сфере национальных вопросов» [10; 3].

Институт исследования национальных проблем прекратил свое существование в сентябре 1939 г. Здание, в котором находился Институт, было уничтожено во время бомбежки Варшавы, архив и все научные материалы сгорели. Косвенным подтверждением значимости исследований ИИНП может служить тот факт, что во время оккупации материалами, собранными Институтом, активно интересовались немецкие спецслужбы [13; 72].

Исследования белорусского национального меньшинства являлись неотъемлемой частью деятельности ИИНП. Они охватывали экономические, социально-демографические, этнические и конфессиональные отношения, культурную и общественно-политическую жизнь. В 1927 г. Институт участвовал в организации выставки белорусской и украинской прессы, на которой белорусская пресса была представлена от 1863 г. [14; 481].

М. Борута, оценивая деятельность Института, обращает внимание на политические цели создания этого научного учреждения: «Институт исследования национальных проблем, созданный представителями политических сфер и служащий прежде всего этим сферам, по-видимому, выполнил поставленное перед ним задание, – считает автор, – Благодаря личным связям его деятелей, он стал каналом трансляции оценок национальной проблематики к руководящим кругам, определяющим национальную политику II Речи Посполитой» [13; 76]. Однако он признает, что определить, насколько деятельность Института влияла на принятие политических решений, не представляется возможным.

Значение данного Института заключалось в том, что он стал научной платформой, отражающей общее видение национальной проблемы (белорусского вопроса, в частности) в польском обществе. Однако ввиду относительно слабого национально-освободительного движения белорусов и отсутствия связанных с ним сильных центров эмиграции белорусский вопрос выпал из контекста развития движения прометеизма, в силу чего белорусской проблематике уделялось меньше внимания как в польских политических кругах, так и в деятельности ИИНП.

Аспекты, связанные с развитием коммунистического движения на территории II Речи Посполитой, в том числе деятельность КПЗБ и КСМЗБ, помимо МВД и II Отдела Генерального штаба польской армии, изучались также в рамках советологических исследований.

Одним из учреждений этого направления был Институт научного изучения коммунизма (Instytut Naukowego Badania Komunizmu), созданный в 1926 г. в Варшаве. Он представлял собой исполнительное подразделение Центрального координационного бюро организаций борющихся с коммунизмом (Centralne Biuro Porozumiewawcze Organizacji Zwalczających Komunizm), учредителем этого бюро был ксендз А.В. Квятковский.

Деятельность Института должна была носить не просто научную советологическую направленность, а антикоммунистический характер с выходом на практическую реализацию борьбы с коммунизмом [15; 113]. Согласно уставу, целью этого учреждения было «научное исследование коммунизма, ознакомление общества с коммунистической идеологией и противодействие ее развитию посредством критического анализа» [16; 3]. Реализовываться эта задача должна была при помощи издания антикоммунистической литературы и организации публичных лекций, конференций, съездов и курсов. Создавался центральный каталог литературы по проблеме коммунизма. Библиография охватывала не только собрания Института, но и библиотеку Отдела общественной безопасности МВД и библиотеку II Отдела Генштаба польской армии. Планировалось открытие кафедры при одном из университетов. В 1933 г. в Бресте была создана секция Института, руководил ею вице-прокурор О. Яцуньский [15; 208].

Институт должен был поддерживать деятельность организаций, которые боролись с коммунизмом, и помогать в этой борьбе правительству, предоставляя результаты научных работ и предлагая практические проекты относительно коммунистического движения. Финансировалось это учреждение МВД, МИД и Генштабом [15; 216].

Сотрудники Института тесно сотрудничали с МВД, преподавали в полицейских школах и издавали «Biuletyn Prasowy INKB», редактором которого был Х. Гласс. Представители власти также были в составе руководства ИНИК: возглавлял Институт лодзский воевода, членами совета были вице-министр МВД, начальник контрразведки, прокурор Высшего суда [15; 207].

В начале оккупации в ноябре 1939 г. Х. Гласс, который сохранил архив Института, возобновил его работу, а в 1940 г. это учреждение получило новое название «Антикоммунистическое агенство» (Agencja Antykomunistyczna), а позже Антик-Блок (Antyk-Blok). Фонды ИНИК были переданы немцами в Публичную библиотеку в Варшаве, и заведовал ими Ю. Миценмахер.

Результатом деятельности Института был выход в свет нескольких работ по развитию коммунистического движения в Польше авторства А.Р. Келлера, А. Страпиньского и Ю. Миценмахера (Ян Альфред Регула), в которых рассматривалась деятельность КПЗБ и КСМЗБ.

В рамках движения прометеизма и исследований по советологии действовал в Вильно Научно-исследовательский институт Восточной Европы (Instytut Naukowo-Badawczy Europie Wschodniej), который был создан в 1930 г. на кадровой основе факультета права и общественных наук Университета Стефана Батория. Основателями этого учреждения были: профессор Ст. Арнольд, Ф. Буяк, И. Яворский, Я. Кухажевский, редактор Ст. Мацкевич, бывший президент Вильно – В. Абромович, сенатор Б. Кшижановский, депутаты Л. Хоминьский и Я. Пилсудский, С. Выслоух; а также Ст. Папроцкий и Л. Василевский и др. Председателем Института был избран проф. Я. Розводовский, директором – депутат Я. Енджейевич, редактором стал проф. Ст. Эренкруз [17; 253-254].

Целью Института было «изучение в историческом, географическом, экономическом, культурном, общественном и политическом аспекте земель и государственных образований, расположенных между Черным и Балтийским морями, а также народов, населяющих те территории, распространение знаний об указанных территориях и народах» [18; 53].

Однако руководство Института не ограничивалось только научными целями, его деятельность была направлена на «сосредоточение вокруг польского народа иных народов, проживающих между Северным океаном и Черным морем, расположенных между большевистской Россией и гитлеровской Германией» [19; 30].

Форма организации Института была аналогична ИИНП. Действовали секции и комиссии, создавались библиотека и архив, которые носили советологическую направленность. Функционировало издательство, которое публиковало годовой сборник «Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej» и международный научный бюллетень «Balticoslavica», а также литературу в научно-популярной серии «Biblioteka Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilno». Организовывались публичные лекции, в рамках которых С. Выслоух выступил с докладом «Идеологический кризис среди белорусов в Польше» [20; 259]. В 1930 г. при Институте была создана школа политических наук, которая в 1932 г. была преобразована в частное высшее учебное заведение [21; 263].

Финансировался Институт МИД, МВД и Министерством религиозных исповеданий и публичного просвещения. МИД периодически запрашивал в данном научном учреждении информацию и заказывал экспертизы [19; 43, 49]. Наибольший интерес представляет деятельность в этом научно-исследовательском учреждении С. Выслоуха, который возглавлял сектор национальных проблем и опубликовал ряд социологических и политологических работ, посвященных белорусскому вопросу в Польше.

Таким образом, в рамках существующей во II Речи Посполитой научно-исследовательской инфраструктуры некоторые учреждения косвенно занимались изучением белорусской проблематики, однако ни одно из них не специализировалось на изучении белорусского вопроса в отличие от немецкого, еврейского или украинского.

Литература

1. Kamieniecki, W. Ponad zgiełkiem walk narodowościowych. Idea Jagiellońska / W. Kamieniecki. – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1929. – 24 s.
2. Zbiór dokumentów ppłk. Edmunda Charaszkiewicza / oprac., wstęp i przypisy A. Grzywacz, M. Kwiecień, G. Mazur. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2000. – 188 s.
3. Mikulicz, S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej / S. Mikulicz. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. – 314 s.
4. Instytut Badań Spraw Narodowościowych // Nauka Polska. – 1925. – № 5. – S. 418–419.
5. Instytut Badań Spraw Narodowościowych w Warszawie // Wiedza i życie. – 1931. – № 2. – S. 181–184.
6. Maj, E.P. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939 / E.P. Maj. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. – 292 s.
7. Z Instytutu Badań Spraw Narodowościowych // Sprawy narodowościowe. – 1927. – № 1. – S. 87–88.
8. Komisja Litewsko-Białoruska w Wilnie // Sprawy narodowościowe. – 1927. – № 3. – S. 328.
9. Dziesięciolecie działalności Instytutu Badań Spraw Narodowościowych 1922–1932. – Warszawa, 1932. – 46 s.
10. Archiwum Akt Nowych (AAN). – Ministerstwo Spraw Zagranicznych. – sygn. 2314. Instytut Badań Spraw Narodowościowych – działalność. Raport, sprawozdania, korespondencja, prasa, druki (1937, 1938).
11. AAN. – Ministerstwo Spraw Wewnętrznych. – sygn. 947. Sprawozdanie z działalności Instytutu Badań Spraw Narodowościowych (1930–1938).

12. Z Instytutu Badań Spraw Narodowościowych // Sprawy narodowościowe. – 1928. – № 5. – S. 310–312.
13. Boruta, M. Instytut Badań Spraw Narodowościowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną / M. Boruta // Przegląd Polonijny. – 1985. – № 11. – S. 63–79.
14. Z Instytutu Badań Spraw Narodowościowych // Sprawy narodowościowe. – 1927. – № 4. – S. 480–483.
15. AAN. – Instytut Naukowego Badania Komunizmu (księgozbiór A. Kwiatkowskiego) – sygn. 1021.
16. Statut Instytutu Naukowego Badania Komunizmu. – Warszawa : [s.n.], 1930. – 10 s.
17. Powstanie i pierwszy okres działalności Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie (od 23 lutego 1931 do 31 sierpnia 1931 r.) // Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej. – 1933. – T. 1. – S. 253–257.
18. Komat, M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilno (1930-1931) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii / M. Komat // Kwartalnik Historyczny. – 2000. – № 3. – S. 43–89.
19. Kornat, M. Polska Szkoła Sowietologiczna 1930–1939 / M. Kornat. – Kraków: Arcana, 2003. – 624 s.
20. Sprawozdanie ogólne Prezesa zarządu Instytutu prof. d-ra Stefana Ehrenkreutz z działalności Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej, wygłoszone na zebraniu ogólnym członków Instytutu 11 grudnia 1932 r. // Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej. – 1933. – T. 1. – S. 257–260.
21. Sprawozdanie z działalności Wyższej Szkoły Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej za rok akademicki 1931/32 i początek roku 1932/33 do 1 grudnia 1932 r., wygłoszone przez Dyrektora Instytutu inż. Władysława Wielhorskiego na zebraniu ogólnym I.N.B.E.W. dn. 11 grudnia 1932 r. // Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej. – 1933. – T. 1. – S. 261–264.

БЕЛАРУСЬ В ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1939 г.

Мигун Д.А.

ГУО «Республиканский институт высшей школы Белорусского государственного университета»

С приходом в 1933 г. к власти в Германии Гитлера по инициативе немецкой стороны было прекращено германо-советское военное сотрудничество, начатое в 1922 г.

Однако Гитлер не только не отказался от продолжения торгово-экономических связей с СССР, начало которым было положено подписанием 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора между РСФСР и Германией, но и проявил стремление к их дальнейшей активизации [1, с. 112]. Торговые операции носили взаимовыгодный характер. В обмен на продовольствие и сырье СССР получал от Германии необходимое оборудование, в том числе для тяжелой оборонной промышленности, и что особенно важно – новейшие технологии. В тот период, кроме как от Германии, ее нигде нельзя было получить.

Для нападения на Советский Союз Германии нужна была общая граница с СССР. А она могла быть установлена только в случае захвата Польши и Прибалтики. При этом для Германии интерес представляли белорусские, а в особенности украинские земли. Стремление немцев к захвату белорусских и украинских земель объяснялось тем, что они

учитывали слабость своей экономики, выразившуюся в большой зависимости от импортного сырья и продовольствия. Уже в 1935 г., когда Германия приступила к созданию запасов мясных консервов и других видов продовольствия на случай войны, в стране была введена карточная система. Стала ощущаться острая нехватка не только мяса и масла, но и овощей.

Решение своей продовольственной и сырьевой проблемы немцы видели в захвате Украины, вначале Западной, а затем и Восточной. В последующем они предусматривали расширение своей продовольственной и сырьевой базы за счёт создания колониальных хозяйств немецких переселенцев, не только на территории Украины, но и на территории Беларуси. С этой целью они обещали каждому генералу земельный участок в 100 га, а солдатам, принимавшим участие в походе на Россию, – по 10 га [1, с. 112].

В силу агрессивных устремлений национал-социалистов Германии судьба Польши, а еще в большей степени судьба народа и территории Западной Беларуси, Западной Украины не могла не вызывать серьезной обеспокоенности советского правительства.

Естественно, принималось во внимание то обстоятельство, что в случае захвата немцами Западной Беларуси их войска оказывались на близких подступах к Минску, а все дороги в Беларуси (железные и шоссейные) идут с запада на восток. Поэтому лучшего плацдарма для нападения на Советский Союз не могло быть. На Украине дороги были в худшем состоянии, чем в Беларуси, и к тому же все они идут с севера на юг.

Готовясь к развязыванию Второй мировой войны, Германия в 1939 г. опасалась вооруженного столкновения с Советским Союзом, ибо в военном отношении она была еще недостаточно сильна. К тому же Германия зависела от наших поставок сырья и продовольствия в обмен на свое оборудование. Поэтому в конце 1938 г. германское правительство предложило советской стороне заключить торговое соглашение. Так, Германия в декабре 1938 г. предложила Советскому правительству возобновить прерванные после аншлюса Австрии переговоры о заключении нового торгового соглашения и выразила готовность предоставить СССР кредит в 200 млн. марок. На этот раз советское правительство согласилось вести переговоры, но в ходе их выдвинуло требование о поставках в СССР, в обмен на сырьё, такого большого количества заказов, что в Берлине расценили его как крайне неприемлемое. Переговоры были прерваны [2, с. 51].

Поскольку из-за напряженности политической атмосферы в отношениях между СССР и Германией советское правительство считало невозможным начинать переговоры о расширении торгово-экономических связей, немецкая сторона стала зондировать возможность об улучшении отношений.

Однако длительное время демарши немецкой дипломатии оставались без последствий. Советское правительство не реагировало и на телеграмму германского правительства от 15 августа 1939 г. о приеме в Москве министра иностранных дел Германии Риббентропа для переговоров [3, с. 606].

Суть такой советской позиции заключалась в том, что в середине августа 1939 г. в Москве по предложению советского правительства проходили переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

В ходе этих переговоров предполагалось заключить военную конвенцию и пакт о взаимной помощи. На заседании 21 августа советская делегация поставила главный вопрос: «Каким образом вооруженные силы СССР смогут войти в соприкосновение с немецко-фашистскими войсками в случае нападения Германии на Францию, Польшу или Румынию?» [4, с. 394].

Английские и французские миссии не были готовы к обсуждению этого вопроса. Переговоры зашли в тупик и были прерваны, поскольку они подтвердили безнадежность заключения с Англией и Францией пакта о взаимопомощи и военной конвенции. Что касалось позиции польского руководства, то оно отказалось пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза даже тогда, когда над страной нависла угроза непосредственного германского вторжения. Известно, что в августе 1939 г. польское правительство располагало достоверными данными о готовившемся немецком вторжении. Тем не менее, начальник генерального штаба польской армии генерал Стахевич заявил 20 августа 1939 г. английскому военному атташе, что «не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу» [5, с. 382].

Вскоре же после начала переговоров с СССР о пакте взаимной помощи для защиты от фашистской агрессии правительство Чемберлена стало разрабатывать план возобновления переговоров с Гитлером. В начале мая 1939 г. предпринимается первая такая попытка завязать переговоры с германским правительством. 12 мая 1939 г. по поручению экономического советника Чемберлена Гораса Вильсона, который по указанию Чемберлена разрабатывал внешнеполитическую программу, в Берлин прибыл член английского парламента Г. Друммонд Вольф.

Однако открытое возобновление переговоров с Германией было невозможно из-за сильного распространения антинацистских и антигитлеровских настроений в Англии.

В самом начале июля 1939 г. английское правительство предложило начать при соблюдении величайшей секретности англо-германские переговоры.

Излагая ход этих секретных англо-германских переговоров лета 1939 г., германский посол в Лондоне фон Дирксен писал, что правительство Чемберлена ставило своей целью достигнуть полюбовного широкого соглашения с гитлеровской Германией, которое по своему значению можно было считать заключением англо-германской антанты. В политической области предполагалось заключить англо-германский пакт о ненападении. «Сокровенная цель этого договора заключалась в том, – отмечал Дирксен, – чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии» [5, с. 385].

Подчёркивая важность этого договора о ненападении, Дирксен пишет: «Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения, таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией» [5, с. 385-386].

Заключение такого англо-германского договора являлось бы подходящей маскировкой для договоренности о разграничении сфер интересов и рынков сбыта между Англией и Германией. Англия обещала при этом «уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе». При условии достижения приемлемых соглашений, как политических, так и экономических, английское правительство обязывалось перед Гитлером добиться от Франции, чтобы последняя «уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства Юго-Восточной Европе». В довершение к этому правительство Чемберлена было бы готово тому, что «свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы».

Все это в 1939 г. не было известно с той документальной точностью, с которой это выяснено в настоящее время. Но имевшихся наблюдений и того, что тогда проникло в газету было достаточно, чтобы понять коварство английской политики. Было ясно, что переговоры с Советским Союзом, равно как и гарантии Польше и другим странам, – это для Англии толико «резервные средства» для давления на Германию с целью добиться с нею сделки.

Германское руководство на протяжении 1939 г. не раз ставило перед советским руководством вопрос о принятии для переговоров министра иностранных дел Риббентропа.

20 августа оно вновь поставило вопрос о приезде в Москву Риббентропа. На этот раз советская сторона дала согласие на приезд Риббентропа и на переговоры с германской стороной [6, с. 54].

Переговоры с Риббентропом завершились 23 августа подписанием «Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом» [7, с. 67-68], известным ныне как «Пакт Молотова - Риббентропа». В тот же день министрами иностранных дел СССР и Германии был подписан «Секретный дополнительный протокол». В нем, в частности, отмечалось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан» [7, с. 69-70].

Однако 28 августа того же года Молотовым и послом Германии в Москве Шуленбургом было подписано разъяснение к «секретному дополнительному протоколу». В нем уточнялось, что «граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писса, Нарев, Висла, Сан» [3, с. 670].

Под ударами немецкой армии, начавшей вторжение в Польшу 1 сентября 1939 г., польская армия распалась, а ее правительство покинуло страну. В этой ситуации части Красной Армии 17 сентября вступили на территорию Западной Беларуси и Западной Украины. Таким образом, произошло воссоединение западных областей Беларуси в единое советское белорусское государство.

С первых дней с начала освободительного похода Красной Армии на территорию Западной Беларуси, там начали проводить определенные мероприятия. В докладной записке о мероприятиях советских властей в Западной Белоруссии говорилось, что во всех районах Западной Беларуси, занятых частями Красной Армии, проводятся следующие мероприятия:

- Создаются временные городские и местечковые управления.
- В селах, деревнях и хуторах при активной помощи со стороны временных городских управлений создаются крестьянские комитеты.
- Организовываются рабочие комитеты на предприятиях.
- В городах принимаются меры по восстановлению работы предприятий и учреждений.
- Проводится ликвидация польских учреждений.
- Создаются рабочие гвардии и крестьянские отряды обороны по борьбе с остатками польского «офицера», осадниками и контрреволюцией. В городах и селах создаются группы актива вокруг управлений и комитетов.
- Приняты меры по обеспечению торговли и снабжения городов, а также нормальных условий жизни.
- Активизируется культурная работа среди белорусского населения и пропаганда (демонстрация советских фильмов, распространение советских газет, журналов и литературы) [8, л. 26].

После ликвидации Польского государства состоялся второй визит Риббентропа в Москву, во время которого им и Молотовым 28 сентября 1939 г. был подписан германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией [7, с. 119-120]. В тот же день двумя министрами были подписаны доверительный протокол и два секретных дополнительных протокола, из которых один был весьма существенным. Он свидетельствовал о том, что подпи-

санный 23 августа секретный дополнительный протокол изменялся таким образом, что территория Литовского государства включалась в сферу интересов СССР, а Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства – в сферу интересов Германии [7, с. 121-122]. К договору была приложена карта, на которой была обозначена граница между СССР и Германией. Она сразу же, правда без подписей, была опубликована в ряде газет СССР и секретом не представляла [6, с. 111].

Таким образом, события второй половины 1939 г. привели к воссоединению Западной Белоруссии и БССР. Этот факт стал важным шагом на пути укрепления государственности нашего народа.

Литература

1. Данилов, П.П. Внешнеполитические предпосылки воссоединения Западной Украины и Западной Беларуси в единое советское государство / П.П. Данилов // Проблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 17-18 верасня 1999 г. / БДУ; адказны рэдактар П.І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск, 2000. С. 111-119.
2. Мировые войны XX века: в 4 кн. / Редкол.: В.А. Золотарев [и др.]. – М.: Наука, 2002. – Кн. 3: Вторая мировая война: Исторический очерк / Отв. Ред. Е.Н. Кульков. – 2002. – 597 с.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / А.А. Громыко [и др.]. – М.: Госполитиздат – Международные отношения, 1959-2000. – Т. 22. Кн. 1. Январь-август 1939 / В.Г. Комплетов [и др.]. – 1992. – 712 с.
4. Европа в международных отношениях 1917-1939: сб. науч. ст. / Институт всеобщей истории Академии наук СССР; редкол. А.О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М., 1979. – 440 с.
5. История внешней политики СССР, 1917-1945: в 2 т. / А.А. Громыко [и др.]. – 2-е изд. – М.: Наука, 1976. – Т. 1: 1917-1945 гг. / И.Н. Земсков [и др.]. – 1976. – 520 с.
6. СССР – Германия. 1939-1941: сб. документов / Сост.: Ю. Фальштинский. – Телекс., Нью-Йорк, 1989. – 192 с.
7. Оглашению подлежит: СССР-Германия. 1939-1941: Документы и материалы / ТЕРРА-Книжный клуб; Сост.: Ю. Фальштинский. М., 2004. – 400 с.
8. Архив внешней политики Российской Федерации (АВВРФ). Фонд 122. Опись 22. Дело 23. Информационный материал о Польше, Западной Украине и Западной Беларуси.

СТАНОВЛЕНИЕ БУНДОВСКОГО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Мошук А.В.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Одним из наиболее важных направлений работы Бунда на территории Западной Беларуси в межвоенный период являлось участие партии в деятельности еврейских профсоюзов. Основную часть своей деятельности среди еврейского пролетариата партия проводила через профсоюзы. Основная масса членов и сторонников Бунда была сконцентрирована в подконтрольных партии классовых профсоюзах. Название классовые, профсоюзы Польши, в том числе и еврейские, получили за признание классовой борьбы между владельцами предприятий и наёмными рабочими.

Основой профсоюзной системы партии были многочисленные еврейские рабочие и ремесленные профсоюзы, основанные ещё до 1918 г. Условия для развития классового профсоюзного движения возникли в годы первой русской революции, когда 4 марта 1906 г. был издан указ «Временные правила о профессиональных объединениях». Данный указ разрешал гражданам объединяться в профессиональные организации для защиты своих экономических интересов. В годы Первой мировой войны в 1915 г. в результате подписания соглашения между Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), левой частью Польской социалистической партии (ППС) и Бундом, на территории, оккупированной немецкими войсками, был создан Совет профсоюзов, в состав которого вошли и еврейские классовые профсоюзы. Однако к моменту создания независимого польского государства он прекратил своё существование.

Окончательное формирование правового поля деятельности профсоюзов в польской республике было сформировано декретом от 8 февраля 1919 г. «О временных правилах деятельности профессиональных союзов». В данном декрете оговаривался порядок регистрации и деятельности профессиональных организаций. Фактически, после принятия данного декрета на территории Польши начинается процесс формирования классового профсоюзного движения, в состав которого вошли в основном чисто польские в национальном плане рабочие профсоюзные организации. В июле 1919 г. в Варшаве была образована Центральная комиссия классовых профсоюзов, которая объединяла все рабочие профсоюзы польской республики. Однако параллельно с Центральной комиссией классовых профсоюзов для координации деятельности еврейских профсоюзов было создано самостоятельное объединение еврейских классовых профсоюзов – Союз классовых профсоюзов (СКП). С самого начала существования СКП позиции Бунда в нём являлись доминирующими. Однако мы не можем не отметить постоянную борьбу, которую вела партия в рамках СКП с Поалей Цион правой и Поалей Цион левой.

Окончательное объединение Союза классовых профсоюзов с Центральной комиссией классовых профсоюзов состоялось в конце 1921 г. Данное объединение осуществлялось на следующих условиях: 1) для защиты прав еврейских рабочих на местах создавались единые организации, которые подчинялись централи в Варшаве; 2) представителям еврейского пролетариата гарантировалось участие в работе центральных и местных органов управления профсоюзами; 3) еврейские профсоюзы сохраняли свой собственный организационный аппарат, который имел право вести делопроизводство на идиш, кроме случаев переписки с центральным аппаратом; 4) при центральном органе управления объединёнными профсоюзами – Центральной Комиссии – создавался специальный отдел – Культур-Амт – для проведения агитационной и культурно-просветительской работы среди еврейского пролетариата.

В результате данного объединения Культур-Амт составил отдельную секцию при Центральной комиссии классовых профсоюзов. Состав данного органа формировался конференцией региональных организаций края. На местах создавались местные городские и окружные отделы, а также местные советы еврейских профсоюзов, в состав которых могли входить евреи, являвшиеся членами других профсоюзов. Данные органы осуществляли руководство профсоюзами, входившими в состав Центральной комиссии классовых профсоюзов, на местах. При городских и окружных отделах существовали отделения Культур-Амта, которые занимались вопросами культурной жизни еврейского населения. Культур-Амт. находившийся под доминирующим влиянием Бунда, фактически руководил всем движением еврейских классовых профсоюзов на территории Западной Беларуси [27; 11].

На территории северо-восточных воеводств Польши окружные комитеты Центральной Комиссии классовых профсоюзов существовали в Вильно, Белостоке и Слониме. Однако на момент вхождения западнобелорусских земель в состав польского государства в 1921 г. классовое профсоюзное движение на данной территории переживало этап своего становления. В течение 1921 г. профсоюзы оставались самостоятельными организациями, но уже к концу 1922 г. большинство из них вошло в состав общепольских организаций на правах местных отделов. Всего к 1925 г. на территории Польши Культур-Амт насчитывал 33 отдела, в состав которых входило 9164 человека, а в 1929-м уже около 13000 человек [23; 51].

Окончательное объединение классовых профсоюзов Польши произошло в 1922 г., когда в состав Центральной комиссии вошло Центральное бюро профсоюзов Вильно, в результате чего был образован Союз профессиональных товариществ (ЗСЗ), во главе с исполнительным органом – Центральной комиссией профсоюзов [23; 12].

Однако следует отметить, что кроме данного объединения существовали еврейские союзы, которые подчинялись непосредственно партийному руководству и не принадлежали ни к одному из крупных профессиональных объединений рабочих. Так, в середине 1920-х гг. на территории Западной Беларуси действовал целый ряд независимых профсоюзов, которые не входили в состав крупных объединений профессиональных организаций: профсоюзы типографских рабочих, металлистов, разносчиков газет, артистов еврейских театров.

Легализация еврейских классовых профсоюзов в Польше и на территории Западной Беларуси начинается с конца 1918 г. Катализатором данного процесса послужили революционные события в России и Германии, которые привели к радикализации рабочего движения. 22 июня 1922 г. в Белостоке была созвана окружная конференция еврейских классовых профсоюзов – первая в северо-восточных воеводствах. Делегаты от 40 отделов профсоюзов выбрали окружную комиссию в составе 25 человек для выполнения руководящей и координационной работы среди профсоюзов всех повоев воеводства [25; 50]. Так уже в 1921 г. были заново созданы или восстановлены многие профсоюзы: в Гродно стали функционировать профсоюзы рабочих табачной (около 900 человек), пищевой (около 120 человек) и швейной промышленности (около 350 человек), профсоюзы печатников и кожевников [14; 55–78].

Новый этап развития еврейского классового профсоюзного движения в Белостокском воеводстве начинается в 1923 г. В начале 1923 г. возникает ряд новых профсоюзов текстильщиков городов Михалова и Городка. Причинами такого усиления явилось ослабление неклассовых профсоюзов и в первую очередь национальных, что привело к массовым переходам рабочих из этих профсоюзов в состав классовых в Белостоке и Гродно [23; 34]. В результате к концу 1925 г. окружная комиссия, в состав которой также входили местные советы классовых профсоюзов городов Августов, Сувалки и Волковыск, охватывала около 41,7 % всех организованных рабочих восточной части воеводства [25; 86].

На Виленщине становление еврейского классового профсоюзного движения начинается в 1921 г. К концу 1921 г. в Виленском воеводстве было зарегистрировано 45 еврейских профсоюзов [23; 38]. Еврейские классовые профсоюзы в Вильно объединялись вокруг Центрального бюро классовых профсоюзов. После присоединения бюро к общепольской организации вместо него была образована окружная комиссия. В 1923 г. в её состав вошло 15 самостоятельных профсоюзов из 71, действовавших в тот момент в Вильно воеводстве [12; 118]. В Вильно к концу 1921 г. стал функционировать профсоюз рабочих швейной промышленности «Игла» (около 1600 человек) и профсоюз рабочих табачной

промышленности, который распространял своё влияние и на город Лида и насчитывал около 800 членов [22; 41]. В марте 1925 г. еврейские классовые профсоюзы под руководством Бунда выделались в отдельное объединение, при этом организационно не порывая с окружной комиссией. В качестве руководящего органа было создано отделение Культур-Амта [9; 22].

На территории Полесского воеводства первые еврейские классовые профсоюзы возникли в 1921 г. в Пинске и Бресте. В состав бундовского Культур-Амта в Пинске, который выполнял координирующие функции среди всех еврейских классовых профсоюзов воеводства, входили союзы рабочих химической промышленности, которые работали на спичечной фабрике «Прогресс-Вулкан» и два отделения профсоюза деревообработчиков. В этот же период в Бресте возобновили свою деятельность профсоюзы железнодорожников, строителей, печатников, сапожников, рабочих деревообрабатывающей промышленности и швейных мастерских, союз торговых рабочих. Именно эти союзы стали наиболее влиятельными и многочисленными на Полесье [1; 10].

В Новогрудском воеводстве центрами еврейского классового профдвижения стали Барановичи, Лида, Слоним и Новогрудок. Однако количество профсоюзов и охват ими трудящихся в данном воеводстве был значительно меньшим, чем в Белостоке, Вильно, Гродно и Пинске. К концу 1921 г. в Слониме стали действовать профсоюз рабочих пищевой промышленности и союз ремесленников, а в 1922 г. профсоюзы рабочих швейных мастерских, кожевников и торговых служащих. В феврале 1925 г. городской совет еврейских классовых профсоюзов в Слониме насчитывал 7 отделов профсоюзов [5; 11]. Столько же было и в Барановичах [3; 182].

Основной трудностью, с которой столкнулась партия в процессе создания профсоюзных организаций, являлась катастрофическая нехватка кадрового состава. ЦК партии неоднократно констатировал тот факт, что «еврейский пролетариат после империалистической войны и двух оккупаций сильно ослабел и частично деклассирован. Некоторые промышленные центры фактически прекратили своё существование. После ухода Красной Армии с ней ушёл весь революционный еврейский элемент городов» [13; 11].

Несмотря на данные трудности, руководство партии уверенно заявляло, что к середине 1925 г. под полным контролем партии находились «профсоюзы еврейских работников кожевенной, пищевой и деревообрабатывающей промышленности» [13; 11]. Более того, отчёты городских и окружных комитетов Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), документы польской администрации свидетельствуют о росте влияния Бунда в профсоюзном движении в конце 1920-х гг. На территории северо-восточных воеводств Польши мы можем отмечать существенный рост численности бундовских профсоюзов.

Заметное увеличение можно отметить в составе бундовского отдела профсоюза текстильщиков Белостока, профсоюза железнодорожников Вильно. Бундовский Культур-Амт в Вильно насчитывал 1767 членов [4; 102]. Подобные процессы отмечаются в Полеском и Новогрудском воеводствах. В начале 1927 г. бундовский Культур-Амт в Пинске насчитывал 10 профсоюзов, в состав которых входило около 1300 членов. В 1928 г. в его состав в Пинске вошли профсоюз типографских рабочих, союз работников продовольственной отрасли, торговых и канцелярских служащих и парикмахеров [2; 14–19]. В Барановичах и Слониме Культур-Амт объединял по 7 профсоюзов, в Лиде – 5 [8; 118]. Данный рост бундовского влияния можно объяснить усилением организационной работы в рамках местных отделов Культур-Амта. Польские власти отмечают, что с началом 1928 г. Бунд сконцентрировал своё внимание на деятельности профсоюзов с целью централизации их деятельности [7; 60].

Данная активизация партии в профсоюзном движении была вызвана двумя предпосылками: во-первых, началом предвыборной кампании в Сейм, Сенат и местные органы самоуправления, а во-вторых, принятием польским правительством нового рабочего законодательства, которое в значительной степени ударило по правам рабочего населения.

С началом целенаправленной политики партии в области профсоюзного движения на территории Западной Беларуси усиливаются процессы централизации, в состав Культур-Амтов на местах начинают входить еврейские профсоюзы, ранее действовавшие самостоятельно либо находившиеся под влиянием Поалей Циона. Несомненным преимуществом Бунда в данный период являлось то, что он являлся легальной политической партией, соответственно в случае избрания членов партии в руководство профсоюзом последний также подлежал легализации. Именно такую тактику партия использовала при выборах правления Союза табачников в Гродно в 1926 г., выдвигая аргумент в свою пользу: «Если вы выберете иное (коммунистическое) правление, то закроют союз и начнутся аресты» [15; 148].

Таким образом, на основе анализа фактического материала мы можем констатировать, что к концу 1920-х гг. на территории Западной Беларуси фактически сформировалась сеть профсоюзных организаций, находившихся под влиянием Бунда. Данная организационная структура была представлена профсоюзами, входившими в состав Культур-Амтов, находившихся под эгидой Союза профессиональных товариществ, а также тех союзов, которые подчинялись непосредственно политическому руководству Бунда.

С приходом к власти Ю. Пилсудского и началом экономического кризиса Бунд усиливает работу в рамках профсоюзных организаций. Причиной данного явления послужило крайне тяжёлое экономическое положение еврейского населения, что подталкивало его к поиску новых форм борьбы за улучшение условий жизни.

Так, характеризуя сложившееся положение в восточных воеводствах Польши, виленский комитет Бунда констатирует, что «положение большинства еврейского населения Западной Беларуси является катастрофическим. Большинство еврейских рабочих находится без работы. Те, кто сохранил своё место на предприятии, работают в крайне тяжёлых условиях. Не лучше положение еврейских кустарей, которые в большинстве своём совершенно разорены. В такой же ситуации оказалась значительная часть мелких торговцев и часть среднего сословия. Закрываются лавки и магазины, массовые банкротства становятся ежедневным явлением, только в Вильно закрыто в 1929 г. более половины еврейских городских предприятий. Положение ухудшается в связи с прекращением финансовой помощи из США. На данный момент в Польше более 1 млн. евреев находятся без работы или не имеют средств к существованию, а около 1/3 от всех евреев страны находится на грани голодной смерти. Данное положение до крайности усугубляется антисемитской политикой польского государства» [10; 272]. Кроме того, польское правительство фактически проводило целенаправленную политику поддержки центральных воеводств страны, в то время как северо-восточные воеводства страны были поставлены на грань выживания.

В данных условиях работа Бунда среди профсоюзных организаций становилась одним из приоритетных направлений деятельности партии. В Белостокском и Новогрудском воеводствах партия смогла не только расширить своё влияние среди профессиональных организаций, но и привлечь в их ряды значительное количество новых членов. Увеличение численности партийных профсоюзов проходило как за счёт лиц, оказавшихся без работы, так и за счёт представителей других социальных слоёв еврейского населения, которые видели в сотрудничестве с партией единственную возможность выжить в данных условиях.

В то же время Культур-Амт отмечает ряд негативных тенденций в рамках профдвижения. В годы кризиса наблюдается заметный рост проправительственных профсоюзных организаций. Особенно сильны были данные организации на территории Полесского и Виленского воеводств. Причинами усиления проправительственных и сокращения количества классовых профсоюзов в данных воеводствах являлось острое соперничество в рамках классовых профсоюзов между ППС, Бундом и Поалей Цион, с одной стороны, и КПЗБ и ППС-левицей, с другой. На очередной конференции окружной комиссии классовых профсоюзов в апреле 1932 г. в Вильно был констатирован тот факт, что количество классовых профсоюзов воеводства сократилось по сравнению с 1928 г. в 2 раза [11; 129].

В меньшей степени позиции Бунда были ослаблены на территории Белостокского и Новогрудского воеводств. В таких городах, как Белосток и Гродно проправительственным союзам так и не удалось поколебать позиции еврейских классовых профсоюзов. В Слониме все 6 действовавших в городе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. профсоюзов были классовыми [16; 359]. В Барановичах из 12 профсоюзов 7 также являлись классовыми [6; 14]. Причинами данного явления являлась меньшая степень концентрации проправительственных союзов, их разбросанность по небольшим городам и местечкам Белостокского и Беловежского промышленных округов.

Начало экономического кризиса привело к изменению тактики действий руководства бундовских профсоюзов, которое стало занимать более умеренные позиции в разрешении конфликтов между рабочими и работодателями. Руководство еврейских классовых профсоюзов в условиях экономического кризиса пришло к необходимости отказаться от использования стачек и забастовок как форм борьбы рабочих за свои права: «Стачки и забастовки являются необходимыми формами борьбы только в тех случаях, когда исчерпаны все другие возможные разрешения проблем» [16; 144].

Следует отметить, что руководители бундовских профсоюзов во время экономического кризиса начали выдвигать более умеренные экономические требования, которые были обусловлены реальной оценкой ситуации. Необходимость изменения тактики в борьбе за интересы еврейского пролетариата лидеры Бунда объясняли стремлением избежать увольнения еврейских рабочих в результате локаутов и защитить профсоюзные организации от репрессий со стороны властей.

Однако основными формами радикальных действий бундовских профсоюзов продолжали оставаться стачки. Так, на протяжении 1929–1931 гг. представители Бунда приняли участие в стачках профсоюзов печатников, перчаточников, гутников, кирпичников и торговых рабочих Вильно; рабочих фанерной фабрики в Гродно; спичечной фабрики «Прогресс-Вулкан» в Пинске; гутников и кожевенников Белостока и Крынок; рабочих деревообрабатывающей фабрики «Щара» в Слонимском повете. Следует отметить, что большинство стачек носило оборонительный характер и было направлено на сохранение заработной платы и условий труда. Чаще всего участие Бунда в стачках сводилось к попыткам решения конфликтных ситуаций через создание так называемых соглашательских комиссий, которые выступали своеобразным посредником между рабочими и работодателями. Кроме стачек, одно из центральных мест в деятельности бундовских профсоюзов занимала социальная деятельность. Так, члены еврейских профсоюзов оказывали помощь безработным, предоставляя им право выхода на работу один день в неделю.

В связи с началом экономического кризиса и обострением социально-экономической и общественно-политической ситуации меняется политика польских властей в отношении профсоюзного движения. С приходом к власти весной 1929 г. «правительства полковников» во главе со Свистальским начинается закрытие целого ряда профсоюзов, в том числе и на территории Западной Беларуси. Стремясь ограничить влияние профсоюзов в общественно-политической жизни, правительство в 1929 г. заменяет выборные правления больших касс правительственными комиссариатами. Следующим шагом правящих кругов явилось постановление президента польской республики от 27 октября 1932 г. «Об объединениях граждан». 108-й пункт данного постановления допускал деятельность профсоюзов только под непосредственным административным контролем со стороны властей. Постановление ликвидировало конфиденциальность профсоюзных собраний и принятых на них решений. Представители любого уровня власти имели право затребовать любую интересующую их документацию. Администрация всех уровней, органы политической полиции Польши получали право прекращать деятельность профсоюзов по их усмотрению.

Ответом классового профдвижения на действия правительства стало проведение единовременных акций, в которых принимали участия представители всех социал-демократических и коммунистических организаций страны. В рамках данной кампании различными профсоюзами проводились широкие вербовочные мероприятия по привлечению в свои ряды новых членов. В результате в период осень 1935 – зима 1936 гг. количество профсоюзов, входивших в Культур-Амты, значительно выросло в Белостоке, Бресте, Барановичах, Вильно, Гродно и Слониме. Так, в Белостоке значительно расширил свои ряды союз текстильщиков, численность которого возросла за период март – октябрь 1935 г. более чем на 2000 человек и стала превышать цифру в 3000 человек. К другим бундовским профсоюзам за этот же период присоединилось около 400 человек [17; 404]. В Вильно вербовочную кампанию проводили 10 еврейских классовых профсоюза. Всем им удалось увеличить свою численность [19; 281].

Некоторые бундовские профсоюзы усилились за счёт создания под их руководством новых секций отдельных профессиональных категорий. Так, при союзе строителей в Бресте были открыты секции маляров, рабочих общественных работ [21; л. 13]. В Гродно при профсоюзе пекарей были созданы отделы мельников и производителей лимонада, фотографов при союзе печатников в Вильно [19; 327]. Кроме того, Бунд начал активно проводить политику создания параллельных (уже существующим) союзов из числа своих сторонников. Так, в Гродно Культур-Амтом были созданы профсоюзы печатников, кожевников, бундовский отдел союза «Игла» [20; л. 68].

Таким образом, приведённый документальный материал свидетельствует о том, что окончательно бундовская профсоюзная система была сформирована лишь к концу межвоенного периода. В процессе создания и деятельности еврейских классовых профсоюзов Бунд столкнулся с соперничеством со стороны КПЗБ и ППС. Окончательно выяснить степень влияния каждой из данных партий на еврейское классовое профдвижение крайне затруднительно по следующим причинам: во-первых, неполнота данных, во-вторых, субъективизм в оценках и сведениях, приведенных в партийных отчётах и документах польских властей. Фактически определяющим фактором принадлежности профсоюзной организации к той или иной партии являлось доминирование членов партии в её правлении, т.о. борьба за влияние в профсоюзе зачастую сводилась к борьбе за места в его правлении.

На основе анализа документов польской администрации и отчётов окружных комитетов КПЗБ можно констатировать, что к середине 1930-х гг. Бунд практически полностью доминировал среди еврейских профсоюзов. Более того, польские исследователи сходятся во мнении, что 90 % всех еврейских профсоюзов на территории северо-восточных воеводств находились под руководством партии [24, 257; 26, 14]. На отчётно-выборной конференции Центральной Комиссии, которая состоялась 11 апреля 1937 г., утверждалось, что под влиянием Бунда в польском государстве находилось 20 профсоюзных объединений, с общим количеством членов 29155 человек [28; 313]. В то же время, характеризую деятельность еврейских профсоюзных организаций края, польские власти неоднократно подчёркивали, что Бунду приходилось вести напряжённую борьбу за лидерство с КПЗБ.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО) – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 83.
2. ГАБО – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 335.
3. ГАБО – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 459.
4. ГАБО – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1336.
5. ГАБО – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 1971.
6. ГАБО – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 1294.
7. ГАБО – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 939.
8. ГАБО – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 831.
9. Литовский Центральный Государственный Архив (LCVA) – Фонд 51. – Оп. 7. – Д. 198а.
10. LCVA – Фонд 51. – Оп. 7. – Д. 222.
11. LCVA – Фонд 51. – Оп. 7. – Д. 796.
12. LCVA – Фонд 51. – Оп. 17. – Д. 231.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 11.
14. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 83.
15. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 148.
16. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 261.
17. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 460.
18. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 475.
19. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 500.
20. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 582а.
21. НАРБ – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 599а.
22. Полюян, В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927-1939 гг.) / В.А. Полюян. – Минск: Наука и техника, 1978. – 360 с.
23. Румак, А.А. Профсоюзы трудящихся Западной Беларуси в 1926 – 1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Румак. – Минск, БГУ, 1994. – 128 с.
24. Hass, L. Ruch związkowy w Rzeczypospolitej / L. Hass // Z dziejów Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: Książka i wiedza, 1986. – S. 248 – 289.
25. Malanski, J. Pracownicze związki zawodowe w Polsce / J. Malanski – Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Naukowego Badania Komunizmu, 1933. – 156 s.
26. Pilch, A. Główne kierunki ruchu zawodowego w Polsce / A. Pilch // Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego. – 1982. – № 3–4. – s. 3–15.
27. Pracownik. Niezależny organ ruchu zawodowego / Warszawa. – 1930. – № 1 – 6.
28. Sprawy Narodowościowe / Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1937. – № 3.

ТРАНСПАРТНЫЯ СРОДКІ ПАВЯТОВАГА ГОРАДА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД (НА ПРЫКЛАДЗЕ г. ПРУЖАНЫ)

Папко В.М.

УА «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт»

Уключэнне беларускіх зямель у склад незалежнай польскай дзяржавы канчаткова адбылося па ўмовах Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. Фармаваліся мясцовыя органы ўлады, паступова наладжвалася мірнае жыццё насельніцтва гэтага рэгіёна. Правінцыяльныя гарады адраджаліся пасля наступстваў ваеннага часу. Адным з тыповых павятовых гарадоў Палескага ваяводства былі Пружаны (у польскім варыянце “Пружана”). У горадзе не было вялікіх прамысловых прадпрыемстваў. Гэта была звычайная для Заходняй Беларусі павятовая сталіца сельскагаспадарчага рэгіёна. Пружаны знаходзіліся адносна блізка ад ваяводскага Брэст-Літоўска, аднак гэта мала адчувалася ў штодзённым жыцці гарадка і яго ваколіц.

Коні з’яўляліся на той час асноўным сродкам руху і цяглавай жывёлай. Па афіцыйных дадзеных гарадскога магістрата, на 11 студзеня 1932 г. гараджане мелі 7 пасажырскіх экіпажаў і 210 аднаконных вазоў [2, 49]. У 1933 г. афіцыйна былі зарэгістраваны 222 аднаконныя запрэжкі і 6 скураных двуконных [3, 24]. Усе коні, конныя запрэжкі і вазы былі зарэгістраваны ў магістраце. Існавала сістэма праверкі стану коней і вазоў, якая складалася пасля выхаду распараджэння. Прагляд коней меў на мэце дакладна вызначыць іх класіфікацыю, або змяніць яе, калі конь старэў і страчваў свае добрыя якасці. Коней падзялялі на верхавых (такіх у Пружанах былі адзінкі), артылерыйскіх, абозных, прыдатных для войска і не прыдатных, вызваленых уставай [2, 16]. За правядзенне агляду коней у павеце адказваў раённы інспектар коней, у 1931 г. гэтую пасаду займаў маёр Леўгоўд. Матэрыялы правядзення агляду коней 1931 г. пад кіраўніцтвам Леўгоўда захаваліся амаль у поўнай меры. Павятовы пружанскі стараста накіраваў 24 чэрвеня 1931 г. распараджэнне расклеіць аб’явы аб правядзенні агляду коней. Быў складзены графік правядзення аглядаў на тэрыторыі павета, яны адбываліся ў цэнтрах гмін. Інспектар павінен быў праглядаць коней 1926-1927 г. нараджэння, якія па нейкіх прычынах не былі зарэгістраваны раней, і коней 1915-1916 г. нараджэння для верагоднай змены класіфікацыі. Кіраўнікам гмін і гарадоў загадвалася назіраць за тым, каб былі прыведзены на прагляд усе коні, якія падлягаюць гэтай працэдуры і назіраць за парадкам падчас яе. У распараджэнне інспектара неабходна было даць пісара, які б запісваў вынікі прагляду. На мясцовыя ўлады прыпадаў таксама абавязак прапанаваць інспектару пакой са святлом разам з патрэбнай яму пляцоўкай для прагляду [2, 11].

Усе прагляды адбываліся на плошчы перад будынкам гміннага ўпраўлення, а ў Пружанах – на рынкавай плошчы каля пажарнага дэпо. Не падлягалі прагляду пародзістыя коні, якія мелі спецыяльныя дакументы, хворыя і жарэбыя кабылы [2, 13].

Справаздача раённага інспектара коней маёра Леўгоўда ўтрымлівала наступныя вынікі. Інспектар коней лічыў, што ў асноўным прагляд быў арганізаваны добра, нягледзячы на тое, што кіраўніцтва гмін мела мала часу. З гэтага дакумента відаць, што інспектару ў яго працы дапамагалі падафіцэр канцэлярыі і ўлан [2, 60]. Вынікам гэтага прагляду стала інфармацыя аб стане і колькасці коней г. Пружаны. У рэгістрацыйных кнігах на к. 1931 г. было зарэгістравана 243 каня, якія належылі жыхарам і ўстановам гарада. З іх 99 не былі прыдатнымі для вайсковых патрэбаў. Астатнія 144 былі прызнаны для выкарыстання ў выпадку вайны: 11 кваліфікавалі як верхавыя коні, 30 як артылерыйскія, 103 як абозныя коні [2, 34]. Пазней колькасць коней зніжалася. У 1932 г. іх было ўжо 228 (95 непрыдатных для войска, 11 верхавых, 27 артылерыйскіх, 95 абозных) [2, 46 адв.].

Табліца 1 – План прагляду коней у Пружанскім павеце 5-29 мая 1931 г.

Гміна	Колькасць коней, якіх планавалі праглядзець
Сялец	90
Бяроза-Картузкая	69
Міжлесе	41
Рэвяцічы	78
Малеч	56
Лінава	37
Гарадзечна	89
Шарашова	99
Сухопаль	109
Котра	30
Руднікі	111
Пружаны	77

Наогул, на землях Пружаншчыны ў тая часы не было спецыялізаваных гаспадарак, якія б займаліся гадаваннем коней, не было і пародзістых коней. Пры пружанскім сейміку дзейнічала ветэрынарная хуткая дапамога. Агульны стан коней спецыялістамі трактаваўся як добры, у тым ліку і з прычыны дастатковай колькасці добрых кавалёў, якія спецыялізаваліся на падкоўцы коней [2, 30-30 адв.].

Табліца 2 – Спіс кузняў у г. Пружаны (на 24.04.1933 г.) [3, 3]

№	Прозвішча і імя ўладальніка кузні	Адрас кузні
1.	Кац Шмуэль	вул. Броварная, д. 12
2.	Гершгорн Есель	вул. Броварная, д. 10
3.	Бурак Лейба	вул. Хватка, д. 1
4.	Леў Меер	вул. Хватка, д. 17
5.	Блехар Цэмах	вул. Хватка, д. 19
6.	Лінкоўскі Шмуэль	вул. Хватка, д. 10
7.	Нічыпаровіч Юзаф	вул. Хватка, д. 14
8.	Васілеўскі Станіслаў	вул. Хватка, д. 21
9.	Віткевіч Браніслаў	вул. Хватка, д. 93
10.	Капуст Зорах	вул. Дамброўскага, д. 65
11.	Памеранец Ханайя	вул. Дамброўскага, д. 75
12.	Гершковіч Цэк	вул. Дамброўскага, д. 142
13.	Споніцэр Лейба	вул. Дамброўскага, д. 172
14.	Міклашэвіч Пётр	вул. Дамброўскага, д. 188
15.	Урланскі Есель	вул. Дамброўскага, д. 129
16.	Фрыдман Хона	вул. Кобрынская, д. 38
17.	Кац Абрам-Айзік	вул. Кобрынская, д. 50
18.	Кац Ісаак	вул. Кобрынская, д. 39
19.	Фрыдман Есель	вул. 3-га мая, д. 29
20.	Яблановіч Абрам і Берка	вул. 3-га мая, д. 33
21.	Ліпка Ян	вул. Зарэцкая, д. 8

Кавалі павінны былі мець пасведчанне, якое падцвярджала іх кваліфікацыю. У горадзе былі кавалі з трыма тыпамі такіх дакументаў. Пасведчанне рамесніка выдавала Пружанскае староства (мелі 17 чалавек), дыплом майстра – Брэсцкая Рамесная Ізба (Юзаф Нічыпаровіч) і вызваленне (дыспенсу) – Палескае Ваяводскае Упраўленне (Ісаак Кац) [3, 4].

Зараз гэта складана ўявіць сабе, але, напрыклад, у 1927 г. кожны жыхар Пружан дакладна ведаў усе аўтамабілі, якія былі ў горадзе. І было так не таму, што тагачасныя пружанцы былі аматарамі гэтай справы. Проста складана было не вывучыць усе абодва аўтамабілі, што належылі жыхарам горада. Верагодна, больш за ўсё зайздросцілі адвакату Яўгеніюшу Хвастоўскаму, якому належыў адзіны пружанскі матацыкл маркі "Індзіян". Акрамя гэтага, ён меў аўто маркі "Салмсон Тарпеда", разлічаны на два пасажыры. Гэтае цуда тэхнікі мела 4 цыліндры і 5,5 конскіх сіл. Наўрад-ці хуткасць, з якой адвакат праязджаў па вуліцах Пружан у сваім "жалезным кані", была вялікай.

Другі аўтамабіль належыў адвакату Срулю Арону Файтэлевічу. Ён быў значна большы, мог умясціць 14 пасажыраў і адносіўся да маркі "Форд" 1925 г. выпуску.

Найбольш папулярным транспартным сродкам быў веласіпед, якіх ў 1927 г. у горадзе Пружаны было 99 штук. Аднак самае дзіўнае, што на вуліцах горада можна было сустрэць веласіпеды ажно 31 маркі. Самымі папулярнымі былі веласіпеды "Gölicke", якіх налічвалася 20, марку "Repono" прадстаўляла 10 экзэмпляраў, па 9 было "Ormonde" і "Wandere", але большасць марак было прадстаўлена ў адзіным экзэмпляры. Складанымі шляхамі войн і міграцый траплялі яны на Пружаншчыну. Большасцю веласіпедаў валодалі мужчыны, сярод афіцыйных уладальнікаў-жанчын такіх транспартных сродкаў былі заяўлены толькі чатыры: настаўніца Хэлена Цеханьская, хатняя гаспадыня, жонка пружанскага служачага Стэфана Плішкі, Антаніна, вучаніца Ізабэла Саламовіч і гандлярка Берта Мілецкая.

Веласіпед быў сапраўды атрыбутам тагачаснай заможнасці. Мелі яго ў асноўным людзі, якія займалі высокае становішча ў горадзе. На веласіпедзе маркі "Армонд" ездзіў на працу ў магістратуру нават сам пружанскі бурмістр Леанард Выбраноўскі, выкарыстоўваў яго ў якасці "службовага" транспарту. Таксама мелі свае веласіпеды 12 служачых, 4 фельдшары, ветэрынар Пётр Філаменка, 2 млынары, 5 вучняў, вучаніца, 3 настаўнікі, пружанскі доктар Атон Саламановіч, друкар Мейер Валянскі, геометр Мікалай Сівакоў, пекар Тодрэс Яновіч і г. д. Адзін службовы веласіпед утрымліваў Пружанскі сеймік, два – мела дарожнае ўпраўленне. Больш за ўсё веласіпедаў мелі гандляры-яўрэі (33), якія здавалі іх у пракат. Мойжэш Бурштэйн меў 9 веласіпедаў, Ізраэль Мінэ 27 здаваў, а адзін меў для сябе, слесар Тадэвуш Маньчынскі здаваў у наём 2 веласіпеды [1, 3-7].

Праз некалькі гадоў гэтая статыстыка значна палепшылася. Дакладна вядома, што на дзень 22 чэрвеня 1931 г. у горадзе ўжо было 7 аўтамабіляў, разам з тымі, што належылі сейміку, і пажарнай аўтадапамогай, аўтобус, 4 матацыклы і 224 веласіпеды [2, 24 адв.].

Да веласіпеда, як да транспартнага сродка, адносіліся ў тыя часы вельмі сур'ёзна. Улады вялі нагляд за тым, каб на веласіпедзе ездзілі людзі, якія ведаюць правілы руху і дарожныя знакі. Выглядае гэта дзіўна, калі ведаеш, што машын амаль не было, аднак даволі актыўны рух на дарогах стваралі конныя ўпражкі і вазы.

Магістрат г. Пружаны накіраваў у гмінныя ўпраўленні павета распараджэнне падпісанае выконваючым абавязкі павятовага старасты О. Грыгаровічам, якое абвясціла: "Згодна з § 24 пастановы Міністэрства Грамадскай Працы ад 26. 06. 1924 г.... асобы, якія ездзяць на веласіпедзе, абавязаны мець імяныя веласіпедныя карты, якія даюць права на праезд па грамадскіх дарогах. Уладальнікі пунктаў пракату веласіпедаў могуць даваць напратат веласіпеды для язды па грамадскіх дарогах толькі тым асобам, якія прад'являць імянную веласіпедную карту, выданую Стараствам.

Парушэнне цытаванага вышэй распараджэння караецца адміністрацыйным шляхам штрафам да 500 злотых, альбо арыштам (на тэрмін) да двух месяцаў.

Паколькі не ўсе, хто ездзіць на веласіпедах, валодаюць прадугледжанымі у § 24 цытаванага вышэй распараджэння імяннымі веласіпеднымі картамі – загадваю пазнаёміць зацікаўленых асоб з дзейснымі інструкцыямі спосабам, які практыкаваўся да гэтага часу, а таксама выклікаць іх, каб не пазней 01.11.1927 г. забяспечыліся веласіпеднымі картамі.

У сувязі з вышэйзгаданым, зацікаўленыя асобы павінны звярнуцца асабіста ў Стараства ў Пружанам з заявай аб выданні ім веласіпедных карт.

Паколькі асобы, якія жадаюць забяспечыцца імяннымі веласіпеднымі картамі, павінны паказаць веданне язды і дарожных правілаў – прызначаю спецыяльна для гэтай мэты 3 дні, а менавіта 26, 27 і 28 кастрычніка б.г., у якія з 9.00 да 15.00 зацікаўленыя асобы змогуць уладзіць у Пружанскім Старастве фармальнасці ў сувязі з атрыманнем веласіпеднай карты.

Заявы трэба забяспечыць гербавай маркай на 3 злотых. Падатковая аплата за веласіпедную карту складае 1 злоты гатоўкай" [1, 38].

На вуліцах Пружан, Ружан, Шарашова і многіх вёсак Пружанскага павета павесілі аб'явы, якія ўтрымлівалі падобны тэкст і заклікалі ўладальнікаў "ровэрэв" з'явіцца ў Стараства для здачы спецыяльнага экзамена і атрымання "карты ровэрэвэй".

Арганізацыя транспарта ў павятовым горадзе Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд была вельмі прымітыўнай. Было некалькі прычын такога стану справы:

1. Памеры гарадоў былі невялікімі, і для іх нармальнага жыцця не было патрэбы ў арганізацыі грамадскага транспарту.

2. Большая частка мясцовага насельніцтва не мела грашовых сродкаў нават на веласіпед, не кажучы ўжо пра больш складаную, дарагую і сучасную тэхніку.

3. Значную ролю працягваў адыгрываць гужавы транспарт.

Літаратура

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей ДАБВ). Ф. 6, воп. 1, спр. 24. Распярэжэння, циркуляры аб осмотре коней на территории Пружан, списки владельцев машин, велосипедов (1927-1928).

2. ДАБВ. Ф. 6, воп. 1, спр. 51. Дело по учёту коней, домашних животных, велосипедов, автомашин и др.

3. ДАБВ. Ф. 6, воп. 2, спр. 41. Статистические сведения о наличии промышленных предприятий в г. Пружаны.

ДЗЕЙНАСЦЬ РУСКІХ ГРАМАДСКІХ АРГАНІЗАЦЫЙ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1920-1930-я гг.

Пашковіч А. І.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Згодна з афіцыйнай статыстыкай, у 1931 г. у Польшчы пражывала 139 тысяч рускіх [33; 149]. Найбольш рускіх налічвалася ў Віленскім, Беластоцкім, Палескім, Навагрудскім ваяводствах і на Валыні. Рускімі культурна-палітычнымі цэнтрамі ў ІІ Рэчы Паспалітай з'яўляліся такія гарады, як Варшава, Вільня, Брэст, Беласток і Роўна. І хоць Варшава не была месцам пражывання вялікай групы рускіх, аднак там размяшчаліся цэнтральныя праўленні большасці рускіх палітычных і грамадскіх арганізацый. Рускае насельніцтва

II Рэчы Паспалітай можна падзяліць на дзве групы, якія адрозніваліся прававым становішчам. Да першай можна аднесці рускую нацыянальную меншасць, да другой – эмігрантаў, якія прыбылі ў Польшчу падчас альбо пасля Першай сусветнай вайны, рэвалюцыйных падзей 1917 г. і польска-савецкай вайны 1920 г. [11; 170]. Першая група складалася з рускіх па паходжанню, у тым ліку стараабрадцаў, і “мясцовых рускіх” – аўтахтоннае, зрусіфікаванае насельніцтва. Калі разглядаць сацыяльны склад рускага нацыянальнага элемента ў міжваеннай Польшчы, то ён у асноўным быў прадстаўлены інтэлігенцыяй (настаўнікі, адвакаты, урачы, інжынеры, былыя царскія чыноўнікі), праваслаўным духавенствам, былымі афіцэрамі і салдатамі царскай арміі, а таксама нешматлікай групай сялянства [17; 29]. Грамадскае жыццё рускага насельніцтва прасоўвалася ў рамках разнастайных грамадскіх арганізацый, галоўным чынам, культурных і дабрачынных таварыстваў як эмігранцкіх, так і меншасных.

У першай палове 1920-х гг. найважнейшай справай рускіх арганізацый было аказанне неадкладнай дапамогі пацярпелым ад вайны рускім, у тым ліку бежанцам, рэпатрыянтам, эмігрантам, інтэрніраваным. З 1920 па 1922 гг. праз тэрыторыю Польшчы прайшло каля 750–765 тысяч рускіх бежанцаў [17; 29]. Вялікую колькасную групу ўтваралі рускія ваенна-палонныя польска-савецкай вайны, якія да 1923–1924 гг. знаходзіліся ў фільтрацыйных лагерах на тэрыторыі ўсходніх ваяводстваў (Баранавічы, Маладзечна, Львоў) альбо ў лагерах для інтэрніраваных салдат і афіцэраў у заходняй Польшчы (Тухоля, Стшалкава, Каліш і інш.). У 1921 г. у Польшчы налічвалася каля 20 тысяч інтэрніраваных [17; 121]. Аказанне прававой, матэрыяльнай і культурна-асветніцкай дапамогі менавіта гэтым катэгорыям рускага насельніцтва на тэрыторыі Польшчы было галоўнай задачай *Рускага папячыцельскага камітэта* (РПК), альбо Рускага папячыцельскага аб эмігрантах камітэта. Камітэт быў заснаваны ў жніўні 1921 г. на базе былога Рускага эвакуацыйнага камітэта Б. Савінкава і варшаўскай групы партыі кадэтаў пад кіраўніцтвам П. Бутэнкі. З 24 ліпеня 1922 г. па 8 кастрычніка 1928 г. старшынёй праўлення РПК быў П. Бутэнка, які адначасова з’яўляўся ўпаўнаважаным Камітэта Усерасійскага земскага і гарадскога саюзаў (Земгора) ў Польшчы. З 1928 г. РПК узначальваў М. Плямяннікаў. З 1933 г. РПК уваходзіў у склад Дарадчага камітэта па справах бежанцаў пры Лізе Нацый [17; 41]. На сродкі РПК для рускіх бежанцаў і інтэрніраваных ваеннаслужачым Расійскай арміі ствараліся пункты медыцынскай дапамогі і харчавання, раздавалася вопратка, адкрываліся начлежкі, аплачвалася жыллё, аказвалася грашовая дапамога. Пры РПК дзейнічала Камісія дапамогі рускім эмігрантам. З 1922 г. пры ёй была ўтворана дабрачынная каса рускай эміграцыі, у якую ішлі прыватныя ахвяраванні ад членаў РПК [17; 60]. На тэрыторыі Заходняй Беларусі прадстаўніцтвы РПК дзейнічалі ў Вільні, Баранавічах, Гродне, Лідзе і Луніцы [17; 28].

Пасля ліквідацыі ў 1923/1924 г. лагераў для інтэрніраваных салдат і афіцэраў Расійскай арміі востра стала пытанне іх далейшага лёсу. РПК прыняў самы актыўны ўдзел у працаўладкаванні і аказанні ім прававой дапамогі. Дзеля гэтага ствараліся арцелі. У 1923 г. у Польшчы іх налічвалася 30 (3 000 чалавек), большасць з якіх размяшчалася ў Аўгустове і раёне Белавежы. Пры арцелях дзейнічалі медпункты, бібліятэкі-чытальні. РПК заснаваў бюро працы ў Вільні і Львове, удзельнічаў у арганізацыі адпраўкі рускіх на працу ў Францыю ў 1923 г. [17; 61]. У прыгранічных усходніх раёнах было створана 14 часовых прысутнасцяў РПК, якія займаліся вырашэннем юрыдычных праблем рускіх бежанцаў [17; 62].

Адным з накірункаў дзейнасці Рускага папячыцельскага камітэта была асветніцкая і выхаваўчая праца сярод дзяцей і моладзі. У 1923 г. пры падтрымцы РПК быў створаны Камітэт дапамогі дзецям рускіх эмігрантаў і інтэрніраваных (пазней – Камітэт дапамогі дзе-

цям пры РПК у Польшчы). Кіравала камітэтам *Л.І. Багуцкая-Цімафеева*. У яго склад уваходзілі жонкі вядомых рускіх дзеячаў Варшавы. У задачы камітэта ўваходзіла аказанне фінансавай і харчовай дапамогі хворым і слабым дзецям Варшавы і правінцыі, раздача сярод іх вопраткі, абутку, цацак. Камітэт займаўся таксама пытаннямі летняга адраўлення і фізічнага развіцця дзяцей, выхавання цяжкіх падлеткаў [17; 61]. У 1935 г. Камітэт дапамогі дзецям рускіх эмігрантаў быў ліквідаваны па прычыне адсутнасці сродкаў і інертнасці большасці яго членаў.

З 1924 г. у сувязі са спыненнем руху бежанцаў РПК скараціў выдаткі на жыллёвую і харчовую дапамогу і павялічыў на культурна-асветніцкую дзейнасць, якая праявілася ў заснаванні і фінансаванні рускіх асветніцкіх і выхаваўчых устаноў. У пачатку 1920-х гг. большасць рускіх школ і гімназій у Польшчы атрымлівала субсідыі ад РПК на аплата навучанна дзяцей эмігрантаў. Згодна са справаздачай РПК за 1922 г., фінансавая дапамога была аказана Рускаму таварыству і Праваслаўнаму таварыству ў Вільні, рускім гімназіям у Вілейцы і Пінску, школе ў Брэсце, рускаму дзіцячаму прытулку ў Гродне. Фінансавыя сродкі ад РПК атрымліваў Рускі дом у Вільні [17; 28]. Дзейнасць РПК рэалізоўвалася за кошт членскіх узносаў, прыватных ахвяраванняў. РПК атрымліваў субсідыі ад Міністэрства працы і сацыяльнага забеспячэння. Фінансы на рахунак РПК прыходзілі ад Земгора ў Парыжы і ад Камітэта па справах расійскіх і армянскіх бежанцаў пад кіраўніцтвам Нансэна пры Лізе Нацый (Нансэнаўскага камітэта), а з 1934 г. пасля яго ліквідацыі ў Польшчы – ад Польскага Чырвонага Крыжа [17; 178].

2 студзеня 1919 г. на нарадзе прадстаўнікоў рускай грамадскасці Варшавы быў створаны *Рускі грамадскі камітэт* (РК, Рускі камітэт у Варшаве), які стаў прадстаўнічым органам рускай эміграцыі перад польскімі ўладамі і найбольш уплывовай рускай эмігранцкай грамадскай арганізацыяй у Польшчы. Яго пастаяннымі членамі былі каля 400–500 чалавек [17; 40]. Рускі камітэт аказваў фінансавую падтрымку і юрыдычную дапамогу рускім эмігрантам, займаўся культурна-асветніцкай дзейнасцю, прымаў актыўны ўдзел у царкоўным жыцці праваслаўнага насельніцтва Варшавы. Кіраўніцтва дзейнасцю Рускага камітэта ажыццяўлялася агульным сходам і праўленнем. Старшынямі РК у розныя часы з'яўляліся *М.А. Іскрыцкі, Д.Н. Любімаў, Д.Б. Філасафаў, У.І. Сямёнаў*. У жніўні 1921(22?) г. пасля атрымання спецыяльнага дазволу МУС у Баранавічы быў накіраваны Я.І. Фірсаў у якасці прадстаўніка Рускага камітэта. Дзеля аказання матэрыяльнай і юрыдычнай дапамогі рускім бежанцам, прадстаўніцтва ў Баранавічах штомесяц атрымлівала 15 000 марак [18; 120]. Дзейнасць прадстаўніцтва распаўсюджвалася на Навагрудскае і Палескае ваяводства, за выключэннем Сарненскага павета [20; 23]. У лістападзе 1923 г. міністр унутраных спраў зацвердзіў новы статут камітэта, у адпаведнасць з якім ён распаўсюджваў сваю дзейнасць на ўсю тэрыторыю Польшчы і стаў называцца Рускім камітэтам у Польшчы [19; 126]. Фінансавыя сродкі РК атрымліваў ад Земгора, Брытанска-амерыканскага камітэта нясення дапамогі, Фінансавога савета пры Радзе расійскіх паслоў у Парыжы [19; 88]. У 1930 г., пасля двухгадовага перапынку, Рускі камітэт быў адноўлены пад назвай "Рускі грамадскі камітэт у Польшчы" і з таго часу займаўся выключна грамадскай і культурна-асветніцкай дзейнасцю [32; 113].

Найбольш значнай дабрачыннай арганізацыяй рускай нацыянальнай меншасці ў Польшчы было *Рускае дабрачыннае таварыства* (РДТ). Гісторыя таварыства пачалася яшчэ ў XIX ст., калі ў 1866 г. было ўтворана першае Рускае дабрачыннае таварыства, якое спыніла сваю дзейнасць падчас Першай сусветнай вайны. У 1922 г. у Варшаве па ініцыятыве рускага прафесара В.К. Соніна было паўторна заснавана Рускае дабрачыннае таварыства з мэтай аказання дапамогі польскім грамадзянам рускай нацыянальнасці [23; 78, 80, 130]. Паводле змененага ў 1924 г. статута, у задачы Рускага дабрачыннага таварыства ўваходзіла "ака-

занне матэрыяльнай і маральнай падтрымкі ў культурна-асветніцкіх патрэбах, а таксама прававой дапамогі польскім грамадзянам рускай нацыянальнасці і асобам рускай нацыянальнасці, не маючым польскага грамадзянства" [1; 6]. Для выканання сваіх задач таварыства мела права ствараць рознага тыпу вучэбна-выхаваўчыя і апякунскія ўстановы, бібліятэкі, читальні, культурна-асветніцкія гурткі, бюро пасрэдніцтва працы, праводзіць культурныя мерапрыемствы, прызначаць стыпендыі. Членам таварыства мог стаць кожны паўналетні грамадзянін Польшчы, нягледзячы на нацыянальнасць і веравызнанне. Аднак быць дзейным членам таварыства і прымаць удзел у кіраванні маглі толькі грамадзяне Польшчы рускай нацыянальнасці. Усе члены РДТ былі абавязаны выплачваць узносы ў памеры 4 злотыя ў год. Фінансавую базу таварыства складалі таксама ахвяраванні прыватных асоб, даходы ад правядзення дабрачынных мерапрыемстваў. Матэрыяльную дапамогу РДТ аказваў Міжнародны камітэт Чырвонага Крыжа. У 1922 г. пры РДТ было адкрыта яго прадстаўніцтва [17: 41]. Органамі кіравання таварыства з'яўляліся агульны сход, галоўнае праўленне, рэвізійная камісія. Галоўнае праўленне доўгі час узначальваў *В.К. Сонін*. Пасля яго смерці ў 1936 г. старшынёю быў выбраны *М.А. Плямяннікаў* [22; 54]. Для таго каб стварыць рэгіянальны аддзел, дастаткова было пяці заснавальнікаў арганізацыі [1; 6]. У хуткім часе на тэрыторыі Польшчы паўстала цэлая сетка рэгіянальных аддзелаў, падначаленых РДТ у Варшаве. У 1938 г. іх налічвалася 35 [10; 146]. На тэрыторыі Заходняй Беларусі аддзелы Рускага дабрачыннага таварыства дзейнічалі ў Гродне, Навагрудку, Слоніме, Баранавічах, Брэсце, Пінску, Лунінцы і іншых мясцовасцях. У большасці выпадкаў аддзелы ўтвараліся ў гарадах, дзе кампактна пражывала рускае насельніцтва. Аднак існавала некалькі аддзелаў у сельскай мясцовасці, напрыклад у вёсках Дабрамысль і Новая Мыш Баранавіцкага павета, вёсцы Верцілішкі Гродзенскага павета [5; 3, 41].

У 1924 г., калі ў Брэсцкай рускай гімназіі і пачатковай школе складалася цяжкая фінансавая сітуацыя, па ініцыятыве грамадскага дзеяча, дэпутата Сейма, урача *П.І. Караля* быў заснаваны Брэсцкі аддзел Рускага дабрачыннага таварыства [5; 1]. Справа аказання дапамогі рускай гімназіі паслужыла штуршком для кансалідацыі рускай грамадскасці г. Брэста. У склад Таварыства ўвайшлі прадстаўнікі інтэлігенцыі, духавенства, землеўласнікі, былыя рускія афіцэры. У 1930 г. налічвалася 115 членаў таварыства, большасць з якіх мелі высокі сацыяльны статус [3; 72; 2; 14]. На карысць гімназіі сярод мясцовай рускай грамадскасці быў уведзены дабравольны падатак у залежнасці ад заробку. Таварыства праводзіла разнастайныя дабрачынныя канцэрты, вечары, атрымліваючы значныя даходы [24, 27]. Пры гімназіі ў моманту яе заснавання дзейнічаў бацькоўскі камітэт, які з часам быў ператвораны ў бацькоўскую апякунскую раду [24; 30; 12; 237]. Незаможным вучням аказвалася матэрыяльная дапамога, большасць з іх вызвалалася ад аплаты за навучанне. Узносы на карысць навучэнцаў Брэсцкай рускай гімназіі збіраліся таксама сярод членаў аддзела Рускага дабрачыннага таварыства ў Пінску пасля таго, як там у 1928 г. па загаду ўлад была зачынена руская гімназія [24; 33]. У Брэсцкай рускай гімназіі з дапамогай аддзела РДТ была створана бібліятэка (3 000 тамоў). Апрача яе, у Брэсце таварыства заснавала публічную бібліятэку (2 000 тамоў) [24; 29]. З 1930 г. Брэсцкі аддзел РДТ утрымліваў дзіцячы садок, які наведвала ў 1932 г. 20 дзетак з рускіх сем'яў [4; 21]. Падчас эканамічнага крызісу ў пачатку 1930-х гг. матэрыяльнае становішча ўстаноў РДТ пагоршылася. Настаўнікі згадзіліся на памяншэнне сваіх заробкаў на 1/3. Членскі ўзнос у брэсцкім аддзеле РДТ павялічыўся да 9 злотых у год [4; 12]. У 1932 г. быў створаны клуб

выпускнікоў гімназіі, мэтай якога з'яўлялася матэрыяльная дапамога альма-матэр [24; 32]. У пачатку 1930 г. пры Брэсцкім РДТ быў утвораны "Дамскі гурток". Кіравала гуртком жонка дырэктара рускай гімназіі гаспажа Трушынская. У склад гуртка ўваходзілі заможныя рускія жанчыны. Сабраныя імі сродкі ішлі на забеспячэнне бясплатных снеданняў вучням рускай пачатковай школы і гімназіі [15; 124]. Кожную вясну дамы арганізоўвалі дабрачынную акцыю "Чырвоная яйка", куплялі падарункі на Вялікдзень немаможным вучням рускай школы і гімназіі. У 1931 г. напярэдадні пасхальных святаў "Дамскі гурток" дапамог прадуктамі і грашыма 580 дарослым і дзецям Брэста [7; 44, 44 адв.].

Дапамога прыватным асобам з'яўлялася асобным накірункам дзейнасці Рускага дабрачыннага таварыства ў Польшчы: выплачвалася аднаразовая грашовая дапамога, раздавалася адзенне, харчаванне, лекі. На такія мэты, напрыклад, аддзел у Брэсце прызначаў 4 000 злотых у год [7; 49]. Індывідуальная дапамога праўлялася ў прадстаўленні крэдытаў. У 1929 г. крэдыты ад Брэсцкага аддзела РДТ атрымалі 44 чалавекі на суму 393 злотыя [8; 5 адв.]. Аказанне матэрыяльнай дапамогі прыватным асобам пашырылася ў 1929 – пачатку 1930-х гг. падчас эканамічнага крызісу. У Брэсці аддзел РДТ надыходзілі дзесяткі прашэнняў аб дапамозе. Спецыяльныя дабрачынныя акцыі праводзіліся напярэдадні праваслаўных святаў. У 1929 г. было раздана валацэбнае 114 праваслаўным сем'ям на суму 314 злотых, а ў 1935 г. падчас велікоднай акцыі дапамогі бедным было раздана 648 порцый на суму 297,09 златага [9; 42 адв., 61]. Рэгулярна Брэсці аддзел Рускага дабрачыннага таварыства пералічваў грошы на карысць Саюза рускіх ваенных інвалідаў у Вільні [8; 5 адв.].

Дзеля ажыўлення рускай грамадскай і культурна-асветніцкай дзейнасці ў пачатку 1930-х гг. пачаў дзейнічаць культурна-асветніцкі паддзел РДТ у Брэсце. Дзейнасць драматычнай секцыі паддзела праўлялася ў аказанні дапамогі тэатральным аб'яднанням, у тым ліку Маларыцкаму гуртку аматараў драматычных пастацовак [8; 8 адв.]. Месцам правядзення рускіх культурных мерапрыемстваў у гарадах Польшчы служылі так званыя Рускія дамы – своеасаблівыя рускія грамадска-культурныя цэнтры, дзе размяшчаліся бібліятэкі, асветніцкія і навучныя ўстановы. У канцы 1920-х гг. такія Рускія дамы дзейнічалі ў Варшаве, Львове і Вільні. У 1928 г. быў створаны Камітэт будаўніцтва Рускага дома ў Брэсце. У Рускім доме планавалася размясціць рускую школу і гімназію, рускія грамадскія арганізацыі. Задачай камітэта быў пошук сродкаў на будаўніцтва Рускага дома. На працягу 1929–1931 гг. былі высланы пісьмы за подпісам П. Караля да вядомых рускіх эмігрантаў і грамадскіх арганізацый з просьбай аб фінансавай дапамозе. Камітэт звярнуўся да Рускага дабрачыннага таварыства ў Нью-Йорку, да прыватных асоб у Берліне, Сэўліеве (Балгарыя), Бруселі, Парыжы і іншых гарадах [6; 35–84]. Прыватныя ахвяраванні з-за мяжы не былі вялікімі – 5–10 долараў, а часам і менш. Пісьмы рассылаўся ў рэдакцыі такіх рускамоўных выданняў, як "Последние известия" (Парыж), "Новое время" (Белград), "Руль" (Брэмен), "Правда" (Філадэльфія), "Сегодня" (Рыга) і інш. з просьбай аб аказанні інфармацыйнай падтрымкі [6; 47]. Аднак далёка не ўсе выданні адказалі на просьбу. Звароты былі накіраваны да мітрапаліта варшаўскага, вальнскага і ўсёй Польшчы Дзіянсія, мітрапаліта Праваслаўнай царквы ў ЗША Платона, мітрапаліта Праваслаўнай царквы ў Еўропе Еўлогія. Будаўніцтва Рускага дома падтрымлівалася епіскапам палескім Аляксандрам [6; 43–45, 164]. Усяго да канца 1929 г. было сабрана 5 154 злотыя [8; 10] – значная сума, улічваючы той факт, што дзяржава фінансавана не падтрымала гэтую акцыю і сродкі былі сабраны на працягу аднаго года. Аднак атрыманая сума была недастатковай (ўсяго на будаўніцтва Рускага дома было патрачана 70 000 злотых) [6; 257].

Намаганнямі грамадскасці за вельмі кароткі час, да пачатку 1931 г., будынак быў узведзены, і ў ім размясцілася руская гімназія [6; 250; 12; 16]. Аднак стварыць Рускі дом у запла-наваным варыянце як грамадска-культурны цэнтр так і не ўдалося. Галоўнай прычынай гэтага быў недахоп фінансавых сродкаў [6; 44].

У другой палове 1930-х гг. у дзейнасці Брэсцкага аддзела РДТ назіраўся спад актыўнасці, што выклікала скарачэнне аказваемай дапамогі. “Пры праглядзе пратаколаў культурна-асветніцкага пададдзела складваецца ўражанне, што ўся яго дзейнасць заключаецца ў правядзенні прыватных танцавальных вечароў,” – адзначалася ў справаздачы Рэвізійнай камісіі [10; 113]. Назіраліся таксама нерэгулярнасць у выплаце членскіх узносаў, абвастрэнне адносін з цэнтральным кіраўніцтвам у Варшаве [14]. У 1939 г. аддзяленне РДТ у Брэсце спыніла сваю дзейнасць.

Дзейнасць аддзела Рускага дабрачыннага таварыства ў Брэсце была найбольш актыўная і працяглая ў параўнанні з іншымі рэгіянальнымі аддзеламі РДТ, якія размяшчаліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Гродзенскі аддзел РДТ быў заснаваны восенню 1925 г. Адным з ініцыятараў і першым старшынёй таварыства з’яўляўся ўрач *В. Кошалеў*. У аддзеле налічвалася 180–200 чалавек. Адной з задач таварыства было ўтрыманне прытулку для дзяцей-сірот [22; 54]. Аддзел рэгулярна аказваў дапамогу незабеспечаным членам таварыства, дзеля чаго праводзіў зборы харчавання і вoprаткі, наладзіў раздачу танных абедоў [31; 4]. Ролю грамадска-культурнага цэнтра Гродзенскага аддзела выконвала бібліятэка, у якой не раз адбываліся лекторыі з удзелам рускіх дзеячаў культуры і навукоўцаў Польшчы [16; 177–178]. Аддзел РДТ у Пінску дзейнічаў з 1925 г. пад кіраўніцтвам *В. Смалянскай*, *В. Пратаклінава*, *С. Кірылава* і інш. Дзейнасць аддзела засяроджвалася на падтрымцы пінскай рускай гімназіі (да 1928 г.), аказанні дапамогі незабеспечаным жыхарам рускай нацыянальнасці Пінска і Пінскага павета. Пры таварыстве былі створаны бібліятэка і культурна-асветніцкі гурток [4; 21]. З часам дзейнасць таварыства стала насіць закрыты характар, культурныя мерапрыемствы адбываліся рэдка, а дабрачыннасць таварыства адчувалі толькі “счаслівыя выбраннікі”, як пісалася ў рэгіянальным друку [13; 2]. Асаблівасцю аддзела Рускага дабрачыннага таварыства ў Новай Мышы Баранавіцкага павета была яго актыўная праца сярод вясковага насельніцтва, у тым ліку нацыянальна-асветніцкая, што занепакоіла мясцовую адміністрацыю. Аддзел праводзіў у вёсках культурныя мерапрыемствы, напрыклад Дні рускай культуры [21; 29].

Дзейнасць аддзелаў РДТ мела ў пэўнай ступені палітычны характар, што было абумоўлена выразна нацыянальнай пазіцыяй членаў таварыства, і якія займаліся не толькі грамадскай, але таксама і палітычнай дзейнасцю. Аддзелы прымалі ўдзел у выбарах ў гарадское самакіраванне. РДТ адводзіла вялікую ўвагу ўдзелу ў выбарах у Сейм, аб чым сведчыць зварот старшыні таварыства ў Варшаве да рэгіянальных аддзелаў у 1935 г.: “Рускае дабрачыннае таварыства як руская меншасная арганізацыя не можа застацца ў баку ад выбараў (...) Мы павінны пастарацца правесці ў сейм нашых паслоў, чаго можна дасягнуць толькі пры кансалідацыі ўсёй рускай грамадскасці” [10; 130]. Удзел РДТ у палітыцы выклікаў недавер урада да дзейнасці гэтай арганізацыі. Кожнае мерапрыемства таварыства падпадала пад пільны кантроль.

У пачатку 1930-х гг. назіралася тэндэнцыя да аб’яднання і цэнтралізацыі рускай грамадскай дзейнасці ў Польшчы. П. Кароль, будучы паслом ад брэсцкага аддзела РДТ, прымаў удзел у першым З’ездзе рускіх меншасных арганізацый, які праходзіў у Вільні 28–29 чэрвеня 1931 г.

Вынікам з'езда было стварэнне Саюза рускіх меншасных арганізацый [10; 13]. У сярэдзіне 1930 г. РДТ стала цэнтрам аб'яднання рускіх арганізацый у Варшаве. У 1936 г. у яго склад былі ўключаныя як эмігранцкія, так і меншасныя рускія арганізацыі, якія займаліся дабрачыннымі справамі [22; 54; 17; 59].

Галоўным рускім грамадска-культурным асяродкам у Заходняй Беларусі была Вільня, дзе знаходзіліся бюро шэрагу рускіх грамадскіх арганізацый. У 1920 г. па ініцыятыве прыбыўшых з Каўнаса рускіх грамадскіх дзеячаў было заснавана *Віленскае рускае таварыства*. У склад таварыства ўваходзілі як прадстаўнікі рускай нацыянальнай меншасці, так і рускія эмігранты [17; 51]. У 1933 г. членамі Віленскага рускага таварыства з'яўляліся больш за 600 чалавек [30; 27]. Старшынёю таварыства быў А. Крэсцьянінаў, віцэ-старшынёю – Л. Дацэнка. Таварыства аказвала падтрымку Віленскай рускай гімназіі імя А.С. Пушкіна. Верагодна, на пачатку 1920-х гг. таварыства заснавала прытулак для дзяцей-рэпатрыянтаў [26; 358]. Віленскае рускае таварыства ўтрымлівала таксама сталовую для бедных, у якой толькі за перыяд з 1 красавіка па 1 ліпеня 1928 г. выдала 3 544 бясплатных абедоў на агульную суму 1 949,20 злотых. Члены таварыства займаліся раздачай святочных порцый на Пасху сярод праваслаўных жыхароў горада [29; 18]. Па ініцыятыве Віленскага рускага таварыства быў створаны Рускі дом, у якім размясцілася некалькі агляжунскіх і культурных устаноў, у тым ліку прытулак для дзяўчынак, у якім у 1929/30 гг. выхоўвалася 28 дзяцей. [28; 27, 37, 40а]. Віленскае рускае таварыства ажыццяўляла сваю дзейнасць за кошт членскіх узносаў, прыватных ахвяраванняў, дабрачынных збораў, дзяржаўных сродкаў. Згодна са справаздачай за 1929/1930 г., 67% даходаў прытулку для дзяўчынак (11 161,5 злотага) складалі дзяржаўныя субсідыі і субсідыі камунальных саюзаў [29; 17а, 18, 39]. Амаль 70% сродкаў, на якія функцыянавала сталовая для бедных у 1928 г., прызначыў магістрат і ўрад [29; 17адв.]. У 1928 г. аддзел працы і сацыяльнага забеспячэння ваяводскага ўпраўлення прызначыў Віленскаму рускаму таварыству 200 злотых на аднаразовую дапамогу 24 інвалідам працы рускай нацыянальнасці [29; 18, 20].

У Рускім доме размяшчаўся таксама *Саюз рускіх ваенных інвалідаў*, заснаваны ў 1926 г. пры Віленскім рускім таварыстве як асобная секцыя рускіх воінаў-інвалідаў. Кіраваў ёю генерал Ю.Ю. Белазёркаў. За год секцыя ахапіла сваёй дзейнасцю ўсю Польшчу, на падставе чаго ў 1928 г. на яе базе быў створаны Саюз рускіх ваенных інвалідаў у Польшчы, які ўзначаліў палкоўнік Л.Т. Мацвееў. У склад Саюза ўваходзіла каля 140 чалавек [28; 40а.]. Дабрачынная дзейнасць Саюза заключалася ў аказанні матэрыяльнай дапамогі інвалідам, стварэнні Фонда дапамогі дзецям-сіротам, Стыпендыяльнага фонда для дзяцей-вучняў інвалідаў, аказанні штомесячнай грашовай дапамогі беспрацоўным інвалідам. Саюз утрымліваў прытулак для састарэлых і цяжкапараненых былых рускіх афіцэраў у Вільні, заснаваў пахавальную касу. У 1938 г. Саюз пераехаў у Варшаву, дзе быў ператвораны ў секцыю Рускага грамадскага камітэта. У 1938 г. секцыя была ліквідавана, а яе функцыі поўнасцю перайшлі да Рускага грамадскага камітэта [17; 60; 27; 27].

Аказаннем дапамогі рускім студэнтам займалася *Руская арганізацыя моладзі ў Польшчы* (РАМ). Аддзелы гэтай арганізацыі актыўна дзейнічалі ў Баранавічах, Брэсце, Вільні, Гродне, Пінску, Слоніме [22; 54]. Прызначаліся стыпендыі, практыкавалася пакупка канцэлярыскіх прылад для рускіх студэнтаў. Арганізацыя праводзіла Тыдні рускага студэнта, падтрымлівала Фонд рускай школы [17; 50].

Літаратура

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 11.
2. Там жа. – Воп. 9. – Спр. 1182.
3. Там жа. – Спр. 1670.
4. Там жа. – Воп. 10. – Спр. 124.
5. Там жа. – Фонд 114. – Воп. 1. – Спр. 1.
6. Там жа. – Спр. 10.
7. Там жа. – Спр. 11.
8. Там жа. – Спр. 19.
9. Там жа. – Спр. 41.
10. Там жа. – Спр. 42.
11. Замо́йский, Я.Е. Русская (белая) эмиграция в Польше и её польские связи (1918–1939) / Я.Е. Замо́йский // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. / Редкол.: Я.Н. Щапов [и др.]. – М., 1998. – С. 170–189.
12. Монтвиллов, М.В. Русская гимназия в Бресте на Буге, 1919–1939 гг. / М.В. Монтвиллов. – Ним–Брест–Минск: [б. и.], 1996. – 119 с.
13. Под небом Полесья: Орган русской мысли на Полесье (Пинск). – 1932. – 7 января.
14. Русское слово: Ежедневная независимая общественно-политическая газета (Варшава – Вильно – Львов). – 1936. – 10 января.
15. Сарычев, В. В поисках утраченного времени / В. Сарычев. – Брест: Брест. тил, 2006. – Кн. 1. – 308 с.
16. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времён до наших дней): в 2 ч. / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – 440 с.
17. Швайко, В.Г. Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / В.Г. Швайко. – Гродно, 2005. – 140 л.
18. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Komitet Rosyjski w Polsce. – Sygn. 59. – Т. 2.
19. Ibidem. – Т. 3.
20. Ibidem. – Т. 6.
21. AAN. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Konsulamy. – Sygn. 11489.
22. AAN. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Polityczno-ekonomiczny. Wydział organizacji międzynarodowych. – Sygn. 2348.
23. AAN. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. – Sygn. 1234.
24. AAN. Urząd Wojewódzki Polesie. – Sygn. 976/41.
25. Kołodziejczyk, A. Polski Czerwony Krzyż / A. Kołodziejczyk // Encyklopedia Historii Drugiej Rzeczypospolitej / A. Garlicki (red. nauk.). – Warszawa, 1999. – S. 317.
26. Lietuvos Centrinis Valstybes Archyvas (LCVA). F. 51. – Ap. 12. – B. 113.
27. Ibidem. – B. 307.
28. Ibidem. – B. 323.
29. Ibidem. – B. 494.
30. Ibidem. – B. 799.
31. Nadniemiński Kurjer Polski (Grodno). – 1925. – 19 października.
32. Sprawy narodowościowe (Warszawa). – 1929. – № 6.
33. Tomaszewski, J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa: MAN, 1985. – 223 s.

«НЕ ЕВШИ СТРЕЛЯТЬ НЕ БУДУ»: О НАСТРОЕНИЯХ УЧАСТНИКОВ ПОХОДА В ЗАПАДНУЮ БЕЛАРУСЬ В СЕНТЯБРЕ 1939 г.

Петровская О.В.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

7 сентября 1939 г. в семи из четырнадцати военных округов СССР под видом Больших учебных сборов (БУС) началась скрытая мобилизация. Уже 11 сентября на базе Белорусского особого военного округа (БОВО) был развернут Белорусский фронт (БФ) под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалева с целью осуществления военных действий на территории Польши, но затянувшаяся оборона поляками Варшавы задержала выступление советских войск до 17 сентября.

В частях БФ насчитывалось от 200 802 [8; 87] до 378 610 [7; 118] солдат и командиров. Среди них были люди разного возраста, профессий, социального и семейного положения, этнической принадлежности с разными представлениями о советской власти и целесообразности предстоящей военной кампании. Очевидно, что настроения в армии имели важное, подчас решающее значение, для осуществления военно-стратегических, агитационно-пропагандистских и организационно-управленческих задач, которые были поставлены советским руководством перед частями БФ в ходе марша в Западную Беларусь.

Психологическому состоянию воинских коллективов советским руководством уделялось самое пристальное внимание. Задача укрепления боевого духа и правильного понимания контингентом исходящих директив возлагалась на политорганы, применявшие разнообразные агитационные и воспитательные средства. Пропаганда в РККА носила тотальный характер, а военнослужащие находились под постоянным политическим контролем. Вместе с тем в армии существовала подпольная, скрытая от официального руководства жизнь. Этот факт хорошо осознавало руководство БОВО: «Красноармейцы с утра до вечера обсуждают все то, что им заблагорассудится, часто обсуждают не то, <...> но никто об этом не знает: не знает ни командир, ни комиссар, ни политорганы» [12; л. 35].

Официальные речи военнослужащих, соответствующие шаблону официальной пропаганды, не всегда соответствовали их действительным мыслям. Информация о настроениях в армии, как позитивных, так и негативных, содержится в донесениях политорганов и особых отделов о морально-политическом состоянии войск, сообщениях военных корреспондентов, многочисленных письмах и жалобах красноармейцев.

В настоящей работе, на основе документов Российского государственного военного архива, рассматривается влияние событий «освободительного похода» в Западную Беларусь в сентябре 1939 г. на изменения в умонастроениях ее непосредственных участников – военнослужащих Красной армии.

В 1930-е гг. в СССР сложился тип человека, который апеллировал к войне, ждал ее. По мнению В.А. Токарева, демонстрация преданности режиму в критической ситуации нужна была советскому человеку для того, чтобы уберечься от репрессий [28; 400–401]. Тем более, что война в советской пропаганде не ассоциировалась с очевидной опасностью. В первую очередь жаждала побед молодежь, которая рвалась на передовую [13; л. 20]. Призывники 1918–1919 гг. рождения в период мобилизации демонстрировали наибольший подъём. Их активность выходила за рамки потребностей [13; л. 125–126]. Они же проявляли заметное нетерпение скорее выступить в бой: «Я жду с нетерпением приказа

выступить в бой на защиту нашей родины» [23; л. 4]; «Нам надоело слушать всех этих английских и французских дипломатов. Мы желаем скорее встретиться с врагами и встряхнуть их так, чтобы они не могли опомниться никогда» [24; л. 101]. В. Катаев в своих путевых заметках отмечал: «Это чувство горячего, молодого нетерпения испытывали все бойцы <...>. Это же чувство испытывал и я, дожидаясь несколько дней в Минске выезда в Западную Белоруссию» [4; 19].

Вместе с тем до 14 сентября военнослужащие плохо понимали, с кем и за что надо воевать. Главным противником они продолжали считать Германию. Как сообщал посол Шуленбург 6.09.1939 г.: «...Неожиданное изменение политики советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением. Особенные сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором» [10; 91]. Хотя Польша и входила в число потенциальных врагов Советского союза, но по количеству карикатур, например, в журнале «Крокодил» в 1930-е гг. она занимала лишь шестое место после других капиталистических врагов СССР. Таких высказываний, как «не позволим польским панам вступать на советскую землю» во время БУС было не много [23; л. 25]. Беды ждали от немцев. Мобилизованные говорили: «Все погибнем там. Немец разобьёт» [13; л. 113].

К фашистским государствам, подлежащим уничтожению, по свидетельству Г. Димитрова, Польша была причислена Сталиным 7 сентября 1939 г. [2; 80]. Армия же узнала о необходимости освобождения белорусов и украинцев из-под ига польских панов только после передовой «Правды» «О внутренних причинах военного поражения Польши» и директивы Л.З. Мехлиса. Но полная определенность появилась в ночь с 16 на 17 сентября. Образ врага был очерчен предельно ясно. Противник имел не только классовую, но и выраженную этническую окраску и получил совокупное название «белополяки». В художественной интерпретации облик неприятеля имел хищный оскал («проклятые волки Панской Польши») и уничижительные коннотации («белый цыпаный орёл») [11; 268, 270].

Такой поворот событий вполне отвечал настроениям советских граждан. Симпатий к Польше в советском обществе не было из-за поражения в советско-польской войне 1920 года. В силу этого идеологическая концепция мобилизации детерминировала призыв в армию людей старшего возраста, которые могли быть участниками и свидетелями этих событий. Настроения реванша активно подпитывались во время БУС: «Мы им напомним 1919–20 годы» [23; л. 6]. Желание мести было характерно и для молодого поколения. Комсомолец Колесников говорил: «У меня погибло два брата за освобождение Белоруссии от белополяков, теперь мне будет возможность отомстить белополякам за братьев» [24; л. 109].

В то же время старшее поколение, пережившее гражданскую и империалистическую войну, смотрело на перспективы войны без энтузиазма. По свидетельству И. Данилова: «Среди солдат было много лиц старшего, непризывного возраста <...> Они вели себя сдержанно, на вопросы отвечали вяло» [1; 57]. Одним из мотивов отрицательных настроений были неустроенные домашние дела. Мобилизация проводилась в период самой горячей сельскохозяйственной поры. Призывали не только людей, но и лошадей и транспорт. Поэтому призыв на сборы вызвал беспокойство: «Кто будет кормить семью. В колхозах не будет хлеба – всех забрали на сбор»; «Семья дома задыхается с голоду. Ходят голые и босые». Красноармеец Федулов записал в дневнике, что 14.09.1939 году в селе Ижевском на сборный пункт пришло много женщин, некоторые кричали: «Берут мужиков,

кто работать будет теперь, ничего не обмолочено, оставят с детьми без хлеба, пусть бы уж лучше нас брали». Многие призванные из запаса поэтому не испытывали большого воодушевления от предстоящего похода, в ходе сборов они завидовали тем, кого забраковали органы НКВД из-за арестованных отцов [13; л. 18, 113]. Некоторые жаловались на тяжесть службы в РККА [24; л. 111].

В ходе БУС имели место и открытые антисоветские выступления. Так, красноармеец Попков заявил: «Не хочу служить в армии, мне защищать нечего. Советская власть обманывает людей, нас ведут на бойню, а в колхозах голодающие рабочие получают гроши» [24; л. 35]. Боец Гудков из Калининской области отказался от присяги: «Я православный, единоличник, ненавижу колхоз, потому что меня ограбили: советская власть взяла у меня в 1936 году за сельхозналог две конюшни, один амбар, один сарай, лошадь, корову, приусадебный участок, весь инвентарь...» [23; л. 18]. Солидарен с ним был и мобилизованный Пименов, осуждённый 29.08 1939 года за неуплату сельхозналога [14; л. 80]. За подобное открытое выражение идеологических убеждений, как и за любые «антисоветские разговоры», призывников «с границы изымали», немедленно удаляли в тыл и сообщали в НКВД и прокуратуру. Однако, несмотря на такую идеологическую зачистку, беспорядок в мобилизации привел к тому, что в частях БФ оказались и судимые, и лишенцы [13, л. 113].

С началом похода неопределённость и неожиданность первых дней сентября сменилась осознанием военными собственной значимости, соучастия в происходивших важных событиях. Приказ о переходе границы встретили с восторгом. «Сколько горящих глаз, мужественных радостных лиц», – записал военный корреспондент [6; 4]. Верх взял патриотический порыв. Значительная часть красноармейцев хотели идти в бой и «горели желанием увеличить в десятки раз славные ряды героев нашей родины» [15; л. 350]. Триумфальное шествие РККА – относительно легкие победы, радушные встречи – усилили проявление идеологической солидарности. С 17 по 30 сентября в частях БФ было принято 2417 заявлений в партию и 1500 в комсомол [13, л. 117].

Не без помощи политорганов комбатанты убеждались, что страна доверила им «выполнение великой исторической цели» [3: 41]. «Освободительный поход» давал шанс стать героем. Ведь не всем выпало великое счастье «идти в бой за свою страну, за свою партию, за любимого Сталина» [11; 241]. Культивировавшееся в массовом сознании героическое поведение на войне предполагало презрение к смерти и боли, взаимовыручку, неоправданный риск, предпочтение смерти плену и т. д. Красноармейцам «хотелось опасностей, схваток. битв» [11; 274]. Однако польская кампания, с отсутствием реального противника, не обеспечивала условий для проявлений массового героизма. Участники похода сокрушались: «Только разве это война?! Мы идём, а паны тикают. Жмут – не угонишься»; «Отмахали до черта километров, а врага так и не видали» [11; 274, 329]. Польские солдаты вели себя не по правилам войны: «Порой встречались польские воинские подразделения без оружия <...>. Увидев красноармейские колонны, они кричали «Ура!» и приветливо махали руками, подбрасывая в воздух конфедератки» [5; 25]. Стремление прославиться, во что бы то ни стало, вело к тому, что бойцы старались приписать себе и товарищам как можно больше боевых заслуг. Так, два командира полков Тимошенко и Силук отправили ложные донесения о боях и захвате пленных [16; л. 355]. Для многих была характерна тенденция: считать противниками всех солдат, идущих домой. Комдивы Ахлюстенко и Черидниченко не могли договориться о том, кто первым занял Вильно. Командир и комиссар одной из частей 10-й армии, чтобы получить награду, сильно приукрасили боевые заслуги при овладении Лидой [17; л. 180, 204, 206].

Численная слабость польских войск на западной границе СССР, отсутствие организованного сопротивления противника, высокие темпы продвижения позволили назвать освободительный поход «военной прогулкой» [25; л. 246]. А по выражению командующего БФ М.П. Ковалева, «это были большие военные маневры с обозначенным противником» [12; л. 235]. Однако участники событий едва ли согласились бы с тем, что в сентябре 1939 года совершили легкой прогулкой по территории Западной Беларуси. За пять дней был осуществлен марш в 450–500 км. В итоге 25-я танковая бригада шла без остановок 21 час [13; л. 3358, л. 74]. 48-й кавалерийский полк 18.09.1939 года двигался целый день и целую ночь. После двух часов отдыха всадники двигались еще сутки. Красноармейцы засыпали в седлах, под дождем снимали с себя плащ-палатки и накрывали ими лошадей [18; л. 605–606]. К этому следует добавить, что среди участников похода было много мобилизованных с гражданскими ценностями и притязаниями, а части БФ, особенно прибывшие из-за пределов БОВО, были плохо обмундированы. «Больные с температурой тащились за обозом, так как на повозке ехать холодно – не было тёплой одежды» [19; л. 205]. Базы продовольственного снабжения во время похода показали очень большую неповоротливость, и во время марша ощущался недостаток даже хлеба и соли [12; л. 39]. В ряде частей во время похода были случаи, когда красноармейцы не получали хлеба по 2 дня, и вынуждены были заходить просить его у крестьян. Отсутствие полноценного питания в условиях изнурительного марша и декларированной боевой обстановки провоцировало у участников апелляции к предшествующему негативному военному опыту: «Нас гонят как в империалистическую войну. Столкнешься с противником, нас всех перебьют» [13; л. 91]. Старший лейтенант Городниченко говорил красноармейцам: «Хлеба не дают, наверное, потому, что как видно хотя как в 1920 году довести голодными до Варшавы, чтобы нас там разбили» [14; л. 60].

Бойцы плохо понимали необходимость столь стремительного марша без удовлетворения элементарных жизненных потребностей: «Войны никакой нет, а нас все гонят неизвестно куда. В СССР столько машин, а нас заставили ходить. Нам положено ехать на машинах» [13; л. 191]. Чувствуя себя обделенными, они по традиции обвиняли во всем командиров: «Командирам нас не жалко, пусть бы они сами прошли столько. Давай ночевать, дальше не пойдём» [19; л. 64]; «Командиры едят булки, а нас водят как баранов, куда неизвестно, и не кормят. Не евши, стрелять не буду»; «Сосут с нас кровь, не дают хорошо кушать». Люди требовали отдыха и еды: «Дальше не пойдём, нужно сначала накормить»; «Хлеба дают мало, совершать марш не буду голодный, идти не могу» [13; л. 51, 91, 191]. Бессмысленные тяготы вызывали ощущение несвободы и насилия: «Что нас гонят как каторжных, даже не дают отдохнуть, все равно как в тюрьме» [26; л. 262]; «Лучше бы меня посадили в тюрьму, чем голодным идти 600 км» [14; л. 60].

Конечной целью похода была идея объединения белорусов и воссоединения их в «дружной семье народов СССР», что предопределило расширение представителей этой этнической группы в частях Белорусского фронта. Учитывалось, что они с большим воодушевлением пойдут в бой «за угнетённых братьев», а также необходимость ведения агитации на белорусском языке среди местного населения. 3-я, 11-я и 4-я армии БФ формировались из армейских групп БОВО, но конно-механизированная группа использовала личный состав Калининского военного округа, а управление 10-й армии создавалось на базе управления Московского военного округа [7; 326]. При выраженном интернационализме советских людей и безграничной вере в правильность решений советского руководства, все же не все красноармейцы понимали официальные лозунги кампании. Пред-

посылками могли быть собственные материальные и бытовые приоритеты: «Поляки живут спокойно, а мы за них голодаем» [13; л. 91]. «Мне нечего завоевывать. У меня как была в руках лопата, так она и останется» [23; л. 76]. «Гонят нас всё равно как собак, а у нас своей земли хватает» [14; л. 120]. Очевидно, что в таких условиях менялось и отношение к местному населению: «Пусть они сами добьются хорошей жизни, сегодня нас «просят» одни, завтра – другие» [20; л. 396]; «Нам не нужно помогать братьям по классу, пусть они сами себе завоевывают право и живут, как хотят»; «Всех не освободить, за Белоруссией пойдет Бессарабия, а там и других надо будет освобождать» [19; л. 64, 146]. Позже красноармеец Егоров напишет в письме другу, что над словом «просят» смеются, потому что никто Красную армию не просил, а слово придумано для оправдания [20; л. 396].

Были и явные сомнения в превосходстве советской модели общественно-экономического устройства, которая предлагалась белорусам: «Если там (в Западной Белоруссии – О.Л.) найдутся дураки, то их обманите, и они пойдут в колхозы» [26; л. 263]. Тем более что уровень благосостояния части местного населения приводил многих военнослужащих к выводам, которые были прямо противоположны стереотипам официальной пропаганды о плохой жизни в Польше: «В Западной Белоруссии живут гораздо лучше, чем в СССР, много товаров и всё дешёво» [24; л. 176]; «Они живут хорошо, чисто одеты, культурно, домики белые» [19; л. 64].

В официальном дискурсе Западная Беларусь фигурировала как «братская земля». Однако для тех, кто мыслил в соответствии с утвердившейся оборонительной доктриной, она оставалась чужой: «Советский союз потерял доверие перед всем миром, так как говорили, что нам чужой земли не нужно, а сами вторглись в Польшу» [14; л. 115]. Среди красноармейцев были отмечены разговоры о том, что они не освобождают Белоруссию, а захватывают ее и научились этому у Гитлера.

Новый тезис о войнах справедливых и несправедливых, предполагавший наступательные действия, не мог так быстро найти опору в массовом сознании: «Мы идём помогать, а я считаю, что это такое же нападение, как делают другие страны» [13; л. 91]. Красноармеец Романенко утверждал: «Мы неправильно переходим границу, ведь наша политика мира» [21; л. 417]. Подобные высказывания были характерны и для политруков и выходили далеко за пределы Белорусского фронта.

Вместе с тем расширение пределов СССР крепило патриотические чувства и усиливало гордость за могущество великой страны. Политорганы поддерживали в комбатантах уверенность в выполнении великой исторической миссии. Ряд военнослужащих проявлял стремление к «красному империализму» – захвату Варшавы и других польских территорий, войне с Германией [9; 180-181]. В силу этого необходимость возвращения немцам уже занятой территории вызвала глубокое разочарование в частях БФ: «Мы нацелились Варшаву брать (осталось 70 км), а нам – уйти за Буг» [12; л. 101]; «Мы же воевали за Варшаву»; «Обидно, воевали, воевали, погибло много людей, и отдали» [27; л. 14,18]. Для этой категории военнослужащих была характерна реминисценция имперских настроений, апелляция к историческому праву, ведь до 1914 года почти вся Польша принадлежала России [22; л. 340]. Они сетовали по поводу отсталости территорий, отошедших к СССР. Так, красноармеец Концевой недоумевал: «Зачем СССР захватил разбитую Польшу, у нас земли и без нее много. Гитлер захватил себе хорошую промышленность» [27; л. 105]. Отказ от Варшавы вызвал недовольство и в других военных округах [22; л. 340].

Не только неудовлетворённые территориальные амбиции волновали красноармейцев, но и последствия их интернациональной миссии: «Мы, красноармейцы, политически по-

нимаем больше, чем население, а вот рабочие скажут, освободили, а потом продали» [27; л. 14]. «Жаль рабочих и крестьян. Мы их обманули» [24; л. 200]. Беспокорство населения еще больше возбуждало военнослужащих. Вместе с тем сам отход за демаркационную линию был аргументом в пользу освободительной миссии, так как убеждал красноармейцев, что к СССР отошли лишь Западная Украина и Западная Беларусь, а не чужие польские территории.

Таким образом, анализ документов о настроениях красноармейцев во время похода в Западную Беларусь частично размывает мажорную композицию всеобщего патриотического порыва и душевного подъема на Белорусском фронте, клонировавшуюся официальной пропагандой. Реакция красноармейцев была весьма разнообразной и зависела от психологических черт характера, материальных и семейных проблем, степени советской идентичности и уровня абсорбции пропагандистских лозунгов кампании. Критика красноармейцев в большинстве случаев не носила системного характера, не затрагивала основ существующего строя. Психологическую устойчивость действующей армии в значительной степени обусловили неадекватное поведение противника и демонстрация местным населением позитивного отклика на грядущие перемены. Вместе с тем, утилитарное отношение к человеку, неподготовленная организация мобилизации и марша обусловили тяготы военнослужащих, которые не сопрягались с реальной необходимостью и провоцировали сомнения в правильности действий, как военного командования, так и советского руководства.

Литература

1. Данилов, И. Записки западного белоруса / И. Данилов. – М.: Диалог, 2006. – 247 с.
2. Димитров, Г. Дневник: Март 1933 – февруари 1949. Избрано. Г. Димитров / сост. Д. Сирков [и др.]. – София: Изток-Запад, 2003. – 496 с.
3. Ильенков, В. С именем Сталина / В. Ильенков // Красная армия – армия героев. Новосибирск: Новосибирское областное книжное изд-во, 1940. – С.40-43.
4. Катаев, В. Путевые заметки / В. Катаев // Братья. – М.: Детиздат, 1939. – С. 19–23.
5. Климов, И.Ф. Далёкое и близкое / И.Ф. Климов. – Минск: Беларусь, 1987. – 342 с.
6. Котенко, И. На освобожденной земле: Путевые записки на Белорусском фронте / И. Котенко. – Ростов на Дону: Ростовское областное книжное изд-во, 1939. – 90 с.
7. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения) / М.И. Мельтюхов – М.: Вече, 2000. – 605 с.
8. Назаўсёды разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР / пад агул. рэд. М.П. Касцюка, І.Я. Навуменкі. – Мінск: Беларуская. Энциклапедыя, 1999. – 252 с.
9. Небезин, В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х гг. / В.А. Небезин. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. –317 с.
10. Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939 – 1941: Документы и материалы / сост. Ю.Г. Фельштинский. – Москва: Терра-Книжный клуб, 2004. – 396 с.
11. Освободительный поход: Дневники, очерки, рассказы, стихи. – М.: Военное изд-во, 1941. – 344 с.
12. Российский государственный военный Архив (РГВА). – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3979.
13. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3358.
14. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3574.
15. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3417.

16. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 979.
17. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3572.
18. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505.
19. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3575.
20. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 546.
21. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3316.
22. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 36. – Д. 3773.
23. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 257.
24. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 256.
25. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 664.
26. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 255.
27. РГВА. – Ф. 35086. – Оп. 1. – Д. 264.
28. Токарев, В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «Романтическое ощущение войны» / В.А. Токарев // Человек и война: война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 399 – 418.

ДА ПЫТАННЯ ДЗЕЙНАСЦІ КАМУНІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ КАМУНІСТЫЧНАЙ АРГАНІЗАЦЫІ М. МОТАЛЬ, ДРАГІЧЫНСКАГА ПАВЕТА)

Рамановіч П.С.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Мірны дагавор, які быў падпісаны 18 сакавіка 1921 г. у Рызе прадстаўнікамі Польшчы, РСФСР і УССР, абвяшчаў: стан вайны паміж імі спынены. Паводле Рыжскага дагавора частка заходнебеларускіх зямель (Гродзенская губернія, усходнія раёны Віленскай і заходнія раёны Мінскай губерній) адыйшла ва ўладанне польскай дзяржавы. На тэрыторыі Заходняй Беларусі (больш за 100 тыс. кв. км) пражывала звыш 4 млн. чалавек, у тым ліку беларусы складалі 67 %, палякі – 12-13 %, яўрэі – 9 %, украінцы – 5-6 %, літоўцы – 3 %, рускія – 2 % [1, с. 221].

Прававы статус беларусаў у польскай дзяржаве вызначаўся як Версальскім 1919 г., так і Рыжскім 1921 г., дагаворамі. У артыкуле VII Рыжскага мірнага дагавора сцвярджалася, што “Польшча прадстаўляе асобам рускай, украінскай і беларускай нацыянальнасцей на аснове раўнапраў’я нацыянальнасцей усе правы, што забяспечваюць свабоднае развіццё культуры, мовы і выканання рэлігійных абрадаў” [2, с. 258].

Палітыка кіраўнікоў польскай дзяржавы на тэрыторыі Заходняй Беларусі мела вялікадзяржаўны, шавіністычны, каланізацыйны накірунак. Беларусы разглядаліся як этнаграфічная група, яны не маглі займаць не толькі кіруючых пасадак, але і працаваць на дзяржаўнай службе. У дзяржаўных установах не дазвалялася карыстацца беларускай мовай, культурнае жыццё беларускага народа пастаянна абмяжоўвалася і падаўлялася, закрываліся беларускія школы (у 1938/39 навучальным годзе не існавала ні адной беларускай навучальнай установы, апошняя беларуская гімназія ў Вільні, ў якой навучалася каля 200 вучняў, была ператворана ў філіял польскай гімназіі).

У паланізацыі беларускага насельніцтва значную ролю адыгрывала каталіцкая царква (з 500 існаваўшых у Заходняй Беларусі праваслаўных царкваў больш за 300 сталі каталіцкімі

касцёламі). Касцёл лічыўся гарантам польскасці на ўсходніх землях Польшчы, адбывалася каланізацыя беларускіх зямель (да верасня 1939 г. было населена каля 10 тыс. асаднікаў, якія атрымалі зямельныя ўчасткі па 15-45 га). У дапаўненне да нацыянальнага і сацыяльнага прыгнету панаваў жорсткі палітычны рэжым.

Нацыянальная палітыка польскага ўрада ставіла мэту фарміраваць у літоўцаў, беларусаў, украінцаў польскую грамадзянскую свядомасць, пераконваць іх, што Другая Рэч Паспалітая з'яўляецца іх айчынай.

Этнічныя працэсы ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 г. значна адрозніваліся ад тых, што адбываліся ў БССР. Польскія ўлады праводзілі асіміляцыю беларускага насельніцтва праз друк, школу, каталіцкую царкву.

У такіх умовах у Заходняй Беларусі фарміруецца дэмакратычны лагер, які акцэнтаваў сваю дзейнасць у абарону палітычных, сацыяльных і нацыянальных інтарэсаў беларусаў. Беларускі нацыянальна-дэмакратычны рух (КПЗБ, БСРГ, БПК, Беларуская рэвалюцыйная арганізацыя, сялянска-рабочы клуб “Змаганне”) знайшоў сабе вялікае кола прыхільнікаў сярод розных навуковых, гаспадарчых, культурна-асветніцкіх арганізацый (ТБШ, Народны Хаўрус “За Бацькаўшчыну”, Беларуская хрысціянская дэмакратыя, беларускія эсэры і інш.).

Камуністычны напрамак палітычнага руху Заходняй Беларусі быў прадстаўлены Камуністычнай партыяй Заходняй Беларусі (утварылася ў 1923 г. як аўтаномная камуністычная арганізацыя КППП, з уласным ЦК). У 1924–1929 гг. існавала 6 акруговых камітэтаў КПЗБ: Беластоцкі, Брэсцкі, Віленскі, Гродзенскі, Слонімска-Баранавіцкі, Пінскі. Арганізатарамі і кіраўнікамі КПЗБ у розныя гады яе дзейнасці былі І.К. Лагіновіч (Павел Корчык), А.А. Альшэўскі, С.А. Дубовік, М.С. Арэхва, Л.Н. Славінскі (сапр. Качароўскі), Л.У. Радзевіч, А.У. Канчэўскі і інш. Друкаванымі органамі ЦК КПЗБ былі газета “Чырвоны сцяг”, часопіс “Бальшавік”, у розныя гады выдаваліся на беларускай, польскай, рускай і яўрэйскай мовах газеты “Партработнік”, “Да барацьбы”, “Весткі з СССР”, “Куйце зброю”, “Голас салдата”, “Чырвоны сцяг” і інш.

У канцы 20-х гг. уплыў КПЗБ адчуваўся амаль на ўсёй тэрыторыі З. Беларусі. Камуністычныя арганізацыі існавалі ў гарадах, мястэчках і некаторых вёсках. На думку П. Корчыка “КПЗБ перастала быць арганізацыяй Беластока і Вільні, а стала сапраўды масавай партыяй, якая арганізуе шырокія пласты беларускага сялянства на ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі” [3, с. 400].

У мястэчку Моталь (Драгічынскі павет, Палескае ваяводства) у 1926 г. ствараецца падпольная група КПЗБ, якая налічвала амаль 30 чалавек (сакратар групы А.Г. Бабрыковіч). Арганізацыя існавала ў кансператыўных умовах. Любыя праяўленні камуністычнага руху падвяргаліся ганенням, у камуністычныя і камсамольскія арганізацыі засылаліся агенты дэфензівы. У такіх умовах члены КПЗБ ў сваёй дзейнасці выкарыстоўвалі легальны гурток Беларускай сялянска-работніцкай Грамады (БСРГ), палітычная платформа якой (самавызначэнне Заходняй Беларусі, устанаўленне дэмакратычных свабод, нацыянальная роўнасць, свабода сумлення, звальненне палітных зняволеных) была сфарміравана камуністамі. Яны агітавалі аднавяскоўцаў на правядзенне мітынгаў, выступленняў пратэсту супраць ганенняў на Б. Тарашкевіча, С. Рак-Міхайлоўскага, П. Мятлы, П. Валашына, М. Бурсевіча і іншых кіраўнікоў БСРГ. Штодзённай справай арганізацыі была праца сярод жыхароў мястэчка. У дні рэвалюцыйных свят члены арганізацыі вывешвалі на людных месцах чырвоныя сцягі, распаўсюджвалі сярод жыхароў мястэчка лістоўкі, прызывалі аднавяскоўцаў не плаціць падаткі. Сяляне прыслухоўваліся да заклікаў камуністаў аб барацьбе за лепшую долю.

Усе члены падпольнай арганізацыі КПЗБ уваходзілі ў склад мясцовай групы Міжнароднай арганізацыі дапамогі рэвалюцыянерам (МАДР). У фонд МАДР збіраліся грошы для дапамогі палітычным вязням. Мясцовай касай МАДР кіраваў сакратар падпольнай арганізацыі КПЗБ А.І. Райкевіч.

Польскія камуністы аказвалі дапамогу КПЗБ літаратурай і кадрамі. Так, Мотальская група некалькі разоў атрымлівала газеты і іншую літаратуру з Беластока. А.Г. Бабрыковіч перабіраўся ў БССР і прыносіў прапагандыска-партыйную літаратуру.

У справядачы Пінскага павятовага старасты ад 2 сакавіка 1927 г. адзначалася: “У склад Драгічынскага райкома ўваходзіць 5 падрайкомаў:

№ 1 – у Драгічыне, 8 ячэек, 45 чалавек;

№ 2 – у Моталі, 8 ячэек, 45 чалавек;

№ 3 – у Бездзежы, 9 ячэек, 60 чалавек;

№ 4 – у Іванаве, 5 ячэек, 31 чалавек;

№ 5 – у Драгічыне, 8 ячэек, 40 чалавек.

Усяго ў складзе райкома 121 камуніст, 120 камсамольцаў, 130 “сімпатыкаў” (спачувачых), 38 ячэек, якія ахопліваюць 98 вёсак” [4, с. 128–129].

У 1931 г. дэфензіва арыштавала сакратара Мотальскай падпольнай арганізацыі КПЗБ А.Г. Бабрыковіча. На чале арганізацыі становіцца А.І. Райкевіч. Але хваля рэпрэсій працягвалася. Летам 1934 г. былі арыштаваны А.І. Райкевіч, С.І. Палто, Я.Ф. Валынец, С.А. Мацукевіч, І.А. Духовіч, Р.М. Жыховіч, Д.Л. Калілец, С.Р. Шыкалай, І.Ф. Валынец і многія іншыя. Арыштаваных жорстка білі, здэкаваліся над імі, а на хатах, дзе жылі падпольшчыкі, абдэралі стрэхі.

Стараста Драгічынскага павета у дакладной кіраўніцтву Палескага ваяводства ад 15 верасня 1934 г. канстатаваў: “У час ліквідацыі Пінскага АК КПЗБ з рэзідэнцыяй у в. Калілы і РК КСМЗБ у Моталі і належаючых да іх ячэек 11 і 13 верасня затрыманы і знаходзяцца ў турме:

Сулім Іван – кіраўнік тэарэтычнай арганізацыі;

Мацукевіч Іван – сакратар ячэйкі камсамола ў Моталі;

Валынец Якаў – член тэарэтычнай арганізацыі ў Моталі;

Валынец Іван – член тэарэтычнай арганізацыі ў Моталі;

Духовіч Ілья – член тэарэтычнай арганізацыі ў Моталі, аддадзены пад нагляд паліцыі” [5, арк. 19].

28 студзеня 1935 г. у Драгічыне адбылася выязная сесія Пінскага акруговага суда. Па справе камуністычных арганізацый праходзіла 29 чалавек. Члены Мотальскай арганізацыі КПЗБ А.І. Райкевіч, С.І. Палто, І.К. Мацукевіч, І. Суліма атрымалі па чатыры гады турэмнага зняволення.

Пасля арышту старэйшых таварышаў на змену прыйшла моладзь. У падпольную дзейнасць актыўна ўключыліся І.М. Калілец, І.С. Кульбеда, П.К. Кульбеда, П.І. Мінюк, А.С. Міховіч, С.С. Міховіч і інш.

Пад кіраўніцтвам Мотальскай арганізацыі КПЗБ дзейнічала арганізацыя КСМЗБ. Сакратаром камсамольскай арганізацыі быў С.А. Кузюр. Члены КСМЗБ вялі агітацыйную работу сярод моладзі мястэчка, распаўсюджвалі сярод насельніцтва газеты “Чырвоны сцяг” і часопіс “Большавік”. На іх старонках паведамлялася аб цяжкай долі рабочых і сялян, разказвалася пра забастоўкі сялян на вывазцы лесу, аб іх барацьбе супраць памешчыкаў. У 1927 г. паліцыя арыштавала С.А. Кузюра, але яму ўдалося ўцячы і перабрацца ў БССР. Арганізацыю ўзначаліў М.М. Мінюк.

У паведамленні (29 жніўня 1934 г.) намесніка пракурора С. Петрусевіча аб дзейнасці падпольнага райкома КСМ у Моталі гаварылася: “Паводле сабранай інфармацыі, падпольны райком КСМ у Моталі распаўсюджвае сваю дзейнасць на ўсю Мотальскую гміну, поўнач Янаўскай і паўночна-ўсходнюю частку Бездзежскай гміны... Вельмі актыўныя маладзёжныя ячэйкі, якімі кіруюць выдатныя дзеячы кампартыі... Па ўдакладнёных звестках структура арганізацыі цяпер наступная: сакратар – Сулім Іван, жыхар вёскі Моталь; інструктар – Балюк Іван, жыхар вёскі Трыліскі; казначэй – Наумавец Уладзімір, жыхар вёскі Дружылавічы... Па ініцыятыве Балюка Івана ў Моталі Сулім Іван стварыў “Тэарыстычны суд”. Члены камуны дэарганізавалі ўсе мясцовыя таварыствы і легальныя саюзы так, што большасць членаў гэтых саюзаў выйшла са сваіх арганізацыі, баючыся помсты...” [6, арк. 21].

Амаль уся моладзь мястэчка знаходзілася пад ўплывам камсамольцаў. Хлопцы і дзяўчаты вечарамі спявалі забароненыя рэвалюцыйныя і савецкія песні. У часы свят праводзіліся зборы моладзі некалькіх вёсак. Падпольшчыкі дзяліліся інфармацыяй і атрымлівалі заданні для далейшай працы. У 1938 г. на чале камсамольскай арганізацыі становіцца І.М. Калілец, які заставаўся важным да ўстанаўлення савецкай улады.

Нягледзячы на рэпрэсіі, мотальскія арганізацыі КПЗБ і КСМЗБ мацнелі, іх уплыў быў вялікі не толькі на жыхароў, але і на школьную моладзь. Так, дырэктар Мотальскай школы С. Шымчак у даносе ад 1 снежня 1938 г. паведамляў: “...Я, дырэктар сямігадовай школы ў м. Моталь, некалькі тыдняў таму назад у старэйшых класах даручанай мне школы заўважыў, што сярод вучняў (хлопчыкаў) вядзецца нейкая антышкольная кампанія, якая праяўляецца ў наступным: вучні (хлопчыкі) наўмысна не жадаюць адказваць настаўніцы зададзеныя ім урокі, спяваюць польскія песні, не жадаюць наведваць школу, варожа адносяцца да настаўнікаў, адмаўляюцца ўдзельнічаць у дзейнасці школьных арганізацыі “Харцэж”, “Арлята” і ў школьным хоры.

Маючы на ўвазе вышэй сказанае, я пачаў весці назіранне за школьнай моладдзю з мэтай вызначэння ініцыятараў названых антышкольных выступленняў і прышоў да вываду, што вучні Жыховіч Антон, сын Сяргея, 13 гадоў, Мазько Янг, сын Яна, 12 гадоў, Ксёнда Міхаіл, сын Гаўрылы, 12 гадоў, Васілевіч Рыгор, сын Васіля, 12 гадоў, Філіновіч Аляксандр, сын Аляксея, 11 гадоў, і Міховіч Сцяпан, сын Федара, 13 гадоў – усе жыхары Моталі, вучні 5-га класа, за выключэннем Філіновіча Аляксандра, які з’яўляецца вучнем 3-га класа, тэарызуюць вучняў, забараняюць ім пад пагрозай збівання прымаць удзел у якіх-небудзь польскіх школьных арганізацыях.

...Як выцякае з вышэй сказанага, пералічаныя вучні маюць камуністычныя погляды і вельмі хочуць адбіць жаданне ў школьнай моладзі вучыцца ў школах з настаўніцтвам на польскай мове і падбухторваюць яе варожа адносіцца да ўсяго польскага...” [7, с. 55–56].

З узмацненнем рэпрэсій і праследаванняў з боку польскай паліцыі (у 1937 г. пракаціліся тры рэпрэсійныя хвалі) частка падпольшчыкаў пакінула Заходнюю Беларусь і перайшла ў Савецкі Саюз. Застаўшыся члены групы працягвалі дзейнасць. Каб больш паспяхова весці прапаганду сярод насельніцтва ў дамах асобных жыхароў (Г.Х. Данілевіча, В.І. Маліча, І.К. Кузюра) былі ўстаноўлены дэтэктарныя радыёпрыёмнікі для праслухоўвання радыёперадач з Масквы і Мінска. Паведамленні распаўсюджваліся сярод падпольшчыкаў і насельніцтва Моталі. Такая праца праводзілася да восені 1939 г.

Ва ўмовах нарастання барацьбы працоўных і значных поспехаў па стварэнні адзінага народнага фронту Кампартыя Польшчы і яе састаўная часткі – КПЗБ і КПЗУ – у сакавіку 1938 г. былі распушчаны і перасталі існаваць. У 1936–1937 гг. былі арыштаваны,

выкліканья ў СССР кіруючыя работнікі КПЗБ: І.К. Лагіновіч, М.С. Майскі, М.П. Маслоўскі, А.С. Славінскі, В.З. Харужая і шэраг іншых камуністаў. Большасць з іх загінула ў сталінскіх турмах, або лагерах НКУС. Было сфабрыкавана абвінавачванне, што яны з'яўляюцца агентамі польскай дэфензівы. Былыя члены КПЗБ не спынілі сваёй дзейнасці, яны ў 1939 г. актыўна дапамагалі ўстанавленню савецкай ўлады.

1 верасня 1939 г. Германія напала на Польшчу. Яе народ першы ўзняўся на абарону свайго нацыянальнага існавання. Але Польшча аказалася непадрыхтаванай у ваенна-палітычных адносінах да абароны дзяржаўнай незалежнасці. Нягледзячы на мужнае супрацьўленне польскай арміі, урад і ваеннае камандаванне не змаглі арганізаваць эфектыўную абарону і 17–18 верасня 1939 г. выехалі ў Румынію, а затым у Францыю і Англію. Амаль уся тэрыторыя карэннай Польшчы была занята нямецкімі войскамі.

Ва ўмовах выхаду германскай арміі на этнічныя беларускія землі савецкі ўрад аддаў распараджэнне Чырвонай Арміі ўзяць пад абарону тэрыторыі Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі.

17 верасня 1939 г. войскі Чырвонай Арміі пачалі паход у Заходнюю Беларусь. Па дагаворы аб сярброўстве і межах, падпісаным СССР і Германіяй 28 верасня 1939 г. мяжа "дзяржаўных інтарэсаў" была ўстаноўлена па рэках Сан і Заходні Буг.

18 верасня 1939 г. члены КПЗБ вывесілі чырвоны сцяг на будынку паліцэйскага пастарунка Моталя, раззброілі асаднікаў і ляснічых, стварылі атрад народнай міліцыі з жыхароў мястэчка. Моталяне ўрачыста рыхтаваліся да сустрэчы чырвонаармейцаў. На вуліцах пры ўездзе ў мястэчка былі пабудаваны і ўпрыгожаны аркі з партрэтамі Сталіна, Молатава, Варашылава. 21 верасня у м. Моталь увайшлі часці Чырвонай Арміі. Жыхары з транспарантамі, чырвонымі сцягамі сустракалі чырвонаармейцаў.

У Моталі стравараецца грамадзянскае кіраванне. Старшынёй Мотальскага пасялковага Савета абралі Н.В. Раікевіча, сакратаром – П.М. Палто. Камэндантам мясцовай міліцыі зацвердзілі М.М. Мінюка.

Робячы высновы, можна адзначыць, што беларускі народ не мірыўся з прыгнечаным станам ішчам і змагаўся за сацыяльную і нацыянальную незалежнасць. Барацьба працоўных мела вялікае значэнне для ўз'яднання беларускага народа і захавання яго як этнасу. Яна садзейнічала развіццю нацыянальнай і палітычнай свядомасці. У гэтай барацьбе здабывалі вопыт палітычныя партыі, рухі, нацыянальна-вызваленчыя арганізацыі

Літаратура

1. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. ч.2 / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.
2. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1 (1917-1922). – Мінск: Навука і тэхніка, 1997. – 240 с.
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца / Беларус. Энцыкл. Рэдкал.: М.В. Біч і інш. – Мінск: БелЭн. 1993. – 494 с.
4. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Іванаўскага р-на. – Мінск: БЕЛТА. 2000. – 592 с.
5. Отчёты отдела общественной безопасности Полесского воеводского управления, органов полиции, донесения поветовых старост о ликвидации ОК КПЗБ в Пинске и РК КПЗБ в Мотале Дрогичинского повета // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці / (ДАБВ) / – ф. 1.– Воп. 10. – Спр. 131.
6. Дело по обвинению Наумовца Владимира и других в принадлежности к КПЗБ // ДАБВ / – ф. 2042.– Воп. 1. – Спр. 12058.
7. Стасевіч, П.С. Вёска над Ясельдай: Гіст.-краязн. нарыс. – Мінск: Польшча, 1991. – С. 101.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИРОДОРЕСУРСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛОРУССИИ ПОСЛЕ ИХ ВОССОЕДИНЕНИЯ С БССР

Речиц Е.В.

УО «Брестский государственный технический университет»

В ходе иностранной интервенции 1918–1920 гг. территория Беларуси была поделена на две части: западную и восточную, становление власти и государственности в которых осуществлялось в разных направлениях.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой, территория Западной Белоруссии была включена в состав Польского государства [1, 235].

23 августа 1939 г. правительство СССР в качестве правопреемника РСФСР и УССР в указанном договоре заключило с Германией пакт о ненападении с двумя секретными протоколами к нему, разделяющими сферы влияния Германии и Советского Союза (пакт Молотова-Риббентропа). В секретных протоколах отмечалось, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы относительно Виленской области признаются обеими сторонами [1, 240-241]. Тем самым был нарушен Рижский мирный договор от 18 марта 1921 г. (ст. 5) в одностороннем порядке.

1 сентября 1939 г. Германия развязала войну против Польши. По распоряжению Советского правительства Красная Армия 17 сентября 1939 г. перешла государственную границу Польши и взяла под свою защиту территорию Западной Белоруссии [2, 19].

2 ноября 1939 г. V чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР, а 12 октября 1939 г. III внеочередная сессия Верховного Совета БССР приняли Закон «О включении Западной Белоруссии в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Белорусской Советской Социалистической Республикой» [3, 83].

С воссоединением белорусского народа в едином Советском государстве на всю территорию Белоруссии было распространено действие законодательства СССР и БССР.

В качестве основной задачи советского природоресурсного законодательства ставилось уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма во всех странах.

Природоресурсное законодательство указанного периода основывалось на Конституции СССР 1936 г. [4] и Конституции БССР 1937 г. [2, 7-16] и состояло из актов советского законодательства, содержащих нормы, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды и природопользования.

Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией БССР 1937 г. определялась система органов, осуществляющих государственное управление вопросами охраны и использования природных ресурсов. Так, установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Советского Союза находилось в ведении СССР в лице его высших органов власти (Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета СССР) и органов государственного управления (Совета Народных Комиссаров СССР). БССР наделялась правом установления порядка пользования землей, недрами, лесами и водами.

Кроме того, предусматривалось учреждение входящих в состав Совета Народных Комиссаров СССР Народного Комиссариата Земледелия и Народного Комиссариата Лесной промышленности во главе с соответствующими Народными Комиссарами, являющимися членами Совета Народных Комиссаров БССР. Также было создано Белорусское управление лесоохраны и лесонасаждений.

В исполнительных комитетах областных и районных Советов создавались земельные отделы, некоторые исполкомы областных отделов образовывали также отделы (или управления) лесной промышленности.

Первый Народный Комиссар Земледелия П.А. Кольцов и первый Народный Комиссар Лесной промышленности В.Б. Гайсин были утверждены на указанные должности на первой сессии Верховного Совета 28 июля 1938 г.

Конституционные нормы активно содействовали укреплению социалистической собственности на природные богатства и превращению ее в безраздельно господствующую в обществе. Земля, её недра, воды, леса объявлялись государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. В силу этого закреплялся принцип бесплатного и бессрочного пользования землей колхозами, согласно которому земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно.

Большое значение для улучшения регулирования внутрискотхозных земельных правоотношений имело конституционное закрепление приусадебного землепользования: каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, наделялся правом иметь в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли.

Следует отметить, что провозглашенные Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией БССР 1937 г. принцип общенародной государственной собственности на землю, занимаемую артелью, и принцип бессрочного пользования земельным участком уже были закреплены ранее Примерным уставом сельскохозяйственной артели, утвержденным СНК СССР и ВЦК КП(б) 17 февраля 1935 г. [5, 529]. Кроме того, Уставом был введен принцип неуменьшаемости колхозных земель: земли колхозов могли только увеличиваться за счет государственного фонда и земельных участков единоличников. Выбывшие из колхоза могли получить новые наделы лишь на свободных землях государственного фонда.

Устав окончательно закреплял институт приусадебного землепользования колхозного двора, рекомендовав установить размер приусадебных участков колхозных дворов в пределах от 0,25 до 0,5 га. Земельные участки, превышающие предельную норму (0,5 га), подлежали обрезке, а недостающие низшего предела (0,25 га) могли увеличиваться до 0,5 га. При этом отводить приусадебные участки предлагалось только из земель, непосредственно прилегающих к дворам колхозников. Дифференциация размеров приусадебных участков определялась постановлением СНК БССР и ЦК КП(б) «О мероприятиях по выработке, обсуждению и принятию колхозами уставов сельскохозяйственной артели по Белорусской ССР» [5, 530].

В соответствии с Уставом СНК СССР 7 июля 1935 г. принял постановление «О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей» [5, 529] и утвердил инструкцию о порядке составления и выдаче артелям этих актов.

Государственный акт на бессрочное пользование землей составлялся в двух экземплярах: первый вручался правлению сельскохозяйственной артели, второй хранился в райисполкоме. В государственном акте указывались размеры и внешние границы земли, передававшейся колхозу в бессрочное пользование. Составлению государственных актов предшествовали землеустроительные работы, во время которых определялись в натуре размеры и внешние границы колхозных земель, устранялись чересполосица, дальнотельность и другие недостатки землепользования.

Проект внешних границ колхоза обсуждался на общем собрании членов сельхозартели в присутствии председателя сельского совета. Вместе с протоколом общего собрания и другими необходимыми материалами он поступал на утверждение в райисполком. Споры между колхозами о границах их земель разрешались районными земельными комиссиями, окончательное утверждение решений которых относилось к компетенции райисполкомов.

Вручение колхозам государственных актов на вечное пользование земель проводилось в соответствии с постановлением СНК БССР от 26 июля 1935 г. и только по плану, утвержденному ЦК КП(б) и СНК БССР [5, 530].

Решая задачу рационального использования земель и хозяйственного укрепления колхозов в соответствии с постановлением СНК СССР от 25 декабря 1936 г., правительство БССР 26 января 1937 г. приняло постановление «О возвращении колхозам ранее отрезанных у них земель сельскохозяйственного назначения» [2, 62]. От совхозов, подсобных хозяйств ор-ов и других организаций было изъято и возвращено колхозам республики 230 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, а из госфонда передано 480 тыс. га леса.

Исходя из конституционного принципа бесплатного землепользования, ЦИК и СНК СССР в июне 1937 г. приняли Постановление «О запрещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного назначения» [2, 118]. Такие земли предоставлялись учреждениям, организациям и гражданам только в бесплатное пользование. В декабре 1937 г. это постановление было распространено на побочное использование земель лесного фонда: запрещалось взимать арендную плату за выпас скота, сенокосение и другие виды побочного пользования.

Земельное законодательство предусматривало ряд мер, направленных на то, чтобы колхозные земли использовались по целевому назначению и не разбазаривались, в частности, не отводились без крайней необходимости государственным и общественным предприятиям и организациям. Согласно Постановлению СНК СССР от 2 июня 1938 г. [2, 119], изъятие земли у колхозов для государственных нужд (строительство предприятий, прокладка местных дорог и т. д.) могло производиться только в случаях особой необходимости, с согласия колхозов и лишь по ходатайствам Совнаркомов республик, краевых или областных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся. Такие ходатайства должны были подробно обосновывать необходимость изъятия земли у колхозов. Изъятие земли в пределах до 10 га допускалось с разрешения Народного комиссариата земледелия СССР (с последующим сообщением в СНК СССР), а свыше 10 га – только с разрешения СНК СССР.

Новый порядок изъятия колхозных земель для государственных нужд значительно укрепил колхозное землепользование, придав ему стабильность и установив надежную защиту со стороны государства от необоснованных притязаний на переданные колхозам земли.

Увеличение объема изыскательных и эксплуатационных работ в горнодобывающей промышленности потребовало организации при СНК БССР в конце 1938 г. Горно-технической инспекции.

Принимая меры по упорядочению приусадебного землепользования колхозников, 11 марта 1939 г. СНК БССР принял постановление «О размере приусадебных участков колхозников» [2, 62]. В нем разъяснялось, что сады, находящиеся в личном пользовании колхозников, включаются в норму приусадебного участка, предусмотренного Уставом сельскохозяйственной артели.

В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г. [2, 62] общественные земли колхозов объявлялись неприкосновенными. Изменение размеров земельных участков допускалось только по особому разрешению правительства СССР и только путем их увеличения. Устанавливалась ответственность партийных, советских и колхозных руководителей за нарушение законодательства о колхозном землепользовании, особенно за увеличение приусадебных участков сверх норм

участков за счёт общественных земель и сдачи колхозных земель в аренду, установленных уставами колхозов. Постановление обязывало партийные, советские и колхозные органы провести обмен приусадебных участков колхозников и устранить факты незаконного расширения приусадебных путем передачи выявленных при обмере излишков в общественный земельный фонд колхозов. Для более рационального использования общественных земель колхозов предлагалось переселить жителей хуторов в сельские поселки.

Для установления чёткого правового режима колхозных земель и их охраны земельный массив колхоза делился на земли общественного и приусадебного пользования. Фонд приусадебного землепользования подлежал строгому ограничению от общественных земель колхоза.

Учет колхозных земель определялся в указанном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР как важнейшее условие правильной организации и охраны. В каждом колхозе вводилась шнуровая земельная книга, в земельных отделах райисполкомов – государственная книга регистрации земель, в которой учитывались: единый земельный массив каждого колхоза, закрепленный актом на вечное пользование землей, общественные земли колхозов, приусадебные участки колхозов, земли, находящиеся в личном пользовании единоличников и других, не состоящих в колхозах, землепользователей.

В сентябре 1939 г. при СНК БССР учреждается Главное управление рыбной промышленности. Правовой основой его деятельности в области охраны и использования рыбных ресурсов являлся Закон «О рыболовстве» от 3 марта 1932 г. [6, 209].

В целях охраны, развития и конкретизации закреплённых Конституцией БССР 1937 г. социалистических принципов землепользования на территории западных областей Белоруссии Белорусское Народное Собрание в Декларации Народного Собрания Западной Белоруссии «О конфискации помещичьих земель» от 30 октября 1939 г. [7, 237], руководствуясь кровными интересами трудового крестьянства и выражая волю всех трудящихся масс, провозгласило о конфискации на территории Западной Белоруссии, без всякого выкупа, помещичьих земель, земель монастырей и земель крупных государственных чиновников. Отныне вся земля Западной Белоруссии с ее недрами, а также лесами и реками, объявлялась народным достоянием, т.е. государственной собственностью.

Однако следует признать, что указанная Декларация лишь закрепила произведенный ранее земельный раздел. Дело в том, что с установлением народной власти крестьяне под руководством крестьянских комитетов незамедлительно приступили к разделу земель, принадлежавших при буржуазном правительстве помещикам, осадникам, крупным государственным чиновникам и другим эксплуататорам. Землей в первую очередь наделялись батраки и бедняки, значительные прирезки земли получили и середняки. Такой раздел земель проводился по инициативе крестьян до решения Народного собрания. Местные временные органы народной власти, идя навстречу пожеланиям беднейших крестьян, не препятствовали разделу земель помещиков и осадников.

Хотя конфискация помещичьих земель укрепила симпатии трудового населения деревни к новой власти, упрочила союз рабочего класса и трудового крестьянства, однако и сами трудящиеся лишались права частной собственности на землю. Земля, занимаемая колхозами, закреплялась за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно.

19 октября 1939 г. Экономический совет при СНК СССР утвердил формы колхозной шнуровой земельной книги и государственной книги регистрации земель. Для периодической проверки фактических размеров общественных земельных фондов колхозов, приусадебных участков колхозников и земель, находящихся в единоличном пользовании, в народном комиссариате земледелия БССР, областных земельных отделах вводились должности ревизоров-землемеров, возглавлявших группы инвентаризации земель по Постановлению СНК БССР от 13 февраля 1940 г. [2, 120].

Упорядочивалось землепользование живущих в сельской местности, но не состоящих в колхозе работников (рабочих, учителей, агрономов и др.). Рабочим и служащим этой категории приусадебный участок (не более 0,15 га вместе с площадью под постройками) выделялся при наличии у колхоза свободных земель приусадебного фонда. Колхозам разрешалось предоставлять выпасы для личного скота рабочим и служащим за плату, возмещающих расходы колхоза на содержание выгонов и водопоев.

В ноябре 1939 г. при СНК БССР учреждается Управление по заповедникам, зоопаркам и зоосадам.

В связи с необходимостью дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции по-новому ставилась задача осушения болот и заболоченных земель, занимавших в 1940 г. более 30 % территории БССР.

Это повлекло принятие СНК БССР и ЦК КП(б) постановления «О мероприятиях по улучшению мелиоративного строительства в БССР» от 8 апреля 1940 г. [2, 120], в котором подчеркивалось огромное народнохозяйственное значение осушения и освоения заболоченных земель и указывалось на серьезные изъяны в этом деле. План по отдельным мелиоративным работам не выполнялся. Во многих районах БССР осушенные земли не вводились в сельскохозяйственный оборот, что значительно снижало экономическую эффективность мелиорации. Средства, выделенные государством на мелиорацию, нередко расплывались по многочисленным мелким объектам, которые могли быть осушены силами землепользователей.

В постановлении были намечены конкретные мероприятия по устранению недостатков, ускорению мелиорации и освоения заболоченных земель. СНК БССР и ЦК КП(б) указывали на крайнюю необходимость широкого использования в мелиоративном строительстве трудовых и финансовых средств колхозов.

Постоянного внимания требовала охрана водно-мелиоративных сооружений. Из-за неправильной эксплуатации, в частности несвоевременности проведения текущего и капитального ремонта, большая часть осушительных систем БССР была крайне запущенной и разрушенной.

Ввиду этого 15 января 1941 г. СНК БССР утвердил правила эксплуатации и охраны водно-мелиоративных систем и сооружений [2, 121]. Все водоотводящие системы (отрегулированные реки и главные магистральные каналы), являвшиеся водоприемниками для осушения крупных земельных массивов ряда колхозов, совхозов или проходившие по территории нескольких землепользователей, должны были охраняться и поддерживаться в исправном состоянии Наркоматом земледелия и его местными органами. Регулирующая мелиоративная сеть и сооружения на ней, магистральные каналы, пролегающие по обособленным земельным массивам колхозов, совхозов или подсобных хозяйств, охранялись и ремонтировались землепользователями.

Правилами устранялся узковедомственный подход к мелиоративному строительству: все ведомства обязывались согласовывать с Наркоматом земледелия планирование и проведение любых водохозяйственных работ. Использование мелиоративных магистралей для лесосплава, рыбохозяйственных целей, спуска вод с торфоразработок разрешалось только с согласия Наркомата земледелия и Наркомсовхозов БССР. Наркомат земледелия должен был согласовывать водохозяйственные мероприятия, затрагивающие интересы других водопользователей, и удовлетворять их в пределах технико-экономической целесообразности. На заинтересованные ведомства и организации возлагалось финансирование проводимых Наркоматом земледелия водохозяйственных работ в размере получаемых ими выгод.

Наркомату земледелия вменялись в обязанность разработка и введение водно-мелиоративного кадастра БССР, который вводился для регистрации всех мелиоративных систем и сооружений независимо от их ведомственной принадлежности и целевого назначения. Обязательными элементами водно-мелиоративного кадастра являлись карты мелиоративных систем и регистрация осушенных этими системами земель.

В правилах содержались также нормы, регулирующие охрану мелиоративных рек и магистральных каналов при сплаве леса, использовании их для рыбозаведения и рыбной ловли, эксплуатацией в связи с торфодобычей.

Для сохранения берегов по обеим сторонам мелиоративных магистралей устанавливалась охранная береговая полоса шириной 5-10 м, остававшаяся в ограниченном пользовании прибрежных хозяйств. Порядок пользования устанавливался в каждом случае Наркоматом земледелия БССР. На охранной береговой полосе запрещалось возводить постройки и сооружения, прокладывать дороги, пасты и прогонять скот.

В связи с намечавшейся большой программой мелиоративных работ в марте 1941 г. был образован Народный комиссариат мелиорации БССР, что явилось шагом на пути реализации идеи создания высшего руководящего органа для всего водного хозяйства, сформулированной Водным законом 1922 г. [6, 114].

6 марта 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об осушении болот в Белорусской ССР и использовании осушенных земель колхозами для расширения посевных площадей и сенокосов» [2, 122].

Однако осуществление этих и многих других мероприятий было сорвано внезапным нападением 22 июня 1941 г. на СССР фашистской Германии с целью ликвидации советского социалистического строя и порабощения советского народа.

Историческое значение событий 1939 г. бесспорно и состоит в том, что они знаменовали дальнейшее укрепление Советского многонационального государства, явились ярким подтверждением жизнеспособности и дальнейшего расцвета социалистических наций в составе Советского Союза. Так была закреплена победа трудящихся Западной Белоруссии в борьбе за установление Советской власти, воссоединение с БССР и вхождение в состав великого Советского Союза.

Перед трудящимися западных областей Белоруссии открылись широкие возможности социально-экономического и культурного развития. Началось осуществление коренных преобразований во всех областях жизнедеятельности социалистического общества. Однако при их проведении не был использован богатейший опыт Польского государства, его успехи в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, в т.ч. прогрессивные тенденции развития природоресурсного права.

Исходя из современного опыта национального законодательства, очевидно, что распространение действия законодательства СССР и БССР на западные области Белоруссии в определенной степени затормозило процесс формирования на указанной территории системы эффективных правовых норм, регламентирующих отношения в области охраны окружающей среды и природопользования, отвечающих актуальным потребностям общества и государства.

Литература

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – Мінск: Амалфея, 2007. – 400 с.
2. История государства и права Белорусской ССР (в двух томах). Т. 2 (1937 – 1975 гг.). – Мн.: Наука и техника, 1976. – 656 с.
3. Вішнеўскі, А.Ф., Саракавік, І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Некаторыя пытанні і адказы / А.Ф. Вішнеўскі, І.А. Саракавік. – Мн.: ЗАТ «Веды», 1997. – 108 с.

4. Конституция СССР 1936 г. // http://constitution.garant.ru/DOC_3858677.htm
5. История государства и права Белорусской ССР (в двух томах). Т. 1 (1917 – 1936 гг.). – Мн.: Наука и техника, 1970. – 608 с.
6. Бжезинский, В. Правовая охрана окружающей среды / В. Бжезинский. – М: ПРОГРЕСС, 1979. – 251 с.
7. Вішнеўскі, А. Ф., Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён): Вучэб. дапаможнік / Пад агул. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мн.: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД СОВЕТИЗАЦИИ. 1939-1941 гг.

Розенблат Е. С., Никитенкова Л. П.

УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина»

Западные области Беларуси в рассматриваемый период представляли собой многонациональный регион. Сложившийся на протяжении XVIII-XX вв. баланс между белорусским, польским, еврейским и русским населением во многом определял лицо края, являясь причиной целого ряда специфических особенностей его исторического, культурного, социально-экономического и общественно-политического развития. Евреи, в силу высокого удельного веса среди городского и местечкового населения, что определяло их профессиональный состав и род занятий, представляли важную, с точки зрения государственных интересов, часть общества, от обеспечения продуктивности труда которой во многом зависела экономическая стабильность (благополучие) в регионе. Понимание важности разрешения "еврейского вопроса" приводило к принятию со стороны властей мер по сохранению и поддержанию "еврейской полезности", что одновременно сочеталось со стратегическими намерениями к ограничению сфер влияния евреев и недопущения их к участию в государственных структурах.

В период 1921-1939 гг. евреи занимали в польском обществе своеобразные позиции. С одной стороны, еврейское население в значительной степени было наиболее лояльной частью национальных меньшинств, не представлявшее угрозы существованию польского государства. В системе межнациональных отношений, сложившейся в Польше, в роли опасных для государственных устоев элементов в 1920-30-е гг. выступали, прежде всего, украинцы и белорусы – основное население "кресов восточных", претендующее на изменение своего статуса. С другой стороны, еврейское население Западной Беларуси представляло собой самый маргинальный элемент региона. Происходил постепенный и неуклонный процесс отрыва части евреев от привычной среды, их выход за традиционные рамки ремесленного производства и торговли. Маргинализация усилилась в результате экономического кризиса и целенаправленной политики правительства, направленной на экономическую, политическую и правовую дискриминацию евреев. Маргиналы складывались в группу, готовую к решительным действиям для реализации своего личного, социального и общественного потенциала. Ситуация усугублялась общей экономической отсталостью восточных провинций Польши. Следует отметить также традиционно высокий процент среди евреев людей свободных профессий, т. е. наличие интеллигентной и полуинтеллигентной массы населения. Взятый в 1930-е годы политический курс польского государства и ужесточение государственной политики в отношении еврейского населения спровоцировали нарастание среди евреев оппозиционных антипольских настроений. Немалую роль также играла и революционная пропаганда из СССР. Именно на этой

платформе – неприятия польской власти – происходила солидаризация части еврейского и белорусского населения Западной Беларуси и формирование его просоветской ориентации. Вместе с тем, традиции польского антисемитизма, поощрявшегося государством, пустили глубокие корни среди нееврейского населения Западной Беларуси.

После присоединения к БССР на территории Западной Беларуси были образованы 5 областей: Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская, где, по данным на 1 января 1941 г. проживало 4.815.500 человек, в том числе 404.500 евреев (8,4 %) [1; 42]. Основная масса еврейского населения Западной Беларуси была сконцентрирована в городах и местечках (в среднем, евреи составляли от 30 до 60 % жителей). Так, в м. Дивин (бывший Кобринский уезд) евреи составляли 60 % населения (2.113 человек), в то время как в Дивинском районе еврейское население составляло 3,9 % (1.203 человека) [2]. В м. Столин проживало 3.630 евреев (51 % жителей местечка), а в целом по бывшему Столинскому уезду евреи составляли 9 % населения [3]. По роду занятий еврейское население было представлено практически во всех хозяйственных сферах, однако основная масса еврейского населения городов и местечек занималась ремеслом и торговлей. Евреи составляли более 70 % всех торговцев и ремесленников “кресов восточных” Польши [4; 21]. Кроме того, в западнобелорусских областях существовали и немногочисленные сельскохозяйственные еврейские колонии (например, д. Иваники Пинского района и др.).

Вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси неизбежно влекло за собой изменение и обострение межнациональных отношений в регионе. Хотя формально освободительный поход Красной Армии ставил целью “освобождение украинских и белорусских братьев”, фактически советской пропагандой евреи были включены в число народов, которые “тяжело унетались реакционным польским режимом”. Провозглашавшийся интернационализм, равенство наций и народностей, навсегда снимал все ограничения и запреты, уравнивал евреев в правах с коренным населением республики. Именно поэтому еврейские массы с энтузиазмом приняли участие в политическом строительстве на присоединённых территориях, выражая свои просоветские настроения. На этом этапе с советской властью сотрудничали главным образом левачьи элементы (бывшие члены КПЗБ, КПП и др.). Однако часто, особенно в местечках, их поддерживали и традиционные еврейские авторитеты.

В первые недели войны евреи, воспользовавшись бегством представителей польской администрации, проявили инициативу до прихода частей Красной Армии и заполнили с согласия либо без согласия остального населения образовавшийся вакуум власти на местах практически во всех городах и местечках Западной Беларуси, где еврейское население нередко составляло большинство. В этот период активность еврейского населения проявилась в формировании силовых структур по поддержанию общественного порядка (рабочей гвардии, отрядов милиции, различных комитетов и т. д.). В период межвластия, когда обречённость польской власти была очевидна, а установление власти Советов было вопросом ближайших дней, самостоятельно, а зачастую стихийно созданные организации взяли на себя функции сбора оружия, ареста представителей польской армии и управленческого аппарата. В г. Пинске, благодаря бдительности рабочей гвардии, был задержан министр юстиции польского правительства Михаловский, опознанный бывшим членом КПЗБ Басей Гилер. Активное участие евреев в процессе “захвата власти” наблюдалось также в местечках и деревнях, где был высокий процент еврейского населения. Так, в д. Иваники уже утром 18 сентября 1939 г. были организованы боевые группы самообороны из числа местных евреев, в ряды которых вступали евреи-дезертиры из польской армии. В м. Мотоль и под м. Телеханы произошли кровавые стычки между аналогичными группами самообороны, полицией и частями польской армии [5].

Наиболее известным вооружённым восстанием против польской власти на территории Западной Беларуси до прихода Красной Армии является восстание в м. Скидель. Некоторые польские авторы характеризуют это восстание как белорусское или еврейско-белорусское [6; 17]. Однако расследование, проведённое советскими властями в 1939-1940 гг., показывает, что большинство участников восстания составляли евреи. В спецдонесении секретарю Белостокского обкома от 3 июня 1940 г. содержится следующее описание событий в местечке: "...18 сентября 1939 г. в Скидельской волости Гродненского уезда состоялось восстание против польской власти, был арестован польский гарнизон, захвачена почта, электростанция... Из Гродно были направлены каратели... 19 сентября, за несколько часов до прихода Красной Армии, восстание было подавлено. При подавлении восстания были зверски убиты 29 человек, в том числе один из руководителей восстания комсомолец Почемок Лазарь. Около 200 человек... были положены лицом к земле... Каратели заставили их целовать землю с криком: "Целуйте, жида-коммунисты, польскую землю, она никогда не будет вашей!"... Дома восставших жгли и взрывали...". Выезжая в м. Скидель на подавление восстания, жандармы, по словам очевидцев, заявляли: "Будем пить еврейскую кровь, как воду" [8]. Приведённые цитаты свидетельствуют что основными участниками восстания в Скиделе были евреи.

Есть примеры и бесконфликтной смены власти. В м. Телеханы Пинской области местный комендант польской полиции перед тем, как покинуть местечко, публично объявил, что передаёт всё оружие полицейского участка местным евреям во главе с раввином Гликом и братьями Лейбелем и Эфраимом Клитниками для обеспечения безопасности населения и имущества [4; 43].

Одним из факторов, повлиявшим на самоорганизацию евреев, явился страх перед возможными погромами. Местечки являлись наиболее уязвимыми населёнными пунктами для проявления актов агрессии и мародёрства со стороны местных жителей. Опасность погромов была реальной. В г. Гродно еврейский погром состоялся перед приходом Красной Армии. Вице-президент города Роман Савицкий организовал расправу с сочувствующими советской власти под предлогом поисков освободившихся из тюрьмы политзаключённых, якобы стрелявших в польских солдат. Активное участие в погроме приняли отступавшие солдаты и офицеры польской армии, жандармы и гражданское население. Погромщики действовали как группами, так и поодиночке. Оружие для отрядов было доставлено из военных казарм. В ходе погрома было убито 25 евреев, жители города подвергались издевательствам, избиениям и арестам. Большое количество еврейских домов было разгромлено [7].

Во многих западнобелорусских городах были образованы органы, которые взяли на себя функцию наведения порядка, где преобладали евреи либо был смешанный еврейско-белорусский состав. Как неоднократно отмечалось в мемуарах, отряды еврейских добровольцев постоянно патрулировали улицы городов с оружием в руках, стараясь не допустить столкновений между поляками и евреями (так было в г. Лиде и других городах и местечках) [8; 30]. В деревнях и сёлах, как правило, власть в свои руки взяли белорусы. Особую активность проявляли члены КПЗБ. Вооружённые формирования служили не только средством защиты для еврейского населения от возможных межнациональных конфликтов, но и сами представляли собой угрозу для определённой части польского населения. Убийства и грабежи поляков носили двоякий характер. В одних случаях это были политические акции, направленные против представителей польских властей. Так, рабочая гвардия г. Пинска во главе с бывшим членом КПЗБ Беньямином Додюком, в которую вошли М. Жуковский-Зильбер, Г. Шклярник, Ш. Шклярник, Владимир Антонович, Абрам Горбат, Юдель Кот и др., расстреливала польских офицеров и полицейских, застиг-

нутых с оружием в руках, на месте [9; 44-45]. В других случаях в качестве мотива для убийства выступало желание обогатиться за счёт жертв. В сельской местности подобные действия совершались, в основном, белорусами, а в городах и местечках – евреями.

Прокоммунистические настроения части еврейского и белорусского населения проявились в организации праздничных встреч частей Красной Армии во время вступления их в города и местечки.

С установлением советской власти произошла ломка традиционной для западнобелорусского региона схемы "государство – евреи". Первые мероприятия советской власти – национализация, стремительное исчезновение товарной массы – привели к разорению десятков тысяч еврейских торговцев и лавочников. «Буржуазные элементы» были удалены из общественной и социально-экономической жизни края, не успевшие спастись бегством еврейские банкиры, владельцы торговых и промышленных предприятий, крупные домовладельцы, члены еврейских политических и общественных организаций были арестованы и депортированы. Зато для остальной части еврейского населения, чьё социальное происхождение отвечало основным критериям советского государства, появилась невиданная до сих пор возможность изменить свой статус и претендовать на вхождение в состав новой советской элиты. Процесс маргинализации охватил значительные слои еврейского населения, которое воспользовалось исчезновением польской интеллигенции, оголением административно-хозяйственного аппарата. Именно тогда огромная интеллигентская и полуинтеллигентская еврейская масса хлынула в образовавшуюся нишу, занимая места в новых государственных структурах и стремясь найти своё место в создававшейся системе распределительной экономики.

В западных областях Беларуси был достаточно высокий процент евреев среди местных выдвиженцев. Так, по Пинской области на январь 1941 г. евреи составляли 25,3 % среди местных выдвиженцев, причём в областных организациях и учреждениях – около половины состава (49,5 %). По Слонимскому району среди 1.804 чел. местных выдвиженцев было 786 белорусов (43,5 %), 782 еврея (43,3 %), 189 поляков (10,4 %), 34 русских (1,8 %) и 13 представителей других национальностей (0,6 %) [10]. Интересна самооценка изменения евреями своего социального статуса. По признанию жителя города Лиды Самуэля Манского, его вступление в ряды милиции позволило ему не стоять в очередях и возвысило его в глазах окружающих: "Люди с уважением смотрели на нас, это было хорошее ощущение" [8; 30]. Таким образом, немалую роль в стремлении выдвинуться играла престижность принадлежности к новой власти и, особенно, к силовым структурам. Анализ воспоминаний показывает, что большое значение для изменения самосознания евреев имел факт получения оружия. Тот же С. Манский с удовольствием вспоминает об участии в конвоировании своего бывшего учителя-антисемита, арестованного советскими солдатами.

С учётом национального состава городов и местечек и в связи с удалением поляков из государственной, хозяйственной и социальной инфраструктуры закономерным является процесс заполнения освободившихся мест именно евреями, исходя из их образовательного уровня и традиционных занятий. В первую очередь, как это видно на примере Пинской области, это касалось врачей (евреи составляли 64,7 %), бухгалтеров, счетоводов и плановиков (49,2 %), учителей (24,8 %) и т. д.

Правда, отмечая складывавшуюся диспропорцию местного представительства, советские власти пытались исправить ситуацию, проводя "дееврейзацию" кадров. Так, в докладной, отправленной начальником Гродненского ГО НКВД секретарю Гродненского горкома партии Г. Позднякову говорилось, что руководство Гродненского горпищепромторга ведёт неправильную политику подбора кадров: из 564 чел., занятых в торговой сети и заготовконторе горпищепромторга, 405 работников – евреи (около 72 %), что "противоречит национальной политике нашей партии" [11].

В Советском государстве евреи не могли продолжать существование как этно-конфессиональная группа, т. к. против иудаизма (как и против других религий) велась борьба, а национальные самоуправленческие структуры, существовавшие при польской власти, были уничтожены. Традиционный уклад, «общинность» еврейской жизни, характерные для западных областей Беларуси до 1939 г., были разрушены. Евреи не могли войти в новое общество, сохранив прежнюю профессиональную структуру. С исчезновением частного сектора в экономике исчезли т. н. «еврейские капиталисты»: торговцы, владельцы предприятий, банкиры, крупные домовладельцы. Но в профессиональной структуре еврейского общества появился новый сегмент: советские служащие.

Преобразования, развёрнутые в западных областях Беларуси в 1939-1941 гг., привели к расколу еврейского общества в восприятии советской власти. Если принять за критерий реакцию евреев на новый режим, дифференциация будет выглядеть следующим образом:

1. Люди, настроенные антисоветски (в основном, непримиримые верующие и пострадавшие в ходе советизации западных областей). Эта группа неуклонно уменьшалась вследствие работы органов НКВД.

2. Люди, принявшие советскую власть, поддержавшие её по идейным или карьерным соображениям. Для многих евреев западных областей Беларуси приезд т.н. «восточников» – советских и партийных работников, среди которых евреи составляли 10-20 %, наглядно показывал перспективы активной поддержки советской власти. Евреи-«восточники» занимали высокие должности в советских и партийных органах, прокуратуре, судах, органах НКВД, и для евреев западных областей Беларуси это являлось лучшим доказательством воплощения идей равенства народов и интернационализма советского государства.

3. Основная масса еврейского населения, характеризующаяся аполитичностью, выбравшая путь адаптации к новым условиям жизни и труда. Ремесленники-частники объединялись в артели, мелкие торговцы мимикрировали – старались попасть в торговую государственную сеть вчерашние учащиеся хедеров становились советскими школьниками...

Еврейское общество западных областей Беларуси в 1939-1941 гг. сохраняло относительную устойчивость, но её трансформация в сторону модернизации и урбанизации в русле общей политики советизации была неизбежна.

Литература

1. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мн., 1993. Израильская историография оценивает количество евреев на территории Западной Беларуси в 1939-1941 гг. в 500.000 человек.

2. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО), ф. 292, оп. 1, д. 13, л. 47 д. 25, л. 5.

3. ГАБО, ф. 7581 "П", оп.1, д. 45, л. 67, 69.

4. Levin D. The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939-1941. – Pfiladelpia Jerusalem, 5755/1995.

5. Воспоминания бывшего члена КПЗБ Горбата А.В.

6. Jasiewicz K, Strzembosz T, Wierzbicki M. Ogólna charakterystyka okupacji Sowieckiej na ziemiach Polnocno-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941 // Okupacja Sowiecka (1939-1941) w świetle tajnych dokumentów. – Warszawa, 1996.

7. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (далее ГАООГО), ф. 6195, оп. 1, д. 90, л. 235, 236, 1-9.

8. Manski S., Manski C. F. With God's Help. – Madison, Wisconsin, 1990.

9. Розенблат, Е., Еленская. И. Пинские евреи / Е. Розенблат, И. Еленская. – Брест, 1997.

10. ГАООГО, ф. 2191, оп. 45, д. 95, л. 1-28.

11. ГАООГО, ф. 2, оп. 50, д. 40, л. 125, 126.

СТВАРЭННЕ КПЗБ І ПРАБЛЕМА ДЗЯРЖАЎНАЙ ПРЫНАЛЕЖНАСЦІ ВІЛЕНШЧЫНЫ

Савіч А.А.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Беларускімі савецкімі гісторыкамі ў другой палове 1950-х – 1980-я гады была праведзена значная навуковая праца па вывучэнню праблем гісторыі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі. Асабліва актыўна разгарнулася яна пасля XX з'езда КПСС, які ажыццявіў палітычную і гістарычную рэабілітацыю ў адносінах да кампартый Польшчы (КПП, да 1925 г. КППП), Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Недахопам метадалагічнага характару беларускай савецкай гістарыяграфіі гісторыі КПЗБ з'яўлялася звужэнне падзей, іх асэнсаванне ў адрыве ад трансфармацый грамадска-палітычнага жыцця ў Польшчы, Літве, БССР і СССР, у тым ліку, ігнараванне найважнейшых, выключных па сваім уплыве на развіццё падзей асобных аспектаў унутрыпалітычнага супрацьстаяння ў Камінтэрне, УКП(Б), КПП, КПЗБ, іх узаемаадносін. Пры тым, што Кампартыі Заходняй Беларусі надавалася авангардная роля ў “барачыбце за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне”, шмат якія бакі гісторыі дзейнасці КПЗБ не атрымалі дастатковага аб'ектыўнага асвятлення.

Гэта тычыцца, у тым ліку, і пытання стварэння КПЗБ, што аб'ектыўна тлумачыцца абмежаванасцю доступу да архіўных фондаў, якія часткова пачалі адкрывацца ў 1980–1990-я гады, а таксама поўнай адсутнасцю некаторых дакументаў, якія раскрывалі б умовы і дэталі стварэння нелегальнай партыі, напрыклад, матэрыялаў і Устаноўчай канферэнцыі КПЗБ, якая адбылася ў канцы кастрычніка 1923 г. [8, 66]. Адсутнасць партыйных дакументаў тлумачыцца строгай канспірацыяй, якая патрабавалася па лініі Камінтэрна [5, 401].

У беларускай савецкай гістарыяграфіі стварэнне КПЗБ падавалася спрошчана, схематычна і павярхоўна [9, 50, 69, 70, 71]. Пры гэтым, з поля зроку выпадалі найважнейшыя аспекты дзяржаўна-тэрытарыяльнага характару, звязаныя з вызначэннем этнадзяржаўнай прыналежнасці Вільні і Віленшчыны.

Вядома, што на адпаведную тэрыторыю прэтэндавалі Польшча, Літва і Беларусь. Дзве першыя пасля Другой сусветнай вайны атрымалі дзяржаўную незалежнасць і, маючы адпаведныя дзяржаўна-палітычныя і матэрыяльна-фінансавыя рэсурсы, пры падтрымцы вялікіх еўрапейскіх краін мелі магчымасць абараняць свае інтарэсы, у тым ліку тэрытарыяльныя. Беларусы таксама атрымалі дзяржаву ў выглядзе БССР, аднак яна не мела магчымасці праводзіць сваю самастойную знешнюю палітыку, поўнасцю падпарадкоўвалася знешне-палітычным рашэнням Масквы.

Складанасцю пракамуністычнага рэвалюцыйнага руху на тэрыторыі II Рэчы Паспалітай была праблема тэрытарыяльнага размежавання паміж польскай і літоўскай кампартыямі (КПП), а з восені 1923 г. і КПЗБ. Пры гэтым трэба мець на ўвазе тое, што паводле перапісу 1897 г., на тэрыторыі Віленскай губерні відавочна пераважала беларускае насельніцтва – 56 %. літоўцаў было толькі 17,6 %, палякаў – 8,2 % [3, 282]. Аднак у выніку акцыі генерала Л. Жэлігоўскага Віленшчына была далучана да Польшчы. На момант стварэння КПЗБ Віленская вобласць знаходзілася ў складзе Польшчы, на працягу 1920–1930-х гадоў паміж Польшчай і Літвой меў месца Віленскі канфлікт [2, 285].

Трэба адзначыць, што нягледзячы на блізкасць сацыяльна-палітычнай праграмы, паміж кампартыямі адразу ж паўстала спрэчка вакол Віленшчыны. У першую чаргу гэта тлума-

чылася тым, што паводле савецка-літоўскага дагавора ад 12.07.1920 г. Вільня і Віленшчына абяцаліся бальшавікамі Літве [6] аднак літоўскія камуністы з-за сваёй нешматлікасці не маглі забяспечыць адчувальнага ўплыву на насельніцтва Віленшчыны. І наадварот, Кампартыя Польшчы мела значны ўплыў у Польшчы, была адной з заснавальнікаў Камінтэрна, уяўляла эфектыўную палітычную сілу, здольную рэалізоўваць лінію бальшавіцкага кіраўніцтва на саветызацыю Польшчы і еўрапейскіх краін, пры ажыццяўленні якой немагчыма было абмінуць Польшчу. Наўрад ці польскія камуністы схільныя былі адмовіцца ад Віленшчыны, але ў пачатку 1920-х гг. яны былі зацікаўлены ў тым, каб адпаведная тэрыторыя была выведзена з-пад уплыву літоўцаў – кіраўніцтва Кампартыі Літвы, якое на падставе дагавора ад 12.07.1920 г. было пераканана ў тым, што Вільня і Віленшчына павінны знаходзіцца пад іх кантролем.

Ужо ў лютым 1921 г. літоўскія камуністы ўздывалі праблему размежавання тэрыторыі Віленшчыны паміж кампартыямі Беларусі і Літвы. Тады ў якасці падставы для ўрэгулявання служыла згаданае савецка-літоўскае пагадненне, таму Віленскі камітэт Кампартыі Літвы шчыра здзівіла паведамленне свайго замежнага бюро ў Савецкай Расіі, што на тэрыторыі некаторых паветаў (Лідскі, Маладзечанскі, Вілейскі, Дзісенскі і частка Ашмянскага) павінна была праводзіць сваю працу КПБ(б). Літоўскія таварышы лічылі, не зважаючы на колькасныя суадносіны беларускага і літоўскага насельніцтва – сваю нешматлікасць, што менавіта яны павінны ажыццяўляць камуністычную працу на гэтых тэрыторыях, настойліва прапанавалі “пашырыць работу на ўсе паветы, якія цягнуцца да Вільні і зусім адарваныя ад Беларускага цэнтра, у першую чаргу на Вілейскі і Дзісенскі паветы” [13, 36–37]. Пры гэтым трэба адзначыць, паводле наяўных дакументаў, што на тэрыторыі Віленшчыны на той момант друкаваны орган Віленскага камітэта Кампартыі Літвы, а таксама ўлёткі выходзілі “пад фірмай” “Камуністычная партыя Літвы і Беларусі”, а 9 красавіка 1921 г., як быццам бы “з мэтай стройнасці, яснасці і неабходнай аднастайнасці” было прынята рашэнне спыніць карыстацца былой назвай, заціраючы беларускую частку назвы партыі [8, 39].

Напэўна спробы ўлагодзіць магчымыя разнагалоссі павінен быў Літоўска-Беларускі абласны камітэт, які быў створаны ў пачатку 1923 г. Аднак, ён “не меў істотнай ролі ў аб’яднанні партыйных арганізацый Заходняй Беларусі і Віленскай вобласці, хаця і быў пэўнай прыступкай да стварэння КПЗБ” [9, 50].

У жніўні 1922 г. Прэзідыум Выканкама Камінтэрна, не ўступаючы аднак у абмеркаванне пытанняў аб дзяржаўнай прыналежнасці Віленскай вобласці, прыняў рэзалюцыю аб далучэнні Віленскай абласной арганізацыі КПЛ да Кампартыі Польшчы, “каб у назве арганізацыі акупаваных абласцей быў падкрэслена яе тэрытарыяльны характар, пры поўным падпарадкаванні яе ЦК КПРП і арганізацыйным разрыве з КПЛ”. Віленская арганізацыя КПЛ была перададзена польскай кампартыі. Пры гэтым былі выкарыстаны даволі супярэчлівыя звароты, калі, разважаючы аб “цеснай сувязі рабочага руху Віленскай Літвы з Польшчай”, у дакуменце гаварылася аб “асаблівых умовах як Віленскага краю, так і ўсёй акупаванай часткі Беларусі” [8, 55]. Як бачым, апошняя фраза сваёй формай атаясамлівае Віленскі край з беларускай тэрыторыяй. І не дзіўна, па-першае, таму, што беларускі нацыянальна-вызваленчы рух усё больш пашыраўся, у тым ліку эсэраўскі партызанскі рух, які меў сувязі з урадам БНР у Коўна і літоўскімі коламі, і, па-другое, намякаючы беларусам пра магчымасць перадачы ім у будучым Віленшчыны, можна было пасварыць літоўцаў і беларусаў і сарваць іх сумесныя антыпольскія планы.

Аднак, літоўскія камуністы, нягледзячы на такое аўтарытэтнае рашэнне, не хацелі канчаткова адмаўляцца ад сваіх прэтэнзій на Віленшчыну, неаднойчы выступаючы з адмысловымі заявамі ў адрас КП Польшчы, нагадваючы пра невыкананне ёю ўсіх прынятых на сябе абавязкаў у адносінах да Віленшчыны. Сярод іншых прэтэнзій звяртае на сябе ўвагу настойлівае патрабаванне літоўскіх камуністаў да КПП, выкладзенае ў адмысловай рэзалюцыі ад 11–14 верасня 1923 г., “выказацца ў дэкларатыўнай форме аб тым, што яна разглядае Віленшчыну як гвалтоўна акупаваную вобласць, якая павінна быць аддзелена ад Польшчы, ... каб камуністычная арганізацыя Віленшчыны пастаянна выстаўляла лозунг аддзялення Віленшчыны ад Польшчы”. Кампартыя Літвы, праводзячы сваю працу ў незалежнай Літве, з упэўненасцю выказвалася, што Літва можа атрымаць Віленшчыну ў выніку пераарыентацыі яе палітыкі з Польшчы і Францыі на Савецкую Расію. КПП намагалася не выпускаць з поля зроку Віленшчыну, і жадала, каб ЦК КПП рэгулярна інфармаваў ЦК КПЛ аб стане работы і рабочым руху ў Віленшчыне, прадстаўляў усе партыйныя і рабочыя выданні, усе рашэнні і пастановы, якія тычацца Віленшчыны [8, 60–62]. Такая пастаноўка пытання КПЛ фактычна павінна была паставіць пад яе кантроль дзейнасць кампартыі Польшчы на тэрыторыі Віленшчыны.

Больш таго, у верасні 1923 г. у тэзісах пленума ЦК КПЛ па нацыянальным пытанні літоўскія камуністы дэманструюць відавочны разверанс у беларускі бок, заяўляючы пра тое, што большасцю насельніцтва Віленшчыны з’яўляюцца беларусы, пры гэтым самі літоўцы ў Віленшчыне праследуюцца акупацыйнымі ўладамі разам з беларусамі [8, 62].

Вядома, што дзейнасць камуністычных партый у Еўропе кантралявалася і накіроўвалася з Масквы Камінтэрнам, пра што пераканана сведчаць навішшыя публікацыі па гісторыі Камінтэрна [4; 5; 7; 11]. Стварэнне КПЗБ ў 1923 г. было выклікана жаданнем савецкага кіраўніцтва ўмацаваць сваю прысутнасць у Польшчы. Натуральна, становішча ў Заходняй Беларусі было зручнай падставай для бальшавіцкага кіраўніцтва выступаць у якасці абаронцы правоў прыгнечанага народа, а беларускі рух разглядваўся ў Маскве як сродак пралангацыі сваіх уплываў, пры дапамозе якога рэалізавалася бальшавіцка-камінтэрнаўская палітыка ў Польшчы. Менавіта ў такім кантэксце трэба разглядаць канчатковую рэалізацыю ідэі стварэння беларускай камуністычнай партыі ў Польшчы – КПЗБ, якая павінна была прыстасоўвацца да ўмоў грамадска-палітычнага жыцця ў Заходняй Беларусі, выкарыстоўваць існуючую сярод беларускага народа незадаволенасць, перацягваюць на свой бок актыўныя элементы, навіязваючы свае сацыяльна-класавыя каштоўнасці замест ідэі беларускага нацыянальна-вызваленчага характару. Стварэнне КПЗБ было тактычным крокам Камінтэрна для разгортвання больш шырокага і трывалага рэвалюцыйнага руху ў Польшчы ва ўмовах павелічэння ролі і месца беларускага фактара ва ўнутрыпалітычным жыцці Польшчы, відавочным сведчаннем чаго з’яўляліся вынікі выбараў у польскі сейм у 1922 г., у асобе сваіх выбраннікаў, дэпутатаў сейма, беларускія сяляне бачылі абаронцаў нацыянальных і сацыяльных інтарэсаў беларускага народа ў складзе Польшчы [9, 54].

Відаць, КПЗБ стваралася ў спешцы ў кастрычніку 1923 г., у час узброенага паўстання ў Кракаве, калі кіраўніцтва Камінтэрна “патрабавала ад Кампартыі Польшчы ўзначаліць кіраўніцтва паўстаннем і пачаць стварэнне чырвонай гвардыі, каб трансфармаваць паўстанне ў рэвалюцыю” [9, 271]. Таму бальшавіцкае кіраўніцтва пайшло на тактычны крок: каб перацягнуць на свой бок беларусаў, “замацавала” за КПЗБ тэрыторыю Віленшчыны, нягледзячы на савецка-літоўскі дагавор ад 12.07.1920 г., па якім Вільня і Віленшчына аб’ячаліся бальшавікамі Літве – пакуль яшчэ не савецкай. Такое прызнанне

Віленшчыны за беларускую этнічную тэрыторыю канешне ж ўздзімала патрыятычны настрой беларускіх нацыянальных дзеячаў, якія спадзяваліся на канчатковае замацаванне з цягам часу Вільні і Віленшчыны за Беларусь і больш лапальна ўспрымалі камуністычную агітацыю. Польскія камуністы былі не супраць такога рашэння, яно “выводзіла” Віленшчыну з-пад літоўскага ўплыву і замацоўвала яе за КПЗБ. Пры гэтым польскія камуністы не гублялі кантролю за спрэчнай тэрыторыяй – ствараемая КПЗБ у выглядзе складовай часткі павінна была ўваходзіць у КПП.

Таму восенню 1923 г. у партыйных пастановах КПП Віленшчына відавочна пачала звязвацца з беларускім пытаннем. Вядома, што 19 верасня – 2 кастрычніка праходзіў II з’езд КПП, які прыняў па нацыянальным пытанні рэзлюцыю. У ёй увага звярталася на тое, што Віленшчына заселена ў большасці беларускімі сялянамі [8, 64]. На з’ездзе было прынята рашэнне аб стварэнні КПЗБ, якая павінна была дзейнічаць на тэрыторыі ўсёй Заходняй Беларусі, уключаючы Віленшчыну.

У БССР пасля стварэння КПЗБ не сумняваліся ў тым, што Вільня і Віленшчына з’яўляюцца беларускімі [8, 66, 75]. Упэўненасці ў гэтым дабаўляла і адназначная, на першы погляд, пазіцыя Камінтэрна, які на сваім V кангрэсе 17 чэрвеня – 8 ліпеня 1924 г. прыняў пастанову, у якой па беларускім пытанні канстатавалася дасягненне КПЗБ ужо амаль выключнага ўплыву на сялян Заходняй Беларусі, адабрэнне “выстаўлення Кампартыяй Польшчы лозунга злучэння разарваных беларускіх тэрыторый у Савецкую рабоча-сялянскую рэспубліку Беларусі”. Але ва ўмовах бесперапыннай унутрыпалітычнай, фракцыйнай барацьбы Камінтэрн прымаў супярэчлівыя рашэнні, у тым самым дакуменце, магчыма дзеля заахвочвання літоўскіх дзяржаўных і камуністычных дзеячаў, КПП абавязвалася праводзіць лозунг права літоўскага насельніцтва на самавызначэнне ажно да аддзялення ад Польшчы [1, 205].

Таму не дзіўна, што літоўскія камуністычныя дзеячы пазней неаднойчы адкрыта аспрэчвалі рашэнне аб замацаванні Віленшчыны за КПЗБ. У рэзкай па сваім тоне заяве лідэры КПЛ З. Алекса-Ангарэціс і В. Міцкявічус-Калсукас ад 23 снежня 1925 г. адстойвалі, што незвычайна, польскія інтарэсы, сцвярджаючы, што палякі маюць у Вільні і ў прылягаючых да яе мясцовасцях большасць насельніцтва. Акцэнтуючы ўвагу на тым, што КП Літвы заклала на Віленшчыне “першыя асновы камуністычнай арганізацыі ў 1919 г. і летам 1920 г.”, названыя партыйцы абураліся тым, што “без усялякага абмену меркаваннямі з КПЛ, ... Вільня і Віленшчына былі ўключаны без усялякіх агаворак у склад Заходняй Беларусі; ... КПЗБ пачала прымяняць і ў Вільні, і ў Віленшчыне як баявы палітычны лозунг – далучэнне Вільні і Віленшчыны да БССР, што ў канкрэтных віленскіх умовах прыводзіць толькі да адштурхоўвання ад Кампартыі асноўных мас Віленшчыны, перш за ўсё польскіх рабочых г. Вільні” [8, 109–110]. Больш уважаная па тоне прывітальная прамова З. Алексы-Ангарэціса на III канферэнцыі КПЗБ 5 студзеня 1926 г. па-сутнасці ўтрымлівала тыя ж папрокі ў адрас КПЗБ, падмацоўваючы іх прыкладам дзейнасці беларускіх камуністаў, якія ў 1924 г. у Вільні вывесілі сцяг з беларускім надпісам! “Гэта было, без сумнення, недаацэньванне інтарэсаў польскага і яўрэйскага насельніцтва”, – канстатаваў З. Алекса-Ангарэціс [8, 110–111].

Парадокс, але КПЗБ стваралася як складовая частка Кампартыі Польшчы, краіны, якая акупавала этнічную беларускую тэрыторыю, і не толькі Віленшчыну! Улічваючы вопыт 1920 г., калі спроба саветызацыі Польшчы толькі ўмацавала нацыянальнае адзінства II Рэчы Паспалітай, ігнараваць патрыятызм польскіх камуністаў немагчыма. Так што

спадзяванні беларусаў на "польскі інтэрнацыяналізм" членаў КПП былі памылковымі, ён хутэй за ўсё быў звычайнай маскіроўкай польскага шавінізму ў адносінах да беларусаў. Кампартыя Польшчы займала неадназначную пазіцыю ў адносінах да Заходняй Беларусі, яна выяўляецца, дзякуючы аналізу некаторых дакументаў КПЗБ. 5 лістапада 1924 г. Віленская акруговая канферэнцыя КПЗБ у сваім звароце да ЦК КПП разам з прывітаннем выказала пажаданне, "каб пастановы другога з'езда партыі аб аддзяленні Заходняй Беларусі ад Польшчы і далучэнні да Савецкай Беларусі больш рашуча былі праведзены ў жыццё" [1, 251–252]. Тут, відавочна, гутарка ідзе аб сітуацыі, калі ў канцы 1924 – пачатку 1925 гг. КПЗБ сіламі так званых "сэцэсіянераў" рыхтавалася да антыпольскага паўстання ў Заходняй Беларусі. Вядома, што з 1924 г. польскія камуністы дамагаліся спынення партызанскай барацьбы ў Заходняй Беларусі. На думку Ю. Стасевіча, удзельніка заходнебеларускай партызанкі, усе беларусы з ЦК КПЗБ, з акругоў, сельскіх ячэек адкрыта выступілі супраць "расейскага і польскага камандавання". Але ў гэтай спрэчцы атрымала перамогу лінія на згортванне партызанскага руху [10]. Такім чынам, польскія камуністы праявілі сябе сапраўднымі патрыётамі, прыклаўшы намаганні для арганізацыі зрыву антыпольскага па сутнасці выступлення КПЗБ.

Немагчыма дакладна рэканструяваць тагачасныя падзеі, але савецкае кіраўніцтва выршыла падпарадкаваць КПЗБ Кампартыі Польшчы, а не даручыць КП(б)Б пашырыць сваю дзейнасць на тэрыторыю Заходняй Беларусі. Гэта можна растлумачыць тактычнымі захадамі бальшавіцкага кіраўніцтва, якое для распальвання сусветнай рэвалюцыі хацела абяпірацца на больш моцную і аўтарытэтную кампартыю Польшчы. Дарэчы, гэтаксама меркавалася перадаць і тэрыторыю Віленшчыны пад адносны кантроль КПЗБ, якая, безумоўна, выступаючы як пэўная частка беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, успрымалася больш пераканаўча, чым прадстаўнікі літоўскіх камуністычных арганізацый. Такое прызнанне Віленшчыны за беларускую этнічную тэрыторыю, канешне ж, уздымала патрыятычны настрой беларускіх нацыянальных дзеячаў, якія спадзяваліся на канчатковае замацаванне з цягам часу Вільні і Віленшчыны за Беларуссю. Таму КПЗБ восенню 1923 г. "атрымала" тэрыторыю Віленшчыны, нягледзячы на тое, што 12.07.1920 г. у Маскве, як вядома, быў падпісаны савецка-літоўскі дагавор, па якім Вільня і Віленшчына аб'яцаліся бальшавікамі Літве – пакуль яшчэ не савецкай. Гэта было не што іншае, як пусты абяцанак. У 1939 г., калі пасля ліквідацыі польскай дзяржавы СССР трэба было ўмацоўваць свае пазіцыі ў Прыбалтыцы, Вільня і Віленшчына, якія гуртавалі беларусаў на барацьбу, былі перададзены Літве. Пра Беларусь можна было не думаць, памярکوўныя беларусы, асабліва пасля рэпрэсій 1920-х – пачатку 1930-х гадоў, не асмеліліся б ставіць прынцыповае пытанне аб Віленшчыне.

Літаратура

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за свое социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы: Сб.: В 2 томах; Т. 1. 1921–1929; под ред. В.И. Гурского, Н.С. Орехво, В.А. Полуяна. – Минск: Госиздат БССР, 1962. – 620 с.
2. Камінскі, М.І. Віленскі канфлікт / М.І. Камінскі // ЭГБ. У 6 т. Т. 2. – Мінск: БелЭн, 1994. – С. 285.
3. Кісялёў Г.В. Віленская губерня // ЭГБ. У 6 т. Т. 2. – Мінск: БелЭн, 1994. – С. 282
4. Коминтерн против фашизма: Документы / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Федер. арх. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории. – Москва: Наука, 1999. – 505 с.

5. Линдер, И. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна, 1919–1943 / И. Линдер, С. Чуркин. – Москва: РИПОЛ классик, 2005. – 686 с.
6. Міхнюк, У.М. Расійска-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г.: гістарыяграфія праблемы / У.М. Міхнюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 8. – С. 3–11.
7. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943: Документы / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. – Москва: Росспэн, 2004. – 958 с.
8. Революционное движение в Вильнюсском крае: 1920-1940 гг. Документы и материалы: б.; под ред. Р. Малюквичюса, Ю. Марцинквичюса, Н. Орехво, М. Тамашюнаса, А. Филимонова. – Вильнюс: Минтис, 1978. – 448 с.
9. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921-1939 гг.) / А.Н. Мацко, Н.С. Орехво, Т.И. Притыцкая [и др.]; под ред. А.Н. Мацко и В.Е. Самутина. – Минск: Беларусь, 1966. – 403 с.
10. Стасевіч, Ю. Партызанка Заходняй Беларусі / Ю. Стасевіч // Пагоня. – 1995. – 17-23 сак., 24-30 сак.
11. Фирсов, Ф. Секретные коды истории Коминтерна, 1919–1943 / Ф. Фирсов; [Ассоциация исследователей российского общества (АИРО–XXI)]. – Москва: Крафт+, 2007. – 568 с.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БССР

Самосевич В.А.

УО «Брестский государственный технический университет»

В Европе с 1933 г. стала складываться сложная международная обстановка. Одной из её причин стал приход к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером. Отныне внешняя политика Германии руководствовалась 2 курсами: на денонсацию Версальских соглашений и курсом на Восток для завоевания жизненного пространства немецкой нации, что соответствовало установкам немецкой геополитической школы Карла Хаусфера. Дело и в том, что сложившаяся Версальская система (сюда входит и Рижский мирный договор 1921 г.) не соответствовала интересам многих европейских государств и сохраняла ряд нерешённых проблем.

Так, заключённый 28.06.1919 г. Версальский мирный договор, санкционированный Антантой, устанавливал границы государств Европы, но восточную границу Польши детально не регламентировал. Поэтому Советский Союз с 1933 г. выдвигал план создания в Европе системы коллективной безопасности, чтобы остановить агрессивные стремления любого государства и предотвратить новую мировую войну. СССР подписал договора о взаимопомощи в случае агрессии с Чехословакией и Францией в 1935 г., сделав первые шаги в создании такой системы.

Германия, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, чувствовала себя униженной и стремилась к реваншу. Первый курс постепенно и уверенно, с немецкой методической точностью, воплощался в реальность. Германия вышла из Лиги наций, нарушив Версальский договор, установила в стране всеобщую воинскую обязанность, ввела войска в Рейнскую зону, создавала танковые войска, военную авиацию и перевооружала свою армию. Но западные державы бездействовали в требованиях к Германии о выполнении Версальских соглашений. Даже в 1935 г. Было подписано англо-германское соглашение об увеличении тоннажа германского военно-морского флота и строительстве подводных лодок.

При финансовой поддержке западного капитала за короткое время было построено 300 новых военных заводов. В 1938 г. было 30 самолетостроительных, 15 авиамоторных и 110 вспомогательных авиационных заводов. Если в 1932 г. в Германии не было ни одного военного самолёта, то в 1939 г. – построено 4733 самолёта. Военное производство в Германии с 1934-1940 гг. выросло в 22 раза [2, 4].

В 1934 г. Польша заключила с Германией Договор о дружбе и ненападении и рассматривала себя как союзника Германии. Польша поддерживала интересы Германии в Лиге наций и её действия, а также Японию, союзника Германии в отношении Китая.

«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке», – так докладывалось польскому руководству Вторым разведотделом генерального штаба Войска Польского в конце 1938 г., – «Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к формуле: кто будет принимать участие в разделе? Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно ... Главная цель – ослабление и разгром России» [5, 3].

Второй курс продолжался. После Мюнхенского соглашения 29.10.1938 г. Польше досталась Тешинская область Чехословакии, а Венгрии – Закарпатская Украина. Польша и Венгрия выступали в роли агрессора вместе с Германией. В январе 1939 г. на встрече А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком было заявлено о готовности Польши «выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину» [4, 2].

В 1939 г. Венгрия вступила в Анतिकоминтерновский пакт. Таких же действий Германия потребовала от Польши и передачи ей г. Данцига, но Польша отказалась.

На заседании высшего руководства страны 08.03.1939 г. Гитлер объявил о плане нападения на Польшу, а 11.04.1939 г. подписал план военных действий «Вайс» против Польши, причём это решение принималось и из экономической точки зрения. Я. Шихт, организатор финансовых потоков в кассу Гитлера, признавался в своих воспоминаниях: «... В 1939 г. перед Германией стояла дилемма: развязать войну за мировое господство или объявить банкротство» [3, 30].

Уже 28 апреля Германия аннулировала договор с Польшей о ненападении. К этому времени была полностью разрушена система международных отношений, сложившаяся после Первой мировой войны. Позади уже были захват итальянскими фашистами Эфиопии (1935-1936 гг.), присоединение Австрии к нацистской Германии (весна 1938 г.), фашистский мятеж в Испании (1936 г.), присоединение Клайпеды к Германии (1939 г.), захват Италией Албании (1939 г.), шло сражение между советскими и японскими войсками на реке Халхин-Гол. В 1939 г. всем без исключения политикам стало ясно, что следующим объектом фашистской агрессии станет Польша [8, 3].

В мире сформировались два блока держав. Один составляли Германия, Италия и Япония, откровенно стремившиеся к территориальным захватам, их сателлиты и другой блок – Великобритания, Франция, США, поддерживаемые большими и малыми странами, придерживались политики сдерживания, хотя понимали неотвратимость мировой войны.

Ко второму блоку примыкал и Советский Союз, который держали в некоторой изоляции и игнорировали его конструктивные предложения, боясь усиления авторитета СССР в мире. Поэтому основными причинами, по которым началась Вторая мировая война, являлись:

1. Несогласие Германии с итогами Первой мировой войны и её стремление к мировому господству.

2. Политика умиротворения и попустительства западных держав требованиям Германии.
3. Антисоветизм польского руководства и его безответственность перед лицом военной угрозы.
4. Крах попыток СССР создать систему коллективной безопасности в Европе.
5. Тяжёлое экономическое положение Германии.

В 1939 г. начались переговоры военных миссий Великобритании, Франции и СССР, которые и не могли закончиться положительно, потому что у делегаций западных стран не было официальных полномочий на подписание каких-либо документов.

Ещё 3 апреля 1939 г., предполагая ввод советских войск на территорию Польши, Ллойд Джордж, английский премьер-министр, выступая в палате общин, заявил: «Если Россию не привлекли (к отражению фашистской экспансии в Европу) только из-за определённых чувств поляков, которые не хотят мириться с присутствием русских у себя, мы должны поставить такое присутствие в качестве условия, а если поляки не готовы принять это единственное условие, при котором мы должны оказать им результативную помощь, то они сами должны нести ответственность» [5, 3].

Переговоры продолжались до 21 августа. Начальник штаба Красной армии Б.М. Шапошников вынужден был прямо заявить, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. орудий, до 10 тыс. танков и около 5,5 тыс. самолётов. Были предложены 3 варианта совместных действий. Возникла проблема пропуска через польскую территорию советских войск, в случае военной необходимости. Польское руководство, в лице министра иностранных дел Польши Ю. Бека, сообщило о недопустимости обсуждения вопроса военного использования территории страны правительствам Великобритании, Франции и Советского Союза.

Для советского руководства стало явным нежелание участников переговоров достигнуть позитивных результатов. Сущность советско-французско-английских переговоров была достаточно точно изложена министром иностранных дел Советского Союза В.М. Молотовым на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г.: «...С одной стороны, английское и французское правительство боялось агрессии и потому хотело иметь пакт о взаимопомощи с Советским Союзом потому, что это делало более сильным их самих... Но, с другой стороны, английское и французское правительства остерегались, что заключение серьёзного пакта о взаимопомощи с СССР может укрепить Советский Союз, что, как видно, не соответствовало их позиции». К сожалению, из тупика переговоры так и не вышли, а военные возможности отпора агрессивным намерениям фашистской стороны тогда у мирового сообщества были более значимыми, требовались политическая воля и желание не допустить военного конфликта.

В ситуации, которая сложилась, СССР вынужден был искать альтернативу, чтобы не оказаться в международной изоляции. Источники свидетельствуют, что советско-французско-английские переговоры в Москве вынудили Германское политическое руководство активизировать восточную политику. Гитлер потребовал от Риббентропа узнать о возможности заключения с СССР договора о ненападении. Первая проба была сделана 3 августа, но советское руководство отвергло германскую просьбу. Нацистские лидеры активизируют деятельность в направлении укрепления советско-германских отношений. Через германского посла в СССР Шуленбурга сообщается, что Англия пытается втянуть Советский Союз в войну с Германией. Уже 14 августа 1939 г. министр иностранных дел Германии направляет В.М. Молотову телеграмму, в которой сообщает, что он имеет воз-

возможность прибыть в Москву для встречи с высшим политическим руководством СССР. В ответ советский министр иностранных дел В.М. Молотов 16 августа сообщил про возможность заключения советско-германского договора. Настойчивость с германской стороны нарастает. 19 августа германский посол Шуленбург опять встречается с В.М. Молотовым и передаёт пожелание от Риббентропа ещё до начала конфликта между Германией и Польшей установить взаимоотношения между СССР и Германией.

Советское руководство согласилось принять германского министра иностранных дел 26-27 августа. Однако к делу подключился германский фюрер. Гитлер направляет 21 августа телеграмму Сталину, в которой, ссылаясь на нестерпимое напряжение между Германией и Польшей, просит принять министра иностранных дел 22 августа, но не позже 23 августа. Согласие было получено. Ведь сверхзадачей было стравить Германию и СССР [6, 3], но этого не произошло. 23.08.1939 г. был подписан пакт Молотова-Риббентропа. Причём, Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, после того как были подписаны в 1938 г. договора о ненападении с Великобританией и Францией. Война с Польшей началась 1 сентября 1939 г.

Соглашение Советского Союза давало гарантии безопасности. Важно отметить, что ни договор о ненападении, ни приложенный к нему секретный дополнительный протокол не удерживали соглашений о военном содействии двух государств и не обязывали вести боевые действия против третьих стран или помогать в случае участия одной из них в военном конфликте. Достигнутые соглашения между СССР и Германией не делали их союзниками ни формально, ни фактически, хотя некоторые авторы стремятся сегодня доказать противоположное. Германско-советский договор является результатом кризиса межгосударственных отношений в предвоенный период, который заканчивал его фазу как дипломатический и политический акт, причём он был плодом кризиса, а не его причиной. Не является он ничем экстраординарным с точки зрения политической практики и морали того времени, особенно если его сравнить с мюнхенскими пактами.

С Германской стороны в войне против Польши участвовали: 65 дивизий и бригад, в том числе 11 танковых и моторизованных, 2800 танков, 200 самолетов и более 100 военных кораблей. Польские войска сражались в составе: 36 пехотных дивизий, 2 моторизованных бригад, 11 кавалеристских бригад, 860 легких танков, 420 самолетов и 12 военных кораблей [5, 3]. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, но никаких военных действий против неё не предпринимали, бросив Польшу на произвол судьбы и ожидая столкновения войск Германии и СССР. Война, объявленная ими Германии 3 сентября 1939 г., тотчас приняла характер «странной войны». К 16 сентября германские войска оккупировали большую часть Польши и вышли на «линию Керзона» – примерную границу расселения поляков с одной стороны, белорусов и украинцев – с другой. Польское правительство 16 сентября покинуло страну и эмигрировало в Румынию, а затем в Лондон.

Советское руководство, только после заключения соглашения о прекращении боевых действий с Японией 15 сентября 1939 г., отдало приказ о пересечении советско-польской границы, чтобы не пришлось вести войну на два фронта. Только 11 сентября был отдан приказ об организации белорусских и украинских фронтов, была объявлена мобилизация резервистов. Но эти действия советской стороны не удовлетворяли германских «партнёров». Чтобы заставить СССР ввести войска в западные области Беларуси и Украины, националистские лидеры использовали политический шантаж. В Москву было направлено послание, в котором говорилось, что Германия приостановит наступление против Поль-

ши, а на её восточных землях будут созданы буферные государства (белорусское и украинское). В ответ Берлину было направлено заявление, в котором подчёркивалось, что в случае принятия германской стороной такого решения, Советский Союз вообще не начнёт военных действий. Это принудило СССР к более активным военным действиям. Уже 16 сентября армии Белорусского и Украинского фронтов были развернуты и подготовлены к освободительному походу. Всего было около 60 стрелковых, 13 кавалеристских дивизий и 18 танковых бригад, на вооружении которых находилось 5467 средних и тяжёлых бомб, 6096 танков и 3727 самолётов.

Инициатором договора о ненападении с СССР была Германия по причине неготовности к войне против Советского Союза – это первое. А второе – ей предстояла война на два фронта, как в Первой мировой войне, что было бы самоубийством. Если бы немцы начали войну против СССР осенью 1939 г., она бы закончилась их быстрым поражением. Отсрочку получила, прежде всего, Германия. Она за эти два года поставила под свой контроль почти всю континентальную Европу, её природные и людские ресурсы, всю её промышленность. И план «Барбаросса» начал разрабатываться только после разгрома Франции в 1940 г. А в 1941 г., согласно выводам немецкого руководства, Германия подготовилась к нападению на Советский Союз.

Польская сторона неоднократно требовала возврата к будущей границе Польши по состоянию на 01.09.1939 г. На Тегеранской конференции трёх держав (СССР, США и Великобритании) за основу была принята «линия Керзона», что в последующем было подтверждено на Ялтинской конференции. 16.08.1945 г. был подписан договор между СССР и Польской Республикой с уступками в пользу Польши большей части Беловежской пуши [7, 37]. В очередной раз интересы белорусского народа были проигнорированы, а БССР, единственная из стран победителей и основателей ООН, утратила часть своих этнических земель. Даже сегодня мало кто из европейских и российских историков, говоря про события 1939 г., берёт во внимание интересы суверенной Беларуси. Некоторые из них и сегодня не воспринимают Беларусь в качестве самостоятельного субъекта истории.

По мнению российского генерала Л. Соцкова, составителя сборника рассекреченных архивных документов, касающихся событий периода 1935 – 1945 гг. «в Польше в настоящее время фальсификация истории приобрела ранг государственной политики. Оценки прошлого, искажающие реальный ход событий, имеют своей целью возложить ответственность за Вторую мировую войну не только на немецкий фашизм, но и на СССР. И это потому, что доля вины за развязывание этой войны лежит на Польше, ведь это её правительство того времени в категорической форме отвергало создание антигитлеровского фронта в 1939 году» [10, 2].

«Весь опыт между двумя войнами – от Версальского мира до начала Второй мировой войны убедительно свидетельствует о том, что нельзя создать эффективную систему коллективной безопасности без участия всех стран континента» [9, 3]. Создать такую систему в Европе и мире предлагает Россия, и Беларусь её полностью поддерживает. При этом, учитывая интересы всех государств, именно с позиции национальных интересов следует расматривать и приветствовать воссоединение белорусского народа в одну семью.

Выводы:

1. Воссоединение Западной Беларуси и БССР являлось событием геополитического значения, повлиявшим на некоторые этапы хода Второй мировой войны. Масштаб сопротивления немецко-фашистским захватчикам в Беларуси был наибольшим в мире. Об этом и говорят некоторые цифры: в Беларуси погибло 33,3 % населения, в Польше – 17,5 %, в Югославии – 10,4% [1, 65].

2. Была ликвидирована историческая несправедливость Рижского договора. Западная Беларусь вернулась в восточноевропейскую цивилизацию.

3. На ведение боевых действий в Великой Отечественной войне повлияло то, что граница СССР была отодвинута от промышленных и научных центров, особенно на первом этапе.

4. Недопустима ревизия итогов Второй мировой войны, которую начала Парламентская ассамблея ОБСЕ.

5. Постепенное крушение Ялтинских, Потсдамских и Хельсинских соглашений, пересмотр европейских границ, создание Албанской республики в Косово уже были в европейской истории. К чему это привело, мы знаем. Необходима новая система европейской и мировой безопасности на основе ранее достигнутых соглашений.

6. Требуется продолжения политика консолидации не только в Беларуси, но и за её пределами с белорусской диаспорой для того, чтобы построить сильную и процветающую Беларусь.

7. Необходимо установить, чтобы День белорусского единства или воссоединения являлся официальным праздником Республики Беларусь.

Литература

1. Коваленя, А. Исторический путь Беларуси / А. Коваленя // Проблемы управления. – № 2. – 2009. – С. 65.

2. Коваленя, А. Крыжовы шлых нацыянальнага уз'яднання / А. Коваленя // Звезда. – 15.09.2009. – С. 4.

3. Фомин, В. В политике слово делу не замена / В. Фомин // СГ. – № 4. – 2008.

4. Пролесковский, О., Крыштапович, Л. На нянавіці і фальсіфікацыі гісторыі дэмакратыі не пабудуеш / О. Пролесковский, Л. Крыштапович // Звезда. – 17.09.2009. – С. 2.

5. Егорычев, В. Долгожданный день / В. Егорычев // Белорусская военная газета. 17.09.2009. – С. 3.

6. Лепешко, Б. Событие национального масштаба / Б. Лепешко // Вечерний Брест. – 21.08.2009. – С. 3.

7. Барабаш, В. По живому / В. Барабаш // Белорусская думка. – № 9. – 2009. – С. 37.

8. Мельник, В. Как вы оцениваете те знаменательные события? / В. Мельник // «Белорусская военная газета». – 17.09.2009. – С. 3.

9. Путин, В. На весах истории / В. Путин // Красная звезда. – 01.09.2009. – С. 3.

10. Мартовская, С. До войны Польша готовилась расчленить СССР / Мартовская // Обозреватель. – 11.09.2009.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ БРЕСТСКИХ ГАЗЕТ 20-30 гг. XX в. ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ 1921-1939 гг.»

Спирин В.С., Корнев П.С.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

В Бресте-над-Бугом, как стал называться Брест-Литовск в 1923 г., выходило в разные годы более 15 газет. Материалы этих изданий являются сегодня богатым источником сведений о городе, его людях, социально-экономической, политической и культурной жизни региона. Особенно важно, что учащиеся на примере местных фактов более зримо представляют себе исторические события прошлого. Преподавателю в этом случае уже легче подводить аудиторию к пониманию тех или иных процессов на территории всей Западной Беларуси.

В местной печати того времени большое внимание уделялось экономическим вопросам и проблемам социального характера. В этот период экономика Польши отличалась нестабильностью, полностью зависела от конъюнктуры мирового капиталистического рынка. Положение усугублялось ростом внешней задолженности, военных расходов, ухудшением отношений с соседними государствами... Наиболее остро последствия этого отразились на территории восточных окраин Польского государства.

Во второй половине 20-х гг. Западная Беларусь в полной мере ощутила последствия очередного экономического кризиса. Останавливаются предприятия, снижается заработная плата, растёт безработица, набирает темп инфляция. В газете «АВС» № 143 за 21 мая 1927 г. были приведены сравнительные данные роста цен на основные продукты питания в течение нескольких месяцев 1926-1927 гг.

Название продуктов (1 кг)	Декабрь 1926 г.	Май 1927 г.
Хлеб	64 гр.	70 гр.
мука	95 гр.	1 зл. 5 гр.
Картофель	21 гр.	26 гр.
Мясо	2 зл. 70 гр.	2 зл. 90 гр.
Сахар	1 зл. 40 гр.	1 зл. 49 гр.

В той же газете в № 285 находим подтверждение того, что рост цен и другие сопутствующие экономическому кризису явления порождали инфляцию. Газета поместила сообщение о денежной реформе и соотношении старого и нового злотого к доллару, а именно, 8 злотых 90 грошей и 5 злотых 18 грошей, соответственно. Напомним при этом, что всего лишь 3 года назад уже была реформа, заменившая польскую марку на злотый.

Пытаясь предотвратить социальные последствия кризиса, особенно на территориях, где экономические проблемы усугублялись национальными противоречиями, польские власти предпринимают меры по ограничению роста цен. Так, «Expres Poleski» 19 октября 1928 г. поместил объявление о введении городскими властями твердых цен на основные сорта хлеба: житный – 52 гр. за 1 кг; ржаной – 37 гр. за 1 кг.

В период мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., пытаясь остановить рост цен на продукты питания, власти вводят на них верхнюю планку цен:

Хлеб белый за 1 кг. – 100 гр.

Мясо (говядина) – 1 зл. 80 гр.

Колбаса салями – 5 зл. 50 гр.

Колбаса Московская – 5 зл.

Колбаса Краковская – 2 зл. 80 гр.

Сало соленое – 2 зл. 40 гр.

За нарушение введенных ограничений устанавливался штраф в размере 10 тыс. злотых, а также арест до 6 недель [1, с. 1].

Кризисные явления в экономике отражаются на занятости населения в Бресте. В № 143 «АВС» за 1927 г. было зарегистрировано безработных:

квалифицированных рабочих – 360 чел.;

неквалифицированных – 130 чел.;

служащих – 164 чел.

Всего: 654 чел. [2, с. 1].

Всего лишь через 3 с небольшим года количество только зарегистрированных в Бресте-над-Бугом безработных возросло до 1405 чел. [1, с. 2]. Особенно тяжелым было положение тех, кто уже не мог работать. «Dziennik Brzeski» в публикации под красноречивым названием «Похороненные заживо» рассказал о ситуации, которая сложилась в

приюте для стариков, который размещался на ул. Реймонта, ныне Тургенева. Вот дословное описание обстановки в этом социальном учреждении: «Грязь, белые как смола, еда как у каторжан. Не дай Бог кому там оказаться. Где власть?» Местное же руководство, не имея средств на реализацию конкретных социальных программ, могло лишь оказывать нуждающимся разовую помощь. «Dziennik Brzeski» в номере от 19 января 1937 г. сообщил, что военный комендант Бреста выделил для 23 семей безработных (150 чел.) здание пустующей военной казармы, а Президент города – 30 злотых на ремонт этого помещения [3, с. 2].

В значительной мере поддержка наиболее обездоленных ложилась на плечи обществственности. «Expres Poleski» 19 февраля 1933 г. поместил обращение городского комитета общественной помощи, в котором объявлялась неделя сбора одежды нуждающимся. В газете «Dziennik Brzeski» 25 декабря 1936 г. находим объявления о сборе по 5 грошей на молоко для голодающих детей безработных. Приводится номер банковского счета, на который желающие могут отправить деньги.

Не надеясь на лучшую долю дома, многие эмигрировали за границу. Из курса истории мы знаем, что с середины 20-х гг. до конца 30-х из Западной Беларуси выехало около 80 тыс. человек. На примере Бреста мы можем конкретизировать этот факт. «Dziennik Brzeski» в № 137 за 22 мая 1938 г. даёт нам конкретное представление об этом. По данным газеты, за апрель того же года из города выехало:

- Во Францию – 3 чел.
- Италию – 1 чел.
- Австралию – 4 чел.
- США – 2 чел.
- Канаду – 1 чел.
- Аргентину – 3 чел.
- Палестину – 2 чел.

Ещё 28 человек за это время выехало из Бреста на постоянное место жительства в неустановленном направлении.

В целом, жизнь «при Польше» в Бресте была далека от имеющих место идеалистических представлений, бытующих среди части населения и прежде всего молодежи. Можно привести целый ряд публикаций, подтверждающих это. Например, «Expres Poleski» 31 мая 1928 г. сообщает о забастовке рабочих 3-х лесопильных заводов, расположенных в центре Бреста, которые требовали повышения заработной платы на 22,5 %. «Kurier Polesia» за 15 октября 1938 г. рассказал о том, как в пьяной стычке полицейский 2-го комиссариата полиции Ян Овсик в пивной на улице Граевской застрелил капрала местного полка пехоты Константина Гадецкого, за что получил 7 лет тюрьмы. «Dziennik Brzeski» в №7 за январь 1938 г. сообщает о многочисленных жалобах жителей на то, что с началом темноты не зажигают освещение при домах.

Под названием «Запеченный таракан в хлебе» газета «Dzien Poleski» поместила заметку о том, что в магазине, принадлежавшем некому Касафу на улице Шептыцкого (ул. Депутатская), был продан хлеб с запечённым туда тараканом. Жалоба была подана покупателем в комиссариат полиции. Газета спрашивает: «Когда будет положен конец антисанитарии?» [4, с. 2].

«Dziennik Brzeski» в №154 за 11 июня 1938 г. опубликовал факты, связанные с обманом посетителей ресторана «Obywatelskiej». Там подавали фальшивые напитки, несвежие закуски, даже чай для цвета заправляли палёным сахаром и при этом ещё обсчитывали. Завершается заметка требованием сурово наказать виновных. При этом прозвучало интересное для нас определение Бреста как города служебного, где нет «капиталистов и промышленников, которые могут сорить деньгами».

Социальные противоречия в городе проявлялись даже, казалось в самом неподходящем месте. Один из руководителей еврейской общины Надлер хотел специальной оградой разделить молитвенное помещение городской синагоги на две части: для бедных и богатых. Прихожане сорвали эту затею, избили рабочего, строившего ограждение, а инициатора обвинили в том, что он готовит для них «Берёзу-Картузскую».

Тяжелая экономическая ситуация в стране, и в частности на территории Западной Беларуси, просматривается в целом ряде газетных публикаций местных изданий. Так, «Nowa Gazeta Poleska» в майском номере 1938 г. объявила, что организация «Белый крест» просит не выбрасывать почтовые марки с использованных конвертов. Повторное использование марок на всей территории Польши составило бы экономию 160 злотых в час [5, с. 2]. Тема финансового кризиса Польши просматривается в материале издания «Ruch Polesia» в ноябре 1938 г., где речь идёт о сборе денег на государственные нужды. Эффективность подобного способа финансирования автор выражает следующими словами: «Если Опанас не даст 5 гр. на LOPP, то Польша не будет иметь самолётов, не даст на FON, то не будет карабинов. Не даст на школу – то не научат говорить по-польски. Но и он не даст. И что будет?» [6, с. 3].

В газетах 1939 г. тема приближающейся войны ощущается всё острее. Вот «Polesie» в № 11 за апрель 1939 г. на первой странице помещает крупным шрифтом обращение «OBYWATELE!» («ГРАЖДАНЕ!»). В нем – призыв, поддержать мероприятия по укреплению противовоздушной обороны, купить 5 апреля облигации займа на эти цели. В апрельском номере той же газеты опубликован призыв: «Поляки! Довооружим Польшу в небо!» и объявление о том, что деньги этого займа принимаются бесплатно в сберкассе на ул. Зигмунтовской, 55 (ныне – К. Маркса). Тема привлечения средств населения на укрепление обороны находит выражение даже в стихотворных передовицах. Так «Polesie» в № 13 за апрель 1939 г. обращается к читателям следующим четверостишьем:

Твой грош – в военном списке,
Твой грош – в крыльях на небе,
Помни – что дал Польше,
То отложил для себя.

Тема подготовки к войне просматривается в Брестских газетах ещё с начала 30-х гг. Например, «Expres Poleski» в номере за 25 февраля 1930 г. объявил о том, что 1 марта в гимназии имени Траугута пройдут учения по противовоздушной обороне. В «Dzien Poleski» в №66 за 12 сентября 1936 г. под названием «Tydzien LOPP» приводится план мероприятий по подготовке города к авианалетам. Речь шла о маскировке балконов и окон, включении сирен городских и железной дороги и т. д.

Тем не менее, это не помешало семи немецким самолетам уже 2-го сентября 1939 г. в 17-00 совершить налёт на окрестности Бреста, подвергнув бомбежке Брестскую крепость. Была повреждена железная дорога на Варшаву, магазин одежды, Белый дворец. Две бомбы упали на место, где проходила комиссия по отбору коней в армию [7, с. 23].

Литература

1. «Expres Poleski» 19 pazdziernik 1928
2. «ABC» 18 lipiec 1927
3. «Dziennik Brzeski» 19 styczen 1937
4. «Dzien Poleski» 11 wrzesien 1936
5. «Nowa Gazeta Poleska» 8 maj 1938
6. «Ruch Polesia» 17 listopad 1938
7. ГАБО Ф.93, оп. 1. д. 3011, с.23

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОГРУДСКОГО ВОЕВОДСТВА В 1921-1926 гг.

Стецкевич П.Т.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

По условиям Рижского мирного договора 1921 г. Западная Беларусь вошла в состав Польши. На этой территории польскими властями было создано четыре воеводства: Новогрудское, Полесское, Виленское и Белостокское. В Новогрудском воеводстве преобладающую массу населения составляли белорусы. Значительной была также доля еврейского населения (56 тыс. человек, или 6,8 %). Евреи проживали преимущественно в городах и местечках. В некоторых из них еврейское население было преобладающим. Так, в Столине на 16 251 горожанина приходилось 8605 евреев (52,9 %). В Барановичах из 22 818 жителей 9680, или 42,4 % были евреями [1, с. 56].

В первой половине 20-х гг. XX в. евреи Новогрудского воеводства активно участвовали в политической жизни региона. Интересы ортодоксальных евреев, уделявших большое внимание вопросам сохранения религии и традиций, отстаивала партия «Союз Израиля». Политическая программа партии была принята 14 марта 1917 г. на конференции в Варшаве. Основными задачами «Союза Израиля» были признаны: защита ортодоксального иудейства; внедрение религиозных принципов в повседневную жизнь евреев; субсидирование религиозных школ различных типов; общественно-благотворительная и культурная деятельность; основание в Палестине крестьянских поселений для ортодоксальных евреев [62, л. 27]. «Союз Израиля» выступал за возрождение еврейского государства в Палестине «в беспорной гармонии с принципами еврейской религии». Члены партии считали иврит священным языком литургии, идиш – языком повседневного общения, польский язык – единым государственным языком. В своей социальной программе организация стремилась обеспечить равноправие евреев с другими народами, проживавшими на территории II Речи Посполитой. Однако при этом партия старалась добиться признания особых прав евреев, предоставления им автономии в культурных, общественных и религиозных делах под надзором государственных властей [311, с. 35].

В 1921–1922 гг. отделения партии возобновили прерванную войной деятельность во всех воеводствах Западной Беларуси. Так, в Барановичах первичная организация «Союза Израиля» появилась в 1921 г. В 1926 г. на территории Новогрудского воеводства отделения «Союза Израиля» действовали также в Слониме и Клецке и объединяли около 600 членов [139, л. 187].

Значительным влиянием среди еврейского населения воеводства пользовались сионистские партии и организации. Их идеологическую концепцию составлял тезис о возвращении евреев в Палестину и восстановлении там еврейской государственности. Наиболее влиятельной сионистской партией была «Сионистская организация в Польше». Она входила в состав Всемирной сионистской организации, высшим органом власти которой являлся сионистский конгресс. В ноябре 1918 г. «Сионистская организация в Польше» высказалась за независимое демократическое польское государство и за реализацию широкого самоуправления национальных меньшинств. Партия стремилась к обеспечению культурно-национальной автономии евреев, основанной на организации еврейских общин, которые должны были носить светский характер. Национальным языком, по мнению сионистов, являлся иврит. Идиш как язык народных масс допускалось использовать в странах проживания еврейской диаспоры, в том числе в Польше [2, с. 267].

В 1921–1922 гг. на территории Новогрудского воеводства сионисты вели активную работу по формированию первичных организаций. Наиболее многочисленными они были в Новогрудке, Слониме, Лиде, Барановичах. Партия особенно активизировала свою деятельность в преддверии выборов 1922 г. в парламент Польши. Так, в Слониме на базе местного отделения партии был организован избирательный комитет «Еврейского союза в Слониме», штаб-квартира которого находилась на улице Подгорной, 16. В его состав входили 5 членов: А. Клецкин, Х. Закройский, М. Аронович, И. Светицкий, С. Лидовская [3, л. 25]. В Слониме сионисты проводили агитационную работу через избирательный комитет Народного блока. В состав этого блока, кроме них, входили Временный еврейский народный совет, Центральный союз купцов, Центральный союз рабочих, Центральный союз мелких купцов [3, л. 9].

В 1922 г. в Барановичах также существовало крупное отделение Сионистской организации, объединявшее в своих рядах представителей местной еврейской буржуазии и интеллигенции. На своих собраниях сионисты обсуждали важнейшие вопросы, волновавшие еврейское население региона. Наиболее ярко настроение этой группы характеризует предвыборное собрание членов отделения, которое состоялось в Барановичах 27 мая 1922 г. На нём представители СО С. Гожалка и И. Фишман, говоря о положении евреев в Польше, охарактеризовали его следующим образом: «В Польше 60 % евреев живёт на деньги, получаемые из Америки, а остальные живут с доходов от торговли, которую у евреев постепенно отбирают и передают христианам. На государственную службу евреи также не могут рассчитывать, так как идет их вытеснение из госаппарата. В результате открытой антисемитской политики государства (легальное существование антисемитской организации «Развитие» и т. п. – П.С.) отношение местного населения к нам может ещё ухудшиться, и тогда останется только один выход – массовая эмиграция за границу. Однако и там положение евреев с каждым днём становится всё хуже. Тогда единственной страной, где мы сможем жить и развиваться, останется Палестина» [4, л. 80].

В это же время, по данным полиции, отделение Сионистской организации, насчитывавшее 30 членов, существовало в Воложине. Первоначально оно не проводило какой-либо активной работы [5, л. 250].

В 1922 г. в местечке Ивье был создан местный комитет Сионистской организации, деятельность которого сводилась в основном к работе по созданию еврейской школы и библиотеки, а также распространению сионистской прессы [5, л. 250].

22 июля 1922 г. Учредительный сейм Польши одобрил новый избирательный закон о выборах в сейм и сенат. Выборы были назначены на 5 и 12 ноября 1922 г. [6, с. 4]. Сионистская организация накануне выборов 1922 г. пользовалась в регионе широкой поддержкой, особенно среди буржуазии и интеллигенции. Более слабое, но отнюдь не ничтожное влияние она имела среди рабочих. В Новогрудском воеводстве по избирательному округу № 61 в сейм были избраны сразу два представителя «Сионистской организации в Польше» – Израиль-Михаил Люблинский-Стучинский и доктор Якоб Выгодский [2, с. 267].

В 1923–1926 гг. Сионистская организация продолжила на территории Новогрудского воеводства работу по созданию новых ячеек партии и укрупнению существовавших ранее.

Так, 12 августа 1923 г. в местечке Деречин (Слонимский повят) было создано отделение Сионистской организации. В состав его руководства вошли: А. Златогора, М. Альпер, К. Фердер [7, л. 104–107].

К октябрю 1923 г. в Новогрудском воеводстве Сионистская организация насчитывала 1500 зарегистрированных членов, не считая большого числа сочувствующих. Во главе организации в регионе стоял Мендель Гинзбург, в состав президиума входили также – доктор Я. Нахумовский, доктор М. Ясиновский, Кацав Израэль, Яцек Ясиновский, В. Сегалович [8, к. 13–15].

С целью поддержки местных отделений Сионистской организации, привлечения в её ряды новых членов в воеводство неоднократно приезжали лидеры партии из Варшавы, Вильно. Так, 7 мая 1923 г. в Новогрудок прибыл депутат сейма доктор Я. Выгодский, который провел ряд встреч с еврейской общественностью воеводства. В одном из своих выступлений он отметил, что «до сих пор еврейские партии были в дружелюбных отношениях с польскими политическими партиями. Однако если со стороны последних продолжится давление на евреев, то мы будем считать подобные шаги враждебными» [8, к. 13]. Поддержка со стороны центральных органов в Варшаве и проводимая партией работа на местах способствовали тому, что Сионистская организация в Новогрудском воеводстве в данный период являлась наиболее влиятельной среди всех политических еврейских организаций.

В 1924–1926 г. Сионистская организация продолжала укреплять свои позиции в повятах воеводства. Основной формой работы партии в этот период являлась активная агитационно-разъяснительная работа среди местного еврейского населения. С этой целью проводились многочисленные лекции, собрания, концерты и даже бал-маскарады в Новогрудском, Слонимском, Барановичском, Лидском, Несвижском, Седлицком и ряде других поватов [9, л. 27]. Подобная работа способствовала увеличению сторонников Сионистской организации в воеводстве. Так, в Слониме в январе 1924 г. партия насчитывала 300 членов, в большинстве своем представителей интеллигенции. Председателем местного отделения партии являлся купец М. Люблинский-Стучинский, его заместителем – Я. Заблоцкий. Деятельность организации была наиболее активной в образовательной и гуманитарной сферах. Проводились акции по сбору средств на нужды Палестины, а также мероприятия, посвященные памяти погибших на её территории еврейских переселенцев [9, л. 27].

Большое внимание деятели партии уделяли освещению положения в Палестине. Отделения партии регулярно устраивали публичные чтения докладов и лекций о возрождении Палестины, на которых выступали как руководители местных отделений Сионистской организации, так и видные представители сионистского движения со всей страны, а также из-за рубежа. В ходе этих мероприятий собирались средства на нужды палестинских переселенцев. 20 января 1924 г. в Лиде в помещении кинотеатра «Эдисон» состоялся сионистский вечер, тема которого – «Современная Палестина». С докладами перед собравшимися выступили один из руководителей сионистского движения в Польше депутат сейма Я. Выгодский и делегат из Палестины К. Иоффе. Во время собрания проводился сбор средств на развитие Палестины [10, л. 27–27 об.].

17 июня 1925 г. в помещении Сионистской организации в Слониме депутат сейма М. Люблинский-Стучинский организовал лекцию о состоянии дел в Палестине, а также о деятельности сейма по решению еврейского вопроса. На собрании присутствовало около 200 человек [11, л. 4].

2 февраля 1926 г. в Слониме по инициативе местной Сионистской организации были организованы чтения на тему «Палестина и её противники». Выступавший А. Бергман из Варшавы обрисовал собравшимся слушателям концепцию возрождения Палестины как независимого еврейского государства. Он заявил о том, что противников этой идеи необходимо рассматривать как предателей национального еврейского движения. На собрании присутствовало около 100 человек. Доход от чтений был передан в пользу Еврейского национального фонда возрождения Палестины [12, л. 340].

6, 13, 20 и 27 февраля 1926 г. в помещении Сионистской организации в Слониме местными сионистами были организованы выступления на темы: «Пророки» (докладчик

М. Шлупер), «История развития еврейской работы от самого начала до сегодняшнего дня» (докладчик Я. Заблоцкий), «Современная техника и её использование в колонизации Палестины» (докладчик Стучинский), «Aguda как показатель иудаизма» (докладчик К. Нельсон). Эти доклады имели целью ознакомление еврейской общественности с развитием еврейского движения в Палестине [12, л. 340].

Определённым влиянием среди еврейского населения Новогрудского воеводства в 1921–1926 гг. пользовалась ортодоксальная партия «Мизрахи», которую также следует отнести к партиям сионистского толка. В своей программе «Мизрахи» использовала лозунг «Религия, наука и труд». В выступлениях лидеров партии отмечалось, что национально-культурное развитие еврейского народа должно осуществляться на принципах иудаизма и сообразно с еврейскими традициями.

На территории воеводства партия имела свои комитеты в Барановичах, Лиде и Несвиже [13, л. 188]. Их возглавляли такие известные деятели партии, как раввин Л. Брот, Х. Фарбштейн, И. Рубинштейн [14, л. 28]. В Новогрудском воеводстве влияние «Мизрахи» распространялось также на ряд общественных еврейских организаций. В первой половине 20-х гг. партия оказывала финансовую помощь организации «Ритуальные услуги» в г. Барановичи [13, л. 192].

Ещё одной партией сионистского толка, действовавшей на территории Новогрудского воеводства в указанный период, была «Всемирная сионистская партия труда». Основными положениями её политической программы были: создание в Палестине национально-еврейского центра; подготовка кадров трудящихся для эмиграции в Палестину; политическое объединение евреев в странах их компактного проживания; защита экономических интересов еврейских рабочих; возрождение и внедрение древнееврейской культуры в государствах со значительной еврейской диаспорой. В 1921–1926 гг. «Всемирная сионистская партия труда» имела в Новогрудском воеводстве три поветовых отделения – в Слониме, Барановичах и Клецке.

Определённым влиянием в Новогрудском воеводстве пользовалась партия «Молодёжь Сиона», представлявшая левое течение в сионистском движении. Первые сведения о деятельности кружков с таким названием относятся к 1903–1904 гг. применительно к западной части бывшей Российской империи [244, л. 493]. Вскоре подобные объединения возникли и в других странах. В августе 1913 г. на конференции в Вене была создана Всемирная организация «Молодёжь Сиона» [280, с. 37]. Своей задачей она считала создание в Палестине автономного еврейского политического центра. Одновременно «Молодёжь Сиона» стремилась к получению национально-политической автономии евреями в странах их постоянного проживания [280, с. 37]. В начале 20-х гг. в поветах Новогрудского воеводства партия «Молодёжь Сиона» вела активную агитационную работу. Члены партии проводили лекции по истории еврейского народа, собрания и любительские представления, посвященные актуальным вопросам еврейской жизни [176, л. 108–109]. Вместе с тем, к 1925 г. вследствие финансового и кадрового кризиса в местных отделениях партии её влияние в воеводстве фактически свелось к нулю. На IV конференции партии в Варшаве, которая проходила в мае 1923 г., произошёл раскол. Значительная часть членов партии «Молодёжь Сиона» покинула её ряды и присоединилась к партии «Поалей Цион». Однако вследствие организационных разногласий процесс объединения двух партий в Польше затянулся до ноября 1925 г.

Некоторое влияние в Западной Беларуси имели партии сионистско-социалистической направленности. Среди них наибольшей поддержкой у еврейского населения пользовалась Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион». Партия высту-

пала с программой создания еврейской государственности в Палестине на социалистических началах. Временным решением еврейского вопроса должна была стать национально-культурная автономия евреев в Польше. Однако считалось, что автономия удастся получить только после победы в Польше социалистической революции [2, с. 272].

На территории Западной Беларуси первоначально партию «Поалей Цион» поддерживала сравнительно небольшая часть еврейского населения региона. Партия подвергалась нападкам со стороны ортодоксов и Бунда, однако успешно развивалась во всех самоуправленческих еврейских организациях и еврейском кагале. Электорат партии составляли рабочие, ремесленники, мелкие торговцы. Во главе «Поалей Цион» находились известные литературные и общественные деятели. На территории Новогрудского воеводства партия имела 14 отделений: в Новогрудке, Лиде, Ивье, Несвиже, Клецке, Городее, Любче, Кореличах, Слониме, Щучине, Столбцах, Воложине, Барановичах и Ляховичах. Самое крупное отделение «Поалей Цион» находилось в Барановичах. В 1925 г. оно насчитывало 90 членов. В Несвиже местное отделение партии объединяло 30 человек. По данным за 1926 г., отделения «Поалей Цион» в Слониме и Столбцах насчитывали 55 и 44 члена соответственно [13, л. 193].

Значительное место среди еврейских политических партий в Западной Беларуси занимали партии социалистического толка. Одной из наиболее влиятельных партий этого направления на политической арене региона оставался Бунд. Партия выступала за поддержание мира между народами и государствами, защиту прав национальных меньшинств, отстаивала право народов на самоопределение. В 1918–1919 гг. Бунд высказался за полную независимость польского государства. Что касается официальных польских властей, партия находилась по отношению к ним в непримиримой оппозиции. Бунд требовал от польского правительства национально-культурной автономии евреев, отмены всех правовых ограничений для представителей еврейского народа, преподавания в школах для еврейских детей на идиш. Идею создания еврейского государства в Палестине руководство партии считало утопичной и вредной для евреев. В связи с этим Бунд вёл постоянную борьбу с сионистами [62, л. 27]. В программных установках партии значительное место отводилось решению вопросов рабочего класса. Бунд выступал за 8-часовой рабочий день, социальное обеспечение за счет государства в случае болезни, безработицы, старости, свободу собраний, слова, прессы и забастовок [217, с. 63].

На выборах в еврейские гмины, состоявшихся в 1924 г., партия получила 46 мандатов в 24 городах и местечках, ранее входивших в состав Российской империи. Позиции Бунда были очень сильны в еврейских профсоюзах, которые, по данным Министерства внутренних дел Польши, в 1925 г. объединяли около 30 тыс. еврейских рабочих [62, л. 27]. Партия имела разветвленную сеть первичных организаций на всей территории Западной Беларуси. Крупнейшими отделениями Бунда были комитеты в Вильно, Гродно, Барановичах, Пинске, Бресте, Пружанах.

В середине 20-х годов еврейские профсоюзы, частично находившиеся под влиянием Бунда, открыли собственную библиотеку и банк в Новогрудском повете. Они обращались от лица рабочих с экономическими требованиями к хозяевам предприятий, а в случае невыполнения требований проводили забастовки. Определенное влияние Бунд имел и в еврейских кооперативах, которые отличались хорошей организацией, но в политической жизни активного участия не принимали. По словам полицейских, они «действовали конспиративно, с лёгким оттенком коммунизма». В Новогрудке в 1925 г. вели работу профсоюз еврейских ремесленников (140 человек), профсоюз производителей одежды (34), профсоюз сапожников (37), профсоюз еврейских купцов (350). Они конкурировали с сионистским профсоюзом в Новогрудском повете [156, с. 198–199].

Таким образом, еврейские политические партии и организации на территории Ново-грудского воеводства в 1921–1926 гг. обладали разветвлённой сетью местных отделений, объединявших значительную часть еврейского населения воеводства и оказывавших серьезное влияние на его общественно-политическое и экономическое положение, культурную и религиозную жизнь. Они играли заметную роль в проводимых в регионе культурно-просветительских проектах, благотворительности. Желая привлечь в свои ряды как можно большее число сторонников, в своих программах и деятельности политические партии значительное внимание уделяли вопросам образования, сохранения национальных еврейских традиций и культуры, создания эффективной системы помощи пожилым и малоимущим людям, сиротам и детям из неблагополучных семей.

Литература

1. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 wrzesnia 1921 roku. – Warszawa, 1927. – 192 s.
2. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2145.
3. Свирид, А.Н. Еврейская ортодоксальная партия «Агудат Израэль» и еврейское политическое движение во II Речи Посполитой (1919–1939 гг.) / А.Н. Свирид // Моладзь Берасцейшчыны: зборнік студэнц. навук. прац. – Брэст, 1997. – С. 30–37.
4. Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО). – Фонд 662. – Оп. 3. – Д. 38.
5. Holzer, J. Mozaika polityczna II Rzeczypospolitej / J. Holzer. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1974. – 670 s.
6. ГАГО. – Фонд 678. – Оп. 2. – Д. 3.
7. Литовский Центральный государственный архив (далее ЛЦГА). – Фонд 119. – Оп. 1. – Д. 3.
8. ГАГО. – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 3.
9. Belcikowska, A. Stronnictwa i związki polityczne w Polsce: charakterystyki, dane historyczne, programy, rezolucje, organizacje partyjne, prasa, przywódcy; Dodatek: Polityczne związki młodzieży w Polsce / A. Belcikowska; część ogólną oprac. J. Belcikowski; słowo wstępne napisał A. Romer. – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1925. – 186 s.
10. ГАГО. – Фонд 678. – Оп. 2. – Д. 4.
11. Архив Новых Актов в Варшаве. – Фонд «MSW». – Sygnt. 975/1.
12. ГАБО. – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 780.
13. ГАБО. – Фонд 119. – Оп. 1. – Д. 3.
14. ГАГО. – Фонд 678. – Оп. 2. – Д. 5.
15. ЛЦГА. – Фонд 119. – Оп. 1. – Д. 147.
16. ГАГО. – Фонд 662. – Оп. 3. – Д. 38.
17. ГАГО. – Фонд 209. – Оп. 1. – Д. 10.
18. ЛЦГА. – Фонд 53. – Оп. 23. – Д. 810.
19. Найман, О.Я. Еврейские партии и организации в Украине (1917–1925 гг.) / О.Я. Найман. – Киев, 1998. – 198 с.
20. Зональный государственный архив Минской области в г. Молодечно. – Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 77.
21. Костючик, В. Бунд в политической жизни Польши в межвоенный период (20–30 годы) / В. Костючик // Моладзь Берасцейшчыны: зб. навук. арт. студэнтаў гіст. фак. БрДУ імя А.С. Пушкіна. – Выпуск 2-і. – Брэст, 1995. – С. 62–68.
22. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / под ред. В. Гончарова, О. Соболевской. – Донецк, 2005. – 347 с.

СРЕДНЯЯ ЛИТВА КАК ПРОБЛЕМНЫЙ КОМПЛЕКС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1920 – 1939 гг.

Стрелец М.В.

УО «Брестский государственный технический университет»

История Западной Беларуси (1921–1939 гг.) на протяжении многих десятилетий представляет исследовательское поле для научного сообщества, которое имеет серьёзные результаты в данном направлении. Вместе с тем учёные не ответили ещё на большое количество вопросов, связанных с этим тематическим блоком. Например, никак нельзя признать исчерпывающим освещение вопроса, совпадающего с заголовком настоящего доклада, в научной литературе. Автор доклада обратился к тем аспектам указанного вопроса, которые пока не были предметом специальных исследований. Эти аспекты таковы:

1. Анализ Виленского конфликта 1921–1939 гг. в контексте национальных интересов Литвы, Польши, СССР.

2. Оценка позиции руководства БНР по вопросу о статусе Средней Литвы.

Средняя Литва – это исконно белорусский Виленский край. Поэтому относительно анализируемого периода, то есть 1920–1939 гг., представлялось вполне логичным её включение в состав белорусского национального государства в случае наличия такового. Естественно, исходным пунктом при освещении указанных аспектов является разбор вопроса о реальном статусе государственных образований, официально именуемых белорусскими, в 1920–1939 гг.

Известно, что первое в анализируемый период международное соглашение о принадлежности Средней Литвы было заключено 12 июля 1920 г. В качестве сторон соглашения (договора) выступили Россия и Литва. Ключевые позиции договора были таковы: а) Москва признаёт полный суверенитет Литвы над Виленским краем, Вильней, Сувалками; б) Литва получает полное право на размещение своих войск и вооружений в данном регионе. На момент заключения этого антибелорусского по сути договора Среднюю Литву считали своей территорией два официально провозглашённых государства: Литовско-Белорусская ССР (ЛитБел) и Белорусская Народная Республика (БНР). Советская Россия создала ЛитБел, полностью управляла этим образованием, которое не может быть отнесено к опыту реальной белорусской государственности. ЛитБел не был стороной договора от 12 июля 1920 г. Более того, подписание настоящего договора предопределило исчезновение Литовско-Белорусской ССР в качестве формального субъекта международных отношений и международного права. При этом докладчик делает логическое ударение на слове «формальный», ибо в ином качестве она никак не могла выступать. Не была стороной договора и БНР, которая в отличие от ЛитБела не являлась по состоянию на 12 июля 1920 г. формальным субъектом международных отношений и международного права. Это государственное образование, созданное на основе чётких демократических механизмов, на 12 июля 1920 г. было де-юре или де-факто признано Германией, Латвией, Литвой, Эстонией, Чехословакией, Болгарией, Финляндией, Турцией. Договор от 12 июля 1920 г. был подписан в то время, когда в Москве велись официальные переговоры между представителями правительств БНР и РСФСР. «Рассматривая правительство Ластовского (БНР) как союзника в антипольской борьбе, Наркомат иностранных дел РСФСР пригласил делегацию этого правительства в Москву». Наивысшая и Народная

Рады БНР резко отрицательно оценили настоящий договор. В состоянии полного переговорного тупика оказалась «делегация БНР, возглавляемая Захарко... 17 июля 1920 г. Захарко вручил ноту протеста народному комиссару Чичерину. Однако этот протест был напрасным. Видя, как успешно развивается наступление Красной Армии, Чичерин сорвал переговоры с правительством Ластовского» [1].

Каковы же мотивы подписантов анализируемого договора?

Москва рассматривала этот договор сквозь призму ленинской теории мировой социалистической революции, а также с геополитической точки зрения. На европейском направлении экспорт социалистической революции первоначально планировалось, прежде всего, осуществить в Беларусь, в Польшу, в Прибалтику, в Украину. Для реализации подобных планов были задействованы части Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). «Одной из стоящих у них на пути была Литва, объявившая о независимости 16 февраля 1918 г.

С другой стороны, на Литву посматривала и Польша, окрыленная идеей народного освобождения, она так же вынашивала планы втянуть Литву в состав своего государства. Начальник Польского государства Юзеф Пилсудский руководствовался тогда идеей объединить территории, которые были у Речи Посполитой до её третьего раздела. Страны Запада на такие планы поляков смотрели снисходительнее, чем на идею независимости Литвы: их политикам единая и большая Польша казалась более подходящим противоядием распространению большевизма в Европе.

Действительно, в то время поляки активно боролись с продвигающимися в Европу большевиками, а это создало благоприятные условия для изгнания их и из Литвы. После боев с переменным успехом большевики, на которых давили поляки и латыши на других фронтах, начали вытесняться с литовской территории. 22 августа 1919 г. верховный главнокомандующий Вооружёнными силами Литовской Республики генерал Сильвестрас Жукаускас начал последнюю операцию, стремясь вытеснить РККА за Даугаву. Уже через восемь дней Красная Армия была вынуждена перейти на северный берег Даугавы, а в январе 1920-го, после занятия латышами и поляками Даугавпилса, у литовцев с большевиками общего фронта больше не было.

Желая, во что бы то ни стало сократить линию фронта, В. Ленин принялся искать контакты с правительствами стран Балтии, давая понять, что Россия готова признать суверенитет Литвы и других стран Балтии. Большевики ясно понимали, что самой большой преградой экспорту революции и серьезнейшей опасностью для ее территории является Польша» [4].

Важно специально подчеркнуть, что Россия послала Литве первый сигнал на предмет заключения мирного договора в сентябре 1919 г., то есть в момент, когда одновременно прочно удерживали стратегическую инициативу войска, возглавляемые Жукаускасом, и войска, возглавляемые Пилсудским, когда большевикам-ленинцам приходилось решать уравнение со многими неизвестными на фронтах гражданской войны. Точка отсчёта реального переговорного процесса по соответствующему вопросу совпадает с тем моментом, когда исход гражданской войны был предreshён, когда весьма активно создавались предпосылки для перехвата РККА стратегической инициативы в советско-польской войне.

«Переговоры о мире между Литвой и Советской Россией начались 7 мая 1920 г., после более полугода длившегося дипломатического контакта. Результатом этих переговоров стал мирный договор, подписанный 12 июля 1920 г.» [4].

Конечно, реальная сила любого договора определяется верностью сторон взятым обязательствам, уважением этих обязательств со стороны ключевых акторов международных отношений. Развитие событий после заключения договора от 12 июля 1920 г. свиде-

тельствовало о том, что «этот договор не решил вопрос с Вильно, потому что блок Антанты столицей Литвы признал его только на словах. 15 июля 1920 г. литовская армия, вступив в покинутый поляками Вильно, обнаружила подразделение красноармейской кавалерии. После того как учредительный Сейм Литвы в августе ратифицировал договор между Россией и Литвой, Красная Армия оставила Вильно, но не Виленский край. Так Правительство Литвы заплатило за секретное приложение к договору с большевиками, согласно которому Литва обязалась пропустить войска Советской России через Лиду, Ошмяны и Гродно для войны с Польшей» [4].

31 июля 1920 г. в Минске была подписана Декларация о восстановлении государственной независимости Советской Социалистической Республики Беларуси, что вошло в историю как второе провозглашение БССР. В указанном документе никак не был прописан вопрос о государственных границах БССР, которая, как и ЛитБел, полностью контролировалась Москвой. Вынося за скобки этот вопрос, авторы документа заняли вполне удовлетворительную для российской и литовской сторон позицию. Данная позиция была выгодна и Польше, которая разыгрывала искусные дипломатические комбинации, о чём свидетельствовал Сувалковский договор 1920 г.

При разборе Сувалковского договора следует иметь в виду не только сам договор, но и то, что за ним стояло. Этот «договор, заключённый между Литвой и Польшей в г. Сувалки (Польша) 7 октября 1920 г. при участии представителей Лиги Наций, являлся дипломатическим прикрытием истинных намерений польского правительства захватить Виленский край... В соответствии с договором Виленский край, Вильно и Сувалки оставались за Литвой, а железнодорожная станция Ворена – за Польшей. Польская сторона обязывалась пропускать через Ворену литовские поезда, которые курсировали между Вильно и Алитусом. При заключении договора литовская делегация стремилась создать условия безопасности для Вильно, а польская – для его быстрого захвата. Варенский железнодорожный узел, который находился в руках поляков, не позволял оперативно перебрасывать вооружённые силы для обороны Вильно. Однако договор не успел приобрести силу – 8 октября 1920 г. войска генерала Л. Желиговского по тайному приказу Ю. Пилсудского захватили Вильно и Виленский край» [2]. «Люциан Желиговский создал здесь государство Средней Литвы» [4].

«20 февраля 1922 года Виленский сейм принял постановление о присоединении города и края к Польше. Однако во Временной конституции Литвы 1918, в конституциях 1928 и 1938 годов Вильно именовался столицей Литвы. «Временной столицей» Литвы официально именовался город Ковно (Каунас)» [7].

«Столица Литвы и этническая территория Восточной Литвы были под управлением Польши до сентября 1939-го года. Вильнюсский вопрос отравлял двусторонние отношения обеих стран до самого начала Второй мировой войны, а в это несогласие постоянно подливала масло и использовала его в своих интересах большевистская Россия» [4].

Как же реагировали белорусские государственные образования на факт существования Средней Литвы, на положение Виленского края в 1922 – 1939 гг.?

Пришедшая на смену ЛитБелу Советская Социалистическая Республика Беларуси никак не профилировала себя по этому вопросу. Известно, что в 1920 – 1922 гг. она была формальным субъектом международных политических отношений, что после образования СССР даже такой статус не будет иметь места до 1944 г. В отличие от ССРБ (БССР) Белорусская Народная Республика официально озвучивала позицию по анализируемому вопросу и в 1920 – 1922 гг. и в последующие годы.

К сожалению, в позиции БНР по вопросу о статусе Виленского края была непоследовательность, которая, естественно, была в интересах литовской стороны. Последняя неоднократно использовала и наличие соответствующих расхождений среди высшего руководства БНР. Так, в договоре БНР и Литовской Республики от 11 ноября 1920 г. было чётко прописано согласие белорусской стороны с вхождением Виленского края в состав Литовской Республики.

Были случаи, когда официальные представители БНР на солидных международных форумах демонстрировали подобное согласие, не имея специальных полномочий.

«Правительство БНР не прекращало деятельности на международной арене. 27.04.1922 на Генуэзскую международную конференцию по экономическим и финансовым вопросам прибыл председатель Рады Народных Министров Ластовский и министр иностранных дел Цвикевич. Они стремились поставить белорусский вопрос на повестке дня конференции и с этой целью сотрудничали с делегациями эмигрировавших правительств Украины, Азербайджана, Грузии. Меморандум с просьбой поставить вопрос о признании БНР они вручили председателю конференции, премьер-министру Италии Л. Факта и всем делегациям. Меморандум был заслушан на заседании политической комиссии конференции с участием белорусской делегации» [1]. Конечно, признание государства предполагает и признание соответствующих государственных границ. Одним из аспектов белорусского вопроса, ядром которого выступало именно это признание, являлась судьба спорных территорий, населённых белорусами. Поэтому «председателю конференции также была вручена нота о том, что правительство БНР признает Вильно столицей Литвы и согласно на включение Виленщины и части Гродненщины (т. наз. Средней Литвы) в состав Литовского государства в качестве автономии. После демарша наркома иностранных дел РСФСР Чичерина белорусский вопрос в повестку дня конференции поставлен не был. Нота Ластовского и Цвикевича вызвала неудовлетворение членов правительства БНР. 20 мая 1922 г. правительство осудило их поведение» [1].

С договором от 11 ноября 1920 г. и нотой Ластовского и Цвикевича резко расходилась «резолуция Второй Всебелорусской конференции (Берлин, октябрь 1925 г.), в которой отмечалось, что Вильно и все территории, которые должна была получить Литва согласно российско-литовского договора от 12 июля 1920 г., «лежат в этнографически преимущественно белорусской границе», поэтому судьба Вильно должна быть решена не путём дипломатических комбинаций или торговли между Литвой и Польшей, а путём всенародного референдума» [6, с. 485].

Важно специально подчеркнуть, что указанная конференция по существу была финальной точкой в истории БНР и, естественно, в 1925 – 1939 гг. не существовало субъектов международных отношений, которые требовали бы учитывать в Виленском конфликте интересы белорусов. За белорусов решали другие, о чём свидетельствовал советско-литовский договор 1926 г.

«Договор 1926 г. подтверждал, что основой отношений между СССР и Литвой остается Мирный договор 1920. Обе стороны обязывались «...уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга» (ст. 2), воздерживаться от агрессивных действий против другой стороны, не участвовать во враждебных друг другу коалициях и осуществлять нейтралитет в случае нападения на одну из сторон (ст. 3-4). При подписании договора оба правительства обменялись нотами. В ноте СССР говорилось о признании прав Литвы на Вильно и Виленскую область. Договор 1926 г. по инициативе Советского правительства был продлен в 1931 г. и 1934 г.» [5]. Цитируемые здесь пассажи из статей 2, 3-4 были согласованы именно по причине совпадения подходов по проблеме государственной принадлежности Средней Литвы. Поддер-

живая Литву в этом вопросе, Москва получала сильный аргумент в своём «стремлении сорвать попытки влиятельных кругов западноевропейских стран создать под руководством Польши блок прибалтийских государств, направленный против СССР. Литва противилась созданию такого блока, так как находилась в конфликте из-за Вильно и Виленской области, которые, как уже отмечалось, были захвачены войсками Польши в 1920 г.» [5].

Конечно, для снятия анализируемого проблемного комплекса в интересах Литвы согласия СССР было недостаточно. После подписания пакета советско-германских договорённостей 1939 г. Москву в этом вопросе впервые стал поддерживать Берлин. Данный пакет был первым этапом на пути к присоединению Прибалтики к СССР. В качестве второго этапа выступило подписание двусторонних договоров о взаимной помощи между СССР и каждой из балтийских стран. «Особенность договора СССР с Литвой состояла в том, что обязательство о взаимной помощи совмещалось с возвратом ей занятого советскими войсками города Вильно.

Возникает, естественно, вопрос: почему Молотов настаивал на том, чтобы договор о взаимопомощи между Литвой и СССР обязательно совместить с актом о передаче Виленщины Литовской республике в одном документе? (Данный шаг был призван. – М.С.) как-то сгладить дурное впечатление от того, что этот акт был совершен совместными усилиями гитлеровской Германии и сталинского руководства Советского Союза» [3].

При рассмотрении вопроса о разрешении Виленского конфликта следует иметь в виду, что в пакете советско-германских договорённостей судьба самой Литвы виделась по-разному. В секретном приложении к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Москва и Берлин были согласны с вхождением Литвы в сферу влияния Германии, а в секретном приложении к договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. общий знаменатель позиций был таков: Литва присоединяется к СССР. В СССР в содержание этих секретных протоколов был посвящён только узкий круг лиц на уровне высшего государственного руководства.

После нападения Германии на Польшу началась тонкая дипломатическая игра вокруг Виленского конфликта, которая прошла два этапа. Постоянным участником обоих этапов была, естественно, Литва. На первом этапе в качестве ключевого участника выступала Германия, на втором – СССР. Первый этап датируется 9 – 16 сентября 1939 г., второй начал свой отсчёт 17 сентября 1939 г.

Касательно первого этапа есть смысл отметить следующее. «Как явствует из донесения временного поверенного в делах СССР в Литве Н. Г. Позднякова от 13 сентября 1939 г., советское полпредство не было информировано из Москвы о намерениях правительства СССР относительно судьбы Вильно и Виленского края в случае поражения Польши. Из этого же донесения следует, что германские представители в Литве всячески внушали литовцам мысль о необходимости воспользоваться благоприятным случаем и взять Вильно. Эти сведения подтверждают и немецкие документы, опубликованные после войны. Из них видно, что еще 9 сентября 1939 г. Риббентроп после обсуждения с Гитлером предложил посланнику в Ковно Цехлину привлечь внимание правительства Литвы к вопросу о Вильно и поскорее решить его.

Через несколько дней Цехлин ответил, что в беседе с ним командующий литовской армией генерал С. Раштикис сообщил: Литва всегда была заинтересована в возвращении Вильно и Виленщины, но, объявив свой нейтралитет, она в настоящее время не может открыто выдвинуть это предложение, опасаясь негативной реакции как западных держав, так и Советского Союза.

Однако советское полпредство, не зная тогда приведенных выше деталей, считало, что носителями идеи о возвращении Вильно являются реакционные силы, «тяготеющие к

сильной Германии», и прочие «авантюристы в политике и экономике». Их аппетит на Вильно, как отмечалось в документе, обострился потому, что Виленщина в настоящее время оказалась свободной как от польских, так и от немецких войск. Одновременно сообщалось, что официальные представители Литвы отрещиваются от этого «авантюризма и безумства», поскольку «считают большим риском для себя пользоваться плодами германских побед в Польше, так как будущие победители, в том числе и восстановленная Польша, неизбежно вспомнили бы тогда измену Литвы и постарались бы ее раздавить. Некоторые же, даже независимо от исхода войны, не хотят получать Вильно из рук немцев, говоря, что Берлин потребует за этот подарок беспрекословного подчинения его указаниям».

Эти же наблюдения подтвердил и советский военный атташе майор И.М. Коротких. В политическом обзоре в тот же день, т. е. 13 сентября, он утверждал, что правящие круги Литвы, включая и военных, не идут на соблазн присоединения Вильно, хотя это можно было бы легко сделать, ибо там нет никаких воинских частей. Как заявил советскому атташе начальник 2-го отдела генштаба литовской армии полковник Дулкнис, литовцы не хотят получать Вильно из рук немцев. «Другое дело, если бы здесь был бы причастен каким-либо образом Советский Союз, т. е., другими словами, из рук Советского Союза можно было бы брать, не боясь ничего» [3].

Пожелание полковника Дулкниса, с которым были солидарны многие его соотечественники, будет реализовано на втором этапе. Важно обратить внимание на то, почему именно 16 сентября 1939 г. заканчивается первый этап. Именно в этот день «во время беседы с Шуленбургом Молотов поставил вопрос, кто же будет занимать Вильно, оккупированный польскими войсками еще в 1920 г. И далее добавил, что советское правительство не желает столкновения с Литвой и хотело бы знать, состоится ли объединение Виленского края с Литвой. Лишь с публикацией в 1948 г. документов о договоренностях между Германией и СССР выяснилось, что в эти дни шёл торг, в чью же сферу интересов должна входить Литва. Теперь ясно, что в тот же день (16 сентября) Риббентроп предложил Цехлину более не затрагивать проблему Вильно и прекратить о ней все разговоры с представителями литовской стороны. А на следующий день, когда в Польшу вступили советские войска, в Берлине внешне изменили свою позицию по Виленскому вопросу. Глава политического отдела министерства иностранных дел Германии Ворман вызвал литовского посла К. Скирпу (Шкирпу) и выразил ему недоумение по поводу распространяемых литовскими дипломатами в странах Запада слухов о якобы давлении Берлина на Литву с целью принудить к захвату Вильно.

Если в Берлине в эти дни вообще перестали интересоваться судьбой не только Вильно, но и всей Литвы, то в Москве интерес к ней значительно усилился. Эта перемена была вызвана переговорами между Германией и Советским Союзом, которые 28 сентября закончились соглашением о передаче Литвы в сферу интересов СССР взамен на Люблинское и часть Варшавского воеводства» [3].

«18 сентября 1939 Вильно и окрестности заняла Красная Армия, однако в отличие от остальной польской территории город не был включён в состав БССР. По Договору о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой от 10 октября 1939 часть юго-восточной Литвы и Вильно были переданы Литовской республике. 27 октября 1939 г. в Вильно вошли части литовской армии. На остальной бывшей территории Польской республики (в том числе и 2/3 Виленского края, признанного Литве по мирному договору Литвы и Советской России от 12 июля 1920 г.), 28-30 октября 1939 г. было создано Народное собрание, которое провозгласило установление Советской власти в «Западной Белоруссии» и воссоединение

её с Белорусской ССР. 2 ноября 1939 Верховный Совет СССР и 12 ноября Верховный Совет БССР соответственно приняли законы о включении Западной Белоруссии в состав СССР и воссоединении её с БССР».

С лета 1940 г. Вильно (Вильнюс) стал столицей Литовской ССР [7]. «Придавая большое политическое значение передаче Вильно и Виленской области Литве, Молотов в докладе на заседании V сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в конце октября 1939 г., особо обратил внимание на то, что этим актом Литва с её населением в 2,5 млн. человек расширила свою территорию и увеличила население на 550 тыс. человек. При этом Молотов объяснил, что, хотя в Вильно преобладает нелитовское население, но важнее то, что с ним связано историческое прошлое Литовского государства» [3]. Вторая часть объяснения главы советской дипломатии требовала уточнения. Известно, что Вильно являлся столицей белорусско-литовско-украинского государства, каковым являлось Великое княжество Литовское.

«Как до, так и после 26 октября 1939 г., когда литовцы начали занимать Виленщину, заслугу в возвращении этой области литовская пропаганда приписывала президенту А. Сметоне, правительству генерала Ю. Черниуса и фашистского типа партии националистов (таутинников). И, надо сказать, литовские националисты нажили себе на этом немалый политический капитал. Ведь, несмотря на потерю в марте Клайпеды, благодаря присоединению Виленщины Литва увеличила свою территорию до 59 478 кв. км, а население до 2 879 070 человек» [3].

Таким образом, Средняя Литва в 1920 – 1939 гг. являлась объектом острейших противоречий между Литвой и Польшей, использовалась Советской Россией (СССР) для политического торга. Положение этого проблемного региона в центральноевропейском интерьере осложнялось также непоследовательностью позиции руководства Белорусской Народной Республики по вопросу о его судьбе, отсутствием белорусского по своей этнической основе реального субъекта международных отношений в 1925 – 1939 гг.

Литература

1. Авгуль, А.В. Становление белорусской государственности в 1917-1920 гг. / А.В. Авгуль // Русские рефераты [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: <http://netreferata.com/rus/referat-11576.html>. – Дата доступа: 17.10.2009.
2. Міхнюк, У.М. Сувалкаўскі дагавор 1920 / У.М. Міхнюк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2001. – С. 438.
3. Семиряга, М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 / М.И. Семиряга // Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://209.85.229.132/search?q=cache:9JNd248CX3AJ:militera.lib.ru/research/semiryaga.ru>. – Дата доступа: 10.10.2009.
4. Чивас, Т. Договор, принесший разочарование / Т. Чивас, А. Лукшас // "Veidas", Литва [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://209.85.229.132/search?q=cache:JYmFOiVo51wJ:www.lndp.lt/diskusijos/viewtopic.ru>. – Дата доступа: 17.08.2009.
5. Никифоров, Е.А. Советско-литовские договоры / Е.А. Никифоров // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://209.85.229.132/search?q=cache:EO3VlmskQ3AJ:dic.academic.ru/dic.nsf/sie.ru>. – Дата доступа: 09.09.2009.
6. Дубік, С. Сярэдняя Літва / С. Дубік, А. Чарнякевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2001. – С. 483 – 485.
7. История Вильнюса // Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://balancer.ru/society/2008/08/t63578,13--buduschee-chf-gde-budet-glavnaya-baza-flota.html>. – Дата доступа 03.09. 2009.

УМОВЫ РАЗВІЦЦЯ СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ, ПРАМЫСЛОВАСЦІ І ГАНДЛЮ НА ЗЕМЛЯХ ІВАЦЭВІЧЧЫНЫ Ё 1921–1939 гг.

Тахіян Т.М.

УО «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

Пасля заканчэння польска-савецкай вайны і падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскага мірнага дагавора землі Івацэвіччыны разам з іншымі тэрыторыямі Заходняй Беларусі былі ўключаны ў склад Польшчы. Івацэвіччына, падчас уваходжання яе ў склад другой Рэчы Паспалітай з 1921 па 1939 г., выконвала функцыю эканамічнага прыдатка.

Да Першай сусветнай вайны і польскай акупацыі сельская гаспадарка Івацэвіччыны развівалася даволі інтэнсіўна. Была ярка выражана яе спецыялізацыя, у якой выдзялялася вытворчасць мяса-малочнай прадукцыі і збожжавых культур. Мясовыя памешчыкі і заможныя гаспадары, якія валодалі дастатковай колькасцю зямлі, паступова ўводзілі перадавую для таго часу агратэхніку. У перыяд з 1921 па 1922 гг. значна пачалі скарачацца пасяўныя плошчы, у 1921–1922 г. яны складалі толькі 77,8 % да ўзроўню 1913 г. [1; 11]. Засталіся і феадальныя перажыткі, такія як буйное памешчыцкае землеўладанне, вялікая колькасць безземельных і малаземельных сялянскіх гаспадарак, шырокае кола адпрацо-вачных павіннасцей, цяжкія падаткі, высокія цэны на прамысловыя тавары шырокага ўжытку і нізкія цэны на сельскагаспадарчыя прадукты, запазычанасць банкам.

Адсталая структура сельскай гаспадаркі і вялікія разбурэнні ў выніку ваенных дзеянняў прывялі да таго, што 64 % сельскіх жыхароў вялі натуральную гаспадарку пры дапамозе прымітыўных сельскагаспадарчых прылад. Толькі некаторыя памешчыцкія гаспадаркі мелі трактары. На адзін трактар прыходзілася прыкладна 8 тыс. га ворнай зямлі. Аднак трактары з-за дарагавізы паліва, запасных частак і нявыгаднасці трымаць работніка для іх абслугоўвання шырока не выкарыстоўваліся. У асноўным пасеў збожжавых культур ажыццяўляўся ўручную. Пры ўборцы і абмалоце збожжа выкарыстоўваліся косы, сярпы, цапы, драўляныя вілы. Некаторыя памешчыкі мелі конныя механічныя прывады. Сабраны ўраджай звозіўся ў гумны, а затым абмалочваўся. Сялянскія гаспадаркі пакутавалі ад нястачы жывёлы, што ў сваю чаргу ўплывала на колькасць арганічных угнаенняў, своечасовую і якасную апрацоўку зямлі і выкананне іншых сельскагаспадарчых работ. Каля 29 % сялянскіх гаспадарак не мелі коней, у 58,8 % было толькі па аднаму каню, 15,7 % адносіліся да бескароўных, 51,1 % гаспадарак валодалі адной каровай [2; 46].

Асноўнымі сельскагаспадарчымі культурамі на Івацэвіцкіх землях у польскі перыяд былі пшаніца, жыта і бульба. Каля 70 % пасяўных плошчаў знаходзілася пад збожжавымі культурамі і бульбай. Прычым, як адзначалася ў адной са справаздач, “жыта і бульбы ... было з лішкам”. Аднак урадлівасць знізілася ў параўнанні з даваеннай: пшаніцы – на 12 %, жыта – на 9,2 %, бульбы – на 32 % з га. Таксама змяніўся і памер пасяўных плошчаў, занятых пад сельскагаспадарчымі культурамі. Напрыклад, у 1925 г. пшаніцай было засеяна 28 % зямельных плошчаў (33,6 % – ў 1913 г.), жытам – 63,7 % (57,8 % – у 1913 г.), бульбай – 61,8 % (46 % – у 1913 г.) [3]. Пасевы льну і іншых тэхнічных культур былі нязначнымі. Плошчы пад шматгадовымі травам і ў сувязі з панаваннем трохпольнай сістэмы таксама займалі невялікую ўдзельную вагу. Тыгунь наогул было забаронена вырошчваць [1; 37].

Тэхнічны прагрэс у сельскую гаспадарку Івацэвіччыны пранікаў паступова. У вёсках Кошава, Заполле, Бусыж, Воля, Любішчыцы, Міневічы, Святая Воля, Глінна, Коланск, Целя-

ханы, Варанілавічы, Горталь і інш. (усяго ў 22 вёсках) пачалі дзейнічаць станцыі па ачышчэнню насення. У 1931 г. на іх было ачышчана каля 758,2 т насення. З абсталёвання на такіх станцыях працавалі па 1 веяльцы і па 1 “змеіцы”. У вёсцы Заполле былі веялка, сяркарыя, малацілка, у Варанілавічах – веялка і 3 культыватары, на некаторых былі жнейкі, у Міневічах, Косаве і Бусяжы – млынкі [4].

Сельскагаспадарчыя расліны цярпелі ад розных шкоднікаў. Найбольш распаўсюжанымі ў Косаўскім павеце былі галаўня і каларадскі жука. З мэтай барацьбы з апошнім была арганізавана спецыяльная акцыя сярод навучэнцаў школ. Сіламі вучняў было сабрана 3858 літраў каларадскага жука. За кожны зданы літр выплачвалі 5 грошаў. Усяго за час правядзення акцыі было выплачана 192 злотых 50 грошаў [5].

Жывёлагадоўля прагрэсавала галоўным чынам у гаспадарках заможных сялян і памешчыцкіх маёнтках і насіла мяса-малочны характар. У адной са справаздач палескага ваяводства адзначалася, што “жывёлагадоўля на Івацэвіцкіх землях добра развіта. Палеская свіння пры скрыжаванні з англійскай пародай дае добры прыплод. Таму адсюль вывозяць многа мясной прадукцыі, якая вызначаецца высокай якасцю і экалагічнымі ўмовамі вытворчасці”.

Акрамя свінаводства на Івацэвіцкіх землях развівалася і малочная жывёлагадоўля. Існавалі кааператывы вытворцаў малака. У Целяханах у такім кааператыве налічвалася 17 членаў і 23 каровы, у Коланску – 98 членаў і 294 каровы, у Косаве адпаведна – 40 і 90 (за 3 месяцы 1932 г. надалілі 21214 л малака), у Амельна і Святой Волі – 98 і 220 (за 11 месяцаў – 110582 л малака), у Целяханах – 109 і 115 (за 12 месяцаў 53140 л).

Для абслугоўвання жывёлагадоўлі на Івацэвіцкіх землях існавала ветэрынарная служба. У некаторых вёсках дзейнічалі ветэрынарныя амбулаторыі, якія знаходзіліся пад кіраўніцтвам і на ўтрыманні гміннай улады. У Косаве выдаткі на ўтрыманне такой амбулаторыі ў 1932 г. склалі 2400 зл., за год было абслужана 1026 розных жывёл. Выдаткі на Целяханскую амбулаторыю склалі 2300 зл., вылечылі 494 жывёлы, у Святой Волі адпаведна – 1450 зл. і 499 жывёл, і ў Івацэвічах – 1500 зл. і 839 жывёл. Лячылі коней, кароў, авечак, свіней, птушак, але найчасцей кароў [6].

Вялікай праблемай для беларускага селяніна былі падаткі. Падатковая сістэма была створана так, што дробныя гаспадаркі плацілі падатак большы, чым буйныя. Напрыклад, сяляне, ва ўласнасці якіх былі надзелы да 5 га, плацілі 2,38 злотых з 1 га зямлі, у той жа час уладальнікі буйных латыфундый – толькі 1,01 злотых, а астатнія гаспадаркі з зямельнай плошчай ад 15 да 50 га – 1,89 злотых [1; 47].

Уладальнікі зямельных надзелаў павінны былі выплачваць розныя віды падаткаў. Асноўнымі падаткамі былі дзяржаўны зямельны з дадаткам камунальным і на аплата дарог. Прычым першы залежаў ад памераў і якасці зямлі, якая падлягала падаткаабкладанню. Некаторыя павінны былі плаціць гмінныя падаткі, падаткі на “шыльды і анонсы”. Напрыклад, у 1938 г. сяляне з в. Гошчава Бандарык Андрэй з 6,56 га зямлі заплаціў дзяржаўны зямельны падатак з дадаткам камунальным у памеры 21,09 злотых, Еўтух Тэадор – з 3,28 га 15,47 злотых, Еўтух Канстанцін – з 5,47 га 25,80 злотых, Еўтух Адам – з 2,74 га 13,69 злотых, Самсонік Анастас – з 1,64 га 9,04 злотых, Фядосік Ян – з 8,74 га 43,57 злотых [7].

Мясцовыя органы самакіравання прымалі актыўны ўдзел у стымуляванні развіцця сельскай гаспадаркі, выдаткоўвалі значныя сродкі на будаўніцтва і ўтрыманне дарог, а таксама на іншыя патрэбы сельскай гаспадаркі (на пункты пракату сельскагаспадарчай тэхнікі, закуп штучных ўгнаенняў). У 1924 г. мясцовым бюджэтам было прадугледжана

выдаткаваць 4,1 % сродкаў на развіццё сельскай гаспадаркі і 22,9 % – на грамадскія работы, у 1925 г. адпаведна – 5,1% і 19,5 %, у 1926 – 7,8 % і 25,8 % [8]. Павелічэнне выдаткаў садзейнічала паступоваму паспяховаму развіццю сельскай гаспадаркі на Івацэвічыне. З мясцовых бюджэтаў выдзяляліся сродкі і на добраўладкаванне населеных пунктаў. Напрыклад, у 1932 г. на гэтыя мэты было выдаткавана ў Косаве – 150 злотых, у Івацэвічах – 400 злотых, у Святой Волі – 300, у Целяханах – 200 [9].

На Івацэвічыне былі шырока распаўсюджаны сельскагаспадарчыя гурткі. Садзейнічала іх утварэнню і кантралявала дзейнасць Палескае павятовае таварыства зямельных арганізацый і гурткоў. Гурткі супрацоўнічалі з органамі ўлады, з дапамогай якіх стваралі пункты арэнды сельскагаспадарчых машын і інвентара. Па іх ініцыятыве ўтвараліся гандлёва-сельскагаспадарчыя (збытавыя) арганізацыі. Дзякуючы таварыству, Палескі рэгіён прымаў ўдзел у Познаньскай выставе-кірмашы і выставе ў Стагольме.

Аддзяленні Палескага павятовага таварыства зямельных арганізацый і гурткоў былі ў многіх вёсках Косаўскага павета. Напрыклад, у в. Любішчыцы (10 членаў), у в. Руда (12 членаў), в. Альба (18), м. Косаў (14), в. Гошчава (14), в. Бусяж (33), в. Міхновічы (38), в. Заполле (20), в. Святая Воля (24), в. Глінна (25), в. Целяханы (25), в. Амельна. Сельскагаспадарчыя гурткі арганізавалі паказальныя палі, якіх ў Косаўскім павеце было 1,85 га, пункты ачысткі насення. Пад патранатам Палескага павятовага таварыства зямельных арганізацый існавалі і гурткі сельскай моладзі – у в. Серадава (11 членаў), м. Косава (18), Заполле (25), Альба (14), Бараны (23), Коланск-Амельна (18), Целяханы (15), Глінна (21).

Сельскагаспадарчыя гурткі займаліся асветніцкай працай сярод мясцовага вясковага насельніцтва, арганізавалі гутаркі і спецыяльныя курсы (у тым ліку, караткачасовыя на месцах) па сельскагаспадарчай тэматыцы, конкурсы па вырошчванню буракоў, азімых, капусты, кукурузы, а потым праводзілі паказальныя выставы па выніках конкурсаў. Напрыклад, такія паказы прайшлі ў Косаве – 25 кастрычніка 1931 г., у Целяханах – 31 кастрычніка 1931 г. 113 чалавек прадставілі на гэтых выставах свае сельскагаспадарчыя экспанаты, 84 з іх былі ўзнагароджаны за свае дасягненні. Стымулявалася развядзенне кветак на насенне (гэтым відам дзейнасці займаліся 54 чалавекі). У дапамогу сельскім вытворцам дзейнічалі крэдытна-ашчадныя касы ў Івацэвічах, Косаве, Целяханах, Святой Волі. Іх абаротны капітал складаў 174600 зл. [10].

Стымуляванне развіцця сельскай гаспадаркі і ўкаранення перадавых метадаў гаспадарання ажыццяўлялася за кошт правядзення конкурсаў і выстаў. Яны праводзіліся не толькі сельскагаспадарчымі гурткамі, але і па ініцыятыве мясцовых улад. Так, у 1932 г. праводзіўся конкурс сярод вясковай моладзі: па вырошчванню буракоў – у Заполлі, Косаве, Яглевічах, Святой Волі, Глінна, Соміна, Целяханах; па вырошчванню жыта – у Святой Волі і Амельна; морквы – у Целяханах і Альбе. Для самастойных гаспадарак конкурсы па вырошчванню буракоў адбыліся ў Альбе, Бусяжы, Выганашчах, Святой Волі, Лазоўцах; морквы – у Альбе; капусты – у Лазоўцах. У Косаве ўзялі ўдзел у конкурсе 84 чалавекі, у Целяханах – 38. У выніку пераможцамі сталі 36 чалавек, якія прадэманстравалі надзвычай высокую агратэхніку: буракоў сабралі 1059 ц/га, морквы – 390 ц/га, капусты – 430 ц/га. Для удзельнікаў конкурсаў былі арганізаваны асветніцкія курсы: 12 сакавіка 1933 г. у Целяханах, 20 сакавіка – у Косава. У іх ўзялі ўдзел 25 чалавек. Выкладалі на курсах аграрныя інструктары і навукоўцы з Кракава і Варшавы. Пасля заканчэння былі праведзены экзамены і ўзнагароджаны пераможцы конкурсаў. У якасці дробных узнагарод уручалі косы, сярпы, акучнікі, кнігі на сельскагаспадарчую тэматыку. Вышэйшых узнагарод было 2:

бібліятэчкі па 50 сельскагаспадарчых кніг кожная на сумму 145 злотых [11]. Прамысловасць на Івацэвіччыне ў 1921–1939 г. была развіта даволі слаба, акрамя дрэваапрацоўваючых фабрык, і ў асноўным была накіравана на задавальненне мясцовых патрэб. Буйных прадпрыемстваў не было, толькі невялікія рамесныя майстэрні. У Косаўскім павеце налічвалася 27 цагельняў, 6 смалярняў, мноства млыноў (16 паравых, 26 ветраных, 3 турбінныя), 13 гарбарняў, 13 бойняў. У Косаве ў 1932 г. працавала друкарня, будаўнічае бюро, цагельня [12].

Значная частка лясоў на Івацэвіччыне належала прыватным уласнікам. Значныя ўчасткі лесу ў маёнтку Гошчава належалі Берчынскаму, Барадоўскаму, Каралю Вендзягельскаму, Стэфану Карзону, у маёнтку Обрава – братам Кажланінавым, Бурнасавай, у маёнтку Глінна 2 – Юзефу Ліпскаму, у маёнтку Целяханы – Якубу Шчырынскаму і Каралю Пуслоўскаму, у маёнтку Глінна – Мікалаю Шамбаранту, у маёнтку Харошча – Марыі Слізень, у маёнтку Івацэвічы – Антону і Антынегу Юндзіпам, у маёнтку Косаў – фірмам “Хеллер” і “Барадоўская-Бунімовіч”, у маёнтку Косаў-Зенапаль – прамыслова-сельскагаспадарчаму таварыству “Зенапаль”, у вёсцы Боркі – царкве, у Косаве-Палескім – парафіі [13].

Лес заўсёды меў на Івацэвіччыне вялікае значэнне, быў асновай многіх промыслаў, а зрэдку з’яўляўся адзінай крыніцай заробку людзей. Найчасцей лес выкарыстоўвалі для вытворчасці драўніны. У Целяханах існавалі лясныя промыслы, на якія наймаліся жыхары навакольных вёсак. Асноўнымі відамі працы на промыслах былі нарыхтоўка драўніны, габляванне, абмер, штабляванне дошак і трэсак, скрабенне. Заробак рабочых у дзень складаў ад 2,30 да 3 злотых у залежнасці ад складанасці працы. Падаходны падатак налічваўся ў памеры 6,6 %. У маі 1939 г. на промыслах працавалі Бігун Арон, Гурбел Берко, Лайфер Леймо, Рубінштэйн Берко [14].

14 чэрвеня 1928 г. у Івацэвічах было ўтворана Рамеснае таварыства. На яго чале стаяла праўленне з 5 чалавек. У 1934 г. у таварыстве налічвалася 39 членаў. Членскі ўзнос складаў 50 грошаў. Мэтамі аб’яднання рамеснікаў былі павышэнне іх культурна-асветніцкага ўзроўню, прафесійнай адукацыі, а таксама абарона грамадска-арганізацыйных і гаспадарчых інтарэсаў рамеснікаў. Статут рамеснага таварыства ў Івацэвічах ад 13 снежня 1929 г. прадугледжваў арганізацыю курсаў, бібліятэк, выстаў, адкрыццё бурсы, правядзенне чытанняў, апеку рамеснай моладзі, выданне рамеснага часопісу, стварэнне складу і гандлёвага дому, кансультацыі членаў таварыства па прававых, гандлёвых і тэхнічных пытаннях, пошук рынкаў збыту для тавараў таварыства, стварэнне крэдытна-ашчаднай касы. Штогод у павятовае староства праўленне рамеснага таварыства павінна было падаваць справаздачу [15].

Наяўнасць на Івацэвіччыне вялікай колькасці рэк і азёр абумовіла развіццё рыбаводства і рыбалоўства. Прыватныя рыбныя абводы ў 1932–1939 г. існавалі ва ўрочышчы Мерачоўшчына, на азёрах Вулька, Бабровіцкім і Выганашчанскім, на Агінскім канале. На рацэ Грыўда дзейнічалі 6 рыбных абводаў [16]. Рыбакі атрымлівалі ад мясцовых улад (ад павятовага староства) спецыяльныя “рыбакія карты” – дазволы на ажыццяўленне сваёй дзейнасці. З мэтай рацыянальнага выкарыстання водных багаццяў краю, рыбакі аб’ядноўваліся ў прафесіянальныя суполкі. У 1932–1935 г. у Івацэвічах (ва ўрочышчы Белы Двор) на добрахотнай аснове было ўтворана таварыства рыбакоў, якое атрымала дазвол на ажыццяўленне рыбалоўства на 518 га азёр (уваходзіла ў склад 13 чалавек) [17].

1 лютага 1939 г. рыбакі азёр Бабровічы, Выганашчы, Вулькаўскае, Гутка (уласнасць К. В. Пуслоўскага) утварылі таварыства “Кола рыбакоў у Бабровічах і Выганашчах” з мэтай добрай арганізацыі рыбалоўства, абароны інтарэсаў рыбакоў, кантролю за рацыянальным гаспадараннем на азёрах, барацьбы з грабежніцкімі спосабамі рыбалоўства. На

прыватных азёрах Пуслоўскага кожны рыбак павінен быў плаціць 30 грошай за кілаграм вылаўленай рыбы. 35 удзельнікаў “Кола рыбакоў...” прасілі мясцовыя ўлады “дазволіць ім займацца рыбалоўствам на тых жа ўмовах і як мага хутчэй выдзяліць ім абводны, на якіх бы яны маглі займацца рыбным промыслам, а таксама не дапускаць да перакупу рыбы жыдоў”. 6 сакавіка 1939 г. прадстаўнікі “Кола рыбакоў ў Бабровічах і Выганашчах” бралі ўдзел з сходзе вытворцаў стаўковай рыбы, які адбыўся ў Варшаве. На сходзе былі абмеркаваны наступныя праблемы: арганізацыя гандлю рыбай, значэнне рыбнага рынку, імпорт рыбы, метады падліку рыбы ў ставах, вопыт выкарыстання мелу і фосфару пры развядзенні рыбы і інш. 31 сакавіка 1939 г. дэлегацыя “Кола рыбакоў...” удзельнічала ў рыбацкіх курсах у Слоніме. Там было адзначана, што “азёры ў Бабровічах і Выганашчах абслугоўваюць баранавіцкія і слонімскае рынкі, на якіх ваяводскі аддзел вытворчасці рыбы пры сельскагаспадарчай палачы адчыніў свае крамы, таму праблема эксплуатацыі дадзеных азёр мае для ўлад першараднае значэнне” [18].

Івацэвіцкія землі ў часы другой Рэчы Паспалітай не з’яўляліся значным цэнтрам гандлю. Мясцовы гандаль развіваўся вельмі марудна. З дадзенай тэрыторыі экспартавалі дрэва і піламатэрыялы, збожжа, жывёлу, мяса, сена, масла, яйкі, скуры і інш. Імпартавалі пераважна прамысловыя тавары, а са збожжавых – манныя крупы і проса [19].

На прамысловыя тавары шырокага ўжытку былі ўстаноўлены вельмі высокія цэны, затое былі нізкія цэны на сельскагаспадарчыя прадукты. Напрыклад, 10 кВт электраэнергіі каштавалі 7,3 злотых, 1 л газу каштаваў 35 грошаў. У той жа час 100 кг збожжа каштавалі ў сярэднім 12 злотых, рабочы конь – 150–200 злотых, дойнае карова – 100–120 злотых.

Прадукцыя рамяства ў асноўным прызначалася для мясцовага рынку, але мела некаторы збыт і сярод іншаземцаў, але дрэнная арганізацыя гандлю не дазваляла дасягнуць значных паказчыкаў у гандлі. Для актывізацыі гандлю ў 1922 г. быў арганізаваны Саюз купцоў ў Варшаве, які ў 30-я гг. XX ст. меў свае аддзелы ў Целяханах (25 членаў) і ў Косава (178 чал). Такім аддзелам кіравала праўленне з 6 чалавек, у якое ўваходзілі старшыня, віцэ-старшыня, сакратар і 3 члены праўлення. Напрыклад, у Косава-Палескім у склад праўлення ўвайшлі 3 прамыслоўцы, 2 купцы і 1 чыноўнік. Спачатку членскі ўзнос складаў 25 грошаў, а пазней – ў 1932 г. – узрос да 50 грошаў. Вызначаную квоту ўзносаў адпраўлялі для Цэнтральнага адзела саюза купцоў у Варшаве. Напрыклад, у 1932 г. такая квота складала 49 злотых [20]. Дзейнасць саюза купцоў была накіравана на арганізацыю новых метадаў гандлю, на інфармаванне членаў аб актуальных падатковых і адміністрацыйных новаўвядзеннях, на супрацоўніцтва з ўрадам і ўкараненне членаў саюза ў органы ўлады, на падтрыманне кантактаў з іншымі купецкімі аб’яднаннямі.

Такім чынам, сельская гаспадарка Івацэвіччыны ў 1921–1939 гг. увогуле захоўвала рысы аграрнай і тэхнічнай адсталасці, насіла экстенсіўны характар. Нізкі ўзровень развіцця вытворчых сіл, недастатковасць арганічных і мінеральных угнаенняў, выкарыстанне ў большасці сялянскіх гаспадарак драўлянага плуга з жалезным лемехам не спрыялі інтэнсіўнаму развіццю сельскай гаспадаркі. Значныя спехі ў сельскагаспадарчай вытворчасці мелі буйныя памешчыкі і заможныя сяляне, а роля дробных вытворцаў, якія складалі каля 74 % усіх гаспадарак, зводзілася да пастаяннага пошуку сродкаў існавання.

Івацэвіччына як і ўся тэрыторыя Заходняй Беларусі выкарыстоўвалася Польшчай пераважна як крыніца сыравіны і таннай працоўнай сілы, як рынак збыту для яе прамысловых тавараў. Працоўныя пакутавалі і ад эксплуатацыі, і ад нацыянальнага прыгнёту. Разбураная войнамі прамысловасць аднаўлялася марудна, новыя прадпрыемствы амаль не будаваліся, прыродныя багацці краю, асабліва лясы, няшчадна рабаваліся, часта распрадаваліся замежным

фірмам. Многія галіны прамысловасці так і не дасягнулі ўзроўню 1913 г. У 1928 г. на большасці прадпрыемстваў працавала ад 5 да 20 чалавек. У гады эканамічнага крызісу часова спынілі работу мноства прадпрыемстваў, беспрацоўе стала хранічным. У прамысловасці, на транспарце і лесараспрацоўках было занята ўсяго каля 5 % рабочых. Рабочы дзень дасягаў 10–12 гадзін, зарплата была ў два разы ніжэйшая, чым у карэннай Польшчы.

Літаратура

1. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Белоруссии (1919 – 1939 гг.) / Б.Е. Кухарев. – Минск: Высшая школа, 1975. – 14 с.
2. Грэсь, С. М. Аграрныя пераўтварэнні ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Дыс. на суіск. вуч. ступені канд. Гіст. навук па спецыяльнасці 07.00.02 – айчынная гісторыя. – Гродна, 2007.
3. ДзАБВ. Ф. Р–60. – Воп. 4. – Спр. 13. – Арк. 8. Справаздачы пра дзейнасць Палескага акружнага зямельнага ўпраўлення (1921–1927 гг.).
4. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1030. – Арк. 27. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг.
5. ДзАБВ. Ф. 263. – Воп. 1. – Спр. 67. – Арк. 5. Палескае павятовае таварыства зямельных арганізацый і гурткоў 1931–1932 гг.).
6. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1030. – Арк. 38. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг.
7. ДзАБВ. Ф. 318. – Воп. 1. – Спр. 3. – Арк. 1, 6, 8, 31, 32, 60. Падаткі за 1938 г. у в. Гошчава Косаўскага павета.
8. ДзАБВ. Ф. Р–60. – Воп. 4. – Спр. 13. – Арк. 11. Справаздачы пра дзейнасць Палескага акружнага зямельнага ўпраўлення (1921–1927 гг.).
9. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1030. – Арк. 43. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг.
10. ДзАБВ. Ф. 263. – Воп. 1. – Спр. 67. – Арк. 3–5аб. Палескае павятовае таварыства зямельных арганізацый і гурткоў за 1931–1932 гг.
11. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1030. – Арк. 30. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг.
12. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1030. – Арк. 4, 59–60. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг.
13. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 7. – Спр. 576–509, 603–611. Справы аб надзоры за лесам ў Косаўскім павеце.
14. ДзАБВ. Ф. 318. – Воп. 1. – Спр. 42а. – Арк. 2. Плацёжныя ведамасці на выдачу зарплаты работнікам, занятым на лясных промыслах у Целяханах за 1939 г.
15. ДзАБВ. Ф. Р–605. – Воп. 1. – Спр. 9. – Арк. 1, 2. Статут рамеснага таварыства ў Івацэвічах.
16. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 7. – Спр. 300. – Арк. 165–166. Рашэнні і аб'явы Палескага ваяводства аб адкрыцці новых абводаў для рыбалоўства 1938–1939 гг.
17. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 7. – Спр. 302. – Арк. 116. Звесткі аб вадзяных млынах, рыбных вадаёмах і рыбных аб'яднаннях 1932–1935 гг.
18. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 7. – Спр. 299. – Арк. 64–76. Фінансавыя справаздачы аб ахове рыбалоўства і пераліска сельскагаспадарчай палаты і павятовых стараст па пытаннях рыбалоўства 1938–1939 гг.
19. ДзАБВ. Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1030. – Арк. 5. Справаздача Косаўскага павятовага камунальнага саюза аб дзейнасці і выкананні бюджэта за 1932–1933 гг.
20. ДзАБВ. Ф. Р–605. – Воп. 1. – Спр. 8. – Арк. 3–5. Справаздачы аб дзейнасці Саюза купцоў (аддзел у Косаве-Палескім).

РОЛЬ БССР В МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Толочко Д.М.

УО «Гродненский государственный университет им. Ф. Скорины»

В сентябре 1939 г. произошло одно из наиболее значимых событий в истории белорусского народа – его воссоединение в едином государстве. Это событие стало важным шагом на пути укрепления белорусской национальной государственности [1; с. 126]. В настоящей работе мы попытаемся раскрыть вопрос, касающийся материально-технической помощи, которую оказала БССР западным областям республики с октября 1939 по 1941 г.

Уже с конца сентября 1939 г. в Западной Беларуси начал ощущаться дефицит товаров первой необходимости. Не хватало самого необходимого: хлеба, соли, промышленных товаров. По этому поводу органы НКВД БССР сообщали руководству республики, в частности, следующее: «В Пограничных волостях и уездах Вилейской, Барановичской, Белостокской, Брест-Литовской областей, жизненно необходимые продукты и товары: соль, сахар, керосин, мыло, дешевые ткани (ситец и т. п.) на рынках и в открытой продаже отсутствуют...» [2; л. 191]. Значительные размеры приобрела спекуляция.

Дефицит продовольственных товаров вызывал нездоровые настроения среди жителей региона. Особо негативную реакцию проявляли в этой связи осадники, кулаки и другие антисоветски настроенные элементы. Среди них органы НКВД БССР отмечали высказывания такого рода: «При Советской власти ничего нет, все голодные, раздетые и забирают только от нас, скорей бы прожить это время, пока придет польская власть и все будет хорошо». «Дожили казаки, что ни хлеба, ни табаки». Как отмечали органы НКВД, этим они стремились настроить против советской власти лояльные к ней слои населения.

Указанная ситуация была вызвана целым рядом объективных причин: развалом польской экономической системы, наличием в Западной Беларуси значительного количества беженцев (порядка 126 тыс. человек), открытым саботажем производства, торговли со стороны владельцев предприятий, магазинов. Отмечались также отдельные случаи, когда строительные материалы, сырье без всяких на то нарядов вывозились из региона различными организациями БССР. В этой связи 23 ноября 1939 г. ЦК КП(б)Б был вынужден даже направить председателям Временных управлений инструкцию, в которой запрещалось отпускать организациям и частным лицам БССР без санкции руководства республики товары и сырье [3; л. 52].

Временные управления пытались исправить создавшееся положение за счет установления фиксированных цен на товары первой необходимости, нормирования их выдачи населению и т.д. Однако эти мероприятия не принесли желаемых успехов. Кардинально исправить ситуацию могло только вмешательство на уровне руководства республики и страны. Так, уже в начале октября 1939 г. по решению Экономического совета при СНК СССР в Западную Беларусь было направлено 6 тыс. т. соли, 700 т. керосина, 5 тыс. ящиков спичек, 7150 ящиков махорки. 11 ноября 1939 г. П.К. Пономоренко направил в ЦК ВКП(б), лично И.В. Сталину и А.И. Микояну, докладную записку, где просил дополнительно отпустить региону 6 – 7 тыс. т. муки [4; л. 280].

К 5 декабря 1939 г. в Западную Беларусь было завезено 2100 т. муки, 1650 т. круп. К концу декабря 1939 г. в регион было отправлено 14 811 т. соли, 20 тыс. ящиков спичек, 3727 т. керосина, 2755 т. сахара, мыла хозяйственного на 600,9 тыс. руб., папирос на

6372,1 тыс. руб., культтоваров на 289,5 тыс. руб., галантереи на 277,9 тыс. руб. и т. д. Дополнительно, на распорядительном заседании СНК БССР от 25 декабря 1939 г., было решено направить в Западную Беларусь галантереи на сумму 500 тыс. руб., на такую же сумму культтоваров, на 350 тыс. руб. чая, кофе и т. д. [5; л. 255].

Завоз продовольственных и промышленных товаров в регион продолжал осуществляться и в дальнейшем. Только одной Вилейской области на 3-й квартал 1940 г. было выделено: сахара – 92,0 т., соли – 7500,0 т., чая – 150 кг., спичек – 9400, 0 ящиков, керосина – 410, 0 т., обуви – на 2018, 0 тыс. руб., парфюмерии – на 356, 0 тыс. руб., трикотажа – на 612, 0 тыс. руб., 200 велосипедов, 380 швейных машин, 24 фотоаппарата, 90 патефонов и т. д.

Наряду с этим следует отметить, что отгрузка указанных товаров в западные области Беларуси происходила с отставанием. Об этих фактах сигнализировали в высшие партийные инстанции руководство обкомов и райкомов западных областей БССР, органы НКВД республики. Так, 20 декабря 1939 г. бюро Белостокского обкома приняло резолюцию следующего содержания: «Довести до сведения ЦК КП(б)Б о совершенно неудовлетворительном состоянии завоза в г. Белосток товаров, особенно первой необходимости. Из занаряженных Наркомторгом товаров для гор. Белостока на 4-й квартал 1939 г. до сих пор почти ничего не получено...». 18 января 1940 г. с аналогичной просьбой руководству республики обратился бюро Барановичского обкома [6; л. 2, 11, 15-17]. Заместитель председателя СНК БССР В.Г. Ванеев в докладной на имя заведующего особым сектором ЦК КП(б)Б Каминского охарактеризовал ситуацию с завозом в регион на протяжении декабря месяца товаров, как «крайне неудовлетворительную».

Это было неудивительным. Так, в частности, из запланированных на декабрь 1939 г. к отправке западным областям БССР 15 тыс. т. соли и 3000 т. сахара, к 7 декабря сахара не поступило вовсе, соли – 3740 т. В этой связи, выступая 9 декабря 1939 г. на заседании в ЦК КП(б)Б Н.Г. Грекова заявила: «Почему такое положение? Неужели в республике соли мало? Неужели в Советском Союзе нет возможности и средств для того, чтобы не было такого положения?» [7; л. 1].

Указанные выше факты объяснялись в первую очередь неудовлетворительной работой со стороны некоторых руководителей отделений железных дорог западного региона Беларуси. В результате чего, вагоны с продукцией иногда простаивали на станциях от нескольких суток до месяца. Кроме того, на станциях, где производилась перегрузка продукции (Барановичи, Микашевичи, Молодечно), со стороны ответственных лиц эта работа была организована не достаточно четко. Так, из города Одессы на адрес Вилейского облпотребсоюза был отправлен состав с керосином. Однако разгрузка своевременно произведена не была, в результате состав простоял долгое время в Молодечно, а затем был отправлен обратно в Одессу [8; л. 104]. Можно привести и другие примеры. Кроме того, отдельные сбытовые организации БССР и других республик нередко медлили с отправкой в западные области необходимых товаров.

Отмеченная выше ситуация с несвоевременной отправкой западным областям товаров наблюдалась на протяжении всего 1940 г. Можно привести следующие примеры. Так, в первом квартале 1940 г. в регион было запланировано направить на 7,6 тыс. руб. папироз, на 851 тыс. руб. туалетного мыла, 2 000 т. сахара. Однако к 18 марта 1940 г. количественные показатели по отгрузке были следующими: папироз – на 5, 5 руб., туалетного мыла – на 84 тыс. руб., сахара – 2 тыс. т. Согласно данным председателя Президиума Белостокского облпотребсоюза Гуревича, запланированные на второй квартал товары в

область начали поступать только в мае. Кроме того, «большое количество товаров было недозвезено». План поступлений фондовых товаров в Вилейскую область во втором квартале 1940 года был выполнен только на 24,8 % [9, л. 166]. В четвертом квартале область недополучила товаров на общую сумму 3 628 000 рублей.

Отмечались факты, когда вместо необходимых товаров в регион направлялась продукция, в которой особой нужды не было. Так, выступая в апреле 1940 г. на Вилейской областной конференции, секретарь Вилейского горкома отметил: «В городе не найдете пуговиц, зубного порошка и т.д. Я позвонил в Наркоторг... что нет товаров. Они говорят, что отправлено на 30 тыс. рублей галантереи. Начали распаковывать, а там оказывается 85 ящиков щеток сапожных» [10; л. 255]. Вместе с тем имели место факты, когда отдельные районы западных областей получали товары по количеству, значительно превышавшему потребности, в то время как в другие они не поступали. Например, в начале 1940 г. 14 районам Вилейской области было направлено 750 т. керосина. Для указанного количества топлива в населенных пунктах не хватало даже цистерн, вместе с тем имелись районы области, которые не получили его вовсе.

Наряду с этим следует отметить, что, несмотря на значительный объем завозимых в западные области товаров, они не могли в полной мере удовлетворить спрос на них со стороны населения региона. В первую очередь это относилось к таким продовольственным и промышленным товарам, как сахар, соль, спички, обувь, предметы одежды. Например, Пинской области на первое полугодие 1940 г. было выделено 308 т. сахара, что составляло менее 1 кг на человека. В Барановичскую область на первый квартал 1940 г. было запланировано завезти 200 т. сахара, в то время как минимальная потребность области составляла 400 т. [11; л. 219].

Первоначально распределением продукции в Западной Беларуси занимались непосредственно продовольственные отделы Временных управлений, крестьянские комитеты, частная торговля. Позднее эту функцию взяла на себя кооперативная и государственная торговля. Промышленные и продовольственные товары отпускались населению региона по сниженным ценам.

В этой связи особо следует подчеркнуть следующее: руководство республики направляло в Западную Беларусь продовольственные и промышленные товары в течение октября 1939 – февраля 1940 гг. даже за счет БССР. Так, 9 декабря 1939 г. на указанном нами выше совещании у Н.Г. Грековой было отмечено следующее: «Главтабак стал на неправильный путь, он буквально провалил обеспечение восточных областей Белоруссии. Без махорки и папирос оставили население восточных областей... Такое же положение с мылом – 44 % выполнения, сахаром – 8 %. Всю республику оставили без сахара на 4-й квартал... И по другим товарам не лучше. Неправильно стали на путь, и сейчас привезенные вагоны товаров для восточных областей перебрасываем в западные области» [12, л. 18].

Неудивительно, что в декабре 1939 – январе 1940 гг. в населенных пунктах БССР, особенно в сельской местности, наблюдался дефицит продовольственных и промышленных товаров. «Фонды хлеба, предназначенные для реализации в декабре месяце уменьшены, против фондов, отпущенных в ноябре 1939 г... Наркомторг БССР запланировал в декабре месяце реализовать в сельской местности 11 тыс. тонн хлеба или на 50 % меньше, чем было реализовано в сельской торговой сети за ноябрь месяц. Наличие больших очередей приводит к тому, что в магазинах выбивают стекла, ломают прилавки и двери», – отмечалось в докладных органах НКВД БССР [12; л. 244-245]. Более того, в

январе 1940 г. фонды продовольственных и промышленных товаров, отпущенных для восточных областей республики, по сравнению с декабрем были уменьшены еще на 50 %. 17 января 1940 г. состоялось даже специальное заседание бюро ЦК КП(б)Б, на котором обсуждался вопрос с нехваткой хлеба в республике.

Дефицит продовольственных товаров вызывал тревожные настроения среди жителей БССР. Так, как отмечали органы госбезопасности, 11 декабря 1939 г. трое жителей Туровского района закупили в магазине 3 мешка муки и заявили, что «больше муки не будет, так как на Советский Союз идут несколько государств. Кто не сделает запас муки, будетдохнуть с голоду». Жительница города Минска в очереди заявила: «Война начнется, скоро не будет продуктов, придется голодать, поэтому сейчас необходимо закупать как можно больше продуктов». Продавщица одного из магазинов города Мозыря отметила: «Всех берут на войну, и мы умрем с голода, ведь в магазинах нет никаких продуктов и все люди будут пропадать с голода». Военнослужащий города Витебска в частном разговоре заявил: «Обязательно будет война и будут выдавать по 100 г. хлеба, надо закупать муку» [20; л. 81- 88]. Можно привести и другие примеры. Кроме того трудности, связанные с нехваткой в БССР продовольствия, пытались использовать оппозиционные к власти элементы для антисоветской агитации.

Подобные настроения имели место среди посланных в Западную Беларусь специалистов. Например, работающая во Временном управлении города Белостока Родина в беседе с руководящими работниками области задала такой вопрос: «Как мы будем засылать товары в Западную Беларусь, когда их не хватает в Советском Союзе?...» [13, л. 29].

Значительная помощь региону была оказана и в мероприятиях, связанных с развитием промышленности, сельского хозяйства, жилищно-коммунального строительства, образования, культуры и т.д. Так, уже в начале октября 1939 г. руководством БССР для шерстяной и кожевенной отраслей промышленности было запланировано завести в Западную Беларусь 480 т. шерсти, 700 т. хлопка, 25 т. красителей, 100 т. хлопчатобумажной пряжи, 40 т. кровельного железа, 30 т. серной кислоты и др. сырья. В декабре 1939 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление «О народно-хозяйственном плане и бюджете по западным областям» [18; л. 93]. Объем продукции по всей промышленности устанавливался в размере 475 млн. руб., объем товарооборота – в 2136 млн. руб. Учитывая большие расходы на новое строительство, объем капиталовложений был определен в 163 100 тыс. руб. Из них на промышленность предусматривалось выделить 94 430 тыс. руб., на сельское хозяйство – 9 213, коммунальное хозяйство – 29 760, государственную торговлю – 29 760, автотранспорт – 4 904, дорожное хозяйство – 13 110, прочие отрасли – 4 556 тыс. руб. План капитальных внелимитных затрат определялся в размере 64 082 тыс. руб.

Вместе с тем следует отметить, что завоз в регион на протяжении 1940 г. сырья, необходимого для бесперебойной работы местной промышленности, проходил не совсем организованно. Это объяснялось плохой работой железнодорожного транспорта, союзных и республиканских наркоматов. Кроме того, не всегда средства, направленные на развитие промышленности западных областей, своевременно использовались руководством региона. Например, в докладной секретаря Гродненского горкома КП(б)Б Позднякова отмечалось, что из отпущенных на восстановление и реконструкцию промышленности города было выделено в 1940 году 500 тыс. рублей, в первом полугодии было использовано только 33 % [9; л. 222]. Подобные случаи наблюдались и с расходованием средств на капитальное

строительство областных и районных центров западных областей Беларуси. Так, в постановлении бюро Вилейского обкома «О строительстве в городе Вилейка» от 18 ноября 1940 года, отмечалось: «Выполнение программы строительства и освоение средств 1940 г. находится под угрозой срыва. Из отпущенных средств в размере 2606 тыс. руб., на 1-е ноября 1940 г. выполнено работ на 1131,9 тыс. руб., что составляет 40 % плана.

Осенью 1939 г. началось осуществление земельной реформы, в ходе которой проводилась: конфискация земель помещиков, крупных чиновников, монастырей, ликвидация малоземелья и безземелья, наделения землей бедняков и батраков.

По состоянию на 9 сентября 1940 г. батракам и малоземельным крестьянам было передано 430 982 га пахотной земли бывших помещичьих и осаднических земель. Уже осенью 1939 г. 20 000 батрацких и малоземельных крестьянских хозяйств западных областей Беларуси впервые посеяли рожь на земле, которую они получили от советской власти.

Осадникам принадлежало также значительное количество жилых и хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, крупного и мелкого рогатого скота. Например, только по Брестской области собственность выселенных 10 февраля 1940 г. включала в себя следующее: коней – 1267 голов, крупного рогатого скота – 3772, овец – 1893, свиней – 2814, домашних птицы – 13504, пчел – 1198 ульев, зерна – 7318 центнеров, картофеля – 33457 центнеров, жилых домов – 1034, хозяйственных построек – порядка 3 тыс. [11; л. 228-230]. После выселения последних их имущество безвозмездно переходило в собственность колхозов, раздавалось крестьянам.

Крестьянские хозяйства Западной Беларуси нуждались в семенном материале, удобрениях, сельскохозяйственном инвентаре, ощущалась нехватка скота. По решению правительства к концу 1939 г. в Западную Беларусь было завезено 2000 конных плугов, 1600 культиваторов и других сельхозмашин. 1-2 декабря Белкоопсоюз организовал во всех областях, уездах и волостях торговлю сельхозинвентарем и материалами, необходимыми для нужд сельского хозяйства. Белсельхозснаб передал западным областям сельхозинвентарь, имеющийся в наличии на складах восточных областей. Весной 1940 г. советское правительство предоставило крестьянам льготную семенную ссуду в размере 10 тыс. тонн зерновых и свыше 10 тыс. тонн картофеля. 2256 малоземельных крестьянина получили от государства безвозвратную семенную ссуду – 800 тонн зерна и 1500 тонн картофеля.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующий факт. Помощь, которую оказывала республика сельскому хозяйству западных областей трудно переоценить: семенной материал, которого нередко не хватало в самой республике, направлялся в западные области. Например, секретарь Ветковского райкома Шараев в докладной записке сельхозотделу ЦК КП(б)Б отмечал, что на 1 января 1940 г. колхозам Ветковского района не хватало для посева 20 цент. пшеницы, 17 цент. ячменя, 166 цент. овса, 194 цент. гречихи [14; л. 154-155].

Колхозы, хозяйственные организации БССР на протяжении 1940 г. направляли в Западную Беларусь крупный рогатый скот. Так, только Лепельская контора «Заготскот» отправила в регион 240 голов крупного рогатого скота [2; л. 24].

Значительную помощь получили колхозы западных областей Беларуси. Государство увеличивало их посевные площади за счет государственного земельного фонда, передавало постройки, скот, машины, сельскохозяйственный инвентарь конфискованных хозяйств. Например, с марта по май 1940 г. в Брестской области возникло 59 колхозов. Весной 1940 г. колхозы области получили 1011 лошадей, 3091 голову крупного рогатого скота, 1,5 тыс. свиней, 2 тыс. овец, 257 т. семян зерновых культур, 4,5 т. клевера, 105 т. минеральных удобрений. На строительство животноводческих помещений в колхозах за-

падных областей государство отпустило кредит в сумме 3,7 млн. руб., а также лес и другие строительные материалы. В начале 1941 г. колхозы Западной Беларуси получили 7,590 центн. семян зерновых культур, 1112 льносемян, а также семена конопли и других культур [15; л. 78].

Особенно остро стоял вопрос с обеспечением колхозов западных областей сельскохозяйственной техникой. Так, до 1939 г. на весь Лидский повет имелось только два трактора. Они принадлежали графу Жавцовскому, который владел имением в 3 тыс. га. И графу Пшездецкому, владевшему 2 тыс. га земли. О нехватке техники сигнализировало в ЦК КП(б)Б руководство областей и районов Западной Беларуси. Так, 3 февраля 1940 г. бюро Вилейского обкома приняло решение «Просить ЦК КП(б)Б обязать Наркомзем и Белкоопсоюз завезти до 1 марта 1940 г. сельхозмашины, инвентарь».

В этой связи в феврале 1940 г., в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 января 1940 г., в западных областях БССР начато создание 101 МТС. Необходимо отметить, что первоначально Экономический совет при Совнарком СССР планировал организовать в Западной Беларуси 50 МТС, позднее эта цифра была пересмотрена в сторону увеличения [16; л. 8]. Для обеспечения региона сельскохозяйственной техникой, согласно постановлению ЦК КП(б)Б от 10 февраля 1940 г., МТС БССР должны были не позднее 15 марта 1940 г. направить западным областям 500 тракторов и сельхозмашин, передать запчасти к ним. Кроме того, в этом постановлении содержалась просьба к руководству страны направить для МТС Западной Беларуси 400 тракторных плугов.

Секретарь ЦК КП(б)Б М.В. Кулагин специально направил руководству райкомов КП(б)Б инструкцию, в которой указывалось на необходимость «Разъяснить директорам МТС, что всякая попытка отобрать и отправить плохо отремонтированные трактора и сельхозмашины будет рассматриваться как антигосударственное дело». Однако, несмотря на это, некоторые МТС республики направили в Западную Беларусь неисправную технику (около 160 недоброкачественно отремонтированных тракторов) кроме того, некоторые сельхозмашины отправлялись без соответствующих запасных частей [17; л. 84]. В этой связи 3 июня 1940 г. ЦК КП(б)Б даже принял постановление, где указал: «Привлечь к ответственности работников, виновных в отправке негодных тракторов».

Аналогичная ситуация наблюдалась и с поставкой региону кос, серпов и другого сельхозинвентаря. Так, завезенные в Брестскую область 8000 серпов и 5300 кос оказались совершенно неудовлетворительного качества. Причем дефекты были настолько значительны, что работать ими было совершенно невозможно.

Эти факты объяснялись как объективными, так и субъективными причинами. Некоторые руководители МТС не оценили в полной мере всю важность этого мероприятия. Так, Шацкая МТС Минской области должна была отправить в Западную Беларусь 3 трактора, 2 плуга, дисковую борону. Как отмечали органы НКВД по Минской области, «...когда происходила погрузка тракторов на станции Пуховичи, то в одном из тракторов ХТЗ был поврежден радиатор. В это время тракторист Пилипчик со станции Пуховичи позвонил в МТС, чтобы приехали исправить поврежденный трактор, на что зам. директора Гришкевич ответил: «Побитую сердцевину радиатора перевернуть поврежденной стороной во внутрь и как-либо сплавить, а там – черт с ней» [18, л. 90].

Вместе с тем необходимо отметить, что в самих колхозах БССР также наблюдался острый дефицит сельскохозяйственной техники, запасных частей к ней. Например, завезущий сельхозотделом ЦК КП(б)Б Гласов в докладной в ЦК ВКП(б) отметил, что по состоянию на 25 мая 1940 г. «349 тракторов МТС Белорусской ССР не вышли из ремонта

и не участвуют в полевых работах» [19; л. 126]. 24 января 1940 г. органы НКВД БССР сообщили руководству республики, что правительственное задание по БССР о капитальном ремонте тракторов на 1939 г. к 1 января 1940 г. выполнено всего лишь на 38,6 %.

На 5 мая 1940 г. МТС западных областей располагали 525 тракторами. К 9 сентября 1940 г. МТС Западной Беларуси уже насчитывали 951 трактор, 193 автомашины, 843 тракторных плуга, 438 культиваторов, 228 дисковых борон, 300 сложных и полусложных сеялок.

Следует отметить, что посильную помощь Западной Беларуси осуществляли предприятия, школы республики. Например, партийная и комсомольская организация Кричевского цементного завода взяла шефство над Волковыским заводом «Рос» оказывала ему помощь в модернизации, переподготовке кадров. Школьники БССР собрали для детей Западной Беларуси более 300 тыс. подарков. Только одна Гомельская область направила в регион около 60 тыс. подарков. Это книги, письменные принадлежности, фотоаппараты и т. д. [13; л. 18].

Таким образом, материально-техническая помощь региону оказывалась в форме завоза промышленных и продовольственных товаров первой необходимости, сельскохозяйственного инвентаря, машин, сырья для промышленных предприятий и др., значительных инвестиций в народное хозяйство. В процессе проведения этих мероприятий имели место недостатки, которые выражались в том, что товары направлялись в регион нередко со значительным опозданием, качество завозимой продукции не всегда было высоким, местное руководство западных областей Беларуси зачастую не проявляло должной оперативности в деле расходования выделенных средств и т. д. Вместе с тем указанная помощь в значительной мере способствовала скорейшей «советизации» экономики западного региона.

Литература

1. Ладысеў, У.Ф. Падзеі верасня – кастрычніка 1939 г. у лесе беларускага народа / У.Ф. Ладысеў // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі 17-18 верасня 1999 г. – Мн., 2000. – С. 119- 127.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). – Ф. 4. Оп. 21. – Д. 1682.
3. Там же. – Д. 1516.
4. Там же. – Д. 1521.
5. Там же. – Д. 1630.
6. Там же. – Д. 1773.
7. Там же. – Д. 1562.
8. Там же. – Д. 2080.
9. Там же. – Д. 1941.
10. Государственный архив Минской области. – Ф. 659. – Оп. 1. Д. 21.
11. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1940.
12. Там же. – Д. 1562.
13. Там же. – Д. 1771.
14. Там же. – Д. 1937.
15. Там же. – Оп. 3. – Д. 1213.
16. Там же. – Оп. 21. – Д. 1848.
17. Там же. – Оп. 5. – Д. 2119.
18. Государственный архив Минской области. Ф. 1. Оп. 1а. – Д. 122.
19. НАРБ. – Оп. 21. – Д. 1850.
20. Там же. – Д. 1713.

РАЗВИТИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921-1939 гг.)

Янушевич И.И.

УО «Белорусский государственный университет»

Рижский мирный договор 1921 г. положил начало новому достаточно продолжительному периоду истории белорусского народа. После ужасающих событий Первой мировой войны, принесших неисчислимые бедствия и страдания, кардинальных социально-политических изменений вследствие революции 1917 г. в Петрограде и установления власти большевиков, череды военных кампаний вдобавок территория Беларуси подверглась варварскому разрыву на части. Наметившиеся тенденции к возможности нормального и достойного развития белорусского этноса были пресечены правительствами других стран. Расчленение никоим образом не могло способствовать формированию национальной культуры, духовно-нравственных основ и государственных традиций белорусского народа.

Статьи договора обязывали и Советскую Россию, и Польшу не применять никаких дискриминационных ограничений в этноконфессиональной сфере. На самом деле ситуация выглядела практически противоположно. Большевики продолжили начатую в 1917 г. практику внедрения в массы антирелигиозной идеологии и материалистического мировоззрения, воинствующий атеизм стал определяющим в деле реализации государственной политики в отношении церкви. Руководство Польши в основу этноконфессиональной политики положило доктрину национальной ассимиляции славянских меньшинств. Представляется, что важнейшей составляющей государственно-церковных отношений в данной ситуации является политика по отношению к христианским конфессиям, попытка исследования которой и будет предпринята в статье.

Новое атеистически настроенное политическое руководство Советской России религии и церкви отводило роль стремительно исчезающих общественных институтов. В силу того, что бороться одновременно со всеми религиозными организациями большевики не имели возможности, главным их политическим противником стала Русская Православная Церковь (РПЦ), как сильный идеологический оппонент, резко выступавший против насильственных действий, представлявший мощную оппозиционную силу, располагающую громадным экономическим потенциалом. В белорусских губерниях до Первой мировой войны действовали 2693 православные церкви (Минская губерния – 800, Могилевская – 804, Гродненская – 544, Витебская – 425), 21 мужской и 14 женских монастырей, около 2000 церковноприходских школ, 3 духовные семинарии. Православная церковь имела до революции статус государственной и получала определенные преимущества перед иными культурами.

Не имея какой-то более-менее ясной антирелигиозной программы деятельности большевики пошли по пути уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а так же разрушения ее административно-управленческой структуры. Очередным поводом для атаки стал голод 1921 г. в Поволжье, где перед угрозой голодной смерти оказались около 34 миллионов человек. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов, более того, даже если подвергнуть сомнению данные протоиерея М. Польских о том, что уже в 1922 г. было расстреляно только в Минской епархии 49 священников, то все равно мнимое сопротивление изъятию ценностей станет в дальнейшем поводом для возбуждения большого количества уголовных дел и в первую очередь над митрополитом Минским и Слуцким Мельхиседеком [1; 214].

Усиление позиций нэпа, укрепление крестьян экономически и неурожаем 1924 г. способствовали сведению религиозной деятельности в 1925–1926 гг. к минимуму. Применялись наиболее мягкие формы работы, точечные удары по наиболее опасным участкам. Однако такое позиционное противостояние привело к усилению влияния религиозных организаций, и в условиях сложной внешнеполитической ситуации с начала 1927 г. в БССР церковный вопрос вновь поднимается чрезвычайно остро. В 1922 г. и в 1927 г. были попытки создания сторонниками митрополита Минского и Белорусского Мелхиседека Белорусской Автокефальной Православной Церкви. Данные автокефалии были попыткой избежания пагубных действий «обновленцев» по разрушению православия и сохранения чистоты канонов Церкви. Идея создания национальной церкви была более присуща общественным деятелям, чем духовенству.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают Постановление «О религиозных объединениях». Все предписания Постановления были направлены на разобщение верующих и церковной жизни, а также взятию под контроль власти любых религиозных действий. Государство направляло на антирелигиозную деятельность колоссальные человеческие и материальные средства, однако по-прежнему большинство населения продолжало нуждаться в вере в Бога и никак не переходило на атеистические позиции в соответствии с программными документами партии. Основные успехи антирелигиозников были в деле закрытия храмов. С лета 1927 г. под различными благовидными предлогами регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храмов. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [2; 173].

Еще «успешней» шел процесс уничтожения православного духовенства. Точечные аресты в 1920-е гг. хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря. С 1929 г. ситуация коренным образом изменяется. Перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [3; 300]. Самыми кровавыми были 1929-1933 гг., 1935 г. и 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [3; 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [2; 179].

Сложным был для православных период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой. Польское правительство жестко регулировало религиозную жизнь. Православная церковь оказалась в весьма затруднительном положении. Варшава нуждалась в независимой от Москвы Православной церкви. На тот момент в Польше проживало от 3,5 до 5 миллионов православных. На территории государства оказались епархии Холмская, Варшавская, Виленская, Гродненская, а также часть Волынской и Минской. Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высылались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. 13 ноября 1924 г. патриарх Константинополя дал

благословение на автокефалию Польской церкви, а в следующем году был выслан соответствующий томос. Автокефалия Польской церкви была признана всеми православными церквями, кроме Русской. Церковь была разделена на 5 епархий – Варшавско-Холмскую, Волынскую, Гродненскую, Виленскую и Полесскую. С середины 1930 - х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Вскоре все епископские кафедры были заняты людьми, готовыми сотрудничать с властями. 12 апреля 1924 г., вслед за Константинопольской патриархией, в Польской церкви был принят новый календарь – так называемый новоюлианский. Нововведение активно помогали осуществлять польские чиновники, но многие священники и народ были против календарной реформы. Агрессивную атаку властей на православных поддерживали консервативные католические круги. Особенно ярко это проявилось в борьбе за храмы. По инициативе ксендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендикции 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Отобрание православных храмов не носило характера государственной необходимости. Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств [2; 200; 4; 12-38].

Резкая антиправославная политика большевиков способствовала временному облегчению деятельности Римско-католической церкви (РКЦ). Общее количество верующих католиков, проживающих на территории Беларуси, составляло около 2,5 млн. человек. В 1917 г. была произведена реорганизация епархиальной структуры Могилевского архидиоцеза, в состав которого были включены 6 епархий: Могилевская, Минская, Луцко-Житомирская, Каменец-Подольская, Ковенская и Саратовская. В 1917 г. была возобновлена деятельность Минского диоцеза [5; 28]. Папа назначил ее бискупом ксендза З. Лозинского. В 1917 г. в 456 парафиях с 157 филиалами и 162 каплицами служили 917 ксендзов. 1 октября 1918 г. в Минске была открыта Католическая духовная семинария. После подписания Рижского мирного договора в границах бывшей Минского диоцеза осталось 7 деканатов, 55 парафий, около 160 тыс. верующих и 14 священников [6; 31].

Весной-летом 1922 г. взаимоотношения советской власти с Римско-католической церковью значительно обострились в связи с проведением кампании по ограблению храмов и направлением папой меморандума Генуэзской конференции. Папский Престол предложил участницам конференции заключить с Россией соглашение о том, что она дает гарантии полной свободы совести всех граждан, возможности свободного отправления религиозных культов и обрядов, возврата религиозным общинам движимого имущества. В ответ митрополит могилевский Я. Цепляк и настоятель костела св. Екатерины в Петрограде К. Буткевич были приговорены большевиками к высшей мере наказания. Постановлением ВЦИК 29 марта 1923 г. смертный приговор Цепляку был заменен на 10 лет тюрьмы, а затем и на высылку из пределов СССР. К. Буткевич 31 марта был расстрелян.

С середины 1920-х гг. внимание властей к РКЦ значительно усиливается. Судебный процесс над Я. Цепляком, его высылка из СССР в некоторой степени ослабили жесткое противостояние Москвы и Ватикана. В сотрудничестве были заинтересованы обе стороны. Папа изъявил готовность идти на некоторые уступки в вопросе деятельности РКЦ в СССР. Многие приходы, ранее отказывавшиеся от государственной регистрации, начали ее проходить. В то же время Католическая церковь и в условиях советской власти не

оставляла попыток расширения зоны своего влияния. В 1923 г. патриарх Тихон отмечал, что, пользуясь происходящей в Православной церкви неурядицей, папа всяческими путями стремится насаждать в СССР католицизм. Для активизации такого рода деятельности в 1925 г. в Риме при Конгрегации Восточных Церквей была образована комиссия "Pro Russia", которую возглавил иезуит Мишель д'Эрбиньи. Комиссия занималась не только помощью католической миссии в СССР, но и миссионерской работой среди русской эмиграции в Европе. В 1926 г. рукоположенный в епископский сан д'Эрбиньи приехал в СССР, где совершил несколько тайных епископских хиротоний и произвел реорганизацию католических епархиальных структур. На территории Советского Союза вместо прежних диоцезов были открыты четыре Апостольской администрации: Московская (еп. Пий-Эжен Неве); Ленинградская (еп. Антоний Малецкий); Могилевская (еп. Болеслав Слосканс) и Крымская (еп. Александр Фризон) [7; 63].

В целом репрессии против католических священнослужителей были значительно менее жестокими, чем гонения на православное духовенство. Если представителей последнего подвергали расстрелам, арестам и ссылкам, то католических клириков чаще всего лишь высылали из СССР (так, в 1925 г. в заключении находилось всего 8 священников-католиков). Предпринимаемые советским руководством меры по борьбе с РКЦ, особенно после с 1927 г. дали свои результаты. К концу 1920-х гг. деятельность Костела на территории СССР была практически полностью загнана в подполье [8; 78]. В западных регионах, расплывшихся значительным социальным потенциалом, власти еще не решались на проведение огульных закрытий храмов. В БССР на начало 1929 г. действовало 111 католических храмов [9; 45], однако к концу 1930-х гг. деятельность римско-католических организаций была свернута.

Перед Костелом польским правительством ставилась четкая и однозначная задача ополячивания и окатоличивания населения. На эти цели выделялись значительные финансовые средства. Быстрыми темпами увеличивалось количество католических костелов. К примеру, если в 1915 г. в Пинской диоцезии насчитывалось 55 храмов, то в 1935 г. – 130 [2; 200]. Костел всячески стремился ограничить любую деятельность православных и белорусских организаций. РКЦ выполняла роль идеологического надсмотрщика.

Польские ксендзы негативно относились ко всему белорусскому. Белорусское католическое движение всячески притеснялось. Ксендзы-белорусы переводились в польские парафии, им не давали возможности нормально работать, некоторых подвергали арестам. Особенно усилилось давление на белорусских католических священнослужителей в связи с деятельностью во второй половине 30-х гг. Корпуса охраны в приграничных территориях, когда любого «неблагонадежного» ксендза могли выслать в центральные районы. Во многом процесс окатоличивания и ополячивания в Западной Беларуси являлся пропагандистским. Уже по результатам переписи 1921 г. 22 % православных были записаны поляками [10; 412] и полностью исчезли белорусы-католики, которых насчитывалось около миллиона [10; 412; 11; 257]. Не совсем пока понятно, можно ли доверять результатам той же переписи 1931 г., утверждающим, что по сравнению с 1921 г. количество католиков увеличилось примерно на 970 000 человек, процент католиков от общей массы верующих вырос с 42 до 48. Еще одним фактором религиозной жизни было возобновление деятельности католиков восточного обряда. Ватикан предполагал через униатство привлечь некоторую часть православных на свою сторону, хотя и практически безрезультатно, не смотря на значительные средства и силы, вложенные в кампанию [12; 73].

Массовые закрытия большевиками церквей и костелов, аресты, высылки, преследования священнослужителей вызывали отток верующих в протестантские общины. Последние смогли найти более оптимальные, чем традиционные конфессии, формы работы с верующими и государственными органами власти. Немаловажную роль при этом в условиях глубокого экономического кризиса играла и финансовая помощь из-за границы. Лютеране и кальвинисты (реформаты) действовали здесь уже более четырех веков, однако располагали узкой социальной базой и незначительным экономическим потенциалом, поэтому не оказывали на социально-политическую ситуацию какого-то весомого влияния и постепенно практически растворились среди верующих других деноминаций. На поле конфессиональной жизни выходили неопротестантские организации: евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), адвентисты седьмого дня (АСД), христиане веры евангельской (ХВЕ или пятидесятники) и др. В Россию баптизм проник в 1820-е гг., в 1870-е гг. получил свое массовое распространение, в том числе и в Беларуси, в основном среди немецких колонистов и латышей. Первой была создана баптистская община в д. Уть Добрушского р-на. В 1905 г. там был построен первый молитвенный дом [13; 127].

Первые общины пятидесятников, берущих начало от американской церкви «Ассамблея Бога», образовали в республике резмигранты из США, а также бывшие военнопленные и миссионеры во время Первой мировой войны. В Западной Беларуси властями поддерживалось распространение протестантских течений как реального противовеса православия. Прозелитизм протестантов ускорял процесс ассимиляции белорусского народа. Принятие идеологии «новой веры» означало отказ от своей национальной принадлежности. Миссионерская деятельность различных зарубежных протестантских организаций в Западной Беларуси принимала широкий размах. Особой активностью отличались пятидесятники. Верующим навязывалась идея богоизбранности США, сатанинского происхождения советской власти и необходимости принятия нового правильного религиозного учения. Миссионерская деятельность пятидесятнической «Ассамблеи Бога» подкреплялась весомыми финансовыми средствами. Почти все их миссионеры являлись штатными сотрудниками американских миссионерских организаций [14; 36]. Наибольшее распространение протестантизм получил в южных районах Беларуси. Этому во многом способствовало то, что позиции православия и католицизма были там не так прочны, как в других регионах. На Полесье к 1934 г. число пятидесятников возросло до 3 794 человек. После распада в 1925 г. Союза евангельских христиан и баптистов Польши в Беларуси начали действовать Союз баптистов, Союз евангельских христиан и Союз церквей Христовых. Данные организации имели хорошую материальную базу, свои издательства, разветвленный миссионерский штат. Во второй половине 30-х гг. Союз баптистов насчитывал 85 церквей и 275 филиалов, Союз церквей Христовых – 75 общин [2; 213]. Адвентисты седьмого дня создали первую свою общину в 1925 г. в д. Федоры Столинского р-на [13; 139]. К середине 30-х гг. в западной территории адвентистов насчитывалось около 250 человек. В БССР в это время действовали, по меньшей мере, две группы АСД численностью 26 человек [14; 43].

Массовое распространение в восточных областях протестантизм получил только с установлением советской власти. Провозглашенная новым политическим руководством страны борьба со всеми религиозными культурами на практике выражалась в агрессивном наступлении на Православную церковь. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. подрывал экономический базис традиционных конфессий и, по мнению протестантов, полностью удовлетворял их требованиям: «Свершилось поистине историческое событие: некогда «презренные сектанты» – баптисты оказались

на равных условиях с некогда привилегированной православной церковью» [15; 38]. В. И. Ленин и некоторые иные руководители партии видели в сектантстве, как в то время называли и протестантские течения, тактического союзника в борьбе с традиционными вероисповеданиями. Вождь революции отношение к религии определял в подчинении ее практическим лозунгам, которые выдвигало политическое руководство. 4 января 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором законодательно была установлена возможность прохождения альтернативной воинской службы или же полное освобождение от ее [16; 14]. В протестантских доктринах присутствовала идея социального и экономического равенства. Лидер баптистов П. Павлов не исключал возможности союза с коммунистами.

В советской части до 1925 г. сектанты практически не преследовались, а до 1927 г. они свободно, в отличие от православных и католиков, проводили съезды, конференции, организовывали миссионерскую и издательскую деятельность [8; 200]. По официальным данным в 1926 г. в БССР действовали 49 сектантских общин, в 1930 г. – 89. К середине 1920-х гг. у политического руководства страны окончательно сформировались взгляды о несостоятельности мнения о сектантах, как о чем-то цельном и революционном. Несоответствие провозглашаемых сектантами лозунгов реальным антиправительственным действиям, противоречия между религиозной доктриной и государственной идеологией дали повод компетентным органам для начала репрессивных действий. 1926 г. стал поворотным во взаимоотношениях властей и сектантских организаций. Совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) констатировало, что в «количественном отношении целый ряд сект являются массовыми организациями, насчитывающих в своих рядах миллионы членов» и «сектантство представляет собой мелкобуржуазное, главным образом крестьянское движение, и большим влиянием в нем пользуются буржуазно-кулацкие элементы» [17; 50]. Однако деятельность протестантских общин было практически невозможно контролировать. Дальнейшее административное давление на сектантов привело к тому, что большая их часть стала дробиться и действовать нелегально, а верующие вынуждены были тщательно скрывать свои религиозные чувства.

Таким образом, правительства обоих государств нарушали положения мирного Рижского договора в сфере реализации этноконфессиональной политики. Властями проводилось жесткое регулирование религиозной жизни в соответствии со своими политическими приоритетами без учета мнения и желания самого белорусского народа. После воссоединения белорусских земель на западную часть была распространена советская модель взаимоотношений с церковными организациями.

Литература

1. Новые мученики российские: В 2 т. / Сост. М. Польских. – Джорданвилль: 1949. – Т. 1.
2. Навіцкі, У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30-я гг. XX-га ст. // Канфесія на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998.
3. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 20026.
4. Болтрык, М. Як разбуралі цэрквы / М. Болтрык – Мінск: ОРТАПРЭС, 1999.
5. Кандрусевіч, Т. Каталіцкая царква ў кантэксте рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі / Т. Кандрусевіч // Беларуская думка. – 2009. – № 5. – С. 28-31.

6. Міхалік, Л. Лёсы каталіцка духавенства ў першай палове XX стагоддзя на тэрыторыі Беларусі / Л. Міхалік // Няхай сведчанне іх веры не забудзецца. Лёс каталіцкага касцёла на Беларусі ў 1917–1929 гг. – Непакалянаў: 2000.

7. Венгер, А. Рим и Москва. 1900-1950 / А. Венгер. – М., 2000.

8. Лебедев, А.Д. Политика Советской власти в отношении Римско-католической церкви в БССР (1917-1929 гг.) / А.Д.Лебедев // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки. / Республиканский институт высшей школы; под ред. М.И. Демчука [и др.]. – Минск, 2009. – С.74–79.

9. Дубянецкі, Э. С. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады XX-га стагоддзя: Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Э. С. Дубянецкі– Мн.: 1995.

10. Коўкель, І.І. Аб паходжанні тэрміна “Заходняя Беларусь”, яе тэрыторыі, нацыянальным і канфесійным складзе насельніцтва (1921-1939г.) / І.І.Коўкель // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 407–415.

11. Лісейчыкаў, Д. Беларуская дыяспара і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё Польшы ў 1921-1926 гг. / Д. Лісейчыкаў // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: материалы Международной научной конференции, Гродно, 16–18 ноябр. 1999 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: У.Д. Розенфельд [и др.]. – Гродно, 2000. – С. 255–257.

12. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт – Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. –237 с.

13. Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси. – Мн., 2000.

14. Дьяченко, О.В. Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси / О.В. Дьяченко – Могилев, 1999.

15. Братский вестник. - 1977- №2.

16. Савинский, С. Военный вопрос в евангельско-баптистском братстве в первые годы советской власти / С. Савинский // Религия и право. – 1998. – № 1-2.

17. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность / Митрохин Л.Н. – СПб: 1997.

Научное издание

ОСЕНЬ 1939 ГОДА: КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Материалы региональной научно-практической конференции,
посвящённой 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР

24-25 сентября 2009 года

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск: *Ковалева Н.Н.*

Редактор: *Строкач Т.В.*

Компьютерная верстка: *Боровикова Е.А.*

Корректор: *Никитчик Е.В.*

ISBN 978-985-493-130-2

Лицензия № 02330/0549435 от 8.04.2009 г.

Подписано к печати 26.10.2009. Формат 60x84 1/16.

Бумага «Снегурочка». Гарнитура Arial Narrow. Усл. п. л. 12.3.

Уч.-изд. л. 13,25. Тираж 70 экз. Заказ № 984.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».
224017. г. Брест, ул. Московская, 267.